

ПСИХОЛОГИЯ

Дошк^ольник

Л. А. ВЕНГЕР, А. Л. ВЕНГЕР

ДОМАШНЯЯ ШКОЛА МЫШЛЕНИЯ

ДРОФА МГППУ

DOU
Л. А. ВЕР

ДО
Л
МЬ

ПСИХОЛОГИЯ

ДОШКОЛЬНИК

Л. А. ВЕНГЕР, А. Л. ВЕНГЕР

ДОМАШНЯЯ ШКОЛА МЫШЛЕНИЯ

МОСКВА
 ДРОФА
2010

УДК 372.3
ББК 74.202.5
В29

Серия основана в 2006 году

Венгер, Л. А.
В29 Домашняя школа мышления / Л. А. Венгер,
А. Л. Венгер. — М. : Дрофа, 2010. — 397, [3] с. —
(Дошкольник. Психология).

ISBN 978-5-358-03607-9

Все дети талантливы, и, чтобы они стали талантливыми взрослыми, их способности нужно развивать. Эта книга поможет педагогам и родителям найти те формы и приемы естественного обучения дошкольников, которые наиболее важны для их развития и соответствуют их возрастным и индивидуальным особенностям.

УДК 372.3
ББК 74.202.5

ISBN 978-5-358-03607-9

© ООО «Дрофа», 2010

Предисловие
Глава I. 3
Учитель
Что такое
«Дочки-сыночки»
В мире
О чем
«...Вот так»
Цветик-семицветик
Цвета
Мы строим
«Угадай-ка»
Так мы
Если у

Глава II. 4
По ступенькам
«Дочки-сыночки»
В мире
О чем
«...Вот так»
Пластинки
Мы строим
Больше
Из чего
За порог

Глава III. 5
Старшие
«Дочки-сыночки»
В мире

Предисловие	5
Глава I. 3 года	7
Учитесь быть учителями	7
Что такое «три года»	15
«Дочки-матери»	21
В мире вещей	28
О чем рассказывает сказка	40
«...Вот и вышел человечек»	55
Цветик-семицветик	61
Цвета радуги	68
Мы строим дом	70
«Угадайка»	81
Так мы играем	83
Если у вас есть вопросы... ..	96
Глава II. 4 года	105
По ступеням детства	105
«Дочки-матери»	108
В мире вещей	118
О чем рассказывает сказка	133
«...Вот и вышел человечек»	149
Пластилиновая груша	160
Мы строим дом	167
Больше, меньше, поровну... ..	180
Из чего строятся слова	192
За порогом детской	201
Глава III. 5 лет	208
Старший дошкольник	208
«Дочки-матери»	211
В мире вещей	219

О чем рассказывает сказка	245
«...Вот и вышел человечек»	257
Пластилиновая груша	268
Мы строим дом	278
Больше, меньше, поровну	286
Из чего строятся слова	295
За порогом детской	302
Глава IV. 6 лет	309
Как дошкольник становится школьником?	309
Как «измерить» готовность к школе	328
После проверки	349
«Трудные» дети	363
Сделай сам	377
Больше, меньше, поровну	385
Последние советы	392
Список литературы	397

Говорят, что все дети талантливы. Правда ли это? И если да, то почему же так мало талантливых взрослых? Да потому, что мы далеко не всегда умеем развить детские способности. Одни родители думают, что главное — это пораньше научить ребенка читать и считать, вот он и вырастет умным. Другие полагают, что лучше всего предоставить ему полную свободу, не вмешиваться в детскую жизнь — и тогда все его таланты разовьются сами. Увы, на практике ни тот ни другой подход себя не оправдывает.

Чтобы реализовать потенциальные возможности дошкольника, его развитием нужно руководить, но при этом не следует досрочно превращать его в школьника. Он еще успеет научиться и чтению, и письму, и прочим школьным премудростям. Не надо с этим спешить. Важно научить ребенка думать, развить его память, внимание, восприятие. Тогда и школьное обучение будет даваться легко, и знания, которые он получит в дальнейшем, не останутся нагромождением малоосмысленных формул и отрывочных представлений.

Дошкольный возраст — это именно тот период жизни ребенка, когда можно и нужно развивать у него *общие способности*. Для этой цели как нельзя более подходят самые обычные детские занятия: различные игры, рисование, лепка, конструирование и др. Однако чтобы сделать эти занятия полноценными, необходимо умное и ненавязчивое руководство взрослого. На первый

взгляд это может показаться странным, но в психологии и педагогике давно установлено, что без такого руководства игра остается однообразной, рисунки — примитивными, конструкции из кубиков — бедными и невыразительными. Обычно родители или старшие дети обучают ребенка играм, рисованию и всему прочему и делают это сами в меру своего педагогического таланта.

Эта книга поможет родителям найти те формы и приемы естественного обучения ребенка, которые наиболее полезны для развития его способностей и соответствуют возрасту и индивидуальным особенностям. Она была впервые издана почти двадцать лет назад в виде серии брошюр. С тех пор она трижды переиздавалась, выходила в свет на испанском и португальском языках, стала одним из самых распространенных «учебников» по умственному развитию дошкольников. Первые из «учеников», с которыми их родители в дошкольном возрасте занимались по нашей программе, уже успешно окончили институты и университеты.

Теперь и у вас есть возможность обеспечить полноценное развитие способностей вашего ребенка. Желаем вам успеха в этом замечательном деле.

Ваше
беж в
детств
нейше
вы, ро
и счас
предст
времен
ственн
му вы
ются с
сылки
вития
ценны
сторон
На
матери
бенка.
это зн
ленны
можно
учитьс
Ис
зали,
точно

Учитесь быть учителями

Вашему ребенку исполнилось три года. Это важный рубеж в его жизни, переход от раннего к дошкольному детству. И вы, вероятно, уже задумываетесь над дальнейшей судьбой малыша и над тем, что можете сделать вы, родители, для того, чтобы он вырос умным, честным и счастливым человеком. Давно уже кануло в прошлое представление о дошкольном возрасте как о «пустом» времени, когда дитя только растет и забавляется. Отечественные и зарубежные ученые пришли к единодушному выводу о том, что именно в этот период закладываются основы будущей личности, формируются предпосылки физического, умственного, нравственного развития ребенка. И чтобы это формирование было полноценным, необходимо постоянное умелое руководство со стороны взрослых.

Наша цель — дать родителям советы и некоторые материалы для руководства умственным развитием ребенка. Руководить умственным развитием ребенка — это значит учить его чему-то, ставить перед ним определенные задачи и показывать способы их решения. Но можно ли учить трехлетнего ребенка? Захочет ли он учиться и будет ли усваивать то, что мы хотим?

Исследования, проведенные М. И. Лисиной, показали, что к трехлетнему возрасту у ребенка уже достаточно развито умение и желание общаться со взрослым

в процессе «делового сотрудничества». Это позволяет взрослому эффективно руководить деятельностью ребенка, направлять ее в определенное русло.

Такому руководству некоторыми видами детской деятельности мы хотим научить родителей, а также предложить ряд специальных обучающих заданий, использование которых даст дополнительный развивающий результат.

Факты, накопленные детской психологией, да и многие житейские примеры говорят о том, что научить ребенка можно очень многому. Достаточно сказать, что нередки случаи, когда в три — три с половиной года дети овладевают чтением. И вовсе не какие-либо вундеркинды. Американский психолог О. Х. Мур с помощью «говорящей» пишущей машинки учит читать и печатать любого ребенка трех лет. Более того, его питомцы сами выпускают стенную газету, в которой помещают стихи и рассказы собственного сочинения. Нам приходилось видеть трехлетних «математиков», трехлетних знатоков марок автомобилей (с весьма детальными знаниями о различиях в их устройстве и оформлении), «географов» того же возраста, помнящих названия столиц всех государств земного шара...

Да, ребенок может освоить и усвоить самые разные вещи. Конечно, чтобы добиться этого, надо знать, как его учить, какими методами пользоваться. Но прежде чем это обсуждать, необходимо установить, *чему* учить, в чем должна состоять программа обучения.

Самое простое решение — взять за образец школьную программу и попытаться «спустить» ее вниз, конечно, по возможности упростив. Учить детей прежде всего читать, считать и если не писать, то выкладывать слова из отдельных букв или печатать на машинке (с письмом получается плохо — к нему явно не готова рука). Ну и заодно учить началам географии, истории, знакомить с электричеством. В общем, тянуть ребенка вверх по воз-

растной лестнице — глядишь, и в школу можно будет отдать на год-два раньше.

Вы, вероятно, встречались со словом «акселерация»? Оно означает «ускорение». Ускорение детского развития. В последние десятилетия в силу не очень ясных причин (и независимо от чьей-либо воли) возникла акселерация физического развития детей: они стали значительно быстрее расти, прибавлять в весе, сократились сроки созревания разных систем организма. Да и результаты ускоренного роста часто оказываются внушительными — недаром появилось производное от «акселерация» слово «акселерат», слегка ироничное обозначение юношей и девушек, переросших на голову своих родителей.

Вот это-то явление и соблазнило некоторых специалистов в области детского развития, а заодно и часть родителей на попытки ускорить, акселерировать и умственное развитие ребенка. Ну что ж, получается. Когда первые сообщения такого рода проникли в печать, они вызвали сенсацию, чуть ли не ликование. В самом деле, зачем ждать долгие годы, пока ребенок вырастет, повзрослеет, начнет посещать школу, если, оказывается, систематическое обучение основам наук можно начинать куда раньше? Но скоро наступило отрезвление. Такое перепрыгивание дошкольного возраста привело к потерям в умственном развитии, которое не смогло компенсировать раннее усвоение школьной премудрости.

Углубленное изучение особенностей дошкольного детства привело ученых к выводу, что на каждом возрастном этапе складывается как бы определенный «этаж», занимающий свое место в структуре целостной личности. На этом «этаже» формируются психические свойства и способности, необходимые не только для перехода к следующему этапу, но и для всей будущей жизни, имеющие непреходящее значение.

На этапе дошкольного детства особое значение имеет развитие образных форм познания окружающего мира: восприятия, образного мышления, воображения. Известно, как ярки и неповторимы бывают впечатления, полученные в детстве. Но, к сожалению, далеко не у всех детей они таковы. И не каждый переносит во взрослую жизнь умение по-детски видеть мир в его живых красках и образах. А это очень нужно людям, потому что такое умение — необходимая составная часть всякого творчества. Значит, нельзя упускать возможности расширить, углубить способность к образному познанию, для развития которой дошкольный возраст создает особо благоприятные условия. Выигрыш во времени, который даст школьная программа обучения трехлетки, обернется проигрышем в ценности человеческой личности. Да и выигрыш этот, как свидетельствуют факты, оказывается на поверку весьма сомнительным. Многие дети, слишком рано начавшие свой «школьный» путь, вскоре после поступления в настоящую школу скатываются в ряды неуспевающих. Недостроенный «нижний этаж» — плохая опора для следующего.

Известный ученый А. В. Запорожец, отдавший всю жизнь изучению дошкольного детства, говорил, что целью дошкольного обучения должна быть не акселерация, а амплификация детского развития, т. е. его обогащение, максимальное развертывание тех ценных качеств, по отношению к которым этот возраст наиболее восприимчив.

Итак, амплификация. Для умственного развития трехлетки это значит прежде всего формирование его восприятия, образного мышления, воображения. Этому и должна быть в значительной мере посвящена программа обучения. Излагая ее основы, мы будем опираться на то, что наработано психологической наукой, с учетом условий, которые складываются в семейном воспитании. Оговоримся, что умственное развитие отнюдь

не исчерпывается предлагаемыми здесь задачами. Оно включает и такие стороны, как усвоение ребенком определенного круга знаний об окружающем и развитие его речи. Но мы будем приводить соответствующий материал только попутно, так как «нельзя объять необъятное».

Программа развития детского восприятия включает ознакомление детей с цветом, формой, величиной и пространственным положением предметов. Но ознакомление может быть разным. Когда можно считать, что ребенок «знает», например, красный цвет, знаком с ним? Когда он в ответ на вопрос «Где красное?» указывает на красный флажок? Или когда сам, увидев флажок, произносит: «Красный»? Или, может быть, когда, рисуя флажок «с натуры», берет красный карандаш? С точки зрения современной детской психологии главное, чтобы ребенок овладел способностью распознавать свойства окружающих предметов и учитывать их при выполнении разнообразных действий. Усвоение словесных наименований свойств бесспорно способствует этому, но ни в коем случае не служит самоцелью. Если ребенок не может запомнить слово «прямоугольник», вместо этого говорит «угольник» или даже «домик», не беда. Куда важнее, чтобы он научился определять прямоугольную форму разнообразных предметов, подбирая их к соответствующему образцу, использовать при стройке показанные в рисунке-образце прямоугольные «кирпичики», наконец, передавать прямоугольные формы в рисунке.

Как показали исследования психологов, главное направление развития образного мышления и воображения состоит в овладении способностями к замещению и пространственному моделированию. Важно научить ребенка использовать это умение при решении разнообразных умственных задач с условными заместителями реальных предметов и явлений, наглядными

пространственными моделями, отображающими отношения между вещами.

Способность к замещению является фундаментальной особенностью человеческого ума. В развитом виде она обеспечивает возможность строить, осваивать и употреблять символы и знаки, без которых были бы невозможны не только наука и искусство, но и вообще существование человечества. И складываться эта способность начинает, как показал выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже, именно на рубеже трехлетнего возраста.

Пространственное моделирование включает в себя использование заместителей, но предполагает также установление между заместителями отношений, соответствующих отношениям тех предметов и явлений, которые эти заместители обозначают.

Умение строить и применять пространственные модели дает возможность человеку в наглядной форме выделять скрытые отношения вещей, учитывать их в своей деятельности, планировать решение разнообразных (в том числе творческих) задач. В самом деле, можно ли представить себе, например, шофера, неспособного составить и прочесть схему маршрута; инженера или архитектора, который не может набросать чертеж.

Но главное для ребенка — это вовсе не овладение внешними формами замещения и пространственного моделирования, выступающими в виде использования условных обозначений, чертежей или схематических рисунков. Суть дела состоит в том, что овладение подобными внешними формами ведет к способности использовать заместители и пространственные модели «в уме», представить себе с их помощью то, о чем рассказывают взрослые, заранее «видеть» возможные результаты собственных действий. А это и есть понимание, мышление, воображение.

У ребенка появляются, по терминологии американского исследователя Джерома Брунера, «образные представления». Значит, для умственного развития важна отнюдь не внешняя, техническая сторона дела (например, овладение умением четко проводить линии, составляя схему конструкции), а его смысловая сторона: улавливание отношения между заместителем, моделью и реальностью, которая за ними стоит.

Теперь, представив себе в общих чертах программу обучения, перейдем к вопросу, как учить ребенка, какими методами пользоваться. И в этом отношении обучение трехлетки резко отличается от обучения семилетнего или десятилетнего ребенка.

Л. С. Выготский писал, что если школьник обучается по программе, предложенной ему взрослыми, то дошкольник принимает эту программу в той мере, в какой она становится его собственной. Как добиться того, чтобы ребенок сделал и нашу программу своей? Для этого есть один путь — использование тех видов деятельности, которые привлекают ребенка, соответствуют его возрасту. В дошкольном детстве (и как раз начиная с трех лет) такими видами деятельности являются игра, слушание рассказов, сказок и стихов, рисование, лепка, аппликация, конструирование из строительного материала. И дело не только в том, что ребенок с удовольствием играет, строит, рисует, но и в том, что «детские» виды деятельности даже и без специального обучения по нашей программе включают в себя моменты, способствующие ее выполнению, т. е. развитию у ребенка восприятия, мышления, воображения. Так, дети учатся распознавать различные свойства предметов, собирая матрешку, строя башню из кубиков, рисуя машину или дядю. Ведь матрешку не соберешь, если не понимаешь, как она устроена, башня не получится без отбора деталей строительного материала нужной величины и формы и без их правильного расположения

в пространстве, а машина будет вовсе не похожа на машину, не имея прямоугольного кузова и круглых колес.

Употребление заместителей возникает в сюжетно-ролевой игре, когда ребенок палочкой замещает термометр, видит в кукле больного ребенка, а сам изображает доктора. А разве машина, построенная из кубиков, не модель настоящей машины, передающая пространственное отношение ее основных частей? Да и детский рисунок куда больше смахивает на схему, чем на реалистичное, фотографическое изображение.

Получается, что и без нашей помощи деятельность ребенка приведет к необходимым сдвигам в умственном развитии? Конечно. Иначе ребенок, обделенный вниманием ученых-психологов, вообще не мог бы вырасти сколько-нибудь полноценным человеком. Но напомним: наша задача не научить ребенка чему-то необычному, а, наоборот, расширить и углубить естественные для его возраста стороны развития. И сделать это можно, умело руководя обычными для трехлетки видами деятельности, всячески способствуя их совершенствованию и подчеркивая в них те моменты, которые особенно важны с точки зрения формирования умственных способностей.

Родителей, которые захотят воспользоваться нашими советами, мы просим не забывать о том, что эти советы нельзя принимать как готовые рецепты. Каждый ребенок своеобразен, непохож на других, к нему нужно уметь найти подход. В зависимости от интересов и склонностей ребенка, его индивидуальных особенностей следует отбирать те или другие обучающие задания. И ни в коем случае не насиловать ребенка, не заставлять заниматься тем, что ему скучно и неинтересно. В последующих главах даны общие рекомендации по организации деятельности и примеры обучающих заданий. Мы надеемся, что, пользуясь этими рекомендациями и примерами, родители смогут сами разнообразить виды заданий,

придумывать новые, наиболее подходящие для их ребенка. При этом родителям нужно помнить, что мы рассматриваем не все, а только основные виды деятельности ребенка и выделяем в них то, что имеет значение для его умственного развития. Умственное развитие — очень важная, но не единственная сторона общего психического развития. Ребенок должен развиваться гармонично, т. е. в умственном, нравственном, эстетическом и физическом отношениях. И наши советы направлены на то, чтобы лишь частично облегчить родителям решение этой трудной задачи.

Что такое «три года»

Родителям интересно, как развит их ребенок, идет ли он «в ногу» со сверстниками, а если отстает или опережает, то хорошо это или плохо. Вы, конечно, знаете своего малыша, видите, как он играет, рисует, строит из кубиков, что он любит и чего не любит. Но далеко не все родители представляют себе, что должен знать и уметь ребенок на пороге дошкольного детства. Чаще всего оценка развития своего ребенка идет в сравнении с детьми родственников, приятелей, соседей.

— Машин Алеша уже все буквы помнит, стихи читает наизусть, а мой возится и возится с кубиками... Не знаю уж, что мне с ним и делать.

При этом, естественно, далеко не всегда родители обращают внимание на действительно важные вещи. Часто бросаются в глаза знания и умения ребенка, вовсе не характеризующие уровень его развития.

Дети разные, и развиваются они по-разному. Нельзя измерять всех одной меркой. Но все-таки есть некоторый минимум достижений в развитии, соответствующий возрастной норме.

Для трехлетки это прежде всего хотя бы первоначальное умение играть, использовать игрушки, строить элементарную цепочку игровых действий. Что это зна-

чит — уметь играть? Играет ли малыш, когда он тянет за веревочку игрушечную машину? А когда кладет куклу в кроватку и накрывает ее лоскутом? Может быть, да, а может быть, и нет. Играет, если видит в игрушечной машине настоящую, в кукле — девочку, в лоскуте — одеяло. Не играет, если, выполняя эти действия, просто повторяет то, что показали взрослые, или то, что видел у других детей. Что касается цепочки действий, то она имеется там, где ребенок не просто повторяет в игре одно и то же действие, а выполняет два или больше действий, по смыслу следующих друг за другом (например, раздевает куклу, потом укладывает в постель, потом накрывает одеялом).

К трем годам пора научиться строить простейшие предметы из двух деталей строительного материала: диванчик, стул. И опять-таки не просто прикладывать друг к другу два кирпичика, как показала мама, но узнавать в том, что получилось, настоящий диван, сажать на него куклу, мишку, использовать для игры.

Что же еще? Хорошо, конечно, если ребенок начинает рисовать, если из-под его карандаша выходит изображение, хотя бы отдаленно напоминающее мячик, машину, елку, а главное, узнаваемое для него самого. Но если этого нет, тоже не стоит беспокоиться. Многие дети в три года еще удовлетворяются неразборчивыми каракулями.

Умеет ли ребенок играть, строить, рисовать, родители знают из повседневных наблюдений. А вот для того, чтобы выяснить, как ребенок воспринимает цвет, форму, величину предметов, нужна специальная проверка.

Вырежьте 12 карточек: по две карточки каждого цвета — красного, оранжевого, желтого, зеленого, синего, фиолетового (см.: Венгер Л. А., Венгер А. Л. Как развивать способности детей от 3 до 6 лет).

— Сейчас мы будем играть в цвета. Вот я даю тебе две бумажки разного цвета. У мишки тоже есть такие бу-

мажки. Он покажет тебе одну из них и попросит, чтобы ты дал ему бумажку точно такого же цвета.

Перед ребенком кладутся две карточки, например красная и зеленая. Затем поочередно даются красный и зеленый образцы, и ребенок «угадывает», где у него такая же карточка.

Проделайте это со всеми шестью цветами в разных сочетаниях. Только имейте в виду, что иногда у ребенка после одного-двух верных ответов закрепляется «реакция на сторону» — он начинает каждый раз выбирать карточку, лежащую с определенной стороны. Поэтому следует при каждой пробе менять местами карточки, лежащие перед ребенком, и показывать один и тот же образец дважды, при разном расположении этих карточек. Если оба ответа правильны, можно считать, что этот цвет ребенок выбирает безошибочно, и переходить к другому. Если правилен только один ответ из двух, нужны еще два предъявления того же образца, но лучше давать их не сразу, а после второго образца. И чтобы проверка была надежной, ни в коем случае не давайте ребенку понять, что вы меняете образец, не хвалите за верный выбор и не порицайте за неверный. Будьте бесстрастны.

Вот ход проверки.

— Смотри, какая бумажка нужна мишке.

Мишка сидит напротив ребенка. Образец определенного цвета кладется несколько дальше от ребенка, чем лежат карточки для выбора, вот так:

— Где у тебя бумажка точно такого же цвета? Дай ее мишке. Эта?.. Теперь я тебе опять положу две бумажки. Вот они. (Обе карточки кладутся заново в другом взаимном расположении.) Теперь мишка просит вот такую бумажку.

Следующее задание — простейшие действия с учетом цвета. Вы берете два кубика одинаковой формы, но разного цвета, например красный и зеленый. Такие же два кубика у ребенка.

— Сейчас мы будем строить. Я построю башенку так, чтобы ты не видел, а потом ты догадаешься, как я строил, и построишь точно такую же башенку, как у меня.

Вы ставите между собой и ребенком экран (лист картона, газету) и за ним кладете один кубик на другой, открываете.

— Вот, смотри и построй точно такую же башенку.

Повторите это задание четыре раза, каждый раз меняя взаимное расположение кубиков (то красный, то зеленый кубик кладется сверху). Если ребенок кладет свои кубики, располагая их так же, как в образце, проверка окончена. Если же он путает цвета, не обращает на них внимания, попытайтесь повторить все заново, но без экрана, т. е. строя башни-образцы на глазах у ребенка со словами:

— Видишь, сначала я беру этот кубик и ставлю его снизу, а потом вот этот и ставлю его наверху (названия цветов употреблять нельзя).

Дальнейшая проверка касается понимания и употребления слов — названий цвета. Проводится она с теми же шестью карточками, что и выбор по образцу. Все они раскладываются в случайном порядке перед ребенком, и вы просите:

— Дай мне красный цвет... А теперь фиолетовый... А теперь зеленый.

Потом показываете те же карточки по одной:

— Какой это цвет?... А это?..

Проверка окончена. Вполне удовлетворительным для трехлетки будет правильное выполнение выбора по образцу, учет цвета при выполнении конструктивного задания без экрана, умение выбирать по названию 3—4 цвета, умение правильно называть 2—3 цвета.

Аналогично проводится проверка восприятия ребенком формы. Для этого используются пять пар картонных геометрических фигур одинакового цвета (круг,

овал, равносторонний треугольник, квадрат, прямоугольник). Фигуры, как и цветные карточки, даются ребенку по две, а затем поочередно каждая из них используется в качестве образца. При проверке учета формы в действии строится башня из кубика и кирпичика одного и того же цвета (можно использовать и другие две детали строительного материала разной формы).

Нормально, если ребенок правильно выбирает по образцу круг, квадрат, треугольник (он может при этом путать круг с овалом, квадрат с прямоугольником), строит башню по прямому показу, выбирает по названию 3 фигуры. Активное использование названий в собственной речи вообще не обязательно, и вполне приемлемы предметные названия форм («домик», «крыша» и т. п.).

При проверке восприятия величины дается выбор по образцу из двух картонных кружков одинакового цвета, существенно (примерно вдвое) различающихся по величине, башня строится из двух кирпичиков разной величины. Проверяется понимание и употребление слов «большой», «маленький». Обычно дети трех лет все задания (кроме называния) выполняют успешно.

Доступна родителям и проверка сообразительности малыша. Склейте из картона плотную трубку. На глазах у ребенка протолкните в нее палочкой (примерно до середины) привлекательный для него предмет, скажем конфету, и предложите достать. Догадается ли он той же палочкой вытолкнуть предмет наружу или будет пытаться просто разорвать трубку?

А как он понимает ваши словесные указания? Ну, например, такое: «Пойди в кухню, возьми чайную ложечку, которая лежит на столе, и принеси ее бабушке». Годится и любое другое распоряжение, включающее 2—3 последовательных действия.

Складывал ли раньше ваш ребенок разрезные картинки, кубики с изображениями? Если он имеет в этом отношении кое-какой опыт, ему, по всей вероятности,

удастся самостоятельно сложить и новую картину — изображение животного или автомашины, разрезанное по вертикали пополам (рис. 1). Если же такого опыта раньше не было, первую картинку пусть сложит с вашей помощью. Потом посмотрите, сумеет ли самостоятельно сложить вторую.

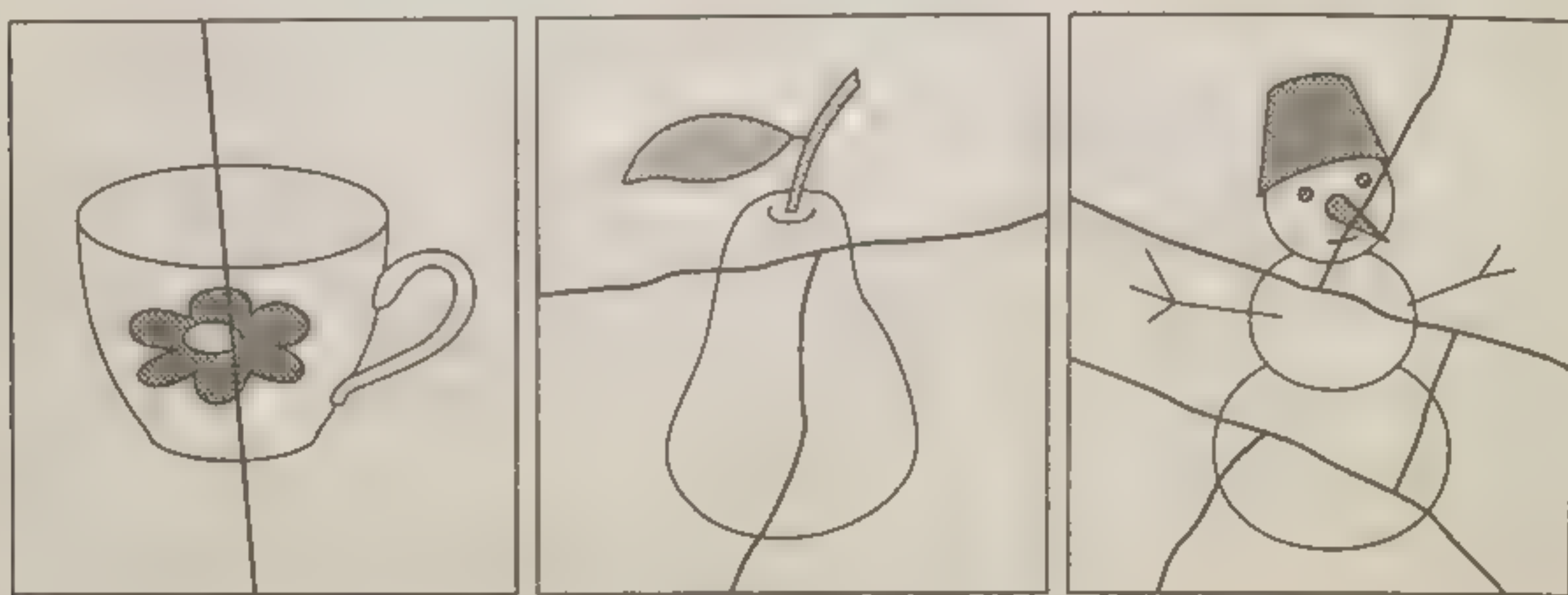

Рис. 1

Наконец, проверьте, как малыш складывает трехсоставную матрешку: пытается во что бы то ни стало вколотить неподходящие части друг в друга, либо пробует и так, и эдак, меняет то, что не стыкуется, и в конце концов добивается успеха, либо, наконец, сразу делает все верно, подбирая части на глаз. Впрочем, последний вариант возможен только при хорошем предварительном обучении. Вполне достаточен и второй вариант.

Может быть, вы удивлены, что мы вовсе не уделили внимания таким общеизвестным симптомам продвижения ребенка в умственном развитии, как запоминание сказок, стихов, названий букв? Мы это сделали вполне сознательно. И не потому, что считаем ненужным читать ребенку, рассматривать с ним картинки, побуждать его к повторению услышанного. Это вполне полезные виды занятий с детьми, о которых мы вспомним позднее, в следующих главах. Но придавать слишком большое значение словесной «учености» в три года не стоит. За ней стоит не восприятие и мышление, а механическая память и уровень овладения речью, который отнюдь не совпадает с уровнем умственного развития.

Ребенок, который в целом успешно справляется с описанными нами заданиями, это тот ребенок трех лет, которого мы имели в виду, когда писали эту книжку. С ним можно (и нужно) начинать дальнейшую работу по нашим рекомендациям. Но все дети разные. И если ваш сын или дочь не может выполнить часть наших заданий (пусть даже большую часть), не смущайтесь. Вероятнее всего, он умеет делать что-то другое, чего мы не предусмотрели. Но желательно, чтобы к началу занятий по нашей программе вы немного его подтянули, позанимались с ним более простыми вещами, чтобы он сумел выполнять задания, описанные здесь.

Если вашему ребенку уже не три года, а четыре или даже пять, то все равно многие из предлагаемых нами заданий будут для него полезны. Вероятно, первые задания каждого раздела можно будет пропустить, но последующие, скорее всего, окажутся достаточно сложными и интересными. «Если так, то зачем начинать с трех лет?» — спросит иной читатель. Но наша задача не в том, чтобы ребенок научился выполнять те или другие задания. Даже самые простые из них дают общеразвивающий эффект, оказывают влияние на умственное развитие ребенка. Ведь зарядку можно делать в любом возрасте, но чем раньше вы начнете ею заниматься, тем больше пользы она принесет.

«Дочки-матери»

Начнем с игры. Благодаря исследованиям психолога Д. Б. Эльконина известно, что она имеет первостепенное значение для умственного развития. В работах Эльконина было показано, как протекает, из чего складывается детская игра. Теперь посмотрим, что можете сделать вы, родители, для того, чтобы подчеркнуть, усилить ее развивающее значение.

Как правило, трехлетний малыш уже умеет играть. Вам, вероятно, приходилось наблюдать, как ваша дочь

кормит куклу, зачерпывая игрушечной ложечкой или просто палочкой «пищу» из пустой кастрюльки, или как ваш сын, сидя на стульчике, рулит, изображая шофера, ведущего тяжелый грузовик.

Дети играют в «дочки-матери», в водителей и летчиков, в детский сад, в лечение больных — все это сюжеты их игр, т. е. те стороны действительности, которые изображаются в играх. Но один и тот же сюжет может быть разыгран по-разному. Так, изображая маму, одна девочка ограничивается молчаливым кормлением куклы, другая беседует с ней, делает строгое замечание: «Ты почему так медленно ешь?», учит правильно держать ложку, вытирает салфеткой. Содержание игры составляет то, какие именно действия и взаимоотношения людей воспроизводятся ребенком в избранном им сюжете. Разыгрывая это содержание, дети берут на себя определенные роли и выполняют игровые действия, используя тот или иной игровой материал.

Конечно, если ребенок играет один, он может выполнять только одну роль. Другие роли в этом случае исполняют куклы: их кормят, лечат, перевозят на новую квартиру. Но это крайне обедняет содержание игры: ведь в деятельности взрослых людей обычно участвует не два персонажа. Так, в поликлинике, кроме врача и больного, есть медсестры, родители больных детей; в детском саду, кроме воспитательницы и ребенка, — няня, заведующая, музыкальный работник. Чтобы воспроизвести в игре реальные взаимоотношения взрослых людей, ребенку нужны партнеры на разные роли, причем партнеры, которые не просто молча «выносят» любое обращение, но и сами участвуют в игре.

Чем же здесь могут помочь родители? Прежде всего они сами могут принять участие в игре, беря на себя определенные роли. Только учтите — дети очень неохотно выполняют роли детей. Кому интересно играть самого себя? Ведь игра нужна ребенку для того, чтобы хотя бы

понарошку, на время стать взрослым. Значит, если уж «дочки-матери», так пусть дочка выполняет роль мамы, а маме придется изображать дочку. Зато как это смешно и весело! Ну а в другом случае мама может сыграть гостью, которая пришла навестить хозяйку, да еще и своего ребенка (куклу) привела с собой...

Включаться в игру взрослому нужно исподволь, не распоряжаться и не объяснять ребенку в ходе игры, что он должен, а чего не должен делать. Лучше всего, если ребенок начал играть, а взрослый присоединяется к нему, уже «войдя в образ»:

— Здравствуйте. Я доктор. Вы кормите дочку? Извините, если я помешала. Я как раз шла мимо и решила на минутку заглянуть к вам, узнать о здоровье вашей девочки. Ведь вчера у нее была повышена температура...

Чем разнообразнее сюжеты детских игр, тем богаче их содержание, и чем больше разных ролей может выполнить ребенок в играх по одному и тому же сюжету, тем больше игра будет способствовать умственному развитию.

Включаясь в игры ребенка в разных ролях, вы будете содействовать тому, что он и сам научится брать на себя разные роли, и это благотворно скажется на его играх с другими детьми. Организовать такие совместные игры, найти для своего ребенка подходящих партнеров — вот второй путь, которым могут воспользоваться родители, стремящиеся обогатить жизнь ребенка, дать новый материал для его умственного развития. Это, конечно, особенно важно для детей, не посещающих детский сад.

Но не следует думать, что двое-трое трехлетних детей самостоятельно сумеют затеять совместную игру, распределить роли и начать их выполнять. Даже если ваш ребенок уже искушен в играх с вашим участием, вряд ли он сможет войти в нужный контакт со сверстниками, построить и провести замысел игры — ведь свер-

стник имеет свой, встречный замысел, а договориться, согласовать действия трехлеткам еще не под силу.

Оставив Мишу наедине с приведенным к нему в гости Петей и через 10—15 минут войдя в комнату, где они играют, вы, скорее всего, застанете такую картину. В одном углу комнаты Миша катает по полу свою любимую машину, в другом Петя стреляет из игрушечного ружья. Хорошо еще, если дело не дошло до конфликта из-за игрушек. Игрушек много, и, казалось бы, каждый может выбрать себе по вкусу. Но почему-то обоим одновременно понадобилась именно эта тележка: достаточно было одному затеять с ней игру — другой немедленно загорелся желанием делать то же самое и бросился отнимать привлекательный предмет (это особенно вероятно, если «другой» и есть «хозяин дома»).

Научить детей объединяться в совместной игре — опять-таки задача родителей, и решить ее можно уже известным нам способом — приняв участие в игре, выступив в ней в определенной роли:

— Какая удобная тележка! Совсем как грузовик. Вы знаете, мне нужно купить холодильник, и я как раз ищу шофера, который мог бы его перевезти. Может быть, ты, Петя, согласишься быть шофером? Уважаемый шофер, давайте найдем продавца и спросим, есть ли в магазине холодильники. Где же у нас продавец? Это, наверное, ты, Миша.

— Уважаемый продавец, у вас в магазине есть холодильники? Покажите нам, пожалуйста...

— Спасибо. Это как раз то, что нужно. Грузите его осторожно, чтобы не испортить.

— Уважаемый продавец, я вас приглашаю в гости. Давайте поедem все вместе, и я вас угощу чаем. Ну, поехали...

Постепенно ребенок приобретет опыт поведения в разных ролях и будет все свободнее вступать в общение с другими детьми, налаживать с ними совместные игры.

И вместе с тем он начнет понимать, что люди связаны между собой, они нужны друг другу и каждый из них выполняет свою часть общего дела. Особенно ясно это станет для ребенка в играх, где изображаются взаимоотношения людей, объединенных одной деятельностью — в «детский сад», в «больницу», в «поезд» (где есть роли машиниста, проводника, начальника станции, пассажиров) и др. Здесь возникает необходимость учитывать субординацию, соподчинение людей, занимающих разные места, несущих ответственность за разные участки работы.

Так, врач в поликлинике расспрашивает мать больного о картине болезни, осматривает ребенка и дает указания медсестре о том, что нужно сделать укол. Медсестра, выполняя распоряжения врача, делает уколы, объясняет родителям, как принимать лекарства. Здесь врач — главный, медсестра по его указаниям выполняет свою часть работы, а родители больных и сами больные дети с уважением относятся к врачу и медсестре, следуют их советам и распоряжениям.

Усвоение системы ответственности и подчинения, необходимой для жизни людей в обществе, — достаточно трудный и длительный процесс. Ребенок овладевает им в игре. В значительной мере это осуществляется именно в сюжетно-ролевой игре с помощью игровых действий.

Игровые действия — это те действия, которые ребенок выполняет, реализуя взятую на себя роль: кормление дочки и наставления, которые ей даются, управление воображаемым самолетом, измерение температуры больному и т. п. Своеобразие этих действий в том, что они выполняются не всерьез, а понарошку. Это изображение реальных действий, похожее на игру актеров в театре, причем выполняются игровые действия большей частью не с настоящими предметами, а с их заместителями. Например, вместо настоящей посуды

используется игрушечная или неоформленный материал типа палочек, кубиков. Это могут быть также предметы хотя и имеющие свое постоянное назначение, но выступающие в игре в чужой функции (стульчик — в функции машины, обруч — в функции руля и т. п.). Эти особенности игры открывают дополнительные возможности для умственного развития ребенка.

Игровые действия вовсе не должны быть как две капли воды похожи на настоящие. Основные требования, которые можно к ним предъявлять, — узнаваемость и достаточно широкий репертуар. Иначе говоря, важно, чтобы ребенок мог изобразить самые разнообразные действия и чтобы другие участники совместной игры понимали, что он имеет в виду. А помочь в этом своему ребенку вы сможете, если будете проводить с ним небольшие упражнения на тему «Что я делаю?» и «Покажи, как...». В первом случае взрослый изображает различные простые действия без предметов или с неподходящими для них предметами: причесывание, умывание, измерение температуры, еду и т. п., а ребенок угадывает, какое действие ему показывают («ты моешь руки», «ты едешь на машине»). Во втором случае показывает действия ребенок, а взрослый выступает в качестве отгадчика.

Родителям важно учитывать значение, которое имеет использование разных видов игрового материала в игре. Ребенку нужны куклы, мишки, зайки и другие игрушечные зверушки. Они — заместители людей, партнеры по игре. К ним и требования можно предъявлять, как к людям, — прежде всего, чтобы были приятными, симпатичными. А еще — чтобы умели садиться, двигать ручками и ножками. Сложнее с другими игрушками — посудой, мебелью, машинами и т. п. Здесь на первый план выступает функциональность — возможность использования, выполнения игровых действий. А это значит, что имеет значение и размер (игрушечные стульчики и столик должны быть такими, чтобы куклы

могли свободно сидеть и «пить чай»), и материал (чем прочнее, тем лучше), и, главное, наличие «работающих» частей (открывающихся дверей, поворачивающихся колес и др.). Что же касается внешнего сходства, то вполне достаточно, если предмет узнаваем. И совсем уж ни к чему изобилие мелких внешних деталей, которое иногда кажется столь привлекательным («Смотри! Совсем как настоящее!»).

Важен и подбор игрушек, обеспечивающий возможность проводить игру по определенным сюжетам (опять же в «семью», в «доктора», в «шофера» и др.). Определенный набор игрушек как бы сам подсказывает ребенку сюжет, а в известной мере направляет и содержание игры. Но с интересующей нас точки зрения умственного развития ребенка пальма первенства, бесспорно, принадлежит неоформленному игровому материалу. Широта использования заместителей, умение увидеть в одной и той же ничем не примечательной палочке термометр, расческу, отвертку, ложку, а может быть, скрипку, и трубу, и даже пароход и, наоборот, умение использовать вместо необходимой в игре машины кубик или стульчик — вот то, что останется непреходящим достижением детского мышления, послужит предпосылкой развития воображения и творчества. А это значит, что, помогая ребенку организовать игру, родителям следует побуждать его к самостоятельному подбору предметов-заместителей, на первых порах подсказывать возможные варианты, специально вводить в ситуации, для разыгрывания которых не хватает готовых игрушек, что-то необходимо подобрать или даже построить, используя неоформленный материал.

— Давай играть в магазин. Ты будешь продавцом, а я покупателем. Только сначала нужно найти, что будет продаваться в магазине. Наверное, хлеб? Что же у нас будет хлебом? Может быть, вот это (крупные кубики)? Хорошо. А еще сахар. Что будет сахаром? По-моему, подойдет это (мелкие кубики). Только насыпь его в пакет.

Теперь — колбаса... Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм сахара. Но где же весы? Нет весов. Может быть, мы сумеем их построить?..

Хорошо проводить и специальные упражнения «Во что с этим можно играть?», побуждая ребенка к тому, чтобы он придумал как можно больше игровых употреблений предмета.

— Вот твой стульчик. Как ты думаешь, во что с ним можно поиграть? Мне кажется, что с ним можно играть, как будто это машина, а еще?

— Как будто самолет.

— Правильно. А ты — летчик и куда-то летишь. А еще?..

Конечно, на первых порах здесь не обойтись без подсказок. А потом ребенок начнет с удовольствием фантазировать и сам. Вот, например, зонтик. Это и парашют, и крыша, и огромный съедобный гриб, а в свернутом виде — лошадка, ружье и многое, многое другое.

В мире вещей

В сюжетно-ролевой игре ребенок учится ориентироваться в мире людей, выяснять их взаимоотношения, изображать их жизнь и труд. Вещи, конечно, тоже участвуют в игре. Это предметы, которые используются в качестве заместителей других предметов. Но первостепенное значение здесь приобретает широта замещения, требующая отвлечения от внешнего сходства. Поэтому внешние особенности предметов не имеют существенного значения. Сюжетно-ролевая игра не учит ребенка их выделению и учету. А ведь наряду с ориентировкой в человеческих взаимоотношениях ребенку необходимо научиться ориентироваться в самих вещах, овладеть умением достаточно точно и полноценно воспринимать их цвет, форму, величину, положение в пространстве, представлять себе пространственные отношения между вещами.

Для развития такой ориентировки тоже может быть использована игра, но игра особого рода, которая носит название дидактической, т. е. обучающей. В дидактической игре руководство со стороны взрослого осуществляется значительно более прямо, чем в игре сюжетно-ролевой. Взрослый дает ребенку задание, помогает его выполнять, если нужно, показывает правильные приемы работы. Ролей в дидактической игре нет, но она не должна превращаться в скучное упражнение. Игровой характер действий обеспечивается введением элементов сюжета, красочностью, привлекательностью материалов. И очень большое значение имеет сама форма, в которой ребенку преподносится задание. Отгадывание и поиск для дошкольника — всегда увлекательные занятия. И он принимает любые задания куда лучше, если они сопровождаются словами «найди» и «угадай». Не лишним бывает и прямое напоминание ребенку о том, что взрослый с ним играет.

Папа решил учить Наташу определять пространственное расположение предметов.

— Наташа, иди сюда. Сейчас мы будем заниматься. Смотри. Вот у меня кукла и мишка. Я посадил куклу впереди, а мишку сзади. Повтори, где сидит кукла? А где мишка? Теперь сама посади мишку впереди, а куклу сзади.

Наташа берет куклу и говорит:

— Она не хочет сидеть. Ей уже пора кушать...

Тут вмешивается мама.

— Давай с тобой играть в загадки и отгадки. Я буду задумывать какую-нибудь вещь в комнате, а ты будешь отгадывать. Слушай! Это лежит на папином столе сзади часов и впереди лампы. Что это?

Наташа подбегает к столу, осматривает его и в восторге кричит:

— А я знаю. Это ручка. Вот она!

— Нет, не отгадала. Ручка лежит не сзади часов, а рядом с ними. Угадай снова.

— Тогда это книжка!

— Правильно, молодец. Теперь ты загадай, а я попробую угадать.

— Только ты не смотри!

Мама отворачивается. Наташа сажает куклу, которую до сих пор держала в руках, впереди мишки.

— Теперь смотри. Это там, где мишка.

— Не знаю, что бы это могло быть. Там, где мишка, много разных вещей. Может быть, это сзади мишки? Тогда, наверное, окно.

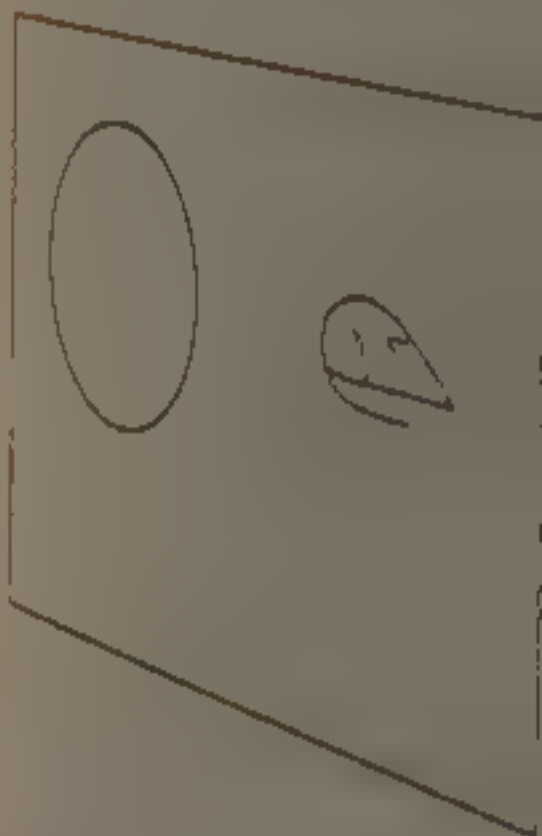
— Не сзади, не сзади, а совсем впереди!

— А-а-а! Вот теперь знаю. Кукла.

Как видите, одно и то же задание можно дать очень по-разному, и от этого зависит, примет ли его ребенок. Папа попытался проводить с Наташей обычное упражнение, мама превратила его в игру.

Какие дидактические игры нужно проводить с трехлетним ребенком? Начнем с тех, которые развивают восприятие цвета, формы, величины. Задача состоит в том, чтобы познакомить ребенка с образцами шести цветов спектра (красным, оранжевым, желтым, зеленым, синим, фиолетовым), пяти геометрических форм (круг, овал, квадрат, прямоугольник, треугольник), отношениями 3—5 предметов по величине (большой — средний — маленький; самый большой, поменьше, еще поменьше, самый маленький) и научить пользоваться этими образцами, т. е. определять с их помощью цвет, форму различных предметов, их отношения по величине.

Пусть вас не смущает несовпадение приведенной классификации цветов и форм с их общепринятой, научной классификацией. Так, в ряду цветов спектра отсутствует голубой, что же касается геометрических фигур, то в приведенном перечне не только содержатся не все их виды, но еще и расположены такие фигуры, как овал и круг, прямоугольник и квадрат, т. е. виды форм и их разновидности. Но мы даем ребенку не научные зна-

Теперь на цветной
белые круги (поджиги)
режьте из бумаги шесть
на эти круги. Матери
Все книжки лежат
что мишки сидят в с
мишка. Нужно помо
мишка их не нашла. А
сложить в каждую к

ния, а образцы для восприятия, и в психологических и педагогических исследованиях обоснована целесообразность использования в трехлетнем возрасте именно таких образцов. К концу четвертого года жизни ребенка можно познакомить и с голубым цветом как одним из элементов радуги. Такое ознакомление предусмотрено в главе «Цветик-семицветик».

Для проведения следующей дидактической игры потребуются материалы, которые родителям придется готовить самим. Нужно сделать шесть горизонтальных открыток-книжек (рис. 2). С лицевой стороны каждой из них вырезать круглое отверстие. Окрасить лицевую сторону каждой книжки в один из шести цветов — красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый. Подготовить еще шесть листков бумаги размером со страницу книжки, окрашенных в те же шесть цветов. Это вкладыши.

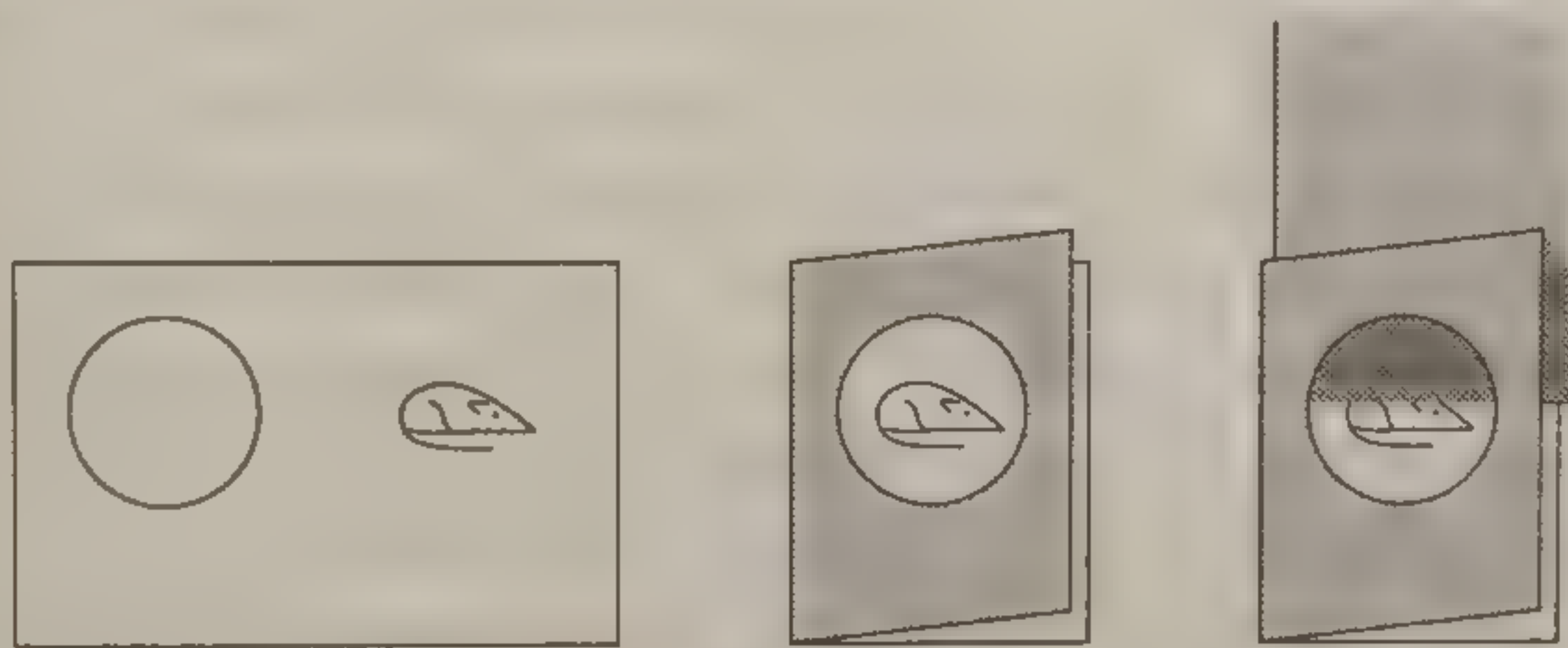

Рис. 2

Теперь на цветной лицевой стороне книжек видны белые круги (подкладочные половинки листков). Вырежьте из бумаги шесть одинаковых мышек и наклейте их в эти круги. Материал готов.

Все книжки лежат перед ребенком. Объясните ему, что мышки сидят в своих норках. Но вот появляется кошка. Нужно помочь мышкам спрятаться так, чтобы кошка их не нашла. А для этого нужно закрыть норки (вложить в каждую книжечку вкладыш соответствующий).

щего цвета). Если цвет выбран неверно, сразу видно, где норка. Кошка сможет найти и съесть мышку.

При первом проведении игры «помогайте мышкам» сами, показывая ребенку, что норки не видно, если цвета книжки и вкладыша совпадают. Называйте при этом цвета:

— Вот видишь, здесь красная стенка, и норку мы закрыли тоже красной дверцей. Теперь ее совсем не видно. А тут стенка оранжевая. Ну-ка, где у нас оранжевая дверца?

Потом начинайте добиваться самостоятельного выполнения задания, исправления допущенных ошибок. Если увидите, что ребенку трудно справляться сразу с шестью цветами, давайте их по три, а потом переходите к шести.

Конечно, вместо мышек можно «посадить в норки» других зверушек, придумать другой сюжет. Можно обойтись и вовсе без рисунков — тогда белые круги могут быть, например, «воздушными шариками», которые «улетают», когда отверстие закрывается соответствующим по цвету вкладышем. Важно, чтобы ребенок научился безошибочно подбирать идентичные цвета, ориентируясь на то, что между обложкой книжки и вкладышем не должно быть различия.

Следующий шаг — обучение детей умению выделять цвет в разнообразных предметах, группировать предметы по признаку цвета.

Хорошо, если вначале это будут одинаково окрашенные силуэтные изображения разных предметов, которые ребенок должен разместить на соответствующем цветовом поле (игра типа детского лото, состоящая из большой карты с шестью цветовыми полями и набора из 18—30 силуэтных изображений предметов шести цветов).

Такую же игру хорошо проводить, используя вместо силуэтных изображений предметов вырезанные из картона круги, квадраты и равносторонние треугольники двух размеров (по шесть фигур каждого цвета). В этом

варианте дети будут учиться выделять цвет, отвлекаясь от формы и величины.

В этих играх детей легко направить на исправление допущенных ошибок, указывая на контраст между цветом неверно размещенных фигур и фона. Потом следует переходить к группировке по цвету игрушек, предметов домашнего обихода (конечно, их лучше заранее подготовить, разложить на видных местах).

— Давай будем искать в комнате все, что имеет цвет, похожий на этот. (Ребенку дается образец — красная полоска бумаги.) Посмотрим, кто больше найдет, ты или я. Вот, я нашла красную книжку. А ты что нашла?

Полезно собрать найденные предметы вместе и обратить внимание ребенка на то, что хотя они все красные, но их цвет не вполне одинаков.

К концу года можно начать специально знакомить детей со светлыми и темными оттенками цвета. Наиболее привлекательна для детей игра в «красивую водичку».

Возьмите три стаканчика с водой и какую-либо гуашевую краску (например, красную). Скажите ребенку:

— Сейчас мы будем делать красивую водичку.

Набрав немного краски на кисточку, окрасьте воду в одном из стаканчиков; затем наберите побольше краски и окрасьте воду в другом стаканчике. Еще больше краски размешайте в третьем стаканчике. Обратите внимание ребенка на то, что чем больше берется краски, тем темнее получается вода¹.

Оставив стаканчики с окрашенной водой в качестве образца, дайте ребенку другие стаканчики и краску другого цвета, например синего.

— А теперь ты сделай красивую водичку, чтобы она была во всех стаканчиках синяя, но только сначала со-

¹ Реально получаемые оттенки различаются еще и по насыщенности цвета, но ребенку этого объяснять не требуется.

всем светлая, потом потемнее (средняя), потом еще потемнее.

Такую игру можно проводить многократно, с разными цветами, пока ребенок не научится самостоятельно получать светлые и темные оттенки. Зимой хорошо заморозить полученную воду и употреблять цветной лед для выкладывания узоров на снегу.

Ознакомление детей с формой стоит начинать несколько позднее, чем ознакомление с цветом, когда дети научатся играть в «цветовое лото» — заполнять карты с цветовыми полями тремя видами геометрических фигур, подбирая их по цвету.

Изготовьте большие карты, на этот раз с тремя полями белого цвета. На одном поле начерчен контур круга, на другом — квадрата, на третьем — треугольника (рис. 3). Они такого же размера, как меньшие по величине геометрические фигуры, которые у вас уже есть.

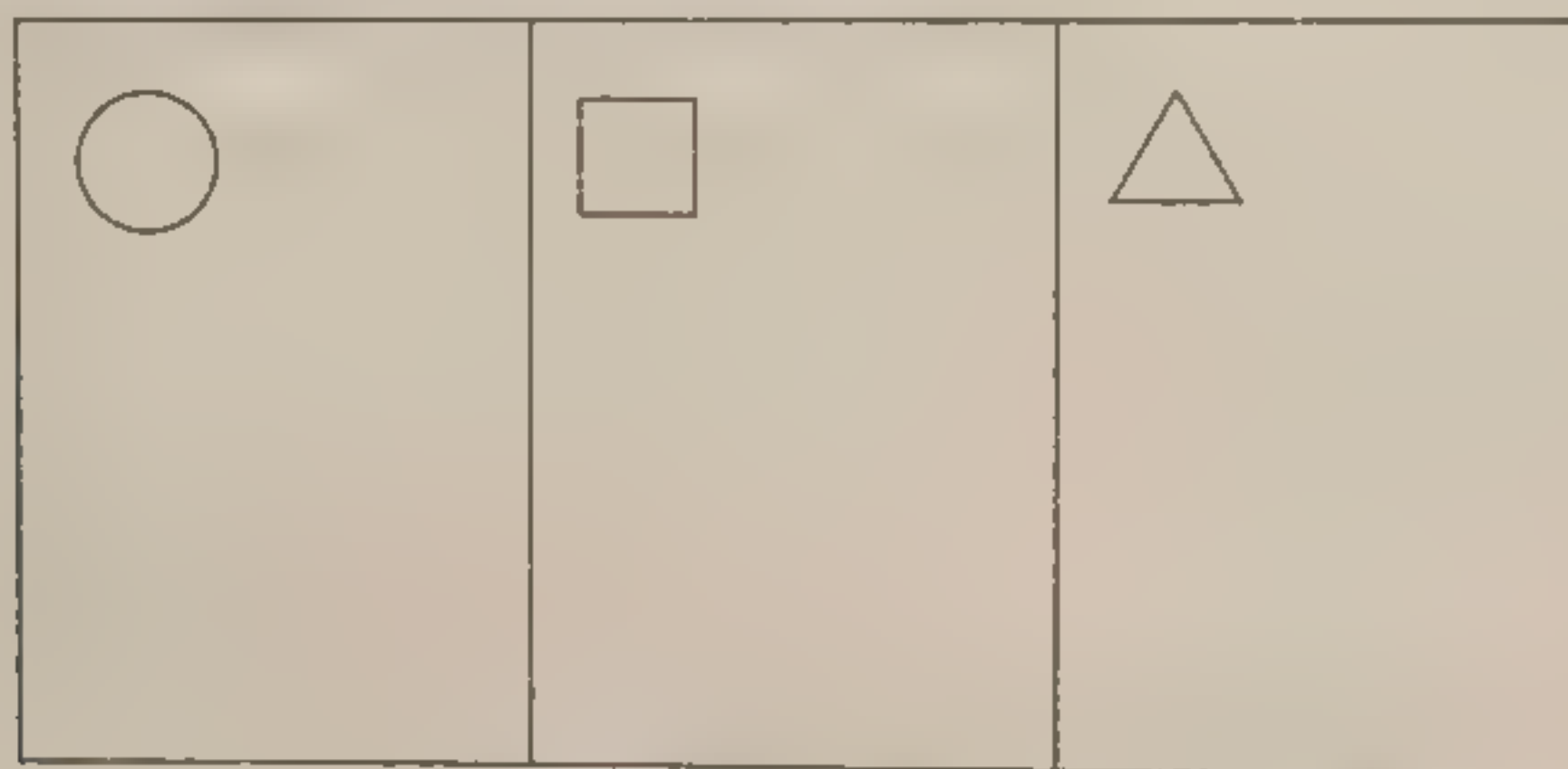

Рис. 3

— А теперь мы сыграем в новую игру. Будем искать фигурки такой же формы, как нарисованы здесь. Смотри, вот это — кружок, он без уголков, весь гладкий. А это — квадрат. Он с уголками. А это — треугольник. У него уголки совсем острые.

Объясняя это, попросите ребенка провести пальчиком по контуру каждой фигуры и, если это получается плохо, помогите ему сами.

Дайте ребенку сначала набор картонных фигурок разного цвета, совпадающих по величине с начерчен-

ными на картах. Учите ребенка накладывать каждую выбранную фигурку на контурное изображение и убеждаться в их совпадении. В следующий раз дайте малышу фигурки большего размера. Здесь прикладывание уже не поможет, нужно решать задачу на глаз.

Более сложный вариант той же игры — с пятью фигурами (к прежним трем добавляются овал и прямоугольник). Они похожи на круг и квадрат, но «длинненькие».

Дальше следует подбор к образцам-фигурам пяти форм реальных предметов. Он проводится так же, как подбор по цвету.

Наконец, очень полезно изготавливать вместе с ребенком геометрические фигуры, используя для этого спички, нитки, мягкую проволоку.

Ознакомление с величиной можно начинать одновременно с ознакомлением с цветом.

Первая игра — постройка башни из трех одноцветных кубов (деревянных или склеенных из картона), существенно различающихся между собой по величине (рис. 4). Хорошо, если образцом служит рисунок или аппликация: ребенок одновременно будет учиться сопоставлять предметы по величине и соотносить объемные фигуры с их плоскостным изображением, т. е. овладевать употреблением простейшей схемы. Потом можно увеличить количество кубов до пяти.

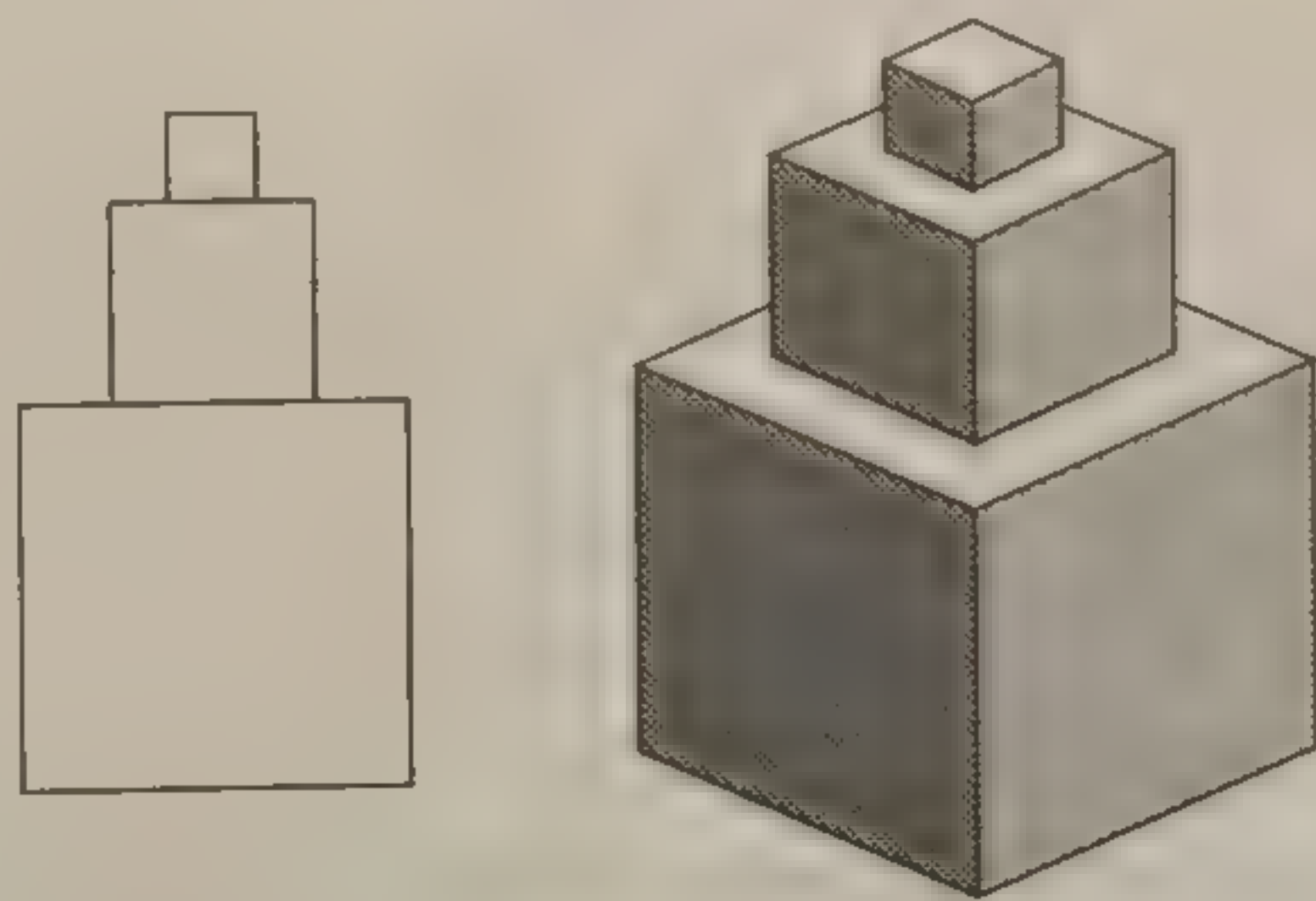

Рис. 4

Хороши и лесенки, которые выкладываются на плоскости из пяти полосок картона, различающихся по длине на 1 см, а в более сложном варианте — на 0,5 см. Когда лесенка готова, по ней «топает» вверх и вниз бумажная матрешка. Она сразу же обнаруживает ошибки и просит их исправить — ведь иначе ей не подняться!

Во время постройки башенок и лесенок учите ребенка сравнивать величину кубов или полосок, прикладывая их друг к другу, и пользоваться словами «больше», «меньше»; «большой», «средний», «маленький». Но нужно добиваться, чтобы в конце концов ребенок перестал нуждаться в прикладывании, определяя величину на глаз.

Задания, требующие ориентировки в разных свойствах предметов, нужно давать ребенку вперемежку, иначе выработается стойкая привычка учитывать только одно из свойств (например, цвет) и не обращать внимания на другие свойства.

Когда вы увидите, что малыш достаточно успешно справляется с определением цвета, формы, величины, переходите к комплексным заданиям, требующим одновременного учета двух или трех свойств. Для этого можно использовать описанные выше игры типа лото, например предусматривающие раскладывание «по своим местам» шести фигурок двух разных форм, цветов и размеров (комбинации форм и цветов здесь могут многократно меняться).

По мере запоминания ребенком названий свойств (и для закрепления этих названий) начинайте загадывать ему загадки. На первых порах они будут крайне просты. Подберите и разложите на столике несколько предметов разного цвета, формы, величины. Пусть это будут, например, красная записная книжка, синяя тетрадь, зеленый мяч, красная бусинка, зеленый кубик, синий карандаш.

— Я буду загадывать одну из этих вещей, а ты — отгадывать и говорить, что я загадала. Слушай: это зеленое, круглое, большое. Что это?

— Кубик! Вот, он зеленый!

— А разве кубик круглый? Я ведь сказала: «Зеленое, круглое, большое».

— Тогда это мячик.

— Правильно, мячик. А вот еще одна загадка: прямоугольное, красное, большое...

Хороши для загадывания таких загадок фрукты и овощи. Главное, чтобы предметы имели четкую форму и цвет.

Отгадывание загадок «по памяти» куда труднее. И тут уж не обойтись только формой и цветом. Нужны и дополнительные признаки вещей. Очень помогает подсказка в виде рифмы.

Он зеленый, полосатый,
Как воздушный шар, пузатый,
А разрезали — смотри:
Мякоть красная внутри.
До чего хорош на вкус!
Называется... *Как?*

Всех круглее и краснее,
Он в салате всех вкуснее,
И ребята с давних пор
Очень любят... *Что?*

Он совсем-совсем зеленый
И овальный, удлиненный.
Помидора верный брат,
Тоже просится в салат.
Догадался? Молодец!
Ну, конечно... *Что?*

Выросли на дереве
Вкусные сережки,
Круглые и красные,

Кислые немножко.

Чтобы слов не тратить лишних,

Скажем сразу: это... *Что?*

Теперь перейдем к ознакомлению с пространством. Один прием вы уже знаете — это игры с поиском предметов. В них дети знакомятся с пространственными отношениями предметов и их словесными обозначениями: за, перед, на, под, спереди, сзади, слева, справа. Но не менее важно воспитывать у детей общие представления о пространстве, умение схватывать и удерживать в памяти целостную пространственную картину. И в этом неоценимую помощь оказывает работа с планом. Игры с планом достаточно разнообразны. Для начала посоветуем игру «Кукла Маша купила мебель».

Вам потребуется кукольная комната и кукольная мебель: стол (лучше круглый), диван, табуретки или стулья. Недостающие предметы вполне заменимы другими. Важно только, чтобы было не менее трех предметов разной формы. Если готовой мебели нет, сделайте ее сами из спичечных коробок. Тогда от круглого стола придется отказаться. Комната — большая коробка без крышки с прорезанными в стенках окном и дверью.

Вы рассказываете ребенку историю о том, что кукла Маша купила новую мебель и расставила ее в своей комнате. Посередине она поставила стол, рядом с ним — стул, у стенки под окном — диван. Рассказ сопровождается размещением соответствующих предметов в нужных местах комнаты.

— Медвежонок Миша увидел, как Маша удобно расставила мебель в своей комнате, и ему захотелось поставить мебель у себя точно так же. Помогите медвежонку! Поставьте в его комнате стол, стул и диван на тех же местах, где они стоят у Маши. Мишина комната у нас вот здесь, на листе бумаги. Вот дверь, а тут окно. (Они изображаются черточками в нужных местах.) А вместо вещей у него будут похожие на них фигурки.

(Ребенку даются три картонные фигурки, по форме и величине соответствующие предметам, расставленным в кукольной комнате.) Давай найдем, что будет у Миши вместо стола. Правильно, круг. А вместо стула? Да, квадрат. А вместо дивана? Верно. Прямоугольник. Теперь поставь стол, стул и диван на свои места (рис. 5).

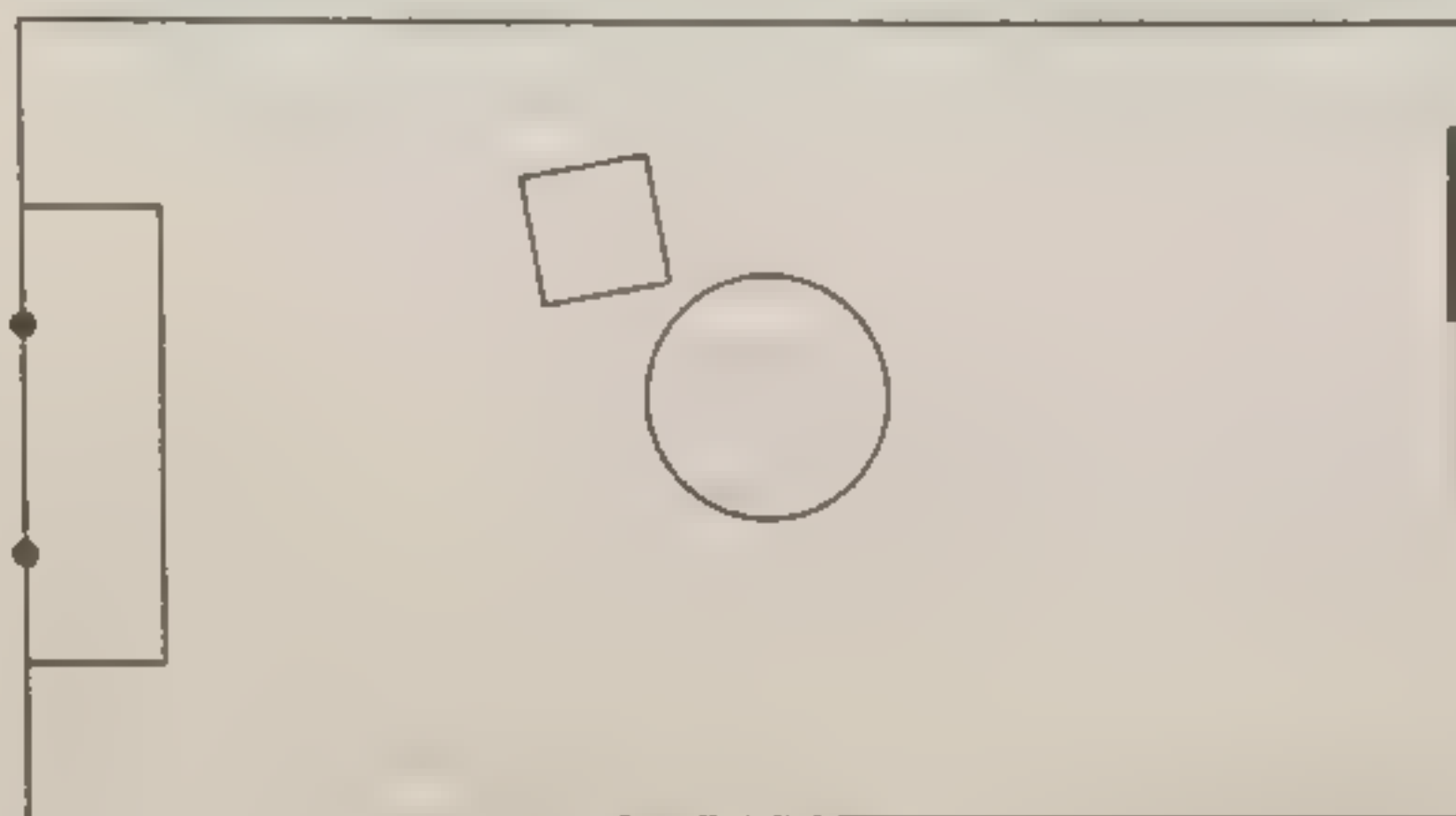

Рис. 5

Организуя игру, помните, что пространственное положение комнаты-образца и листа, на котором размещает фигурки ребенок, должно быть одинаково (дверь и окно с одной и той же стороны по отношению к ребенку). Комната-образец располагается не рядом с листом, а за ним.

Помогайте ребенку исправлять ошибки, обращая его внимание на образец. Вносите в игру изменения, меняя расположение мебели, добавляя новые предметы, предлагая ребенку задание, обратное первоначальному (размещать предметы в комнате, пользуясь планом, выложенным на листе бумаги).

При хороших успехах вашего ребенка предложите новую игру с планом. На нарисованном плане своей комнаты отмечайте предмет, под которым «спряталась куколка». Пусть ребенок ее найдет в реальной комнате, сам спрячет куколку в другое место и попросит вас угадывать, где она, указав это место на плане.

Хорошими средствами для развития ориентировки ребенка как в отношениях предметов по величине, так и в их взаимном расположении в пространстве являются традиционные дидактические игрушки — матрешки,

вкладные яйца, пирамидки. С их помощью, конечно, тоже можно проводить обучение: например, учить ребенка прикладывать кольца пирамидки друг к другу, выбирать самое большое и нанизывать, затем искать самое большое из оставшихся и т. д. Но в этом случае пирамидка будет «работать» только на развитие восприятия величины: взаимное расположение колец будет жестко задано правилом, которое сообщает взрослый, и ребенку не придется самому его отыскивать.

Лучше здесь положиться на целесообразность самой игрушки. Ведь пирамидка с неверно подобранными кольцами будет некрасивой, а матрешку вообще не удастся собрать (или останутся лишние части). Побуждайте ребенка сложить красивую, гладкую башенку, добиться, чтобы спрятались все куколки, но пусть он находит пути к этому самостоятельно, используя опыт, который получил в других играх. Если на первых порах ребенок много пробует, переделывает, тем лучше. Нельзя, чтобы все доставалось ему в готовом, «пережеванном» виде. Зато сколько радости доставят первые удаchi!

Для трехлетки самой подходящей будет пирамидка из пяти одноцветных колец равномерно убывающего размера (складывать пирамидку из колец разного цвета слишком легко — помогает окраска, которая быстро запоминается) и четырех-пятисоставная матрешка.

О чем рассказывает сказка

Все дети любят сказки. Но понимают ли они их? Или им просто нравится, что взрослый что-то читает, говорит? Почитаем вслух учебник по высшей математике. Оказывается, если читать выразительно, обращаясь к ребенку, улыбаясь ему, то он внимательно слушает; на личике у него — явный интерес. К сожалению, с детскими сказками иногда получается так же: интересно, но непонятно. Если ребенку читают часто, то постепенно при-

ходит понимание. Но нельзя ли ускорить этот процесс? Давайте попробуем.

Начнем с самого простого: с разбора того, о ком рассказывается в сказке или в стихе, с выяснения того, что делает герой. Здесь нам поможет рассматривание иллюстраций и разыгрывание описываемых в произведении действий.

Мама читает дочке стихотворение:

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

(А. Барто)

— Про кого этот стишок?

— Про бычка.

— Правильно, про бычка. Давай посмотрим, какой он. Видишь — вот он нарисован.

Если у вас нет иллюстраций, то можно найти бычка в другой книжке или нарисовать самостоятельно, не очень заботясь о качестве рисунка.

— Вот у него ушки, вот маленькие рожки. А когда он станет взрослым быком, рожки станут большими рогами. Ну-ка давай походим так, как ходит бычок: «И-дет бы-чок, ка-ча-ет-ся...»

Когда вы читаете стишок или сказку про медведя, пусть ребенок показывает, как ходит медведь, когда про зайца — как прыгает зайка.

Существует очень эффективный способ, позволяющий выявлять содержание и последовательность действий, определенные отношения между персонажами. Это моделирование. Оно начинается с замещения одних объектов другими (реальных — условными). Если мы обращаемся к художественной литературе, то замещаемыми объектами будут герои детских сказок: люди, звери, гномы, волшебники. Иногда придется замещать

и предметы, с которыми они действуют. В качестве заместителей удобно использовать бумажные кружки, квадратики, различающиеся по цвету и по величине.

Первая задача — научить ребенка правильно использовать заместители. Замещение основывается на каком-либо различии между персонажами. Это могут быть различия по цвету (например, крокодил будет изображаться зеленым кружком, солнце — желтым), по величине (слон — большой кружок, мышка — маленький).

Набор заместителей (разных кружков) должен изготавливаться и предлагаться ребенку взрослым. От ребенка будет требоваться так выбрать кружки, чтобы «сразу было понятно, какой кружок — крокодил, а какой — солнышко». Если на первых порах он не может выбирать заместители самостоятельно, придется ему в этом помочь:

— Видишь, этот кружок зеленый, как крокодил. Он и будет крокодилом. А этот будет солнышком — он такой же желтый, как солнышко.

На первых занятиях число кружков должно совпадать с числом замещаемых объектов, причем их должно быть всего два-три. В дальнейшем следует вводить лишние кружки, чтобы ребенок сам выбирал нужные. Можно увеличить и количество замещаемых объектов.

Когда выбор заместителей освоен, можно переходить к разыгрыванию с их помощью простых сюжетов. Для начала это могут быть не сказочные сюжеты, а чисто бытовые, знакомые ребенку по его собственному опыту.

— Давай сыграем в то, как мама с дочкой пошли в магазин. Вот тут у нас будет их дом, а тут — магазин. Вот тебе кружки, найди, какой из них будет мамой, а какой — дочкой.

После того как ребенок выбрал подходящие кружки (большой — мама, маленький — дочка), ему предлагают

повести «маму с дочкой» в магазин, а потом привести обратно домой.

— А теперь мама ушла на работу, а дочка осталась дома.

— Мама вернулась, и вместе с ней пришел папа.

Тут нужен второй большой кружок. Если ребенок сам этого не сообразил, следует задать ему вопрос:

— Где у нас папа? Найди, какой кружок подойдет.

Разыгрывать с заместителями можно русские народные сказки «Колобок» (колобок — желтый кружок, волк — серый, медведь — коричневый, лиса — оранжевый), «Кот, петух и лиса», «Лиса и рак», «Волк и козлята» (волк — большой серый кружок, коза — большой белый, козлята — маленькие белые), «Заяц, лиса и петух», «Маша и медведь» и многие другие. К одной и той же сказке рекомендуется возвращаться несколько раз. В зависимости от того, насколько ребенок овладел моделированием, надо изменять полноту разыгрывания сюжета. Вначале достаточно, чтобы ребенок только показывал кружок, соответствующий персонажу, о котором ему в данный момент читает взрослый. Позднее нужно переходить к изображению действий, совершаемых этим персонажем. Если ребенок сам не догадывается, как изобразить действие, ему нужно это показать или подсказать.

Очень удобна для полного разыгрывания сказка Л. Н. Толстого «Три медведя». Медведи — бумажные полоски разной длины. Маша — полоска, примерно равная по длине Мишутке, но другого цвета («У Машеньки красное платье», — подсказывает мама). В доме у медведей стоят стулья (бумажные квадратики разной величины), тарелки (различающиеся по размеру кружки), кровати (прямоугольники из бумаги). Сам дом — это нарисованный на листе большой прямоугольник. С одной стороны у него дверь, в которую все

входят, с другой — окно, через которое в конце выпрыгивает Маша.

Взрослый читает сказку, а ребенок в это время разыгрывает ее. Вот Маша пришла в пустой дом. Поела из самой большой тарелки, потом из средней, потом из маленькой. По очереди посидела на трех стульях (красная полоска — Маша — переходит от одного квадрата к другому). Съев Мишуткин суп и сломав его стульчик, Маша отправляется спать (по очереди ложится на каждую кровать).

Не спешите, читайте медленно, ведь ребенку нужно разыграть каждую сцену: покормить Машу, показать, как она качается на стуле. Если ребенок недостаточно активен, сами примите участие в разыгрывании. Чтобы оживить игру, можно предложить ребенку перевернуть тарелочку, из которой все съедено, и сломанный стул — хорошо, если их оборотная сторона отличается по цвету от лицевой.

Разыгрывание сказки «Три медведя» не только поможет ребенку лучше усвоить ее содержание, но и будет способствовать развитию умения соотносить предметы по величине.

Ниже приводится сказка, разыгрывание которой познакомит ребенка с моделированием взаимного расположения объектов.

Про трех котят

Жила-была кошка — не белая, не серая, не черная. А какая же? А вот такая: и белая, и серая, и черная — полосатая. Было у нее три котенка: белый, серый и черный. Однажды белый котенок пошел гулять и заблудился. Он шел прямо вперед и уходил все дальше от дома. Мама-кошка ждала-ждала котенка, а он не возвращался. Пошла она его искать, а двум другим котяткам сказала:

— Никуда не уходите. Я вашего брата найду, и мы сразу же домой вернемся.

Вы-
ра-
а из
ма-
сная
ка к
чик,
каж-
жно
вать,
очно
тобы
нуть
ул —
цвету
по-
будет
меты
орой
ного
рная.
— по-
ный.
я. Он
дома.
дался.
ла:
и мы

Когда кошка ушла, серый котенок говорит:

— А вдруг мама не найдет белого братца? Давай и мы его поищем.

— Правильно, — говорит черный котенок. — Мама пошла прямо, а мы пойдем в разные стороны: ты направо, а я налево.

Так они и сделали.

Мама-кошка быстро нашла белого котенка, и они вдвоем вернулись домой. Смотрят: других котят нет. Пошли мама с белым котенком искать серого и черного. Куда идти? Можно направо, можно налево. Пошли они направо. Идут-идут, видят: сидит серый котенок.

— Вот ты где! — говорит мама. — А черный братец куда делся?

— Он в другую сторону пошел, — отвечает котенок.

Вернулась мама с двумя котятами домой и спрашивает:

— Теперь уж никуда не уйдете? Дождетесь меня? Я черного братца искать пойду.

— Мы с тобой пойдем! — отвечают котята.

Пошли они налево. Котята впереди бегут, а мама за ними идет. Да только белый котенок, который раньше всех из дому ушел, устал и стал отставать. Сначала от серого братца отстал, а потом и от мамы. Пришлось ей его подождать. Идет белый котенок с мамой, еле ноги передвигает, а серый впереди бежит. Первым черного догнал и вместе с ним к маме и белому братцу вернулся. Но вот беда: теперь уже все три котенка так устали, что сами идти не могут.

— Придется мне вас домой отнести, — говорит мама.

Отнесла она домой белого котенка, потом за серым вернулась, а потом — за черным. И пошла готовить ужин. Ужин приготовила, заходит в комнату, смотрит: котята свернулись клубочком и спят. Даже ужина не дождались — вот как устали!

Когда ребенок уже овладел разыгрыванием сказок с помощью заместителей, можно начать «конспектировать» сказки. Делается это так. Вот папа читает сказку «Про трех котят». Он прочел про то, как белый котенок ушел гулять. Ребенок вывел белый кружок из домика.

— Давай нарисуем, что у нас получилось, — говорит папа и зарисовывает расположение кружков.

Затем рисуется ситуация, возникшая после ухода из дому кошки и двух оставшихся котят. В итоге получается примерно такая серия рисунков (рис. 6)

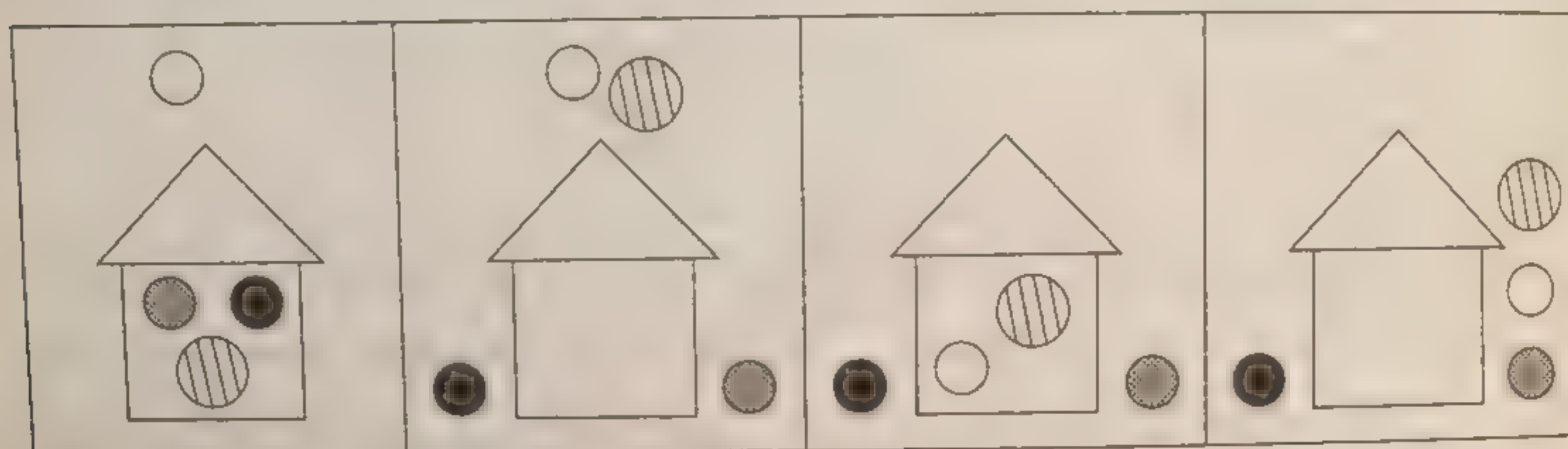

Рис. 6

Каждая схема делается взрослым после того, как ребенок с помощью кружков изобразил соответствующую ситуацию. Потом ребенку предлагается по этим рисункам пересказать сказку. Если он путает последовательность рисунков, то лишние можно прикрывать листом бумаги, оставляя открытым только тот рисунок, по которому он должен рассказывать в данный момент.

Ни в коем случае не следует настаивать на дословном пересказе. Это задание направлено на то, чтобы научить ребенка воспринимать и передавать общий смысл прочитанной ему сказки, выделять основные происходящие в ней события.

Основой для пересказа может служить и серия иллюстраций к сказке. Но на иллюстрациях, которые обычно бывают в книгах, много второстепенных деталей. Они отвлекают маленького ребенка от основной

сюжетной линии. Описанный нами схематический конспект создает более благоприятные условия для выделения основного содержания сказки.

До сих пор мы говорили о приемах, помогающих ребенку понять сказку, запомнить ее, пересказать. А не могут ли трехлетние дети сами придумывать сказки? На многих примерах мы убедились в том, что это им вполне по силам. Так давайте поможем нашим детям и в этом.

Папа схематично рисует сыну человечка (рис. 7).

Рис. 7

— Кто это будет — мальчик или девочка?

— Девочка, — говорит ребенок.

Значит, человечку надо нарисовать платье (это тоже делает папа).

— А какие у нее будут волосики?

— Черные.

Папа рисует черные волосы.

— А как ее зовут?

— Оля.

— Где она живет?

— В доме. (Рядом рисуется дом.)

— Кто еще с ней живет?

— Мама и собачка.

— А что Оля делает?

— Играет.

Не страшно, если собачка получилась похожей на бегемота, — не все папы умеют рисовать. Не это главное. Главное — пробудить фантазию ребенка, дать ей толчок, а потом воплотить в реальном результате. Результат — это рисунок, на котором девочка Оля играет со своей собачкой Шариком в прятки, а мама готовит котлеты. Все это придумал ребенок, а нарисовал папа.

В следующий раз можно начать рисунок не с человека, а, например, с дерева. Тогда получится какая-нибудь история про лес и лесных жителей. А может быть, окажется, что в лесу гуляет все та же Оля. Чем подробнее и конкретнее будет разработан сюжет, тем лучше. И еще раз напомним: вовсе не обязательно, чтобы люди, звери, деревья и дома на рисунке были похожи на настоящие. Рисуйте как умеете.

А вот более сложное задание, для которого тоже нужны рисунки, сделанные взрослым. Нарисуйте вот такие три рисунка (рис. 8):

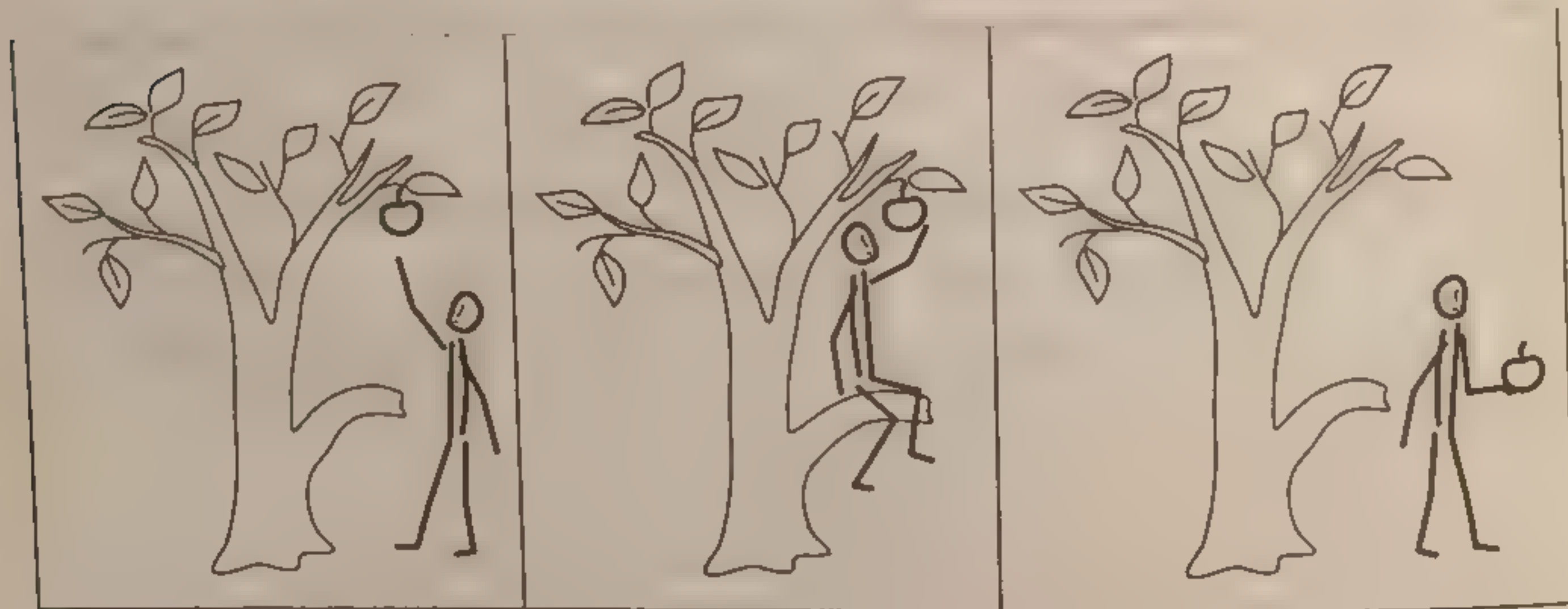

Рис. 8

Сначала указываем ребенку на первый рисунок слева:

— Ну-ка скажи, что тут нарисовано?

— Дерево и мальчик.

— А что висит на дереве?

— Яблоко. Мальчик хочет достать яблоко.

— Правильно. А что было дальше? — Ребенку указывают на второй рисунок.

— Дальше мальчик залез на дерево и достал яблоко. Потом он слез с дерева.

— А потом что было, как ты думаешь?

— Он его скушал.

— Молодец! Видишь, какой хороший получился рассказ: «На дереве висело яблоко. Мальчик хотел его сорвать, но не достал, потому что оно висело слишком высоко. Тогда он залез на дерево, сорвал яблоко и съел его».

Такие задания можно давать только после того, как ребенок уже немного научится пересказывать прочитанные ему рассказы и сказки. Рисунки надо постепенно усложнять, вводя двух или трех героев, делая более длинные серии — не из трех рисунков, а из четырех, пяти и более. Нужно показывать, какой рисунок за каким следует. В три года дети еще не владеют привычным для нас способом чтения последовательности изображений: слева направо и сверху вниз. Впрочем, если ребенок и поменяет рисунки местами, это тоже не беда. Сюжет тогда получится не таким, как задумал взрослый, но очень может быть, что он станет даже интереснее.

Можно делать рисунки не заранее, а прямо по ходу рассказа. Но тогда рисовать придется быстро: иначе ребенок будет забывать начало придуманной им истории.

После того как рассказ сочинен, его стоит повторить еще раз. Наверное, теперь он будет рассказан более гладко, а возможно, частично изменится, обогатится новыми деталями.

Чтобы повысить ценность достигнутого результата в глазах ребенка, взрослый может и сам повторить рассказ. И даже если он не очень хорош, его обязательно нужно похвалить.

Как и в прошлых заданиях, не нужно беспокоиться о качестве рисунков. Пусть взрослый хотел нарисовать

собаку, а ребенок решил, что нарисована кошка, — разве это важно? Так пусть сказка будет не про собаку, а про кошку. Вообще, чем схематичнее, условнее рисунок, тем лучше. Потому что условное изображение можно истолковать по-разному, следовательно, повышается степень самостоятельности ребенка, предоставляется широкое поле для его фантазии, задание становится более творческим.

И еще одно задание, пробуждающее детскую фантазию. Это игра под названием «Чепуха».

— Ну-ка, Ирочка, давай придумывать всякую чепуху. То, чего никогда-никогда не бывает. Вот такую:

Сел баран на пароход

И поехал в огород.

(К. Чуковский)

— Давай я буду начинать предложение, фразу, а ты заканчивать. Птичка летает, потому что...

— У нее детки, — неуверенно говорит Ира.

— Нет, это не чепуха. У птички и правда есть детки. Давай попробуем еще раз. Птичка летает, потому что...

— У нее нету крылышек.

— О! Вот это самая настоящая чепуха!

Такая игра не только развивает фантазию, но и помогает ребенку лучше усвоить реальные зависимости между явлениями. Как в математике истина часто доказывается «от противного», так и при игре «в чепуху» абсурдное рассуждение позволяет лучше понять, каким должно быть правильное рассуждение.

Для игры можно предложить такие фразы:

На улице стало сухо, потому что...

Мальчик надел ботиночки для того, чтобы...

Мама пожарила котлеты и...

Кошка убегала от...

Коровы очень хорошо умеют...

Используя эти фразы в качестве образца, вы сможете легко придумать и другие.

Есть в детской литературе замечательный жанр, как будто специально созданный для развития детского мышления, внимания, наблюдательности. Это загадки. Мы уже говорили о них в предыдущей главе, но там речь шла по преимуществу о цвете и форме, а ведь у предметов есть и другие свойства. К сожалению, большинство «классических» загадок рассчитано на школьников и старших дошкольников. Для трехлетних детей они слишком сложны. Трехлетки еще не понимают переносного смысла, сравнений, метафор. Для них нужны загадки, в которых бы прямо назывались свойства загаданного объекта. Мы хотим предложить вам несколько таких загадок.

Мною можно умываться.

Я умею проливаться.

В кранах я живу всегда.

Ну конечно, я — ...

(Вода)

Из меня куличик печь удобно,

Только есть его нельзя, дружок.

Я сыпучий, желтый, несъедобный.

Догадался, кто я? Я — ...

(Песок)

Все белым-бело сегодня,

И светло, хоть солнца нет.

С неба сыпется холодный,

Белый-белый мягкий ...

(Снег)

Умею прыгать и катиться,

А если бросят — полечу.

Крутом смеющиеся лица:
Все рады круглому
(Мячу)

* * *

Почему повсюду лужи?
Мама зонтик свой берет.
Почему же? Почему же?
Потому что
(Дождь идет)

* * *

Синяя косынка,
Темненькая спинка.
Маленькая птичка,
Звать ее
(Синичка)

* * *

Кто виляет весело хвостом?
Кто умеет сторожить дом?
Кто грызет большую кость в углу?
Кто калачиком свернулся на полу?
Кто кота прогнал из кухни прочь?
Кто пролаял напролет всю ночь:
«Гав! Гав! Гав!»
(Собака)

* * *

Рогатая, хвостатая
Стояла и молчала.
Хвостатая, рогатая
Внезапно замычала.
Кто это хвостатый?
Кто это рогатый?
Кто это мычал?
Ну-ка, угадал?
(Корова)

* * *

Поздно вечером в субботу
Мать и двое малышей
Отправлялись на охоту —
Шли в подвал ловить мышей.
Что за дети шли в подвал?
Кто их мама? Угадал?

Мама мышку поджидала,
Притаившись под окном.
Дети прыгали, играли
И мяукали вдвоем.
Кто мяукал и играл,
Ты, наверно, угадал?

О т г а д к а
На рассвете кошка-мама
С малышами шла домой.
Мама трех мышей поймала,
А котята — ни одной.

Не читайте ребенку много загадок подряд. Не торопитесь сообщить ему отгадку, если он сам сразу не угадал. Сначала попробуйте подсказать. Предположим, не отгадана загадка про песок. Спросите ребенка: «Из чего ты делаешь куличики во дворе?» Если он ответит: «Из песка», то снова прочтите загадку, чтобы он мог ее «отгадать». Одну и ту же загадку можно читать несколько раз: каждый раз ребенок будет с удовольствием заново ее отгадывать.

В загадке про кошку и котят нужно сделать паузу после первой строфы, давая ребенку подумать. Может быть, он уже сможет ответить, что в подвал шли котята. С тем большим удовольствием он повторит ответ после второй строфы. В загадке про собаку надо делать такую же паузу после каждой строки, давая ребенку возможность угадывать.

Загадки позволяют легко и непринужденно перейти к обсуждению свойств окружающих нас вещей. Отгада-

на загадка про воду — и тут же можно спросить: «А для чего еще нужна вода? Что с ней делают? Где она бывает?» Хорошо вспомнить лето, когда ребенок купался в реке или в море. Ну и, конечно, воду пьют, из нее варят суп.

Разумеется, те виды работы, которые мы описали, не должны вытеснять обычного, привычного чтения вслух сказок и стихов, выучивания их детьми наизусть. Если мы практически ничего об этом не пишем, то только потому, что это и без специальных советов делается почти во всех семьях. А мы ограничимся тем, что чуть-чуть расширим ваш репертуар.

Рисунок

Я три кляксы посадил,
Всех знакомых известил:
«Это — мама, это — флаг,
Эта клякса — просто так».

Упрямый олененок

Что за странный олененок?
Он решил, что он осленок.
Повторял он целый день:
«Я осел, а не олень!»
И тогда сказала мама:
«До чего же ты упрямый!
Чуть с ума меня не свел.
Может, правда, ты осел?»

Стихи про крокодила, который съел корову и от этого ужасно растолстел

Это — сытый крокодил.
Он корову проглотил,
И поэтому теперь
Он ужасно толстый зверь.

Больная корова

Все утро сегодня чихала корова:
Она простудилась, она нездорова.

А для
зает?»
в реке
суп.
исали,
тения
и на-
ишем,
ов де-
м, что

Давайте корову уложим в кровать.
Давайте скорее дадим ей микстуру,
Измерим термометром температуру —
И будет корова здорова опять.

Как я ловил рыбу

Я по берегу бродил —
Карасей в пруду удил,
А поймал одну лягушку.
«Не беда, — сказал Андрюшка, —
В желтый цвет ее покрась —
И получится карась».

Запасливая белка

Рыжая белочка с рыжим хвостом
Маленький рыжик нашла под кустом.
Маленький рыжик она засолила,
В банку большую его положила.
Белке теперь не страшны холода:
Есть у нее на всю зиму еда.

Бараны и я

Четыре барана в лесу на полянке
Сидели и дружно жевали баранки.
Бараны жевали
Баранки три дня.
Бараны позвали
На помощь меня:
«Приди и доешь поскорее баранки,
Не то мы всю жизнь просидим на полянке».

«...Вот и вышел человечек»

Название этой части не надо понимать буквально. Знаменитый стишок «Ручки, ножки, огуречик — вот и вышел человечек» очень мало помогает в обучении детей рисованию. Потому что, рисуя человека, ребенок должен изображать не «огуречик», а туловище (можно

называть его «животиком» или еще как-нибудь — суть дела от этого не меняется). Если он рисует «головоногов» (обычный для трех лет рисунок человека, когда изображается голова и растущие прямо от нее ноги), то путь к настоящему рисунку лежит не через усвоение стандартных приемов изображения, а через обследование изображаемого объекта.

— Нарисуй человека, — прошу я Юру.

Рис. 9

Он рисует типичного «головоногога» (рис. 9). Я достаю «музыкальную неваляшку» — она очень удобна для занятий рисованием.

— А можешь нарисовать эту неваляшку?

Юре это нетрудно. Вот только рисунок точь-в-точь повторяет предыдущий. Тогда я забираю у него карандаш и говорю:

— Давай сначала посмотрим, что у нее есть.

— Голова, — отвечает Юра.

— Надо посмотреть, какая она. — Я беру его руку в свою и обвожу голову неваляшки его пальцем. — Вот какая — круглая.

Только после этого я отдаю Юре карандаш. Он рисует круг — это голова неваляшки.

— А что еще у нее есть?

— Тельце.

Мы обводим туловище, и Юра рисует его. Так же рисуются руки (у неваляшки они тоже круглые — это маленькие шарики).

— А еще что есть?

— Пуговицы.

Их мы уже не обводим: для таких мелких деталей этот прием не годится. Пуговицы нарисованы, и снова задается вопрос: «А что еще?» Теперь Юра замечает глаза. Он пытается нарисовать их на туловище рядом с пуговицами. Я его останавливаю:

— Посмотри, где у нее глаза?

— Вот тут.

— Правильно, тут. На голове.

Глаза на рисунке занимают подобающее им место. После дополнительных вопросов появляются рот, нос, волосы, бровки и даже реснички. Не все расположено на своих местах, но в любом случае рисунок разительно отличается от первоначального «головонога».

Занятие, которое мы описали, можно проводить только тогда, когда ребенок уже владеет предметным рисунком, т. е. когда он может поставить перед собой задачу нарисовать конкретный предмет. Если же ребенок ограничивается бессмысленными каракулями, то нужно начать с формирования изобразительной задачи. Первый этап — это называние каракулей, узнавание в них знакомых предметов. Помогите ребенку. Если он нарисовал какую-либо округлую форму, подскажите: «Это мяч». Еще лучше не утверждать, а спросить: «Это у тебя мяч, да?» (или «Что это? Яблоко?») Через некоторое время ребенок, случайно нарисовав аналогичную фигуру, уже сам будет называть ее мячом или яблоком. Теперь можно перейти к следующему этапу: рисованию по предварительному намерению. «Давай нарисуем мяч», — говорите вы ребенку. Он рисует округлую форму и сообщает: «Мяч».

Еще довольно долго рисунки ребенка будут мало походить на изображаемые объекты: техникой рисования дети овладевают не так уж быстро. Но вот тут-то и придет на помощь обведение контура, с описания которого мы начали эту главу. Оно способствует развитию восприятия формы объектов, помогает правильно передать ее в рисунке. Обведение контура удобно проводить при рисовании простых предметов, состоящих из одной или двух-трех крупных частей. Мяч, спичечный коробок, кукольная тарелка, совочек, резиновая утка, чебурашка вполне подходят для этой цели.

При обведении прямоугольников нужно специально фиксировать углы, чтобы ребенок не только увидел их, но и почувствовал, что они острые, слегка колющие. Тогда он скорее попытается передать их на рисунке. Возможно, что он изобразит их в виде штрихов, «протыкающих» контур, — не спешите поправлять его. Придет время — и он сам благодаря обводящему движению поймет, что угол — это элемент контура, а не дополнительная деталь. А самостоятельное открытие несравненно ценнее способа, которым ребенок овладел с помощью подсказки.

Постепенное обогащение исходного схематического изображения, побуждаемое вопросом «А что еще у него есть?», приучает ребенка внимательно обследовать объекты, замечать, «как они устроены». Для таких занятий хороши сложные объекты, богатые деталями: человек, кукла, игрушечная машина, предметы мебели и т. п. Если какая-то из важных деталей все-таки забыта, то нужно «намекнуть» на это ребенку.

Рисуя машину, Юра забыл про колеса. Я покатиł игрушечный грузовик по полу, спросил:

— А что еще мы забыли?

Но Юра был вполне удовлетворен своим рисунком.

Пришлось его разочаровать:

— Твоя машина не сможет ехать.

— Почему?

— А ты посмотри. У нее нету чего-то очень важного. Только тут он сообразил, в чем дело.

— А! Колеса надо!.. — и нарисовал под грузовиком что-то вроде танковых гусениц.

— Ну вот теперь все как надо, — хвалю его я.

Отнюдь не каждый раз, давая ребенку карандаш, надо так жестко руководить процессом создания рисунка. Необходимо иногда оставлять ребенка наедине с листом бумаги, чтобы он привыкал действовать самостоятельно. К рисункам, созданным без помощи взрос-

лого, надо проявлять особое внимание. Наиболее удачные из них стоит вешать на стену, дарить маме или папе на день рождения.

Особенное удовольствие малышам доставляет рисование красками. Оно очень полезно для развития ребенка. При правильном руководстве рисование красками развивает чувство цвета, позволяет ребенку выразить собственные эмоциональные состояния. Как это ни странно, уже в три года ребенок может использовать цвет как средство эмоциональной выразительности. Об этом свидетельствуют, в частности, тусклые и мрачные рисунки психически больных детей, страдающих депрессией (стойким снижением настроения).

Итак, не спешите учить ребенка рисовать голубое небо, желтое солнце и зеленую траву. Пусть поначалу он просто познакомится с богатейшим миром цвета, с миром ярких и чистых красок. Тут, конечно, возникнут свои сложности: чтобы краски были чистыми, надо хорошо мыть кисточку, а научить этому ребенка не так просто. Значит, на первых порах мыть кисточку придется папе или маме. А ребенок будет создавать беспредметные композиции, рисовать домики и «головоногов». Не надо спешить с указаниями, пояснениями. При рисовании красками не стоит увлекаться обследованием предметов: оно более уместно при рисовании карандашом.

Так что же, оставить ребенка один на один с красками, вовсе не вмешиваться в его деятельность? Нет, это тоже не самый правильный путь. Руководство деятельностью ребенка необходимо, но в данном случае оно должно осуществляться исподволь. В частности, оно будет проявляться в выборе красок.

Вопрос о том, какие цвета предоставить в распоряжение ребенка, встает перед взрослым одним из первых. Сколько красок давать одновременно — все, какие есть,

или две-три? Должны ли это быть яркие тона или нежные, мягкие оттенки? Давать полутона или контрастные сочетания?

На большую часть этих вопросов можно ответить по-разному: один раз так, другой — иначе. Но два правила должны соблюдаться постоянно. Во-первых, как уже говорилось, все цвета, предоставленные для рисования, должны быть чистыми. Во-вторых, они должны хорошо сочетаться друг с другом (чего легче добиться, если цветов будет немного). Тогда каждая композиция, созданная ребенком, будет приятна для глаза и, что очень важно, будет способствовать формированию чувства цвета и представлений о гармоничных цветовых сочетаниях.

Очень хорошо время от времени давать ребенку рисовать на цветной бумаге. При этом стоит специально обратить его внимание на то, что на темной бумаге лучше видны светлые цвета, а на светлой — темные. Наиболее удобна гуашь. Гуашь дает меньше «грязи», чем акварель, так как при наложении одного цвета поверх другого нижний мазок почти не просвечивает. Лучше не давать краску прямо в баночках, а предварительно выложить ее в розетки или блюдца: в каждое блюдце — небольшое количество краски определенного цвета.

Можно посоветовать некоторые специальные задания для трехлетних детей.

«Зажги огоньки в окнах». Взрослый рисует карандашом дом с большими окнами и предлагает ребенку «зажечь свет в окошках», закрасив их желтой краской.

«Следы на дорожке». Взрослый рисует «дорожку» (две параллельные линии) и говорит:

— По этой дорожке прошел человек. Давай нарисуем, какие остались следы.

Ребенок рисует «следы», прикладывая кисть боковой поверхностью к бумаге (рис. 10).

Рис. 10

«Осенние листья». Ребенок покрывает лист бумаги красными, оранжевыми, желтыми пятнами.

«Цветы в траве». Ребенок покрывает лист зеленой бумаги разноцветными мелкими пятнышками. Такой же рисунок может изображать бабочек.

«Облака». Ребенок рисует на голубой бумаге крупными белыми и серыми пятнами.

«Салют». Ребенок покрывает цветными пятнами и штрихами черную бумагу.

«Звезды». Ребенок рисует на черной бумаге разноцветные точки концом кисти.

«Зажги костер». Взрослый рисует в нижней части листа несколько черточек — это дрова. Ребенок проводит от них расходящиеся штрихи желтого, оранжевого и красного цвета. Такой рисунок лучше делать на темной бумаге.

Используя задания «Зажги огоньки в окнах», «Осенние листья», «Зажги костер», можно учить ребенка выбирать из нескольких предложенных ему цветов нужные (в первом задании — желтый, в других — желтый, оранжевый и красный).

Цветик-семицветик

Один из распространенных видов детской деятельности — это аппликация, т. е. наклеивание на лист бумаги цветных изображений. Аппликация в чем-то беднее рисования. Но это «обеднение» позволяет ребенку решать такие задачи, которые в рисовании были бы чересчур трудны из-за отсутствия технических навыков. Прежде

всего это композиционные задачи, связанные с размещением изображений на листе.

На материале аппликации удобно формировать умение создавать ритмические композиции (основанные на правильном чередовании каких-либо элементов) и симметричные композиции. Эти два способа организации изображения очень часто используются в народных орнаментах. Простейший вид ритмического изображения — это чередование двух элементов, например круга и квадрата (рис. 11).

Рис. 11

Признаком, по которому различаются элементы, может быть не только форма, но и цвет или величина. Вот стишок, в котором дана задача на создание простейшей цветовой ритмической композиции:

Желтый, красный мажем клеем.
Желтый, красный — клей смелее.
Желтый, красный — бусы будут,
Желтый, красный — просто чудо!

От ребенка требуется расположить желтые и красные кружки через один. Чтобы действительно получились «бусы», можно размещать кружки не в линию (в строчку), а по большому кругу, нарисованному взрослым.

Желтые и красные кружки заранее вырезаются из цветной бумаги. Поначалу большую часть работы должен выполнять взрослый. Он вырезает кружки, помогает намазывать их клеем, поправляет ребенка, если тот взял неподходящий кружок или пытается приклеить его на неподходящее место. Впоследствии часть этих операций постепенно передается самому ребенку. Возможно,

что итоговый результат и ухудшится. Все равно самостоятельно выполненная аппликация должна встречать особенно горячие похвалы взрослых.

Задания на чередование цветов следует перемежать заданиями на чередование форм (треугольник — квадрат — треугольник — квадрат; круг — треугольник — круг — треугольник и т. п.) и величин (большой — маленький — большой — маленький). Можно вводить одновременное чередование двух признаков: желтый круг — синий квадрат — желтый круг — синий квадрат. Располагать элементы можно то в строчку, то по кругу, то вдоль всех четырех сторон листа, делая рамку (рис. 12).

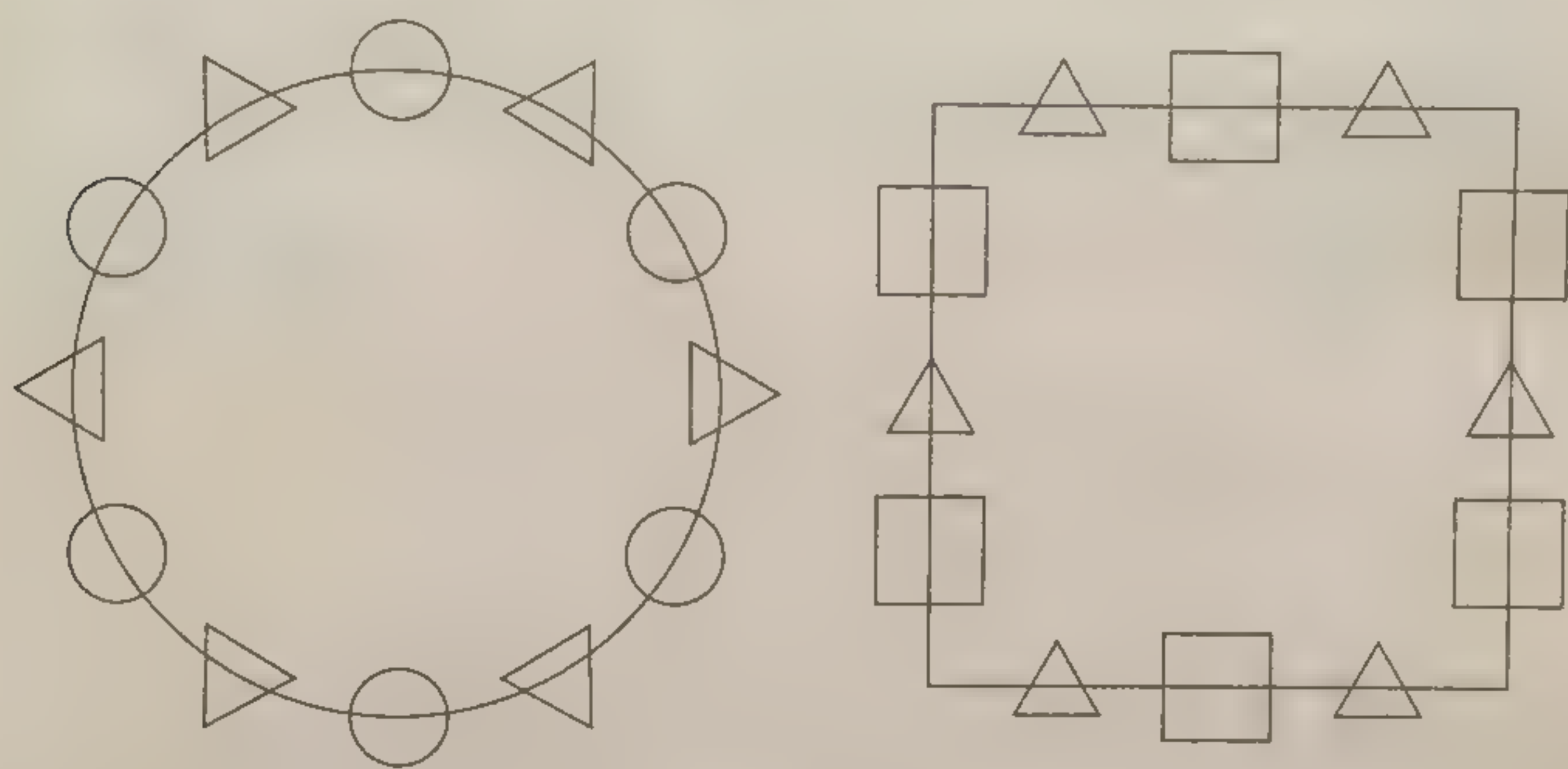

Рис. 12

Когда ребенок освоит простейший ритм (через один), надо вводить более сложные, например: круг — круг — квадрат — круг — круг — квадрат или зеленый — зеленый — синий — синий — зеленый — зеленый — синий — синий. Вот стихотворные инструкции для воспроизведения подобных ритмов.

* * *

Желтый, желтый, красный, красный —
Как наклеить, сразу ясно.
Желтый, желтый, красный, красный —
Вот какой узор прекрасный.

* * *

Мы наклеим на листочке
Два квадрата, два кружочка,
Два квадрата, два кружочка —
Вот какая вышла строчка.

Разумеется, второй стишок можно использовать, только если ребенок знаком с числом «два».

Давать задание не обязательно в словесной форме. Очень полезно давать образец требуемого ритма, чтобы ребенок его воспроизвел. Хорошо, чтобы взрослый начинал строчку, задавая определенный ритм (например, чередование элементов через один), а ребенок ее продолжал.

Когда освоено воспроизведение узора по образцу, можно перейти к переводу ритма с «языка формы» на «язык цвета» (величины) и наоборот. Делается это так. Взрослый рисует определенную последовательность элементов разной формы (рис. 13).

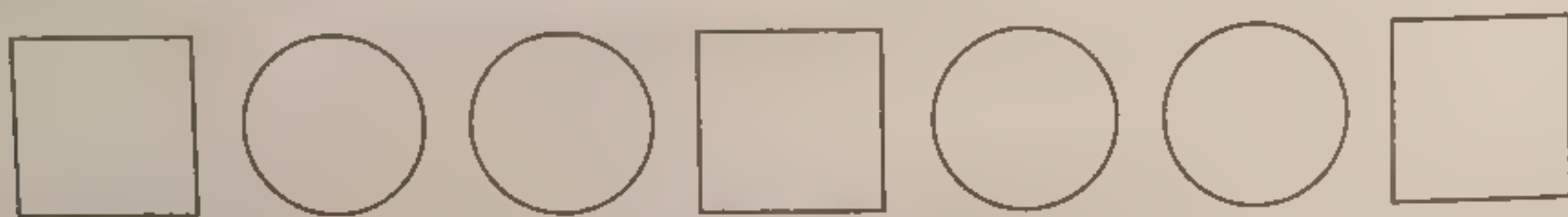

Рис. 13

Элементы же, предоставленные ребенку, различаются только по цвету — скажем, это черные и красные треугольники. Взрослый говорит:

— Там, где у меня нарисован квадратик, ты будешь приклеивать черный треугольник, а где у меня нарисован кружок — красный треугольник.

Чтобы ребенок не забыл, какой элемент что означает, можно отдельно нарисовать квадратик и кружок, положив около квадратика черный треугольник, а около кружка — красный.

Аналогично последовательность форм может использоваться для моделирования последовательности величин, последовательность величин — для моделиро-

вания последовательности форм или цветов, последовательность цветов — для моделирования последовательности форм или величин. Хорошо, если ребенок освоит все эти варианты.

Наряду с задачами на ритмическое расположение элементов нужно давать задачи на их симметричное расположение. Вот одна из таких задач. Взрослый рисует большой флаг и читает ребенку стишок:

К празднику мы разукрасим флажок:
Посередине наклеим кружок,
Справа и слева — квадраты.
Правда красиво, ребята?

Ребенок должен сделать на флажке симметричный узор (рис. 14).

В том же стишке слова «справа и слева» можно заменить словами «сверху и снизу», тогда получится новое задание.

Симметрия, так же как и ритм, может основываться не на форме элементов, а на их цвете или величине. Вот примеры простых симметричных композиций (рис. 15).

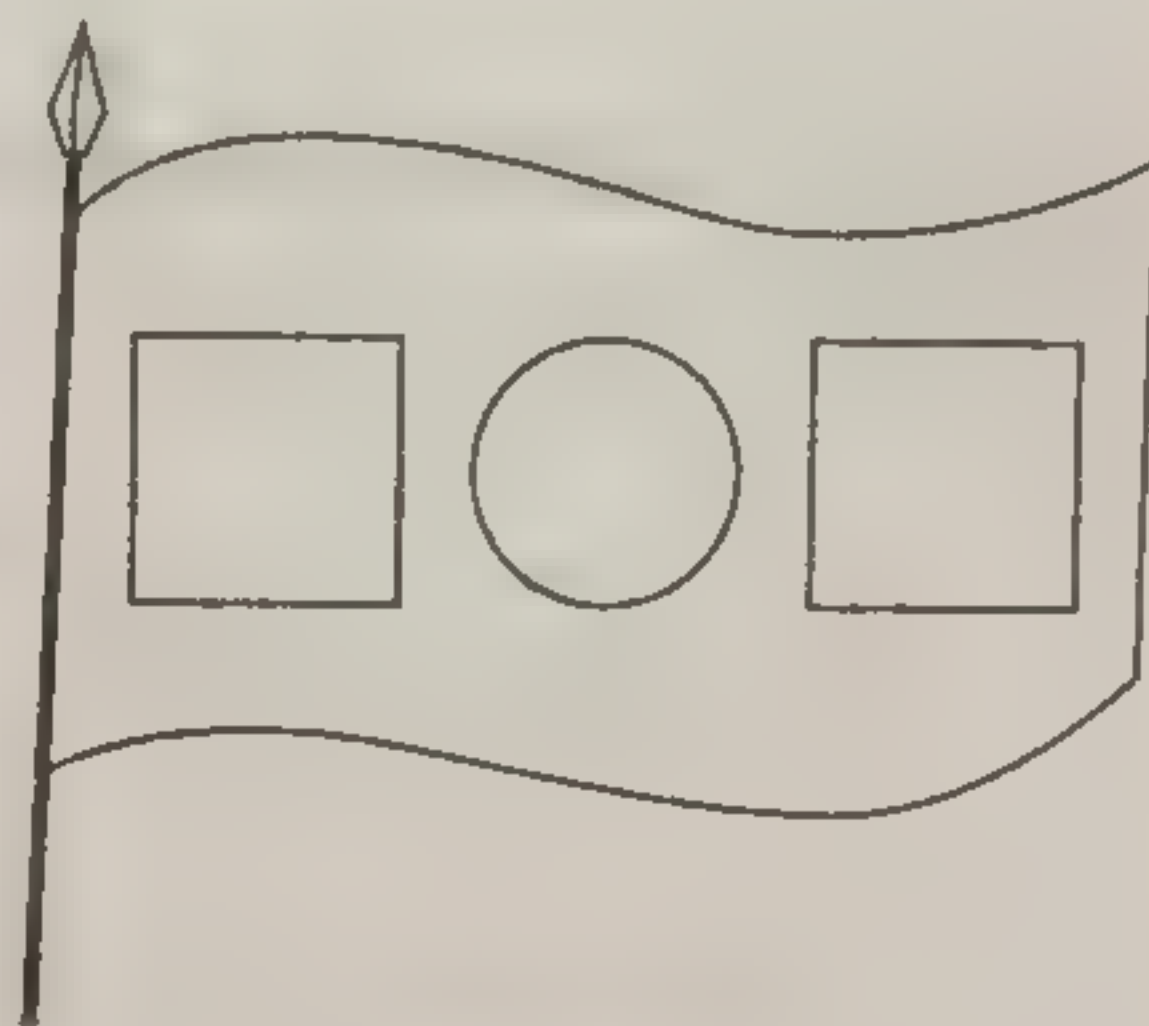

Рис. 14

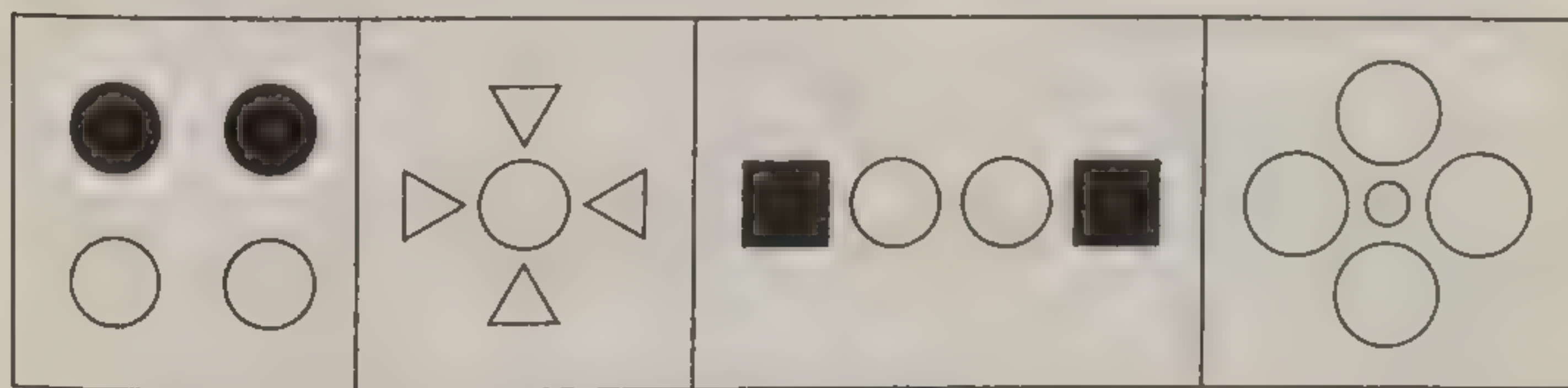

Рис. 15

Ребенок может делать такие композиции по словесной инструкции и по образцу. Так же как и для ритмических композиций, образец для симметричных может

быть условным: признаки элементов, предложенных для аппликации, могут изображаться на нем другими признаками (цвет — формой, форма — величиной и т. п.).

Кроме орнаментальных композиций в аппликации стоит использовать и предметные. Это могут быть натюрморты (например, ваза с фруктами), пейзажи (поляна с деревьями и цветами). Предварительно с ребенком обсуждается сюжет будущей аппликации, совместно решается, какие потребуются объекты (ваза, два яблока и апельсин для натюрморта или много деревьев, елка и грибки для пейзажа). Затем взрослый вырезает эти объекты из цветной бумаги, а ребенок намазывает их клеем и располагает на листе. Конечно, тут тоже бывает нужна помощь взрослого. Если дерево оказалось лежащим, его нужно повернуть, если апельсин очутился под вазой, нужно посоветовать поднять его выше.

Одно из очень полезных заданий — достраивание ребенком объекта, начатого взрослым.

— Это будет машина, — говорю я, наклеивая на лист бумаги кабину. — Это кабина, тут будет сидеть шофер. А что еще нужно наклеить?

— Кузов, — догадывается Юра.

Я вырезаю прямоугольник и предлагаю:

— Наклей кузов. Вот он.

Когда кузов наклеен (с некоторой моей помощью), снова задаю вопрос:

— А что приклеим теперь?

— Колеса!

Я вырезаю, а Юра приклеивает колеса. Грузовик готов (рис. 16).

Рис. 16

Таким способом можно изображать самые разные объекты: неваляшку, куклу, человека, медвежонка, стул, дом с трубой и т. п. Брать готовые разрезные картинки не следует: каждая деталь должна изображаться после того, как ее назвал ребенок. Пусть даже она будет кривовата, не очень похожа. Дети — добрые судьи.

Аппликация позволяет познакомить ребенка с особенностями формы и цвета разных предметов. При этом на первый план может выступать то один, то другой из этих признаков. Так, в описанном выше изображении грузовика основное внимание уделено форме. Если же мы изображаем поросший травой берег моря, то главным, конечно, становится цвет. Чтобы в большей мере сосредоточить внимание ребенка на цвете, можно и море и траву изображать многочисленными кружками: море — синими, траву — зелеными. Тогда картинка будет выглядеть так: в верхней части листа — большой желтый кружок. Это солнце. Ниже двойной или тройной ряд синих кружков — море, а еще ниже зеленые кружки (трава).

Когда ребенок научится хорошо действовать с небольшим количеством цветов, можно начать включать в композиции большее их число, вплоть до всех семи цветов спектра. Вдвоем с ребенком можно сделать радугу. Это хороший повод, чтобы ввести голубой цвет, с которым ребенок раньше знаком не был.

Нужно вырезать семь дуг: красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю, фиолетовую. Каждую дугу разрезают пополам. Заранее на листе бумаги расчерчивают контур будущей радуги, обозначая место каждой дуги.

Ребенку рассказывают про радугу, показывают картинку в книжке. Затем взрослый наклеивает половину красной дуги. Ребенок находит вторую ее половину и наклеивает так, чтобы получилась полная дуга. Таким же образом под ней наклеиваются оранжевая, желтая и

зеленая дуги. Место для голубой дуги пропускается, остается незаполненным, после зеленой переходят прямо к синей и затем — к фиолетовой. Взрослый обращает внимание ребенка на то, что осталось одно пустое место, и объясняет, что здесь в радуге находится голубой цвет, который похож немножко на зеленый, немножко на синий¹. После этого наклеивается голубая дуга. Теперь получилась полная радуга. Ребенку читают стихотворение «Цвета радуги». Во время чтения его просят каждый раз показывать тот цвет, о котором сейчас говорится.

Цвета радуги

Краски сегодня ужасно устали:

Радугу в небе они рисовали.

Долго трудились над радугой краски,

Радуга вышла красивой, как в сказке.

Вся разноцветная — вот красота!

Ты полюбуйся, какие цвета:

Красный

Красная редиска выросла на грядке.

Рядом помидоры — красные ребятки.

Красные тюльпаны в вазе на окне.

Красную машину подарили мне.

Оранжевый

Оранжевой лисице

Всю ночь морковка снится —

На лисий хвост похожа:

Оранжевая тоже.

¹ Иногда голубым называют светло-синий цвет. Это неверно. Голубой цвет — это промежуточный между зеленым и синим. Темно-голубой часто называют сине-зеленым или цветом морской волны.

Желтый

Желтое солнце на землю глядит,
Желтый подсолнух за солнцем следит.
Желтые груши на ветках висят.
Желтые листья с деревьев летят.

Зеленый

У нас растет зеленый лук
И огурцы зеленые,
А за рекой зеленый луг
И домики беленые.

С зеленой крышей каждый дом,
А в нем живет веселый гном
В зеленых брючках новых
Из листиков кленовых.

Голубой

Глаза голубые у куклы моей,
А небо над нами еще голубей.
Оно голубое, как тысяча глаз.
Мы смотрим на небо, а небо — на нас.

Синий

В синем море — островок,
Путь до острова далек.
А на нем растет цветок —
Синий-синий василек.

Фиолетовый

Фиолетовой фиалке надоело жить в лесу.
Я сорву ее и маме в день рожденья принесу.
С фиолетовой сиренью будет жить она
На столе в красивой вазе около окна.

Другое задание, знакомящее ребенка с цветами спектра, — аппликация «Цветик-семицветик». Для этой аппликации вырежьте все цветные лепестки, а также

контуры двух цветков. Взрослый берет красный лепесток и наклеивает на один из цветков. Ребенок должен найти второй красный лепесток и наклеить на свой цветок. Так, наклеивая по одному лепестку каждый на свой цветок, взрослый с ребенком делают два цветика-семицветика.

Мы строим дом

Эта часть, как нетрудно догадаться, посвящена конструированию. Материалом нам будет служить стандартный набор «Строитель» (или «Построй сам»). Давайте с ним познакомимся (рис. 17).

На первых занятиях главным строительным элементом будет кирпичик. Кроме того, мы будем использовать кубик и треугольную призму (крышу). Позднее пригодятся брусок, полукуб и пластина.

Рис. 17

Если в вашем наборе нет каких-либо из этих элементов, не огорчайтесь. Наверное, вместо них будут какие-либо другие. Может быть, некоторые будут представлены в разных размерах: большие и маленькие кубики, длинные и короткие кирпичики и т. п. Это позволит достаточно эффективно решать возникающие перед вами и вашим ребенком конструктивные задачи.

Создавая вместе с ребенком какое-либо сооружение, полезно называть строительные элементы: «Возьмем кубик. Теперь поставь на него крышу. А теперь дай рядом положим кирпичик». Постепенно дети привыкают к этим названиям, начинают правильно ими пользоваться. Не нужно торопить этот процесс, настаивать, чтобы ребенок заучивал и называл элементы. Со временем это придет само.

Строительные игры удобно проводить на полу. Нужно приучить ребенка по окончании игры самостоятельно складывать строительный материал в коробку. Для трехлеток само складывание превращается в интересную головоломку: ведь для того, чтобы все в коробке поместилось, детали надо складывать в определенном порядке.

Первые задачи по конструированию должны быть предельно просты. Пожалуй, простейшие объекты, которые удобно возводить из строительного материала, — это дорожки и заборчики. С них и начнем.

— Этот кубик будет домом. А вот его крыша.

Рядом с домиком ставлю маленькую матрешку.

— В этом домике живет матрешка. А вот другой домик — в нем живет Коля. — Я делаю еще один такой же домик и кладу около него маленького голыша. — Матрешка хочет пойти к Коле в гости, а тут грязно, она не знает, как ей пройти.

Незадолго до этого, когда мы с Юрой гуляли во дворе, я показывал ему асфальтированные дорожки, спасающие пешеходов от грязи. Поэтому он сразу понимает, как помочь матрешке.

— Дорожку тут нужно, — говорит он.

Я соглашаюсь:

— Да, нужно дорожку. Давай ее построим. Бери кирпичики.

И достаю из коробки кирпичик.

Первый кирпичик я кладу сам, второй кладет Юра, но не очень аккуратно. Приходится подравнять его, пояснив:

— Нужно класть кирпичики ровно, аккуратно. А то матрешка споткнется и упадет. — Я показываю, как может упасть матрешка.

Остальные кирпичики Юра кладет очень старательно, их почти не приходится подравнивать. Дорожка готова (рис. 18).

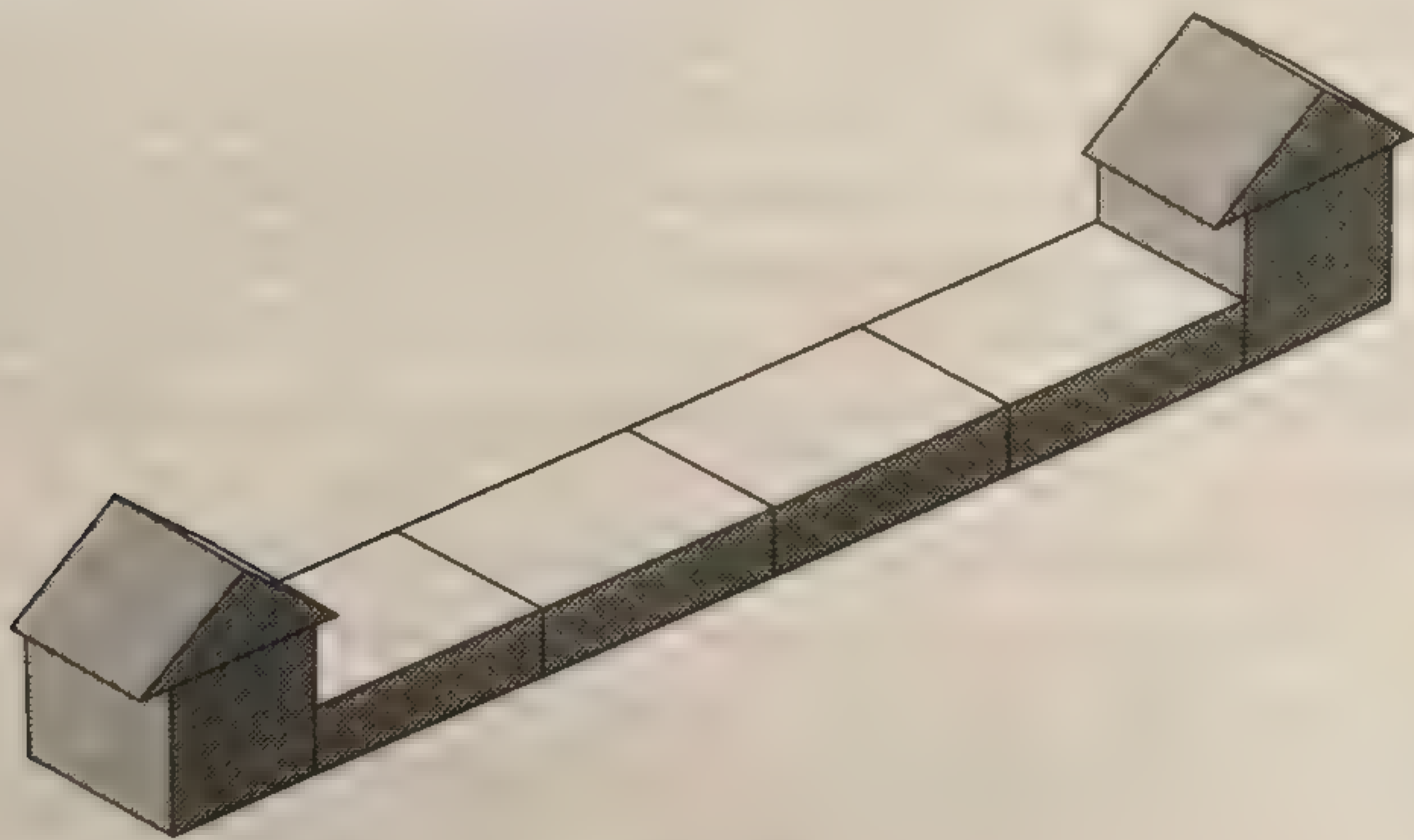

Рис. 18

Матрешка сходилa в гости к Коле, Коля — к ней. Потом я предложил:

— А теперь построй домики для других матрешек. И сделай дорожку, чтобы они могли ходить друг к другу в гости.

Юре нужно будет самому построить не только дорожку, но и домики. Он не очень уверен в себе, и его приходится постоянно подбадривать:

— Правильно, этот кубик как раз подходит для домика. Молодец, очень хорошо положил крышу. Да, так — теперь дорожка из кирпичиков.

В следующий раз нам для игры понадобилась дорога, по которой могла бы ездить небольшая машина. Кирпичик оказался для нее слишком узок. Юра поначалу не обратил на это внимания. Он построил такую же дорожку, как в прошлый раз, и возил машину, которая громко скребла осями по кирпичикам.

— Такая дорожка не годится. Видишь, машина не попадает на нее колесами, — сказал я. — Это слишком узкая дорожка.

Юра подумал и полез в коробку со стройматериалом.

— Что ты ищешь?

— Возьму большие кирпичики, — ответил Юра, роясь в коробке. Но более широких кирпичиков там не было. Тогда он еще подумал и стал выкладывать рядом с первой полосой кирпичиков вторую. Дорожка стала вдвое шире — теперь машина свободно могла по ней проехать.

Это был новый вид конструктивного задания — конструирование *по заданным условиям*. Когда Юра с ним справился, мы занялись конструированием *по чертежу*. Чертеж был сделан заранее (рис. 19).

Рис. 19

Когда я чертил его, я просто наложил кирпичики и два кубика на бумагу и обвел их карандашом. Поэтому изображение точно соответствовало строительным элементам по величине. Теперь я дал Юре этот лист и сказал:

— Видишь, я нарисовал, как еще можно построить широкую дорогу. Тут для каждого кирпичика есть свое место. Ну-ка положи кирпичики на свои места.

Юра быстро понял задачу. На каждый прямоугольник он положил по кирпичику — и прямо на листе бумаги получилась широкая дорожка. Вместо кубиков он сначала тоже хотел положить кирпичики, но вскоре (не без моей помощи) понял, что получается неправильно. Однако взять кубики так и не догадался. Пришлось ему подсказать:

— А это нарисованы домики.

По прошлым занятиям Юра уже знал, что домик можно построить из кубика и призмы. Как только я сказал, что квадраты — это домики, он сразу сделал их правильно.

А вот почти такой же чертеж, но изображает он совсем другое (рис. 20).

Рис. 20

Этот чертеж я дал Юре в одно из следующих занятий и объяснил:

— Тут два домика, а между ними заборчик. Чтобы получился заборчик, кубики нужно не класть на пол, а ставить, тогда забор будет высоким, как настоящий.

До сих пор Юра был знаком только с планом, т. е. чертежом, на котором изображен вид конструкции сверху. Однако переход к чертежу, изображающему вид сбоку, не вызвал у него затруднений. Конечно, теперь уже нельзя было строить прямо на чертеже. Но можно было прикладывать элемент к его изображению, чтобы убедиться, что это именно тот элемент, который нужен.

После этого «проверенный» кубик или кирпичик ставился на нужное место. Я показал все это Юре, и он стал методично строить забор. Время от времени я напоминал ему, что забор должен быть ровным, аккуратным, красивым.

Наверное, примеров приведено достаточно. Попробуем теперь описать в более общем виде разные варианты заданий на конструирование.

В первом примере описывалось конструирование *по подражанию*, когда ребенок строит, воспроизводя действия взрослого. При расчлененном показе способа действия ребенок располагает каждый элемент конструкции непосредственно вслед за взрослым. При нерасчлененном показе взрослый на глазах у ребенка возводит всю постройку, и лишь после этого такую же постройку делает ребенок. При возведении относительно сложных построек возможен промежуточный вариант, когда взрослый сооружает первую часть постройки, а ребенок ее воспроизводит, затем так же сооружаются последующие части постройки, пока она не будет завершена. От расчлененного показа это отличается тем, что ребенок должен воспроизводить не отдельные элементарные действия с каждым кубиком или кирпичиком, а сразу последовательность таких действий.

Другой вид заданий — конструирование *по образцу*. Образец может быть объемным — это заранее (не на глазах у ребенка) собранная взрослым конструкция, которую ребенок должен воспроизвести из таких же элементов. Более сложны образцы-рисунки. Пока мы описали два типа таких образцов плана: вид сверху и вид сбоку.

Если план начерчен в натуральную величину, то ребенок может строить требуемое сооружение прямо на нем, ставя каждый элемент на отведенное для него место. В сочетании с объемным образцом план облегчает выполнение задания.

Когда на чертеже, служащем образцом, изображен вид постройки сбоку, задание становится более трудным. Теперь уже возводить постройку прямо на листе нельзя. Давая ребенку чертежи в натуральную величину, нужно научить его пользоваться новым приемом: подбирать нужные строительные детали, прикладывая их для проверки к соответствующим элементам чертежей.

Чтобы еще усложнить задание, можно делать чертеж-образец уменьшенным. Если план постройки или вид сбоку дан в уменьшенном масштабе, то, разумеется, ни возведение сооружения на листе, ни прикладывание деталей к чертежу невозможны. Значит, ребенок должен соотносить их с соответствующими элементами образца чисто зрительно.

Другой вариант усложнения заданий — это предъявление ребенку чертежей (плана или вида сбоку), на которых не показано членение постройки на строительные детали. Вот примеры таких чертежей (рис. 21).

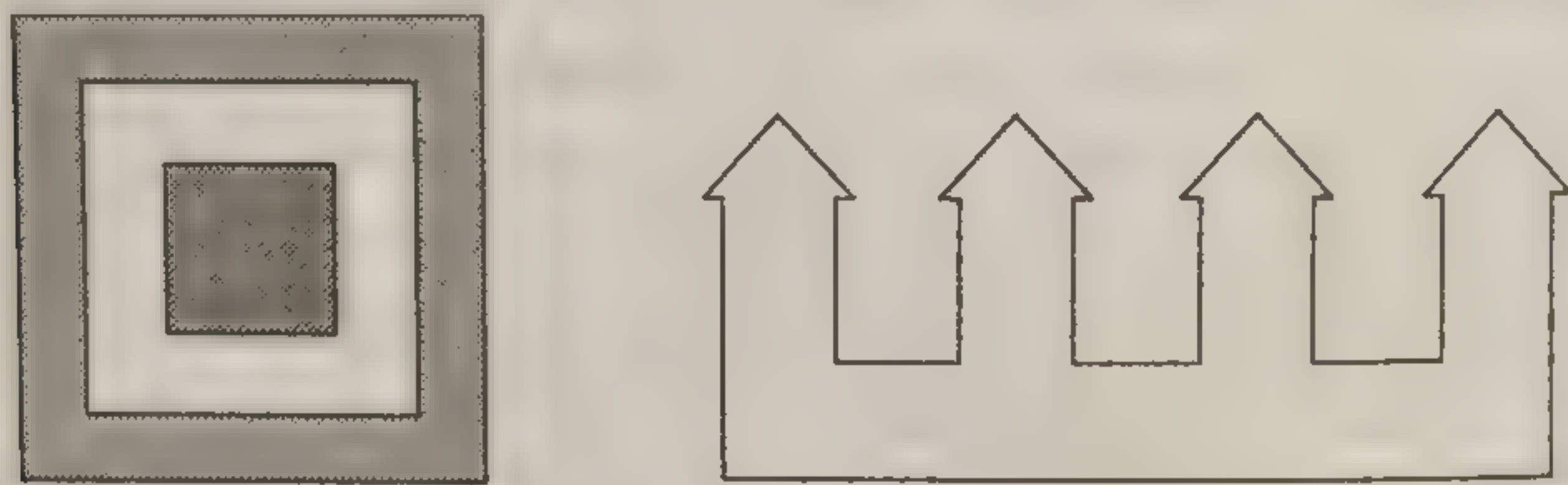

Рис. 21

Поначалу такие чертежи нужно делать в натуральную величину, чтобы ребенок мог пользоваться уже привычными для него способами: возведением постройки прямо на листе или прикладыванием строительных деталей к тем или иным элементам чертежа (которые теперь он должен вычленять сам, ориентируясь на общую конфигурацию контура). Затем можно перейти к нерасчлененным чертежам в уменьшенном масштабе.

Особый вид образцов — схемы, на которых не указана точная форма частей постройки (рис. 22).

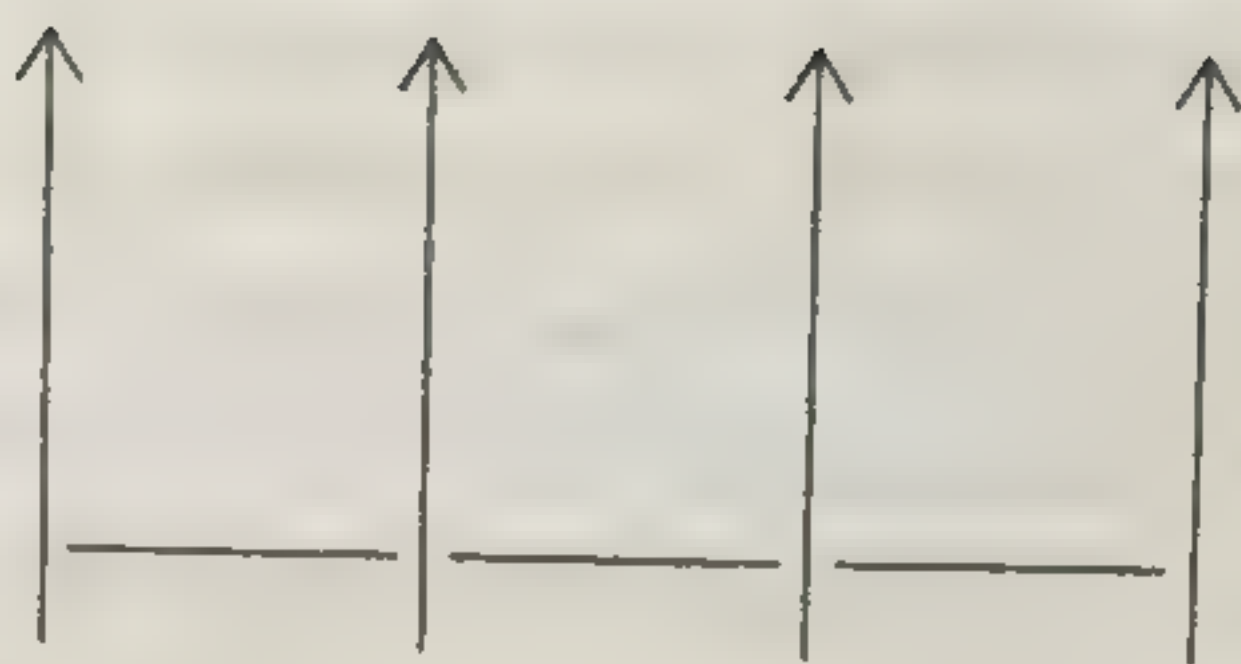
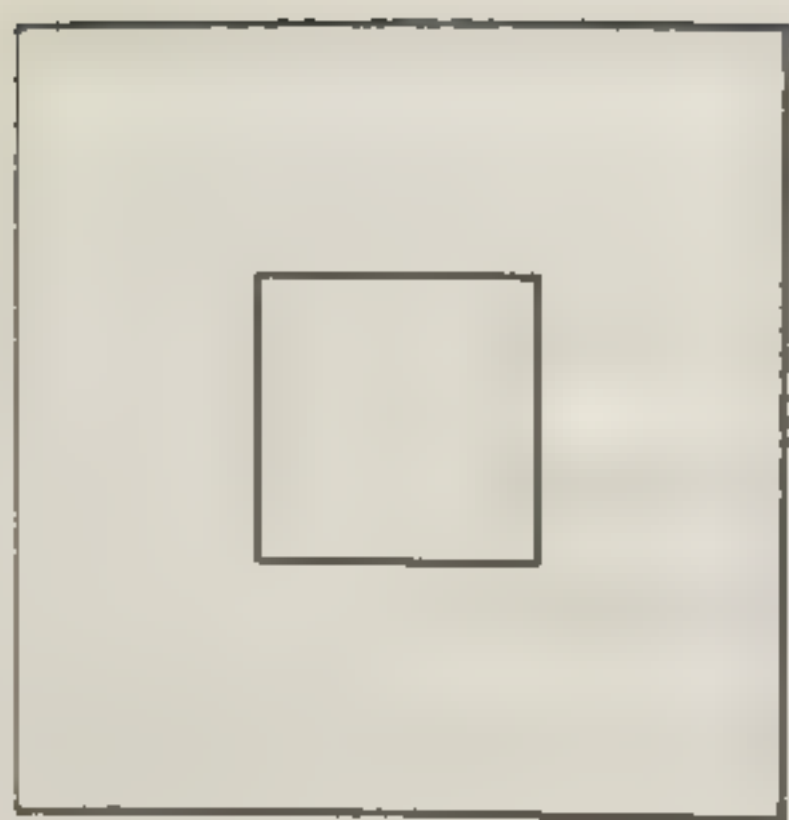

Рис. 22

Такими схемами задаются лишь самые общие особенности конструкции. Так, забор, изображенный на первой схеме, может быть высоким или низким, широким или узким — задана лишь его общая конфигурация (квадратная загородка вокруг дома).

Любой образец может предъявляться уже готовым, а может создаваться взрослым по ходу конструирования: рисуется часть конструкции, затем она воспроизводится ребенком, после этого рисуется следующая часть и так далее до окончания всей постройки. Это облегчает выполнение задания, так как ребенок видит, какова должна быть последовательность действий.

Кроме заданий на конструирование по различным образцам, полезно предлагать ребенку задание на конструирование *по условиям*. Мы собираемся построить мост через широкую реку (я положил на пол полоску голубой бумаги). По мосту будут ездить машины, под ним будут проплывать корабли (маленькая машина пока стоит на берегу, бумажная лодочка плывет по реке). Этим заданы условия: ширина моста должна быть достаточна для машины, высота — для лодочки.

— А как делать? — спрашивает Юра.

— Вот так. — Я рисую на листке две опоры и перекрытие. Рисунок схематичны (рис. 23).

Юра начинает строить. Опоры он хочет сделать из кирпичиков, но я говорю:

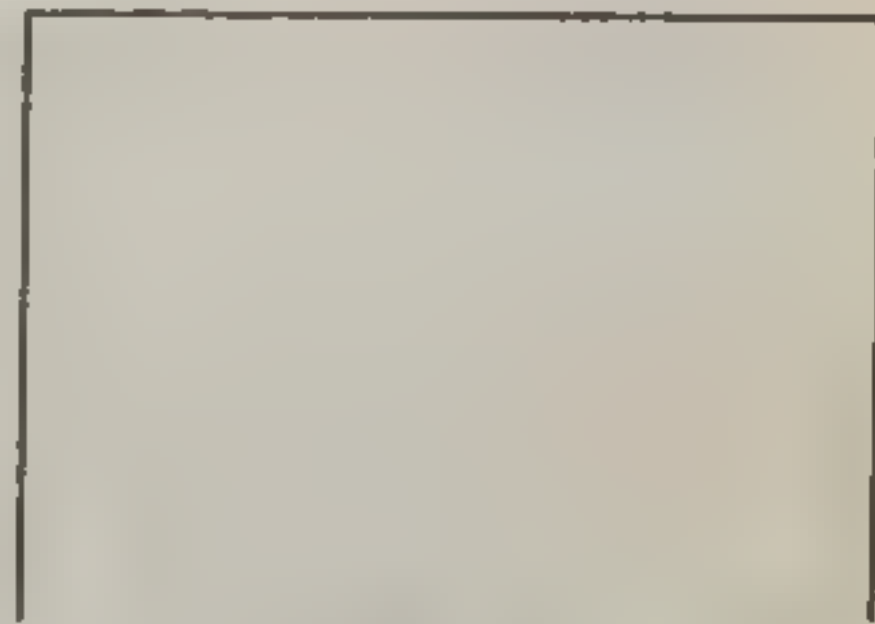

Рис. 23

— Эти столбы должны быть очень прочными, а то мост сломается. А кирпичики непрочны стоят. — И показываю, как легко падает кирпичик, стоящий на торце. — Помнишь, как мы с тобой строили прочную башню?

Юра помнит, как мы строили башню. Он достает кубики и делает столбы. На них кладет пластину — это перекрытие.

— Поплыли? — предлагаю я.

Увы, бумажная лодка не может проплыть под мостом: он слишком низок. Юре приходится убрать перекрытие и нарастить столбы, поставив еще по одному кубику. Перекрытие ставится на место, и лодка благополучно проплывает под мостом.

— А теперь поехали, — говорю я.

Машина в Юриных руках вспрыгивает с берега прямо на мост и едет через реку.

— Машины не умеют летать, — замечаю я.

Юра с этим согласен. Он понимает, что для машины нужна дорога. Взяв длинный кирпичик, Юра пытается пристроить его наискось между берегом и мостом. Кирпичик падает.

Я дорисовываю на листке въезд. Теперь рисунок выглядит так (рис. 24):

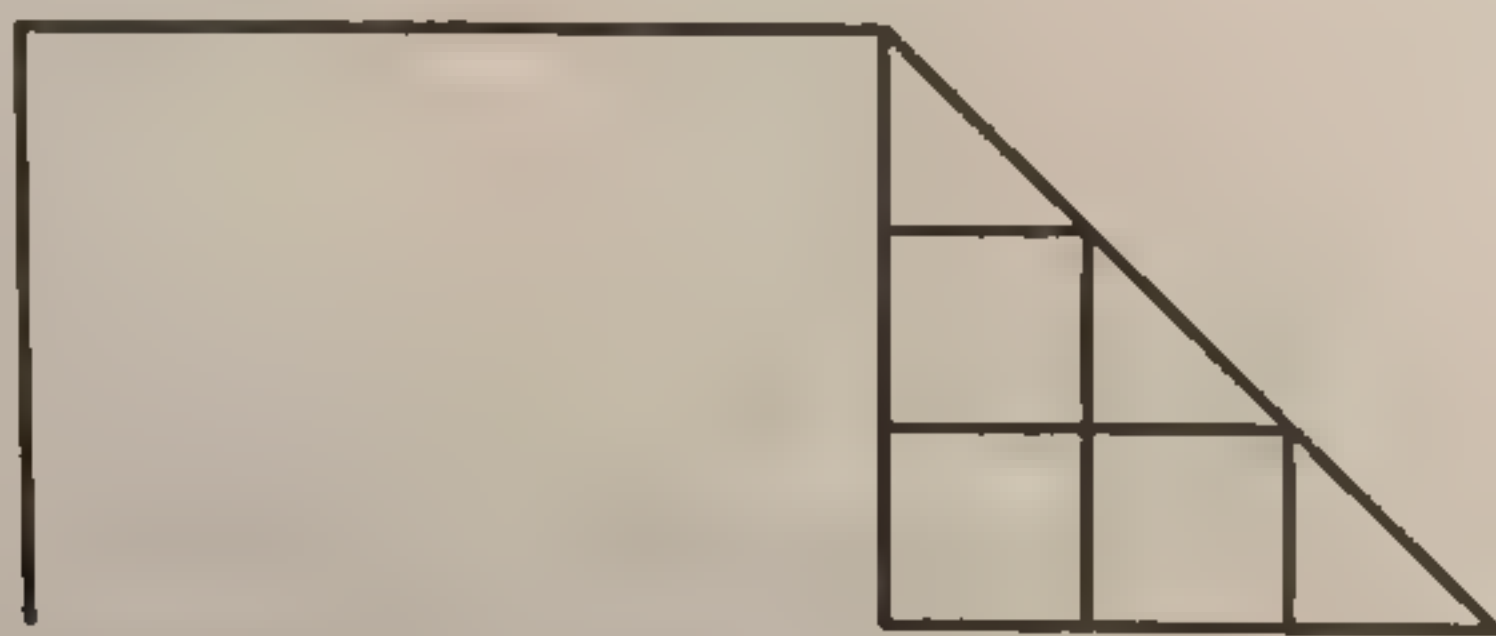

Рис. 24

Вскоре соответствующим образом начинает выглядеть и Юрино сооружение. Машина въезжает на мост, проезжает над рекой и... Нет, Юра не забыл, что машины ездят только по дорогам. На самом краю обрыва он останавливается и начинает строить съезд точно такой же, как въезд.

Как видно из этого примера, образец, создаваемый взрослым по ходу конструирования, позволяет ребенку воспроизводить довольно сложные сооружения. При этом важно правильно выбрать тип образца. Относительно легкие для воспроизведения части постройки можно задавать схемой или нерасчлененным чертежом, более трудные — расчлененным.

Подведем некоторые итоги. Итак, начинать обучение ребенка конструированию лучше всего с заданий на конструирование по подражанию с расчлененным показом способа действия. Затем следует перейти к нерасчлененному показу. Когда эти задания освоены (пусть даже на самых простых постройках), можно вводить конструирование по образцам. Сначала образцом служит постройка, сделанная взрослым, позднее — рисунок. От расчлененного плана в натуральную величину переходят к чертежу, изображающему вид сбоку (также расчлененному и в натуральную величину). Затем можно ввести расчлененный чертеж в уменьшенном масштабе и нерасчлененный — сначала в натуральную величину, а позже — в уменьшенном масштабе. На этом же этапе можно вводить схематический образец. Каждый новый для ребенка вид образца следует вводить только после того, как будут хорошо освоены предшествующие виды (хотя бы на простых сооружениях).

Новые образцы нужно вводить на простых заданиях. Хорошо предлагать постройки, уже знакомые ребенку по прошлым (желательно достаточно давним) занятиям. Образец на первых этапах лучше создавать по ходу конструирования. Однако в любом случае ребенку заранее, до начала конструирования, должно быть сообщено, что именно предлагают ему построить (дом, забор, машину и т. п.). Постройки должны обыгрываться: в домах поселяются куклы и звери, по дорогам и мостам ездят машины, въезжают в ворота, заезжают в гараж и т. п.

Переходя к новым видам образцов, не надо отказываться и от старых, уже освоенных. По более легким об-

разцам (например, по объемным) ребенок сможет сооружать более сложные постройки.

Конструирование *по условиям* можно вводить после того, как ребенок научится создавать простейшие постройки по образцу. В это же время можно предлагать ему конструировать *по собственному замыслу*. Желательно только, чтобы замысел был предварительно обсужден со взрослым. Можно вместе продумать, что будет строиться, как расположить постройки (если их должно быть несколько), из каких частей они будут состоять. Если самостоятельное воплощение замысла окажется для ребенка непосильным, нужно ему помочь — сделать чертеж или схематическое изображение какой-либо части сооружения, в случае необходимости перейти к совместным действиям или к показу способа. При выполнении любого задания надо постараться, чтобы работа была доведена до конца. Если ребенку надоело строить, можно даже закончить постройку за него — это полезнее, чем оставлять ее недоделанной. При этом надо постараться создать у ребенка впечатление, что он сам закончил работу. Например, можно дать ему самому положить последний завершающий кубик.

А теперь несколько слов о том, какие конструкции можно предлагать ребенку. Простейшие из них мы уже описали — это широкие и узкие дорожки, заборчики из ритмично чередующихся элементов, домик из кубика и треугольной призмы. Два параллельных ряда кирпичиков, стоящих на узкой длинной грани, могут изображать железную дорогу. Из строительного материала удобно делать лесенки разной ширины с разной высотой ступенек. В заборах можно делать ворота — широкие и высокие для машин, пониже и поуже — для пешеходов. Ворота можно украсить декоративными элементами. Примерно по тому же принципу, что ворота, строятся мосты — только тут надо обратить особое внимание на прочность опор. Мост для машин должен иметь пологие

въезд и съезд, мост для пешеходов — лесенки. У детской горки с одной стороны лесенка (по ней кукла забирается на горку), с другой — скат (по нему кукла съезжает вниз), посередине — горизонтальная площадка.

Из «Строителя» можно делать разнообразную мебель для кукол. Проще всего сделать стул: сиденье — кубик, спинка — вертикально стоящий кирпичик.

Вообще, прежде чем предлагать строительный набор ребенку, попробуйте поиграть с ним сами. Тогда вам легче будет придумывать конструкции, вы не попадете в неловкое положение, предложив сыну или дочери сделать постройку, для которой не окажется необходимых строительных элементов.

«Угадайка»

Эта маленькая часть совсем непохожа на предыдущие. Здесь нет ни образцов внешних свойств предметов, ни схем, изображающих отношения между ними. Только некоторые простые задачки-упражнения для детского ума. Их цель — приучить ребенка думать, ставить перед собой вопросы: «Что будет, если..?», «Почему?», «Как?» и пытаться на них отвечать. Конечно, мы приводим только примеры таких задачек. Их количество легко смогут увеличить сами родители. Не давайте в один прием больше двух-трех задачек, но старайтесь каждый раз добиться ответа.

1. В кубик вбит гвоздь. На гвоздь надет пластмассовый шарик. Вопрос ребенку: «Что будет с шариком, если наклонить кубик?» После ответа «Упадет» наклоните кубик. «Почему шарик не падает?» Пусть ребенок угадывает. Потом дайте ему посмотреть.

2. Вы держите шарик над наклонной плоскостью. «Что будет, если я отпущу шарик?» «Почему он покатился?»

3. На столе банка с водой. Вы берете спичку. «Что будет, если положить ее в воду, поплывет или утонет?»

Независимо от ответа опускаете спичку в воду. «Видишь, поплыла». Берете иголку или гвоздик. «А если положить в воду вот эту иголочку?» «Видишь, потонула». «Как ты думаешь, почему спичка поплыла, а иголка утонула?» Имейте в виду, что правильного ответа вы, скорее всего, не получите. Объясните сами: «Спичка поплыла, потому что она деревянная, а иголка потонула, потому что железная».

4. Вы держите в руках деревянный шарик и резиновый мячик. «Если я брошу их на пол, что будет лучше прыгать — шарик или мячик?» «Посмотри. Почему мячик прыгает лучше, чем шарик?»

5. Показываете ребенку кубик и шарик. «Если я попробую их катить, что покатится, а что нет?» «Почему шарик покатился, а кубик нет?»

6. Вы принесли с прогулки немного снега в чашке. «Что будет, если снег постоит в комнате? Почему?»

7. Покажите ребенку карандаш и палочку. «Если я буду водить карандашом по бумаге, что получится? А палочкой? Давай посмотрим». «Почему карандаш рисует, а палочка нет?»

8. Принесите с улицы мешочек песка. Высыпьте половину в одну тарелку, половину — в другую. На глазах у ребенка смочите песок в одной из тарелок. «Из какого песка можно сделать куличик, а из какого нельзя? Почему? Ну-ка, давай попробуем».

9. Покажите ребенку большой и маленький кубик или два других одинаковых предмета разной величины. «Как ты думаешь, какой кубик тяжелее? Почему? Давай проверим».

10. Возьмите дощечку и металлический брусок, молоток и пару гвоздей. «Как ты думаешь, куда можно вбить гвоздь, а куда нет? Почему?» «Смотри, я сейчас попробую».

11. Поставьте перед ребенком стакан воды и кусочек сахара. «Если ты бросишь сахар в воду и помешаешь ло-

жечкой, что получится? Давай посмотрим... Куда делся сахар? Он остался в стакане или нет?»

12. Здесь потребуется целое приспособление. Сделайте простейший рычаг. Это может быть, например, линейка с отверстием в центре, надетая на гвоздь, вбитый в доску. Прикрепите к одному концу рычага картинку и поместите перед ребенком так, чтобы он мог дотянуться только до другого конца.

«Что нужно сделать, чтобы достать картинку? Куда нужно двигать этот (ближний) конец палочки? Попробуй». «Достал? Молодец! Куда ты двигал конец палочки?»

13. Две картинки. «Почему на этой картинке дети в пальто, а на этой — в платьях и рубашках?»

14. Снова две картинки. «Почему на этой картинке листья желтые, а на этой зеленые?»

15. Картинка с изображением катка. «Почему мальчик упал?»

16. «Почему птичка летает, а собачка не может летать?»

17. «Зачем у кошки мягкие лапки?»

18. «Почему из глины (пластилина) можно лепить, а из камня нельзя?»

19. «Почему днем светло, а ночью темно?»

20. «Из чего летом можно лепить куличики? А зимой из чего?»

Так мы играем

В предыдущих частях отдельно описывалась сюжетно-ролевая игра, отдельно — дидактическая, изолированно выступали занятия по рисованию, конструированию, аппликации. Такие занятия вполне возможны, они оказывают большое развивающее влияние на ребенка. Но все же для домашних условий удобнее другое: комплексные игры-занятия, в каждом из которых перед ребенком ставится несколько разных задач. Основой тут

должна быть именно игра. Она предоставляет богатейшие возможности для включения любых других заданий, позволяет ввести их естественно, без нажима. В этой главе мы приведем примеры таких игр-занятий.

Мы с дочкой готовим обед для двух матрешек. Маленькая матрешка — наш младший сын, большая — старшая дочь. Ира их мама, а я папа. Впрочем, семейные отношения для Иры еще не очень важны. Она предпочитает называть матрешек матрешками, хотя мы и дали им имена. Это для ее возраста совершенно естественно. Когда я предложил дать им имена, я и не думал, что она немедленно начнет ими пользоваться. Расчет был на то, что это произойдет со временем — к третьей, пятой или десятой игре.

Ира берет кастрюлю и мешает в ней ложкой.

— Что это ты делаешь? — спрашиваю я.

— Варю.

— А что ты варишь? Что будет у наших детей на первое?

— Суп, — уверенно отвечает Ира.

— Тогда надо налить воду, — советую я.

Дверная ручка — вполне подходящий кран. Ира подносит к нему кастрюлю, «наполняет ее водой», а потом бросает несколько мелких кубиков.

— Картошку положила, — объясняет она мне.

Я понарошку солю суп, и мы ставим его вариться на стул, который временно выполняет функции плиты. Ручка от сломанной сковороды служит спичкой. Ира чиркает ею по коробке со «Строителем» и зажигает газ.

— А что будет на второе? — интересуюсь я.

— Котлеты, — говорит Ира.

Она берет другую кастрюлю и собирается повторить манипуляции, проводившиеся с супом. Но я спрашиваю:

— В чем мы будем жарить котлеты?

— Ой, сковорода нужна! — спохватывается Ира.

То, что сковородка слегка поломана, нам не мешает. Мы кладем на нее четыре пуговицы и начинаем их жарить.

Но вот обед готов. Пора кормить матрешек. Срочно нужны стулья и стол, а их нет: они остались на полке.

— Давай сами сделаем стол и стулья, — говорю я. — Тогда нам не придется ходить, искать. А «Строитель» у нас прямо тут. — И я открываю коробку со строительным конструктором.

Ира уже умеет делать стулья. Она быстро приставляет кубики к кирпичикам и усаживает матрешек. Со столом приходится потрудиться. Я делаю маленький чертеж (рис. 25).

О! Теперь все ясно. Ира быстро делает стол из трех кирпичиков. Но маленькая матрешка до него не достает: стул для нее слишком низок. Ира, не замечая этого, ищет тарелки.

— Подожди, — останавливаю ее я, — видишь, маленькая матрешка не может кушать. Ей не достать.

После небольшого раздумья Ира кладет на сиденье еще один кубик, делая стул вдвое выше.

— Теперь слишком высоко, — вздыхаю я. — Стул получился такой же высокий, как стол.

Ира снимает второй кубик, несколько проб — и вот уже достигнут нужный результат (рис. 26).

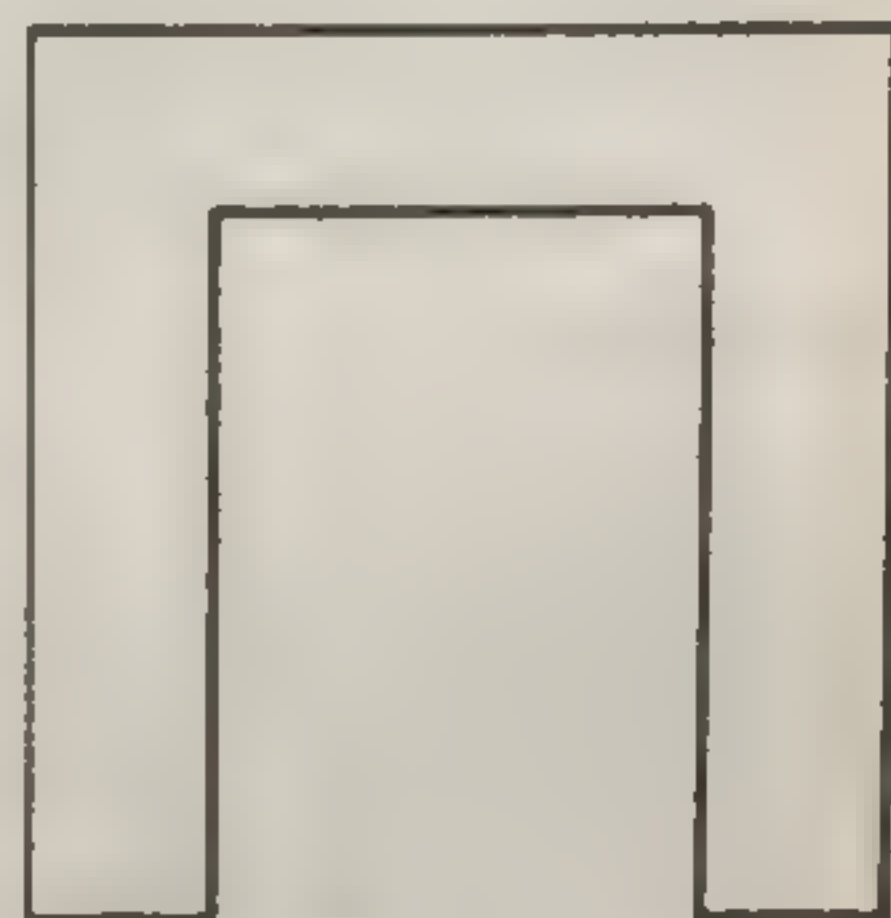

Рис. 25

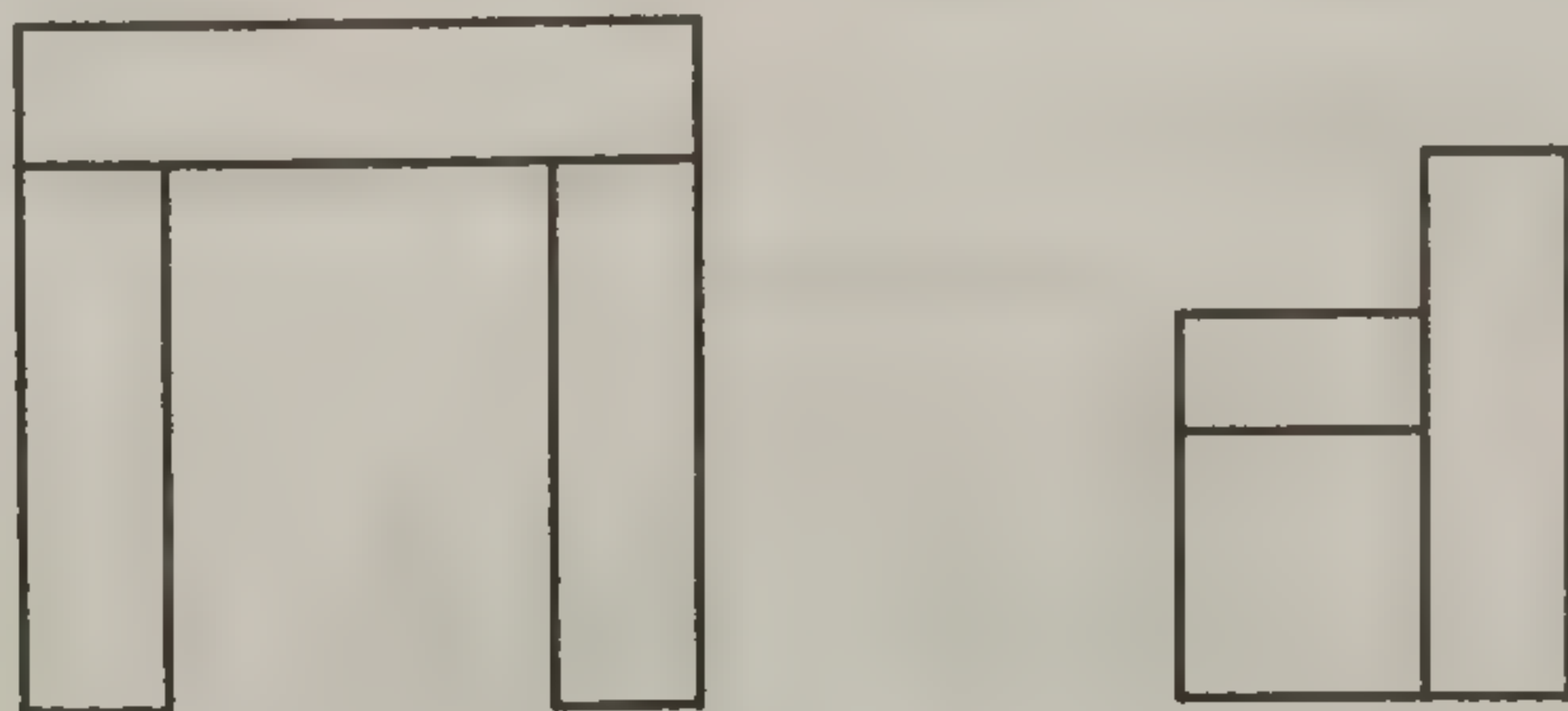

Рис. 26

Теперь пора подобрать тарелки. Большой матрешке — большую тарелку, маленькой — маленькую.

Мы покормили матрешек первым, покормили вторым. Что делать дальше? Ира вопросительно смотрит на меня.

— Что наша мама делает, когда мы пообедаем?

— Моет посуду, — отвечает Ира и начинает собирать тарелки.

Дверной ручке снова приходится работать водопроводным краном.

— Ш-ш-ш-ш! — шипит Ира, изображая звук льющейся воды.

Я вытираю вымытые тарелки и складываю их в коробку. Вот уже и эта процедура окончена, а Ира хочет играть еще.

— Матрешки будут спать, — сообщает она.

— Правильно, — соглашаюсь я. — После обеда надо поспать. Давай сделаем им кровати.

Ира начинает вытаскивать строительный материал из коробки. Я ее останавливаю:

— Так много кирпичиков нам не понадобится. А кубики и вовсе не нужны.

Ира послушно складывает кубики обратно в коробку. Я оставляю одиннадцать кирпичиков: нам понадобится три кирпичика для маленькой кровати и восемь для большой. Но Ире я этого не говорю. Пусть она сама сообразит, какими должны быть кровати, пусть сама сделает их.

Ира начинает с того, что строит две маленькие кровати (рис. 27).

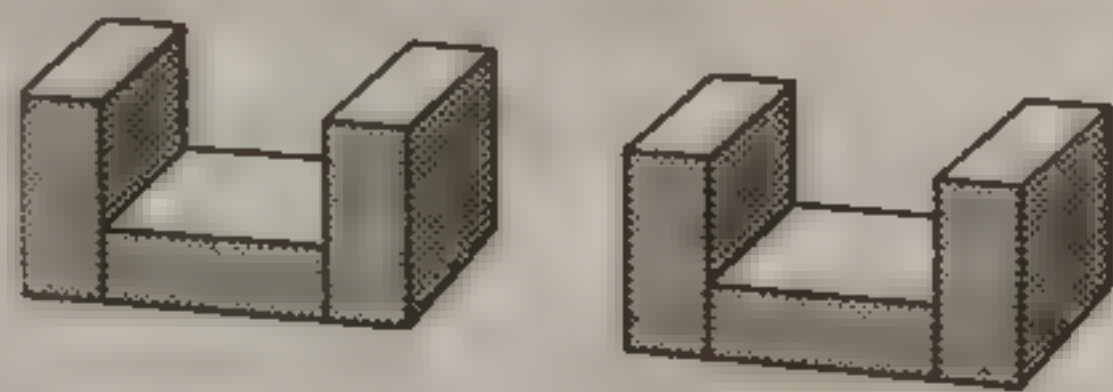

Рис. 27

Такие кроватки мы с ней уже делали раньше. Для маленькой матрешки это роскошное ложе, но большая на нем не помещается. Ира вопросительно смотрит на меня.

— Не помещается, — констатирую я. — Ей нужна большая кровать.

Ира снимает обеих матрешек, разбирает обе кровати и строит две другие (рис. 28).

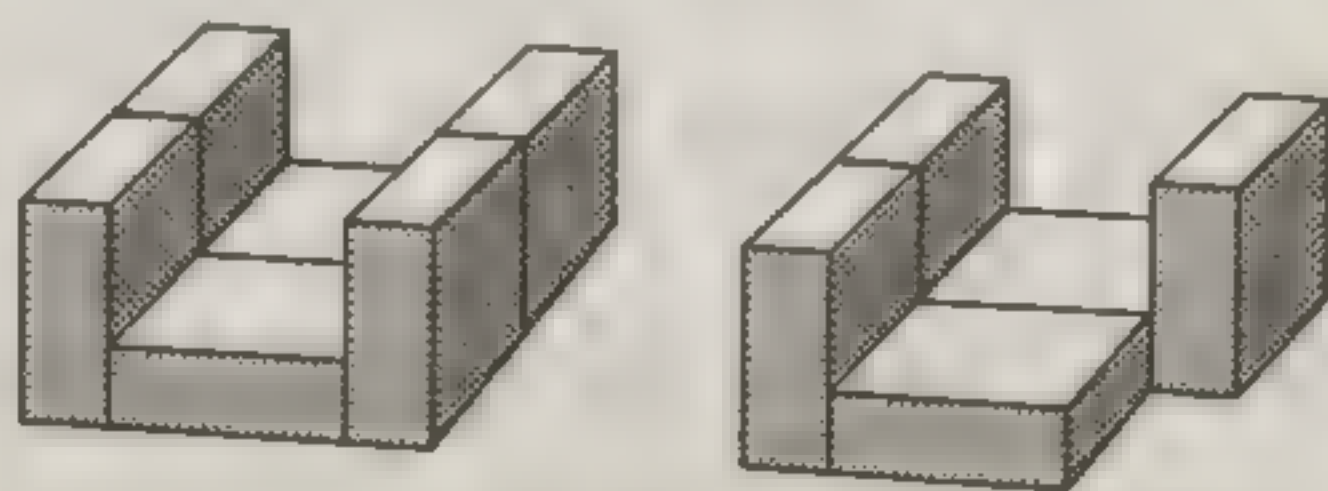

Рис. 28

Одна из них оказывается с недоделанной спинкой: не хватило кирпичика. Но большая матрешка и теперь не помещается. Тогда Ира снова ломает кровати и делает одну — гигантскую, из десяти кирпичиков (рис. 29).

Рис. 29

На нее она укладывает обеих матрешек.

— Нет, — говорю я. — Пусть каждая спит на своей кроватке.

Маленькая матрешка отправляется на единственный оставшийся кирпичик — у нее теперь не кровать, а кушетка. Для первого раза можно на этом и остановиться. Но можно и пойти дальше:

— Давай все-таки сделаем ей настоящую кровать со спинками.

— Дай еще кирпичик!

— А ты попроси у второй матрешки. Ей ведь не нужна такая большая кровать.

— Матрешка, дай кирпичик, — просит Ира и, забрав два кирпичика, сообщает мне: — Дала матрешка.

Теперь у обеих матрешек подходящие им по росту кровати (рис. 30).

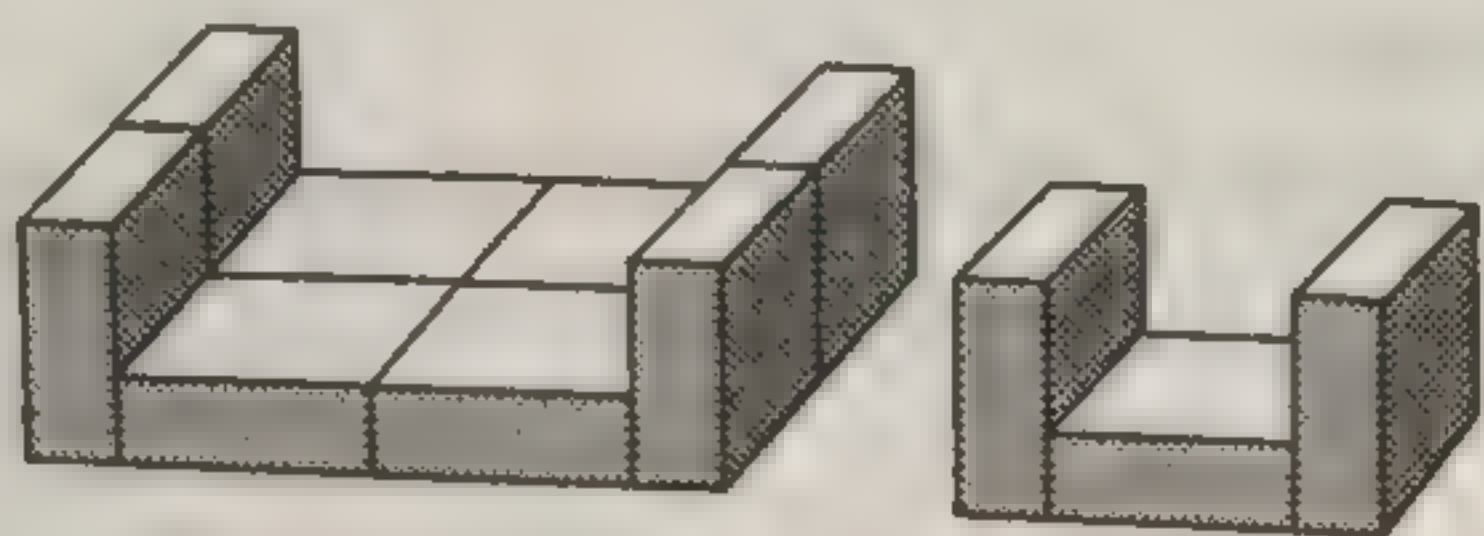

Рис. 30

Матрешки уложены. Я выражаю бурную радость:

— Вот как хорошо! Теперь и маленькой матрешке удобно, и большой. Вот только не простудятся ли они? По-моему, им холодно так спать.

Ира оглядывается в поисках одеяла. Я как бы невзначай снимаю со стола листок бумаги и кладу рядом с кроватями. Ирин взгляд падает на листок...

— Одеяльцем укроем матрешечек, — приговаривает она, заботливо укрывая большую матрешку бумажкой. Лежащий рядом рецепт становится вторым одеялом.

— И маленькую матрешечку укроем, — комментирует собственные действия Ира.

Игра удалась как нельзя лучше, если не считать того, что в итоге немного помят рецепт. Мы поупражнялись в построении игрового сюжета, начали осваивать беседу с куклой, немного поработали над игровым замещением. В игру был включен и дидактический момент — обучение соотношению предметов по величине. Заодно мы попрактиковались и конструированием — по уменьшенному нерасчлененному образцу и по условиям.

При желании игру можно было бы еще расширить. Например, уложив матрешек спать, мы могли бы почистить им на ночь стишок или загадать загадку. Могли бы нарисовать, как они спят. Да мало ли что еще! Но известно, что все хорошо в меру. Оставим другие задания для следующей игры.

— Сейчас мы с тобой будем играть в регулировщика, — говорю я Юре. — Только сначала надо построить дорогу, чтобы по ней ездили машины. У нас будет три дома — мы их сделаем из стульев, — и от одного дома к другому будут идти дороги, вот так. — Я кладу перед ним план (рис. 31), нарисованный на маленьком листочке¹.

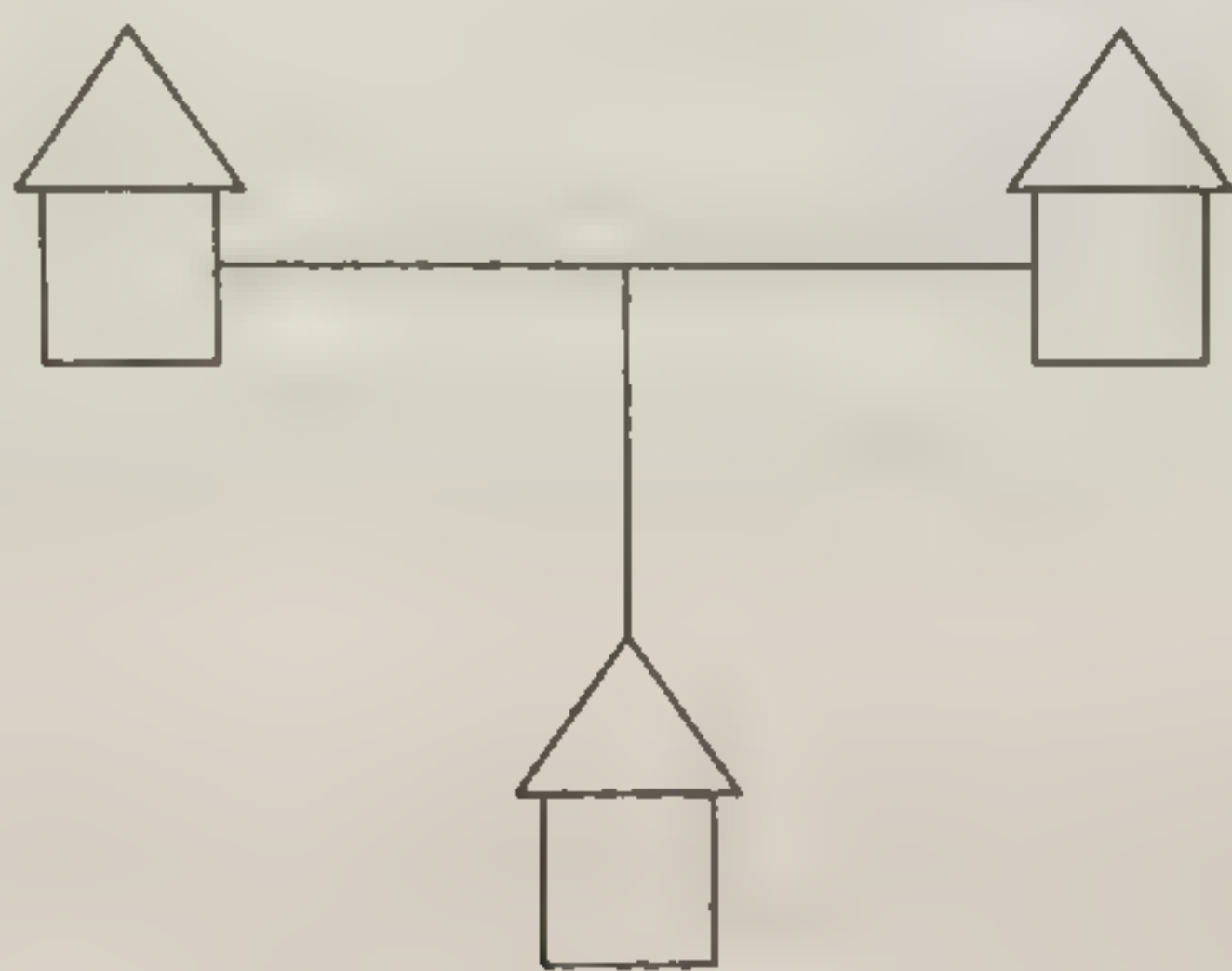

Рис. 31

— Дорогу можно сделать из карандашей.
Я начинаю выкладывать на полу «дорогу».

Юра продолжает делать ее, а потом по моему указанию ставит у концов дороги по стулу: это дома. Я снова обращаю его внимание на план, интересуюсь, где будет третий дом. Он ставит на требуемое место стул и к нему тоже проводит дорогу. В двух домах мы поселяем матрешек — большую и маленькую, в третьем — собачку. Около собачкиного дома стоит грузовик. Я объявляю:

— Собачка хочет поехать в гости к маленькой матрешке. Подвези ее — ты же у нас шофер.

Юра усаживает собачку в кузов и везет в гости. Он старательно рычит, изображая звук двигателя, и увле-

¹ Пусть вас не смущает, что дороги даны в плане как вид сверху, а дома — «в профиль» (вид сбоку). В черчении этот прием называется условным поворотом плоскости проекции. Дети принимают такую условность очень легко.

ченно библикает. Я жду машину на перекрестке. Когда Юра добирается до меня, объясняю:

— Я — регулировщик и всем показываю, в какую сторону им ехать. Куда вы едете?

— К матрешке.

— К большой или к маленькой?

— К маленькой.

— Тогда вам сюда, — показываю я.

Юра довозит собачку до стула и высаживает ее из кузова.

— Почему же собачка не здоровается? — спрашиваю я.

— Гав! Гав! Здравствуй!

— Здравствуй, маленькая матрешка, — подсказываю я.

— Здравствуй, маленькая матрешка! — подхватывает он.

— А матрешка что ответит?

— Здравствуй, собачка.

— Наверное, она угостит собачку чаем?

Под стулом — в доме у матрешки — начинается чаепитие. Выждав пару минут, я говорю:

— Пора прощаться. Собачке надо ехать домой.

— Гав! До свидания, маленькая матрешка!

— До свидания, собачка! — отвечаю я по возможности тонким голосом.

Юра уже берется за машину и начинает гудеть, но тут я прошу:

— Можно, теперь я буду шофером? А ты будешь регулировщиком, будешь показывать мне, куда ехать.

— Туда, — показывает Юра.

Я отъезжаю от матрешкиного дома, доезжаю до перекрестка и останавливаюсь.

— Би-би! Куда дальше?

Юра снова показывает:

— Туда! К собачкиному домику.

Собачка приехала домой, отдохнула и снова собралась в гости.

— Гав! Гав! Хочу в гости к большой матрешке.

Юра предупредительно показывает, куда нам ехать, потом — куда сворачивать у перекрестка. Он уже полностью вошел в роль. Можно переходить к следующему этапу.

Пока собачка пьет чай у большой матрешки (предварительно поздоровавшись с ней так же, как она здоровалась с маленькой), я рисую на двух узких полосках бумаги стрелки (рис. 32):

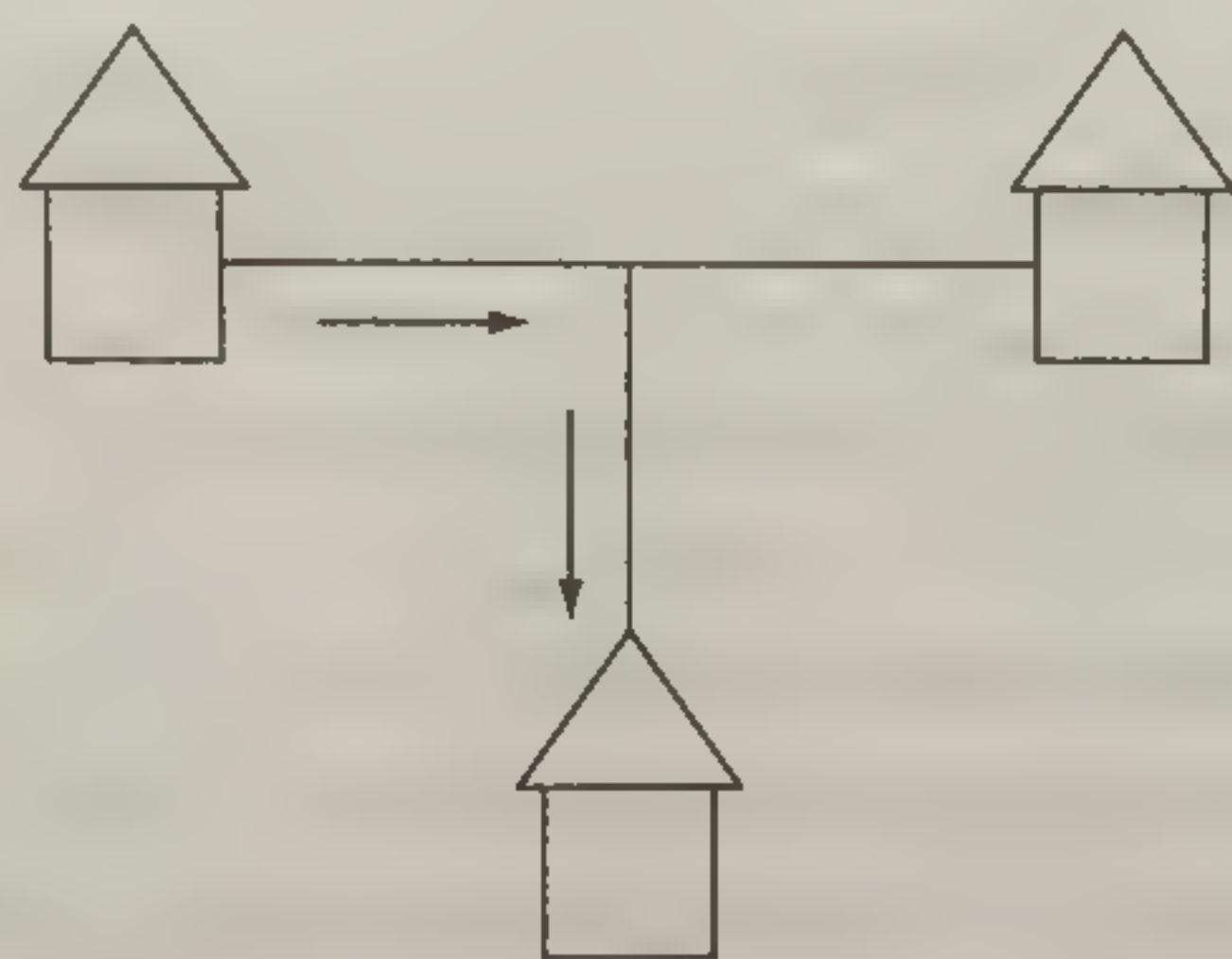

Рис. 32

— Юра, куда потом поедет собачка?

Он показывает.

— Давай мы положим стрелочку. Видишь, она показывает, что ехать надо в ту сторону. — Я кладу вдоль дороги стрелку и спрашиваю: — А потом куда надо будет повернуть?

Юра снова показывает, а я кладу на перекрестке вторую стрелку и говорю:

— Ну вот, теперь сразу видно, как ехать. Сначала туда, а потом повернуть сюда, как показывает эта стрелочка.

Теперь регулировщик уже не нужен, поэтому Юра может снова стать шофером. Короткий ритуал прощания («До свидания, большая матрешка». — «До свидания»).

ния, собачка».) — и машина отправляется по заранее намеченному маршруту.

В следующий раз, когда большая матрешка едет в гости к маленькой, стрелки кладет уже сам Юра, хотя и под моим руководством. Игра повторяется еще пару раз — большая и маленькая матрешки по очереди ездят к собачке, а затем я даю Юре бумагу и карандаш и предлагаю нарисовать, как мы играли.

Лист бумаги лежит прямо на полу, и Юра старательно рисует у его краев дома, а потом соединяет их дорогой. Я спрашиваю, где должен быть собачкин дом. Он указывает место совсем рядом с дорогой. Приходится немного подсказать:

— Смотри, как далеко ехать от этой дороги до собачкиного домика. А у тебя получается близко.

Теперь Юра намечает место правильно. После этого он рисует дом и идущую от него дорогу. Конечно, сделать этот рисунок ему помогает воспоминание о плане, по которому он строил дороги: ведь, по сути дела, сейчас он должен заново воспроизвести этот же план.

Когда дороги и дома нарисованы, я предлагаю нарисовать, кто где живет. Объясняю, что нужно рисовать так, чтобы сразу было видно, где большая матрешка, где маленькая, а где собачка. И потом, когда Юра уже рисует, каждый раз спрашиваю:

— Это кто? Матрешка? А какая — большая или маленькая? А это кто — собачка? Как сделать, чтобы она была не такая, как матрешки?

В итоге собачка в качестве отличительного признака приобретает хвост, матрешки же действительно оказываются сильно различающимися по величине. По моему предложению Юра стрелками указывает путь от маленькой матрешки к собачке. По дороге едет грузовик. Его приходится нарисовать трижды: как он отъезжает от дома матрешки, как поворачивает на перекрестке и как подъезжает к собачкиному дому. На этом игра кончается, и Юра идет ужинать.

Как видите, на этом занятии я учил Юру принимать игровую роль, менять ее по ходу игры. Отрабатывалось одно из важных игровых действий: разговор двух игрушек. Одновременно закреплялось правильное использование слов «большой», «маленький». Проводилось конструирование по схематическому плану (строительство дорог из карандашей). В дальнейшем Юра сам строил план, на котором изображалось расположение домов, направления дорог. Было введено использование стрелки для обозначения направления движения. Эти стрелки помогли предварительному планированию действий: фиксации того, откуда и куда в дальнейшем поедет наш герой. И наконец, мы учились правильно передавать в рисунке отношение предметов (двух матрешек) по величине.

Нередко мы с Юрой устраиваем военные игры. Обычно все начинается с построения крепости, которую потом атакуют оловянные солдатики. Крепость строится по образцу, нарисованному мной заранее. Мы привозим на грузовике строительный материал, сгружаем его и принимаемся за работу.

На этом этапе солдатики используются в роли шоферов, грузчиков, строителей.

Когда сооружение крепости заканчивается, солдатики выстраиваются напротив нее и начинается арт-обстрел.

— Бах! Ба-бах! — кричит Юра, бросая кубики и колечки от пирамидки.

— Целься точнее! — требую я. — Ты опять выстрелил мимо.

— Попал! Бах! Ба-бах!

В конечном счете часть крепости обрушивается, и солдаты устремляются в атаку. Юра — их бессменный командир — умело руководит наступлением. Он командует:

— Вперед! Ура!

Мы помогаем солдатикам вскарабкаться на стену. В суматохе боя некоторые из них падают. Мы оставляем их лежать, с тем чтобы потом, после захвата крепости, отправить в больницу.

Наконец крепость взята. Санитарная машина проезжает по недавнему полю боя и собирает раненых. Игра принимает новый оборот: извлекается набор «Ай-болит» и начинается лечение солдатиков. Юра — доктор. Он делает раненым уколы, измеряет температуру, выслушивает стетоскопом.

— Может быть, выпишем солдатику рецепт? — предлагаю я.

Юра охотно выводит на листочке каракули. Я беру рецепт и отправляюсь в аптеку за лекарством.

— У вас есть такое лекарство? — спрашиваю я у аптекаря, протягивая ему Юрин рецепт.

— Есть, — отвечает Юра.

— Так дайте его, пожалуйста.

Он подает мне колечко от пирамидки:

— Вот таблетка.

Я несу лекарство в больницу и передаю доктору.

— На таблетку, солдатик, — говорит доктор.

Пациент съедает ее (она чуть-чуть больше его самого) и выздоравливает. Ту же таблетку съедает второй солдатик, потом третий. Когда все выздоравливают, они присоединяются к солдатам, защищающим отвоеванную крепость. Теперь можно сложить их всех в коробку до следующего боя. Складывается и строительный материал.

А вот игра, сопровождающаяся рисованием, аппликацией и чтением стихов.

Мы с Ирой играем, как будто у нас Новый год. Наши гости — плюшевый мишка, заяц-пищалка и кукла Маша — вместе с нами наряжают елку. Настоящей елки у нас нет. Вместо нее посреди комнаты стоит обыкновенный стул. Чтобы он стал больше похож на елку, я накрыл его зеленой рубашкой.

Каждый гость делает свою игрушку, а мы с Ирой им помогаем. Сначала мы вместе с мишкой рисуем гуашью яркие разноцветные шарики. Потом учим Машу делать бусы, наклеивая на листок зеленой бумаги ритмично чередующиеся красные и желтые кружки. Заяц тоже не сидит без дела — он зажигает лампочки. Тщательно вымытая кисть окунается в краску, и на черной бумаге ставится яркая клякса: зажглась еще одна лампочка. Каждая сделанная игрушка сразу же вешается на елку (проще говоря, кладется на стул). Мы даже не ждем, пока она высохнет.

Ира — внимательная хозяйка. Она время от времени спрашивает у гостей, не голодны ли они, поит их чаем. В первый раз это было сделано по моему предложению, но потом она стала сама повторять всю процедуру, как только ей немного надоедало клеить и рисовать.

Украсив елку, мы расположили гостей вокруг нее: пусть водят хоровод и вместе с нами поют песенку про Новый год. Спев песенку, читали стихи А. Барто. Мишке прочли стишок про мишку («Уронили мишку на пол...»), зайцу — про зайку («Зайку бросила хозяйка...»). Наверное, они не очень подходили к случаю, но нас с Ирой это ничуть не смутило. Под конец мы включили магнитофон и потанцевали. А потом в последний раз напоили гостей чаем и проводили их домой — в ящик для игрушек.

Украшенный стул так и остался стоять в комнате на всю ночь. А на следующий день мы сложили наши игрушки в коробку, чтобы потом — когда будет настоящий Новый год — повесить их на настоящую елку. Разве шарики, старательно нарисованные на листе бумаги, хуже стеклянных? По-моему, если они сделаны самим ребенком, то даже лучше. И я привязал к каждому листку прочную нитку.

Примеры игр, включающих конструирование, рисование, аппликацию, чтение стихов, можно было бы

приводить еще долго. Но мы не станем этого делать. Вы сами легко сможете придумывать такие игры, учитывая вкусы своего ребенка и достигнутый им уровень владения разными видами деятельности. На прощание мы хотим дать только один совет: не стесняйтесь сами становиться детьми. Играйте всерьез — тогда игра будет интересной и вам, и вашему ребенку, она станет не только средством формирования его умственных способностей, но и средством формирования ваших с ним отношений. Играйте смелей!

Если у вас есть вопросы...

Если вы заинтересовались нашей книгой, тем более если пытаетесь применить наши советы на практике, у вас наверняка возникло немало вопросов. Что-то оказалось не вполне ясным, что-то не получилось, что-то не подходит (или не вполне подходит) для вашего ребенка. Кроме того, вы слышали, а может быть, и прочли в другой книге советы, отличающиеся от наших и даже им противоречащие...

Конечно, все вопросы предусмотреть невозможно. Но некоторые, наиболее вероятные, мы попробуем угадать и заранее дадим на них ответы. Впрочем, если вопросов у вас не возникнет, можете эту часть и не читать.

Итак, **вопрос**. Вы выступаете против обучения дошкольников знаниям и умениям, которые являются традиционно «школьными». К их числу относятся знания по математике и грамоте. Но ведь обучение им входит в «Программу воспитания в детском саду», причем занятия по формированию элементарных математических представлений предусмотрены уже во второй младшей группе, т. е. проводятся с детьми трехлетнего возраста. Что это, ошибка?

Ответ. Нет, не ошибка. Дошкольников можно и нужно знакомить с началами математики и грамоты. Это поможет им впоследствии успешно учиться в школе. Но,

во-первых, ни в коем случае не следует делать такое ознакомление основным стержнем умственного воспитания. Этим стержнем — повторим еще раз — должно являться обеспечение развития восприятия, образного мышления, воображения. Во-вторых, обучение началам математики и грамоты должно здесь осуществляться в особых формах, соответствующих возрастным особенностям дошкольников, т. е. само должно опираться на образные формы познания и носить игровой характер. «Программа воспитания в детском саду» и методики дошкольного обучения это учитывают, а вот родители учитывают, к сожалению, далеко не всегда. Поэтому, честно говоря, мы просто побаиваемся советовать родителям становиться учителями грамоты и математики. Слишком опасным может оказаться для ребенка крен в эту сторону при неквалифицированных, доморощенных приемах обучения. Слишком много нам приходилось видеть маленьких «грамотеев», оказавшихся на поверку серьезно отставшими в умственном развитии.

Что касается трехлетних детей, то учить их грамоте вообще нецелесообразно, а некоторые простейшие представления о количестве (один, много, поровну, больше, меньше) им будут полезны, если вы сумеете эти представления правильно сформировать.

Вопрос. Вы пишете, что трехлетку не стоит обучать грамоте. А что делать, если он сам интересуется буквами, постоянно спрашивает: «Это какая буковка?», «Что здесь написано?». Ведь вы сами утверждаете, что интересы ребенка нужно поддерживать.

Ответ. Интерес к буквам — довольно частое явление у современных детей, особенно если в семье есть старшие братья или сестры, которые учатся грамоте. Этот интерес, как и другие, нужно удовлетворять. Если ребенок спрашивает, отвечайте ему, называйте буквы, читайте слова, которые привлекли его внимание. Но мы не советуем использовать интерес к буквам и словам в

целях систематического обучения грамоте, поощрять ребенка собственными вопросами «Какая это буква?», что обычно делается для того, чтобы вызвать восхищение «talантами» дитяти у родственников и знакомых.

Чаще всего интерес к печатному слову, возникающий в два-три года, потом исчезает и появляется снова к пяти-шести годам, когда уже есть смысл начинать серьезное обучение грамоте (но в дошкольных формах!) и когда такое обучение, ложась на подготовленную почву, будет способствовать общему умственному развитию. И только отдельные, очень немногие трех-четырехлетние дети на основе скурых указаний взрослых каким-то собственным чутьем преодолевают трудности соотнесения звука и буквы, составления и слияния слогов и т. д. и начинают читать. Ну что же, против этого возражать не приходится. Вред ребенку может принести не само овладение чтением, а несвоевременное и неумелое обучение ему, ненужный нажим со стороны взрослых.

Вопрос. Мой ребенок ходит в детский сад, с ним там занимаются по общей программе. Нужно ли в этом случае пользоваться программой, которую предлагаете вы?

Ответ. Думаем, что это будет полезным во многих отношениях. Занятия, которые проводятся в детском саду, далеко не исчерпывают возможностей умственного развития детей. Учтите, что это — групповые занятия, в которых одновременно участвуют 20—25 (если не 35!) трехлетних малышей. Может ли воспитательница в этих условиях видеть каждого ребенка, добиваться того, чтобы он усвоил все, что полагается по программе? Тем более что детский сад — не школа, отметок здесь не ставят, и все должно держаться на интересе самих детей.

Вопрос. Насколько часто вы рекомендуете заниматься с ребенком и какова должна быть длительность каждого занятия?

Ответ. Лучше всего заниматься ежедневно. Если ребенок не посещает детский сад, вполне можно прово-

дить с ним по два занятия в день. Если посещает — достаточно и одного, которое, естественно, проводится вечером. А в субботу и воскресенье можно провести и по два-три занятия, но с большими промежутками. Длительность занятий в зависимости от содержания и от интереса, который проявляет к ним ваш ребенок, может значительно колебаться. Но в среднем она составляет 10—20 минут. Только занятия, основной формой которых является сюжетно-ролевая игра, могут длиться дольше — до 30—35 минут. При этом следует учитывать, что систематичность проведения занятий и соответственно их частота гораздо важнее длительности каждого занятия. Лучше поэтому распределять работу с ребенком так, чтобы проводить, например, два занятия по 10 минут ежедневно, чем два по 20 минут через день.

Вопрос. Не приведут ли домашние занятия к перегрузке ребенка, его утомлению?

Ответ. Ни в коем случае, если вы будете соблюдать главное условие таких занятий: превращение вашей программы в его собственную программу. Малыш устает не от деятельности (если она его привлекает), а скорее от безделья, от неумения занять себя, найти выход активности, которой у него хоть отбавляй. Все задания, которые предложены в книге, будут способствовать более рациональной организации жизни ребенка, ее насыщению полезными и увлекательными для него действиями.

Вопрос. Вы советуете нам, родителям, самим сочинять по тем образцам, которые приведены в книжке, игры и простые истории для занятий с ребенком. Но ведь не каждый взрослый умеет сочинять. Какие советы вы могли бы дать в этом отношении?

Ответ. Сюжеты игр и рассказов нужно черпать из окружающей жизни. Лучше всего стараться использовать явления, которые ребенок наблюдал сам, и для этого организовывать опыт ребенка, заранее обращать его внима-

ние на то, что потом будет использоваться в игре и занятиях. Так, если вы зашли с ребенком в магазин, обратите его внимание на то, как кассир принимает деньги и выбивает чеки, как продавец берет чек, спрашивает у покупателя, что ему нужно, как он быстро и ловко режет и отвешивает продукты. Отметьте вежливое обращение покупателя к продавцу и вежливый ответ продавца (надемся, что вы попадете в подходящий для этого магазин). В тот же день, пока увиденное не забыто, используйте в игре все, что происходило в магазине. Пусть ребенок по возможности самостоятельно (по вашим наводящим вопросам) вспомнит и воспроизведет в игре работу продавца, его взаимоотношения с покупателями и т. д.

Сочиняя рассказы для организации разных форм моделирования, старайтесь опираться на знакомые ребенку по собственному опыту явления. Рассказ должен быть коротким. В него следует включать не более двух-трех персонажей. Сюжет, как правило, должен состоять из четкого описания действий этих персонажей и быть завершенным, иметь начало и совершенно определенный конец.

Вопрос. Какую детскую литературу вы можете рекомендовать для чтения и рассказывания ребенку?

Ответ. Литература для каждой возрастной группы представлена в «Программе воспитания в детском саду». Здесь мы приведем несколько сокращенный список.

Литература для рассказывания детям. Л. Толстой «Три медведя»; братья Гримм «Горшок каши»; русские народные сказки: «Снегурочка и лиса», «Кот, петух и лиса», «Маша и медведь», «Заяц, лиса и петух», «Петух и бобовое зернышко», «Волк и козлята»; украинская народная сказка «Коза-дереза».

Литература для чтения вслух. З. Александрова «Мой мишка»; А. Барто «Игрушки», «Машенька», «Девочка-ревушка», «Девочка чумазая»; В. Берестов «Веселое лето»; Е. Благинина «Аленушка», «Вот такая мама»; Н. Забила «Ясочкин садик»; Н. Калинина «Летом»;

С. Капутикян «Маша обедает»; Л. Квитко «Кисанька», «Ручеек-журчалочка»; И. Кипнис «Котенок, который забыл, как надо просить есть»; С. Маршак «Перчатки», «Мяч», «Кто колечко найдет», «Сказка о глупом мышонке»; Н. Павлова «Чьи башмачки?»; К. Чуковский «Цыпленок», «Мойдодыр», «Телефон», «Красное солнце».

Литература для заучивания наизусть. А. Барто «Лошадка», «Мишка», «Снег, снег», «Флажок», «Мячик»; Е. Благинина «Огонек»; П. Воронько «Обновки»; О. Высотская «Посмотрите, посмотрите»; М. Клокова «Мой конь»; А. Кузнецова «Про флажок»; И. Токмакова «Купите лук»; народные потешки «Гуси вы, гуси», «Кисанька-мурысенька», «Кошкин дом».

Вопрос. В вашей книжке ничего не говорится о различии между мальчиками и девочками. Нужно ли учитывать пол ребенка в работе по его умственному воспитанию?

Ответ. Хотя мы действительно ничего не говорили о различии между мальчиками и девочками, но, если вы заметили, это различие учитывалось нами в примерах работы с детьми. В трехлетнем возрасте ребенок как раз начинает относить себя к определенному полу. Это проявляется главным образом в неосознанном выборе образцов для подражания: мальчик обычно в качестве такого образца выбирает отца или старшего брата, девочка — мать или сестру. Выбор образца накладывает отпечаток на манеру поведения, выбор игрушек и сюжетов игр. Большое значение имеет и то, что окружающие ждут от мальчиков и девочек разных особенностей поведения, вольно или невольно наталкивают ребенка на такие особенности.

Общий ход умственного развития мальчиков и девочек бесспорно одинаков. Поэтому содержание заданий для них одно и то же. А вот при выборе формы, в которой эти задания даются, следует в известной мере учитывать различие интересов у мальчиков и девочек.

Но только в известной мере, чтобы предлагаемое вами задание могло привлечь ребенка. Особенно это касается игры: вероятно, мальчик будет охотнее играть в «летчика», а девочка — в «дочки-матери». Впрочем, найдется немало и таких ролей, которые с одинаковым успехом будут выполнять и мальчики и девочки (продавец, доктор и др.). Если же ваш ребенок, что бывает нередко, проявляет интерес к играм, характерным для детей другого пола, не нужно этому препятствовать, но все же у мальчика пусть это будут не «дочки-матери», а «дочки (или сыновья)-отцы». Ребенку следует постепенно осознавать свой пол.

Вопрос. Мой Саша любит играть только с машинами. Он всегда шофер. Если ему дарят куклу или мишку, он на них и не глядит. Но стоит подарить новую машину (а их накопилось уже штук двадцать), как Саша бурно радуется, хватается ее, начинает возить по комнате и бибикать. Самый лучший способ воздействовать на него, например заставить вымыть руки, — сказать, что так делает «дядя водитель». Следует ли придавать занятиям с ним, направленным на умственное развитие, форму игры «в шофера»?

Ответ. Интересами ребенка, конечно, пренебрегать не следует. Если они проявляются столь ярко, нужно их использовать. Но вместе с тем неразумно было бы сужать сферу действительности, с которой ребенок знакомится через игру, до какого-то одного вида человеческой деятельности. Это могло бы привести, в частности, и к неполноценному овладению замещением предметов, поскольку оно охватывало бы, по-видимому, только эту сферу и не приобретало необходимой широты.

В приведенном случае мы могли бы рекомендовать, начиная с игр, имеющих «транспортный» сюжет, постепенно вводить новых персонажей и новые ситуации, расширять содержание игры и таким образом переводить ребенка к новым сюжетам. Ведь водитель может, например, перевозить куклу Катю на новую квартиру, помогать ей

расставлять мебель, знакомиться с ее родителями и подругами, затем принимать участие в новоселье и т. д.

Вопрос. Основной формой, в которой вы советуете проводить занятия с ребенком, должна служить игра. А что делать, если ребенок не любит и не умеет играть? Вот моя Маша целые дни строит дома и башни, но никогда не играет с куклой. Когда я пробовала предложить ей пойти с Катей погулять, напоить ее чаем, ничего из этого не выходило.

Ответ. Отсутствие игры у трехлетнего ребенка — явление не вполне нормальное и, во всяком случае, неблагоприятно отражающееся на дальнейшем развитии. Лучше всего проявить достаточную настойчивость и все-таки приучить ребенка к игре. И единственный путь к этому — играть вместе с ним. Но вместо включения в затеянные им игры (как мы советовали раньше), наоборот, начинать игры самим и включать в них ребенка. И не предлагать ему поиграть, а именно вовлекать в игру, уже ведущуюся вами. Начните с разыгрывания перед ребенком небольших сюжетов, общайтесь с куклой или мишкой, отвечайте за них соответствующими голосами, заставляйте их совершать различные поступки. И главное — делайте это эмоционально, с увлечением. А на определенном этапе предложите ребенку роль:

— Смотри, Катя обидела мишку, не захотела с ним играть. Он плачет. Пожалей мишку, успокой его.

Не умеете? У вас нет актерских способностей? Ничего не поделаешь, придется научиться.

Когда ребенок уже принял игру, можно начинать использовать ее и для умственного воспитания. Возможны, однако, и неудачи. Ребенок игрой так и не заинтересовался. Тогда придется воспользоваться другими видами деятельности, которые его привлекают. Включайте задания, направленные на умственное развитие, в рисование, конструирование, лепку, аппликацию. Конечно, в ряде случаев придется их видоизменять, но главное, чтобы сохранился их общий смысл, ребенок

знакомился со свойствами предметов, овладевал использованием заместителей, построением и применением пространственных моделей. Ну а здоровых трехлетних детей, которые не могли бы увлечься ни одним из обычных для дошкольника видов деятельности, мы полагаем, просто не существует.

Вопрос. Моя Наташа — егоза. Буквально ни минуты не может усидеть спокойно. И никакого дела не доводит до конца. Хватает куклу, стаскивает с нее платице и тут же оставляет, берется за карандаш. Почеркает по бумаге минутку-другую и говорит: «Все. Нарисовала». Так во всем. Можно ли проводить с ней занятия?

Ответ. Занятия можно проводить с любым ребенком. И если делать это правильно, систематически, они станут важным средством организации его поведения, даже если ребенок чрезмерно возбудим. Но задания в этом случае нужно вначале подбирать совсем короткие, такие, чтобы их можно было выполнить за одну-две минуты. И очень хвалить ребенка за то, что он сделал все правильно, до конца (но не за то, что сумел усидеть две минуты!).

Краткость всегда можно компенсировать частотой — проводить не одно-два, а пять-шесть маленьких занятий в день. Главное, чтобы каждое занятие, пусть самое короткое, было завершенным. Поэтому родителям придется самим дробить предлагаемые нами задания. Например, если в аппликации предусмотрено наклеивание шести элементов, заменить ее двумя другими, в каждой из которых число элементов не превышает трех, сокращать количество объектов, с которыми оперирует ребенок в дидактических играх и т. п. Иногда это будет снижать воспитательную ценность задания, но поможет избежать того, что работа останется неоконченной.

Потом следует постепенно и понемногу удлинять занятия, с тем чтобы в итоге довести их до обычной длительности и соответственно уменьшить их количество.

По ступеням
Теперь речь пойдет
Задания, приведенные
были описаны в предыдущей
собой их прямое применение
Общие принципы
ния, остаются прежними
заданий должно быть
восприятия, образного
ка и, таким образом,
ния в умственном развитии
фике дошкольного возраста
если учить ребенка
виях свойства предметов
местителями вещей
пространственные
отображающие объекты
тями. Для того чтобы
оно должно быть доступно
ребенку виды деятельности
ирование, лепку, рисование
Большая часть занятий
ет прямую практическую
предыдущей и следующей
ри», «В мире вещей», «В
строим дом»). Дети

По ступеням детства

Теперь речь пойдет о ребенке четырехлетнего возраста. Задания, приведенные здесь, опираются на те, которые были описаны в первой главе, и поэтому представляют собой их прямое продолжение.

Общие принципы, на которых построены эти задания, остаются прежними. Мы считаем, что содержание заданий должно обеспечивать, прежде всего, развитие восприятия, образного мышления, воображения ребенка и, таким образом, углублять и расширять те достижения в умственном развитии, которые отвечают специфике дошкольного детства. А достичь этой цели можно, если учить ребенка выявлять и учитывать в своих действиях свойства предметов, пользоваться условными заместителями вещей, строить и использовать наглядные пространственные модели (планы, схемы, чертежи и др.), отображающие отношения между предметами и их частями. Для того чтобы такое обучение было успешным, оно должно быть включено в доступные и интересные ребенку виды деятельности — игру, рисование, конструирование, лепку и др.

Большая часть разделов этой главы предусматривает прямую преемственность по отношению к разделам предыдущей и сохраняет те же названия («Дочки-матери», «В мире вещей», «О чем рассказывает сказка», «Мы строим дом»). Другие разделы вводятся заново. Впервые

мы даем советы, посвященные обучению детей лепке, рекомендации по их ознакомлению с начальными представлениями о количестве и по организации звукового анализа слов, который служит подготовкой к усвоению грамоты. Но не следует слишком жестко привязывать начало этих новых видов занятий именно к четырем годам. В зависимости от индивидуальных особенностей ребенка, скорости его развития (а она существенно варьирует у разных детей) можно начинать обучение и несколько раньше, и несколько позднее. Главное — не перенагружать ребенка, не заставлять его заниматься тем, что ему скучно и трудно. Если не сумели ребенка чем-то заинтересовать, лучше отложить и снова попробовать через несколько месяцев. При этом нужно учитывать, что многие виды занятий, рекомендуемых нами, взаимозаменяемы — они имеют сходное развивающее значение, и если ребенок, скажем, не любит лепить, но зато охотно занимается рисованием и конструированием, этого вполне достаточно.

Особого обсуждения заслуживает вопрос о занятиях, связанных с усвоением математики и грамоты. Ведь мы решительно выступаем против искусственной акселерации, ускорения детского развития и, прежде всего, против перенесения в дошкольный возраст школьного содержания и методов обучения. А математика и грамота — традиционно школьные учебные предметы. Данные специальных исследований и практический опыт, накопленный в работе детских садов, показывают, что обучение математике и грамоте не только можно, но и вполне целесообразно начинать в дошкольном детстве при условии, если содержание и методы обучения строятся с учетом особенностей возраста и задач умственного развития ребенка.

Главное при этом — не научить детей считать и читать, а познакомить с новыми областями действитель-

ности — количеством звуками речи. Вспомогательные упражнения с помощью — организации деятельности, — организационными средствами и использованием приемов. Как это сделать конкретно в соответствии с уровнем затруднений со специальным руководством воспитателей детских садов. Мы опирались и мы, конечно, это работы Т. В. Таруш, матике, Д. Б. Эльконина обучения грамоте.

У некоторых родителей а что делать, если ребенок не растет рекомендованными уже четыре или пять лет — с заданием? В тех случаях, где ответственность, что ребенок постарается, быстрее, в бо-дет перейти к задаче. Занимаясь с ребенком, забывайте и задания. Они вовсе не потянут описаны различные трехлетнего ребенка проводить ее с одинаково, только сложнее.

ности — количественными отношениями вещей и звуками речи. Введение в эти области знаний должно осуществляться с помощью тех же средств, которые обеспечивают умственное развитие в других видах занятий, — организации действий самих детей с количественными отношениями и отношениями звуков, построения и использования наглядных моделей этих отношений, максимального использования игровых приемов. Как это сделать, мы попытаемся показать конкретно в соответствующих разделах этой книги. В случае затруднений советуем родителям обратиться к специальным руководствам, предназначенным для воспитателей детских садов, на которые в значительной мере опирались и мы, когда готовили свои рекомендации. Это работы Т. В. Тарунтаевой в области обучения математике, Д. Б. Элькониной и Л. Е. Журовой — в области обучения грамоте.

У некоторых родителей может возникнуть вопрос: а что делать, если ребенок не прошел в трехлетнем возрасте рекомендованной нами программы, а теперь ему уже четыре или четыре с половиной? С чего лучше начинать — с заданий для трехлеток или для четырехлеток? В тех случаях, где между заданиями имеется прямая преемственность, лучше начинать с начала. Тем более что ребенок постарше сможет усвоить то, что предлагается, быстрее, в более сжатые сроки, и тогда можно будет перейти к задачам, соответствующим возрасту.

Занимаясь с вашим повзрослевшим ребенком, не забывайте и заданий, описанных в предыдущей главе. Они вовсе не потеряли своего значения. Например, в ней описаны разные варианты игры «Угадайка». Для четырехлетнего ребенка она не менее полезна, чем для трехлетнего. Но мы не описываем ее заново, потому что проводить ее с детьми того и другого возраста можно одинаково, только вопросы теперь надо подбирать посложнее.

Это же относится к занятиям аппликацией. От них вовсе не стоит отказываться. Теперь ребенок сможет делать более сложные и содержательные композиции — этими возможностями следует пользоваться. Но общий принцип организации занятий остается тем же, что и при работе с трехлетним ребенком.

«Дочки-матери»

Вы уже знаете, что игра имеет самое важное значение для умственного (да и не только умственного) развития ребенка. Вместе с тем ребенок охотнее всего принимает и выполняет любые виды заданий, если они даются ему в игровой форме. Мы, психологи, называем игру ведущей деятельностью дошкольников. Впервые это название употребил выдающийся ученый Алексей Николаевич Леонтьев. Ведущая деятельность — та, что ведет вперед, способствует развитию психических процессов, образованию новых качеств личности и готовит ребенка к переходу на новую ступень.

Но чтобы игра полностью выполнила свою важную роль в воспитании дошкольника, нужно уметь ее поддерживать, сделать как можно богаче и интереснее. Как родители могут помочь в этом ребенку?

Попробуем дать некоторые советы, придерживаясь тех составляющих игры, о которых говорилось в предыдущей части. Помните? Сюжет, содержание, роли, игровые действия, игровой материал...

Прежде всего о сюжетах. Дочки-матери, водители, летчики, детский сад, больница. Эти сюжеты мы называли в разговоре о трехлетках. Конечно, они только примерные и наиболее типичные. Это то, что дети видят вокруг себя, о чем им часто рассказывают и читают взрослые. Во все это можно играть и в три, и в четыре, и в пять лет. Но важно, чтобы круг сюжетов постепенно расширялся, включая в себя все новые и новые стороны окружающей жизни.

Вот вы идете с сыном гулять и останавливаетесь у забора, за которым идет стройка нового дома. Виден башенный кран, переносящий панели, рабочие, устанавливающие их на места. В ворота въезжают груженные самосвалы. Мальчику, конечно, все это интересно.

Воспользуйтесь случаем, расскажите ему, с чего начинается и как идет стройка, какие работники в ней участвуют, как люди ждут новые квартиры и радуются, въезжая в них. А потом, дома, затейте игры «в строительство дома», «в новоселье».

А вот другой повод для расширения сюжетов игр. Возвращаясь с дочкой домой, вы остановились у почтового ящика, вынули газеты и письмо. Откуда они пришли, как попали в ящик? После рассказа об этом можно начинать игры «в типографию», «в почту».

Богатый материал для игр могут дать праздники — и те детские, на которых побывал сам ребенок, и взрослые, которые он видел по телевизору.

Можно начинать в этом возрасте использовать для игр и сюжеты знакомых любимых ребенком сказок. Только не стоит путать свободную игру с драматизацией, подобной театральному представлению. Учитывать ребенка запоминать и воспроизводить услышанное лучше не в свободной игре, а в тех видах занятий с ним, которые специально посвящены сказке и о которых речь будет идти позже. А в игре, скорее наоборот, целесообразно поощрять собственную фантазию ребенка, любые придуманные им новые ходы, варианты сюжета. Не обязательно, например, чтобы волк съел бабушку и Красную Шапочку. Гораздо интереснее, если девочка разгадает его коварный замысел и вместо бабушки в избушке его будет ждать охотник с ружьем.

Но дело, конечно, не только в подсказывании ребенку новых сюжетов для игр. Еще важнее, чтобы родители помогали усложнять и разнообразить их содержание — разыгрывать каждый сюжет более полно и раз-

вернуто. Общее направление в развитии содержания детских игр — постепенный перевод детей от воспроизведения отдельных действий изображаемых в игре персонажей к воспроизведению взаимоотношений между ними.

Что это значит?

Вот «больной» (мама) приходит к «доктору» (дочке).

— Доктор, я что-то плохо себя чувствую. Наверное, простудилась. Измерьте мне, пожалуйста, температуру.

«Доктор» берет игрушечный термометр (из набора «Доктор Айболит») или просто палочку, встряхивает, ставит под мышку «больному». Потом вынимает, смотрит. «Да, у вас температура. Надо выпить лекарство». Дальше разворачивается ситуация «лечения» — достается бутылочка с «лекарством», из нее воображаемая жидкость наливается в ложечку, которая подносится ко рту «больного». «Больной» пьет, благодарит и уходит.

Это — пример примитивного содержания игры, где главное внимание уделено изображению отдельных действий врача — он измеряет температуру, дает больному лекарство. Но «в доктора» можно играть и по-другому. Начало игры — такое же. Однако после осмотра «больной» отказывается пить лекарство: «Ой, я не хочу пить это лекарство. Оно, наверное, горькое». И «доктору» приходится уговаривать неразумного больного, доказывать, что выпить лекарство необходимо, иначе болезнь затянется (не беда, что мама при этом выступает в роли капризного пациента — дети прекрасно понимают шуточный характер подобных ситуаций). Затем «больной» просит совета относительно режима. Но лежать в постели он опять-таки отказывается. И «доктору» приходится снова успокаивать, объяснять, уговаривать, а может быть, и строго отчитывать «больного». В этом варианте игры главное уже не внешние действия врача, а его взаимоотношения с больными. Он — знающий и ав-

торитетный специалист, который отвечает за здоровье своих пациентов.

Серьезного обогащения содержания игр ребенка трудно добиться, если в них будут постоянно исполняться только две роли (врач и больной, шофер и пассажир, капитан и матрос и т. п.). Уже в трехлетнем возрасте мы советовали приучать детей к исполнению разных ролей в одной и той же (по сюжету) игре. Теперь задача усложняется: для того чтобы передавать взаимоотношения людей в общем деле, вносить в игру по-настоящему серьезное содержание, необходимо одновременное участие нескольких персонажей. Конечно, очень хорошо, если условия позволяют вовлечь в игру сверстников вашего ребенка. Об этом мы поговорим особо. Ну а что, если это невозможно? Выход в том, чтобы постепенно приучать ребенка самого исполнять несколько ролей, последовательно менять их по ходу игры.

Начните брать на себя несколько ролей сами, и ребенок будет вам подражать (на первых порах с небольшой подсказкой).

— Давай играть в пароход. Ты будешь капитан, а я — матрос. Уважаемый капитан, нам, кажется, пора отплыть? Командуйте.

— А теперь я — пассажир. Уважаемый капитан, скажите, пожалуйста, когда мы приплывем в Москву? Вы знаете, меня сильно укачало, я очень плохо себя чувствую. У вас на пароходе нет доктора?

— А теперь я — доктор. Уважаемый капитан, мне сказали, что на пароходе есть больной пассажир. Где он?

В смене ролей могут помочь атрибуты, символизирующие исполняемую роль, — бескозырка для матроса, сумка с красным крестом для доктора и т. п.

Другой прием, помогающий развитию содержания игры, — введение в нее новых ситуаций.

— Уважаемый капитан, — докладывает «радист». — Я принял сигнал бедствия. Недалеко от нас находится судно, на котором возник пожар. Оно просит помощи...

Здесь возможны и шторм, и посадка «на мель», и многое другое.

По мере развития игры, расширения ее содержания игровые действия изменяются. Вы могли заметить по приведенным выше примерам, что передача взаимоотношений между людьми происходит в игре главным образом при помощи словесного общения персонажей. Иными словами, игровые действия все больше приобретают словесный характер. Это не значит, что передача внешних действий должна вовсе исчезнуть. Они только становятся более лаконичными, как бы эскизными. Так, «обед» может изображаться двумя-тремя взмахами руки по направлению ко рту и словами: «Уже поели».

Развитие игры требует определенных изменений в игровом материале. Прежде всего, это введение атрибутов, о которых шла речь выше. Они вовсе не должны копировать настоящие вещи. Это только знак «посвящения» в роль, ее символ. Поэтому чем проще, тем лучше. Для того чтобы стать Красной Шапочкой, достаточно красного лоскутка, повязанного вокруг головы, серый волк может быть с успехом обозначен ушами на бумажном ободке, бабушка — мотком ниток и т. п.

Что касается игрушек и неоформленного материала, с помощью которого замещаются нужные для игры предметы, то, как и для детей трехлетнего возраста, игрушки следует подбирать по признаку функциональности — возможности выполнять с ними разнообразные действия, а один и тот же неоформленный материал (кубики, палочки и др.) учить использовать как можно шире и разнообразнее. Новым в этом отношении является то, что четырехлетний ребенок может значительно больше, чем трехлетка, сделать самостоятельно (или с небольшой помощью взрослого). Так, две скрепленные

между собой планки из пластмассового конструктора могут использоваться как «подъемный кран», «пистолет»; трубка, свернутая из картона, может служить подзорной трубой. Изготовление и использование в игре простейших самоделок заслуживает всяческого поощрения.

Еще одно серьезное изменение в руководстве детской игрой, имеющее большое значение для умственного развития, состоит в обучении ребенка элементам планирования будущей игры.

Если применительно к руководству игрой в трехлетнем возрасте мы рекомендовали взрослым включаться по возможности в уже начатую игру или затевать игру, уже войдя в определенную роль, то теперь становится возможным начать договариваться об игре заранее — решать вместе с ребенком, во что играть, какие будут роли, как будет разворачиваться игра, какие предметы для нее понадобятся. При этом, однако, возникает опасность «засушить» игру чрезмерной регламентацией, подменить фантазию ребенка собственной фантазией. Чтобы этого не произошло, нужно помнить, что ребенку в четыре года недоступно детальное планирование будущих действий и речь может идти лишь о самом общем первоначальном замысле игры, который будет многократно видоизменяться и дополняться в самом ее ходе. Кроме того, задача взрослого состоит в том, чтобы поставить соответствующие вопросы и побудить к ответу на них самого ребенка, а не в том, чтобы составить план игры за него.

В планировании игры с несколькими ролями важное место занимает установление субординации этих ролей, отражаемой в них системы ответственности и подчинения. В каждой игре (или в каждый отдельный период игры) одна из ролей выступает как главная, другие роли являются второстепенными. Очень полезно научить ребенка ориентироваться в субординации ро-

лей, определять главные и второстепенные роли. А это не так-то просто, во-первых, потому, что субординация может быть весьма сложной, включать в себя роли нескольких уровней подчинения, да еще идущего по разным параметрам (напомним пример, приводившийся в предыдущей части: врач — медсестра — больные дети — их родители); во-вторых, потому, что «главенство» ролей далеко не всегда определяется формальным подчинением. Скажем, когда дети играют в магазин, главная роль — продавец. Но это не значит, что покупатели подчинены продавцу. Важно здесь другое — он выполняет основную функцию, и на нем лежит ответственность за дело.

Чтобы познакомить ребенка с распределением функций между людьми в разных видах деятельности, которое воспроизводится при распределении ролей в игре, могут быть применены некоторые простейшие виды наглядных пространственных моделей (схем).

В своем первоначальном виде такие схемки представляют собой два кружка, начерченных на листке бумаги. В одной модели кружки равные, в другой — различающиеся по величине (рис. 33).

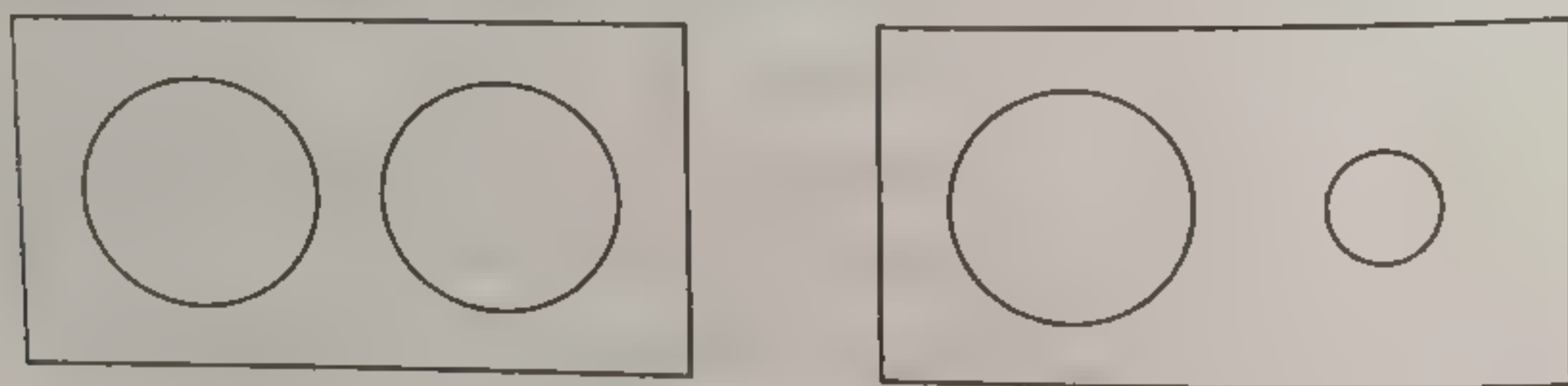

Рис. 33

Кроме таких схемок, вам понадобятся маленькие картинки с изображениями людей — мужчин, женщин, мальчиков, девочек и короткие рассказы, в каждом из которых говорится о двух персонажах, занятых общим делом. Рассказы могут быть, например, такими:

«В средней группе детского сада работают две воспитательницы — Надежда Ивановна и Лидия Петровна.

Они гуляют с детьми, устраивают игры, рассказывают сказки. Надежда Ивановна и Лидия Петровна часто советуются друг с другом, вместе придумывают, как провести с детьми интересное занятие, какую книжку им прочитать.

С Надеждой Ивановной в группе работает няня Татьяна Васильевна. Она приносит завтрак, обед и полдник, убирает комнаты и помогает Надежде Ивановне кормить детей, одевать их на прогулку. Когда Надежду Ивановну зовут к телефону, она поручает Татьяне Васильевне присмотреть за детьми, поглядеть, чтобы они не слишком шалили в ее отсутствие».

Объясните ребенку, что во многих случаях, когда люди вместе что-то делают, один из них отвечает за дело, бывает главным. В других случаях все участвуют в общем деле наравне. Скажите ему, что будете загадывать «загадки» — рассказывать о разных людях, которые вместе чем-нибудь занимаются, а он должен догадаться, есть ли среди них кто-нибудь «главный».

Дальше занятие идет так. Вы читаете один из рассказов и просите ребенка отобрать две картинки, изображающие персонажей, о которых шла речь (в данном случае два изображения женщины). Затем вместе с ребенком выясняете, одинаковую работу они выполняли или одна была главной. Изображения двух равнозначных персонажей кладутся в кружки равной величины. В случае же неравнозначности (воспитательница и няня) изображение ведущего персонажа помещается в больший кружок, а другого персонажа — в меньший.

После двух-трех подобных занятий картинки больше не будут нужны. Ребенок научится, выслушав очередной рассказ, подбирать самостоятельно подходящую к нему схему из двух кружков. Затем можно переходить к рассказам с тремя персонажами. Их соотношение выражается схемами с тремя кружками (рис. 34).

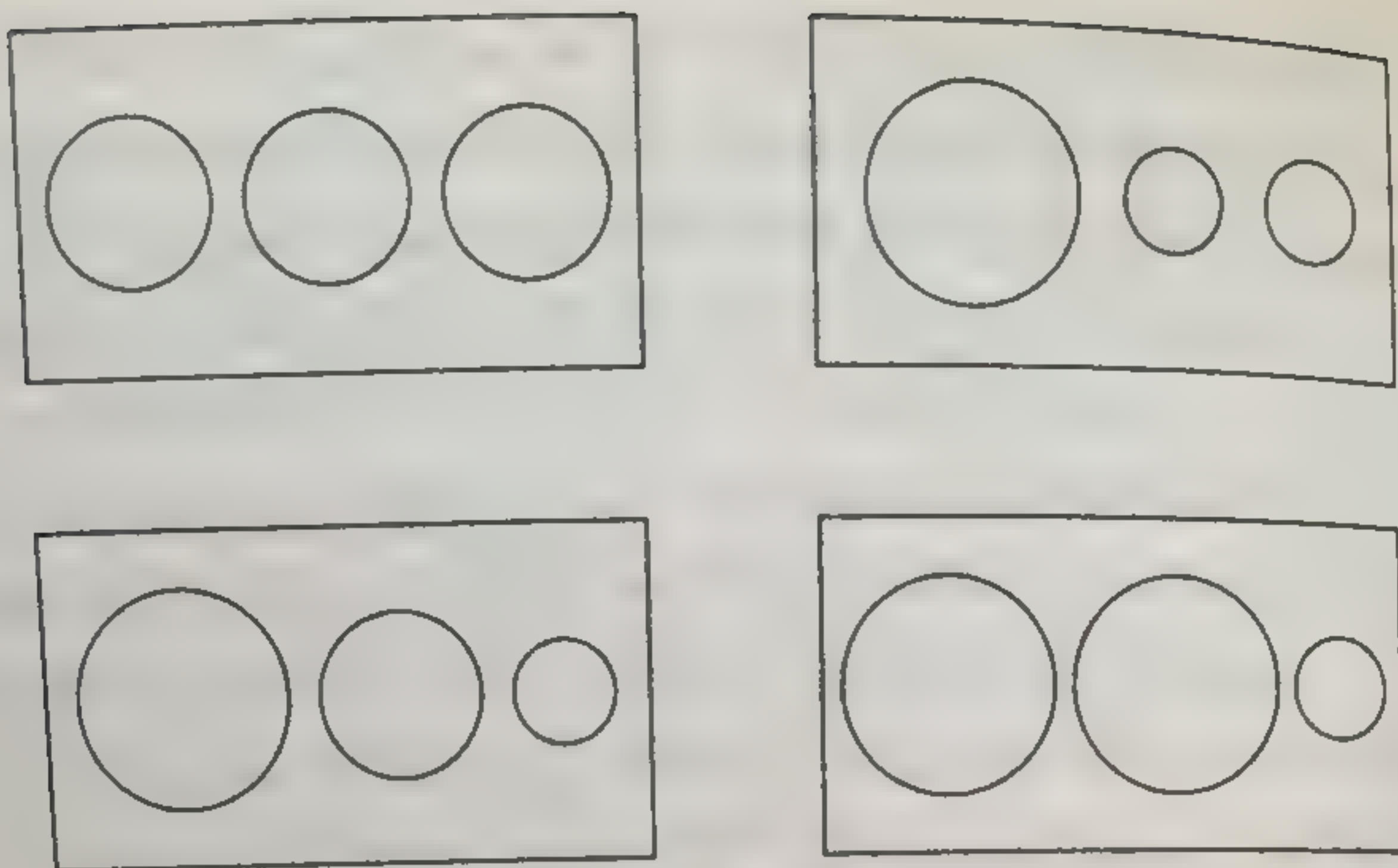

Рис. 34

Большого количества персонажей для детей этого возраста вводить не стоит.

Кроме подбора схемок, отражающих взаимоотношение персонажей рассказов, можно давать детям и другое задание, побуждающее их к осмысливанию схематического изображения.

Покажите ребенку одну из уже знакомых ему схем, назовите одного или двух персонажей, и пусть он сам догадается, кто должен быть третьим (рис. 35):

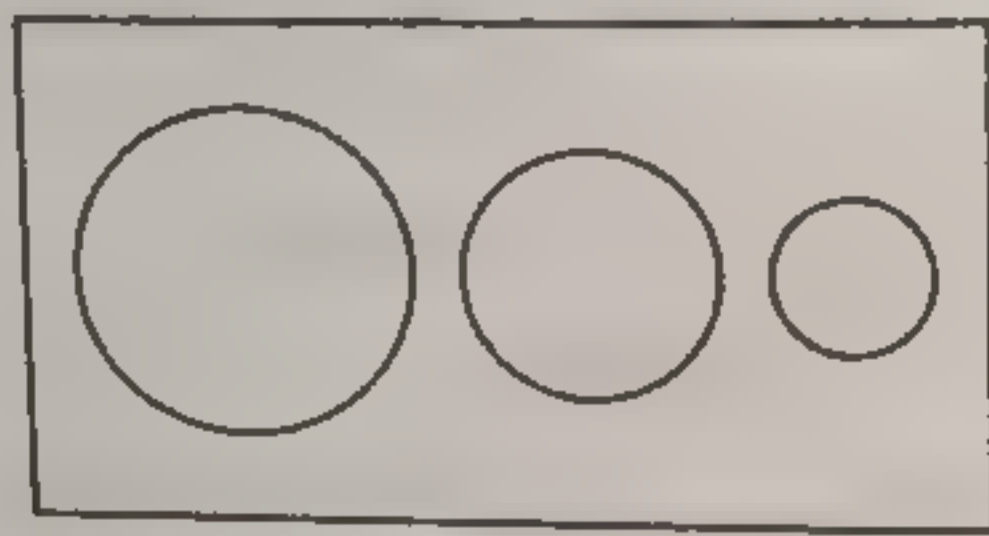

Рис. 35

— Смотри! Самый большой кружок — это доктор, самый маленький — больной ребенок. А средний кто?

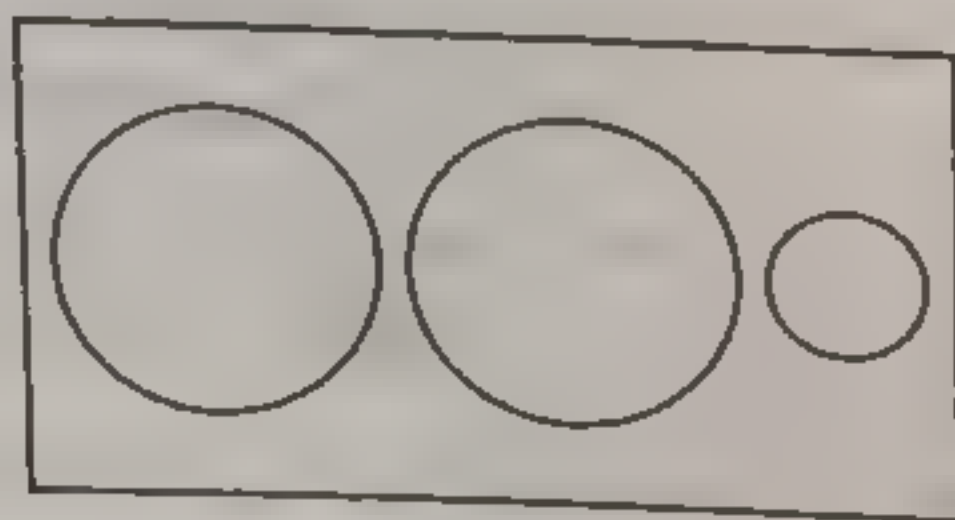

Рис. 36

— Первый кружок — мама, последний — сыночек. А второй кто? (рис. 36)

Если первые занятия будут выступать в форме загадывания загадок, то на следующих необходимо объединять разбор придуманных вами или подобранных в книжках рассказов и изображение соподчинения их персонажей при помощи схемок с последующей игрой.

Вот пример такого объединения.

— Сегодня я загадаю тебе загадку про маму, у которой был сын-школьник и маленькая дочка, которая ходила в детский сад. Мальчика звали Илюша, а девочку — Женя.

Как-то вечером Илюша подошел к маме и спросил: «Можно, я пойду гулять? Я уже сделал уроки». — «Нет, — сказала мама, — сегодня папа на собрании, он придет поздно, а мне нужно шить Жене костюм к празднику. Займись, пожалуйста, Женей, поиграй с ней». — «Хорошо, — ответил Илюша. — Женя, неси сюда конструктор. Мы будем строить подъемный кран».

— Как ты думаешь, какая картинка подходит к рассказу про маму, Илюшу и Женю? Правильно. Мама в семье — главная. Она заботится обо всех, следит за тем, чтобы у детей было все, что им нужно, объясняет то, что им непонятно. Илюша — уже большой мальчик. Он, конечно, слушается маму, но и сам заботится о младшей сестренке. А Женя пока еще маленькая. Она знает гораздо меньше, чем мама и Илюша, и любит, когда они ей читают или играют с ней.

— Давай теперь поиграем в маму, Илюшу и Женю. Ты кем будешь? Мамой? Хорошо. Я буду Илюшей, а Женей у нас будет кукла Наташа. Сейчас ты как будто привела ее из детского сада. «Мама! Нам сегодня очень трудную задачку задали. Я никак не могу ее решить. Помоги мне, пожалуйста!»

Постепенно приучая ребенка к планированию взаимоотношений между персонажами игры, ни в коем

случае нельзя стремиться к тому, чтобы заранее планировать весь ход игры, превращать ее в разыгрывание готовых сюжетов. Они могут служить только исходным пунктом. Кроме того, необходимо всегда подчеркивать, что главная роль определяется самой высокой ответственностью за общее дело, а вовсе не правом командовать, распоряжаться.

В нашем примере главную роль — мамы — вы отдали ребенку. Но не делайте этого постоянно. Нужно, чтобы ребенок учился выполнять не только главные, но и второстепенные роли, проявлять в них фантазию, инициативу. По этому поводу вспоминается случай в детском саду, когда дети средней группы затеяли игру в больницу, и один из самых инициативных мальчиков — Денис — сам выбрал себе роль больного. В этой роли он фактически вел всю игру, непрерывно придумывал, что у него болит, к какому врачу ему нужно пойти, какие сделать медицинские процедуры.

В мире вещей

Перейдем теперь к дидактическим (обучающим) играм, знакомящим ребенка со свойствами предметов — их цветом, формой, величиной — и с их расположением в пространстве.

Описывая их, будем исходить из того, что ваш ребенок уже научился всему, что мы рекомендовали для трехлеток. Он знает семь цветов спектра, белый и черный цвета, умеет их называть и отыскивать по названию, знаком с изменением цвета (светлее, темнее), умеет подбирать по образцу или по слову предметы определенного цвета, не смущаясь различием в оттенках. Он знает пять геометрических форм (круг, овал, квадрат, прямоугольник, треугольник), понимает их названия (хотя сам может и не уметь их вполне правильно называть). Ребенок четырех лет может подобрать по образцу или по слову предметы определенной формы, не сму-

шаясь различием в пропорциях (для овала, прямоугольника) или в величине углов (для треугольника) и наличием в предметах тех или иных деталей, видоизменяющих основную форму.

Знакомство ребенка с величиной выражается в том, что он может расположить пять палочек, кружков или других одинаковых предметов разной величины в порядке ее убывания или нарастания, знает слова «большой — средний — маленький» и «больше, меньше, еще меньше».

Ребенку знакомы основные пространственные предлоги и наречия: «за», «над», «под», «рядом», «выше», «ниже», «спереди», «сзади» (хотя он может путать правую и левую стороны). Он умеет ориентироваться в плане кукольной комнатки, содержащей четыре-пять предметов, находить в ней предмет, отмеченный на плане, и наоборот.

Если все это достигнуто, можно двигаться дальше. Дальнейшее ознакомление с цветом включает увеличение количества улавливаемых ребенком оттенков каждого цвета с его обозначением, усвоение взаимосвязи между цветами спектра, переход к оттенкам, промежуточным между цветовыми тонами (красно-оранжевый, сине-зеленый и др.), знакомство с делением цветов на группы холодных и теплых.

Как и раньше, методы ознакомления детей с особенностями цвета остаются не словесными, а действенными.

Если в три года мы рекомендовали знакомить детей с двумя оттенками цвета, то теперь их количество можно постепенно довести до четырех-пяти. Уже знакомый ребенку способ получения оттенков — разведение разных количеств краски в стаканчиках с водой — стоит дополнить новым способом — разбеливанием (смешиванием краски определенного цвета с белилами). Это даст возможность включить получение оттен-

ков в закрашивание контурных изображений и рисование красками и тем самым придаст действиям ребенка новый смысл. Разбеливание краски лучше всего проводить на специальной дощечке — палитре. Конечно, ваш ребенок уже умеет пользоваться красками. Но скорее всего, он делает это весьма небрежно. А для получения светлых оттенков нужна тщательность. Затеите с ним игру «в художников». Расскажите, что, когда художник пишет картину и у него нет краски такого цвета, как нужно, он делает ее сам, смешивая другие краски между собой. Для этого у него есть фанерная палитра. Предложите ребенку «стать художником» и нарисовать аленький цветочек, у которого светло-красная середина и красные лепестки (образец и контурное изображение цветка — как в книжках-раскрасках — нужно заготовить заранее). Объясните, что и серединка, и лепестки цветка красные, поэтому их нужно закрашивать красной краской. Но чтобы они получились такими же, как в образце, красную краску для серединки цветка надо сделать светлее, а для этого смешать ее с белой.

Ребенку следует показать, как смешиваются краски, а потом предложить смешать самому. Это не так-то просто: важно набирать краску понемножку на кончик кисти, тщательно промывать кисть при переходе от одной краски к другой, добиваться равномерного смешивания и, только получив подходящий оттенок, пускать его в дело.

Кроме аленького цветочка, можно предложить и другие сюжеты рисунков, в которых используется несколько оттенков одного цветового тона (три воздушных шарика синего цвета разного тона, три листика, окрашенные в разные оттенки зеленого цвета, пирамидка из 4—5 одноцветных колец изменяющихся от самого светлого до самого темного тона и др.).

Рис. 37

такой же величины
один — белого и на
кружков делаете с
края к центру — п
таким образом, чт
Полученный в ито
красного (или зел
шении волчка сл
т. е. надвигая бел
чать все более свет
лее темные. Веро
сам запускать во
примет участие в
ким образом увели
секторы. Запуска
вместе с ребенк
сектора.
Особенно эф
запущенных одн
устанавливаете р
сектора и выбра
ребенка угадать,
ным, на каком с
самым светлым.
после запуска.

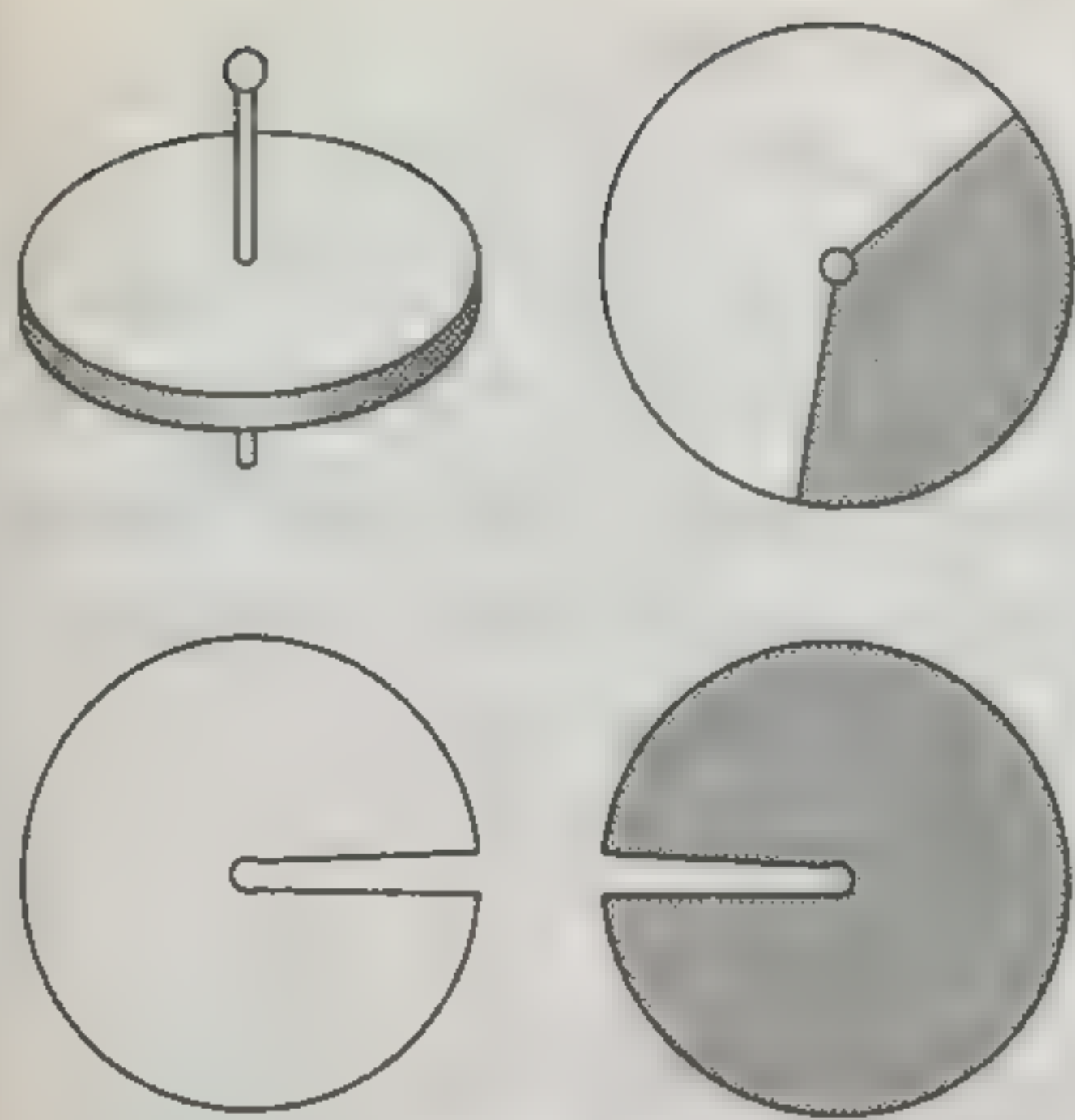

Рис. 37

Разбеливание — не единственный способ углубления знакомства ребенка со светлыми оттенками. Очень эффектно выглядит демонстрация изменений цвета с помощью волчка (рис. 37). Вы берете любой покупной волчок или делаете его сами, надев на заостренную спичку картонный кружок. Далее вырезаете один кружок

такой же величины красного (или зеленого) цвета и один — белого и наклеиваете их на картон. В центре этих кружков делаете отверстие для стержня волчка, а от края к центру — прорезь. Кружки надеваете на волчок таким образом, чтобы их края заходили друг за друга. Полученный в итоге круг состоит из двух секторов — красного (или зеленого) и белого, которые при вращении волчка сливаются. Увеличивая белый сектор (т. е. надвигая белый кружок на красный), можно получать все более светлые оттенки, уменьшая его — все более темные. Вероятнее всего, ваш ребенок не сможет сам запускать волчок. Не беда. Достаточно, если он примет участие в общей игре, передвигая кружки и таким образом увеличивая или уменьшая белый и цветной секторы. Запускать же волчок вы будете сами, наблюдая вместе с ребенком результаты изменения величины сектора.

Особенно эффектно выглядят несколько волчков, запущенных одновременно. В этом случае вы заранее устанавливаете разное соотношение величины белого сектора и выбранного вами цветового тона и просите ребенка угадать, на каком волчке цвет будет самым темным, на каком светлее, где еще светлее и, наконец, — самым светлым. Правильность угадывания проверяется после запуска.

Главное, чтобы ребенок четко понял: чем больше белого добавляется, тем светлее становится оттенок. Естественно, игру с волчком можно повторять неоднократно, получая оттенки разных цветовых тонов.

Ознакомление ребенка с оттенками включает в этом возрасте и обучение называнию цвета с указанием оттенка (светло-зеленый, темно-зеленый и т. п.).

Такое обучение должно включаться в те виды игр с красками и волчками, о которых речь шла выше. Но возможны и специальные игры, способствующие запоминанию названий. Подберите несколько цветных предметов таким образом, чтобы среди них имелись одинаковые предметы, окрашенные в два оттенка одного и того же цвета (например, темно-красная и светло-красная ленты). Если таких предметов нет, заготовьте их сами (два зеленых листа разных оттенков, два цветка, окрашенных в два оттенка красного или синего, и т. п.). Сообщите ребенку, что будете играть с ним в игру «Какого цвета не стало?». Предложите ему внимательно посмотреть на предметы, разложенные на столе, и запомнить их цвет. Потом ребенок отворачивается, и вы прячете один из предметов. Осмотрев оставшиеся, ребенок должен назвать исчезнувший предмет, обозначив его цвет и оттенок («Ты спрятал темно-зеленый листик»). В следующий раз предмет прячет ребенок и т. д. Следует учесть, что для светлых оттенков некоторых цветов существуют собственные житейские названия (розовый, болотный). Не следует отучать детей от их применения, но хорошо, если ребенок будет знать, что, например, розовым называют светло-красный цвет. Исключение здесь составляет светло-синий цвет, обычно обозначаемый как голубой. Это уже ошибка, так как голубой цвет занимает свое особое место в спектре (между зеленым и синим) и не совпадает со светло-синим.

Усвоение ребенком взаимосвязи между цветами спектра и знакомство с оттенками, занимающими промежуточное положение между цветовыми тонами, может достигаться теми же способами, что и усвоение оттенков. Это окраска воды, смешивание красок на палитре с последующим использованием полученных смесей при закрашивании контурных изображений или при рисовании красками и использование цветных волчков.

Для окраски воды можно дать ребенку, например, синюю и желтую краски. В одном стаканчике предложить развести синюю, в другом — желтую, а в третьем — понемногу и той и другой. Получается вода зеленого цвета. Обратите внимание ребенка на то, что в радуге зеленый цвет лежит между желтым и синим. А потом пусть ребенок попробует при окраске воды брать больше то желтой, то синей краски. Будут получаться разные оттенки зеленого — желто-зеленый, сине-зеленый. Цветную воду, как мы советовали в предыдущей главе, можно замораживать, получая цветной лед и выкладывая из него узоры.

Смешивание красок на палитре значительно сложнее получения цветной воды. Здесь результат зависит от того, сколько набирается краски каждого цвета, хорошо ли промывается каждый раз кисточка. Добиться заданного оттенка очень непросто.

В качестве образцов для закрашивания можно предложить ребенку, например, мандарин и морковь, окрашенные в разные оттенки оранжевого (мандарин — краснее, морковь — желтее), и помочь ему получить эти оттенки, смешивая красную и желтую краски.

Получение новых цветовых оттенков при помощи смешивания красок — увлекательное занятие для детей, и обычно они, уловив принцип, начинают экспериментировать самостоятельно, пробуя самые различные сочетания. Такое экспериментирование следует всячески

поощрять, но без вашей помощи оно может потерять смысл. Во-первых, ребенку необходимо напоминать о том, что художники всегда смешивают краски на палитре, а не прямо на холсте или бумаге (дети склонны именно к последнему, и результаты бывают весьма сомнительными). Во-вторых, без ваших советов и оценок ребенок не сможет понять, какие цвета можно получить путем смешивания красок, какие нельзя, почему часто получаются некрасивые, грязные цвета — из-за неудачного подбора красок или технических неполадок.

Цветные волчки изготавливают и используют точно так же, как в случае с получением светлых оттенков, только теперь на волчок надевают круги разных цветовых тонов (красный и желтый, желтый и синий, зеленый и синий, красный и синий) и наблюдают эффект их смешения.

Полезно познакомить ребенка с тем, что цвета бывают теплые и холодные. Радуга делится на две части. Красный, оранжевый, желтый цвета — теплые. Ими можно пользоваться, когда рисуешь солнышко и то, что на него похоже. Голубой, синий, фиолетовый цвета — холодные. Такие цвета имеют льдинки, тени на снегу. Зеленый цвет занимает промежуточное положение. Предложите ребенку нарисовать две картинку: «В гостях у солнышка» и «В гостях у Снежной королевы». В первой картинке должны быть только теплые цвета, во второй — только холодные. Сюжеты картинок пусть ребенок придумает сам.

Поскольку в ознакомление ребенка с цветом мы включили задания, требующие рисования или закрашивания красками контурных изображений, нужно сказать несколько слов об использовании цвета в детском рисунке вообще. Не забудьте, что приведенные нами задания направлены на развитие цветового восприятия, а совсем не на обучение ребенка рисованию. В рисунках дети часто используют цвет произвольно, выражают при его помощи свое отношение к изображаемому. Вспом-

ните: «Я сделал розовым быка, оранжевой корову...» или «Оранжевое солнце, оранжевое небо...» и т. д. И это вполне закономерно. Рисунок и должен прежде всего выражать чувство, отношение. Нет ничего более вредного, чем постоянно твердить ребенку: «А почему у тебя небо фиолетовое? Так не бывает. Небо должно быть синим». Тогда он очень скоро запомнит шаблоны (небо — синее, солнце — оранжевое и т. д.) и будет использовать цвет, исходя из знаний, внушенных взрослым, а не из собственных впечатлений. Другое дело — постепенное приучение ребенка к рисованию с натуры, на основе внимательного рассматривания цвета изображаемого предмета. Но это — не для четырехлетнего малыша.

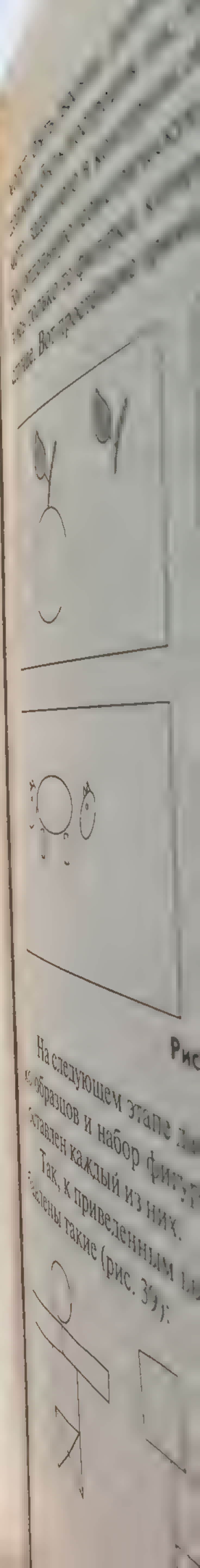
А теперь перейдем от цвета к форме. Основные задачи — познакомить ребенка с разновидностями геометрических форм и научить расчленять сложные формы, видеть в них определенные сочетания простых фигур. Познакомить ребенка с разновидностями форм — это значит обратить его внимание на то, что треугольники, прямоугольники, овалы бывают разными. Прямоугольники и овалы могут быть подлиннее и покороче, треугольники же могут иметь более острые и более тупые углы. В отличие от этого круги и квадраты всегда одинаковые. Конечно, такое объяснение далеко от научного: в действительности речь идет не о разной длине фигур, а о разных пропорциях (и разном соотношении величины углов в треугольниках). Но объяснить этого ребенку вы не сумеете. А вот показать и научить практически ориентироваться в разновидностях формы, узнавать эти разновидности, когда они имеют разную величину и находятся в разном пространственном положении, сумеете. Для такого обучения хороши игры типа лото, где на больших картах нанесены контурные изображения прямоугольников, овалов разных пропорций, остроугольных, равносторонних, прямо- и тупоугольных треугольников, кругов и квадратов (прямо-

угольники и квадрат на одной карте, овалы и круг на другой, треугольники — на третьей). Кроме того, необходим набор вырезанных из картона фигур, полностью совпадающих по форме и величине с контурными изображениями. Игра состоит в том, что вы кладете одну карту перед собой, другую даете ребенку и затем по одной достаете из коробочки картонные фигуры. «У кого такая?» Выигрывает тот, кто первым накроет все контурные изображения на своей карте. Потом нужно меняться картами. Надеемся, что вы и без специальных разъяснений догадаетесь, что, во всяком случае, на первых порах ребенок не будет нуждаться в слишком заметных подсказках, помощи и достаточном времени для размещения каждой фигуры. При этом с вашей стороны будет разумным предоставить ему возможность почаще выигрывать.

Когда игра будет освоена, можно внести в нее некоторое усложнение: давать на картах контуры фигур в уменьшенном масштабе ($1/2$), так, чтобы они полностью скрывались под соответствующими картонными фигурами. Это будет способствовать усвоению ребенком того, что форма не зависит от величины.

Однако знакомство с разновидностями форм никак не должно заслонять от ребенка того факта, что это именно разновидности одной и той же формы. Поэтому стоит параллельно проводить игры, требующие выделения основной формы независимо от того, какой разновидностью она представлена. Для этого очень подходят игры типа домино. Играть в такое домино нужно так же, как в обычное, прикладывая друг к другу одинаковые фигуры и не учитывая различия между их разновидностями.

Расчленению сложных форм на их элементы дети обучаются в играх, где нужно сложить изображение предмета из частей. В качестве частей используются разные варианты геометрических фигур. Такие игры

могут быть весьма разнообразными. Первые из них должны быть построены так, чтобы каждая часть предмета, заданного в контурном образце, представляла собой отдельную геометрическую фигурку и ребенку давались только те фигурки, которые необходимы в данном случае. Вот простейшие примеры (рис. 38).

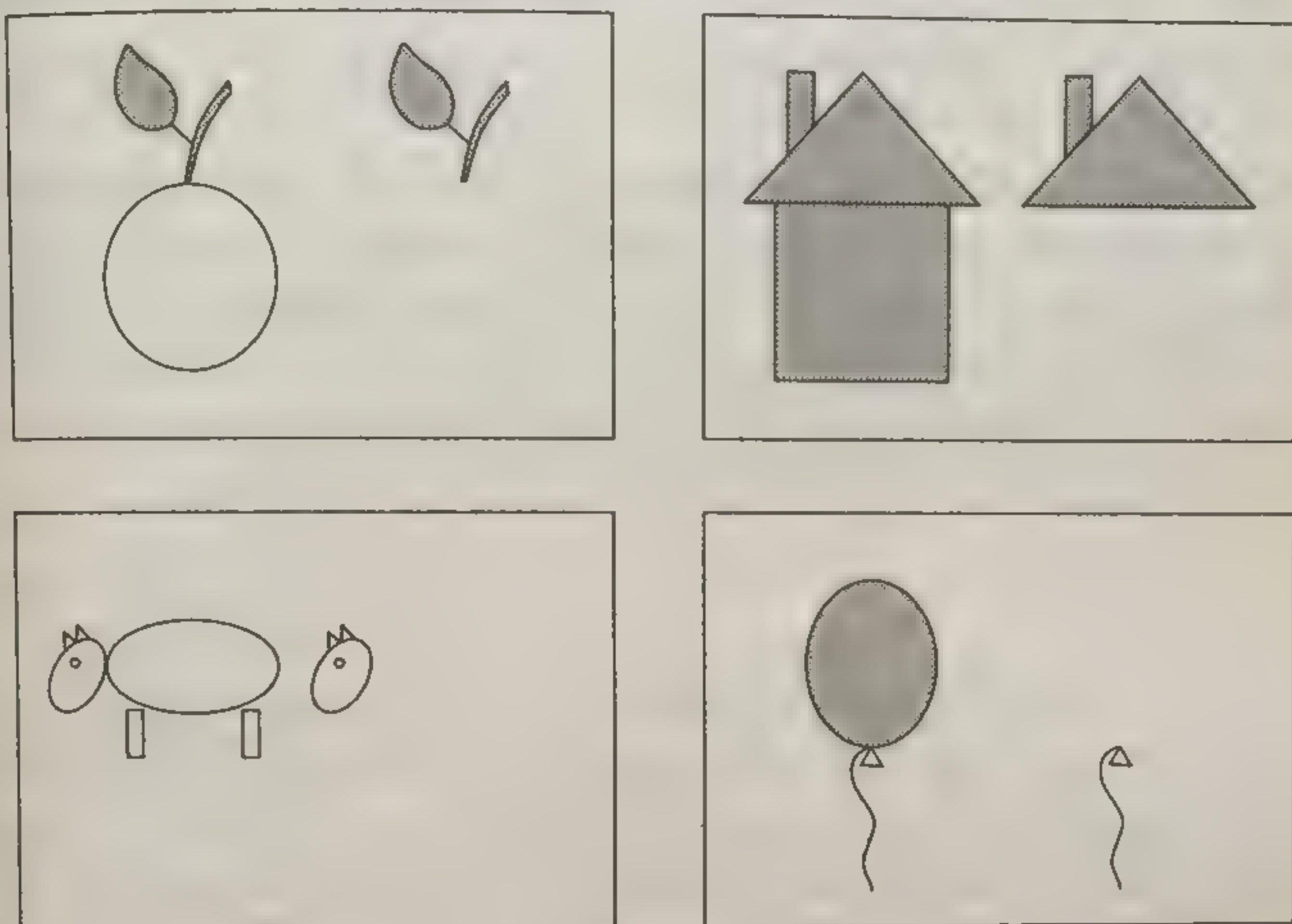

Рис. 38

На следующем этапе дается одновременно несколько образцов и набор фигурок, из которого может быть составлен каждый из них.

Так, к приведенным выше образцам могут быть добавлены такие (рис. 39):

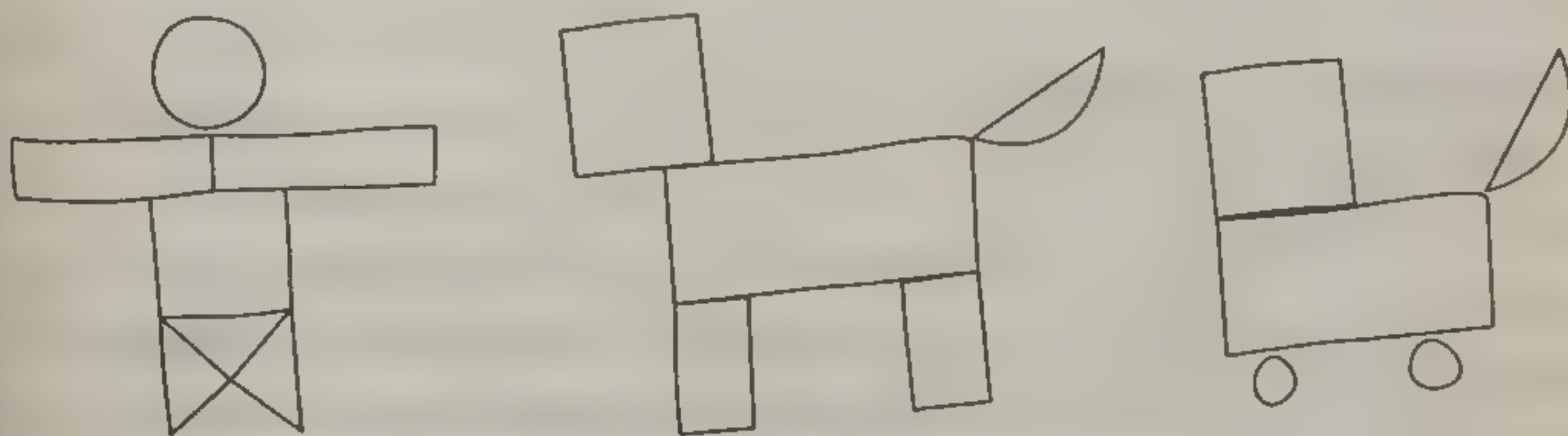

Рис. 39

Фигурки выкладываются последовательно. Игра становится интереснее, если образцы расположены на листе картона по кругу, а в центре круга на стержне укреплена вращающаяся стрелка. Один из участников игры крутит стрелку, другой должен как можно быстрее выложить изображение, на которое она указала (участники игры — вы и ваш ребенок, вы крутите стрелку и выкладываете изображения поочередно с ним).

Более сложные варианты подобных заданий предусматривают складывание изображений из множества однородных элементов. При этом сначала даются расчлененные образцы, а потом — контурные.

Приведем несколько примеров (рис. 40).

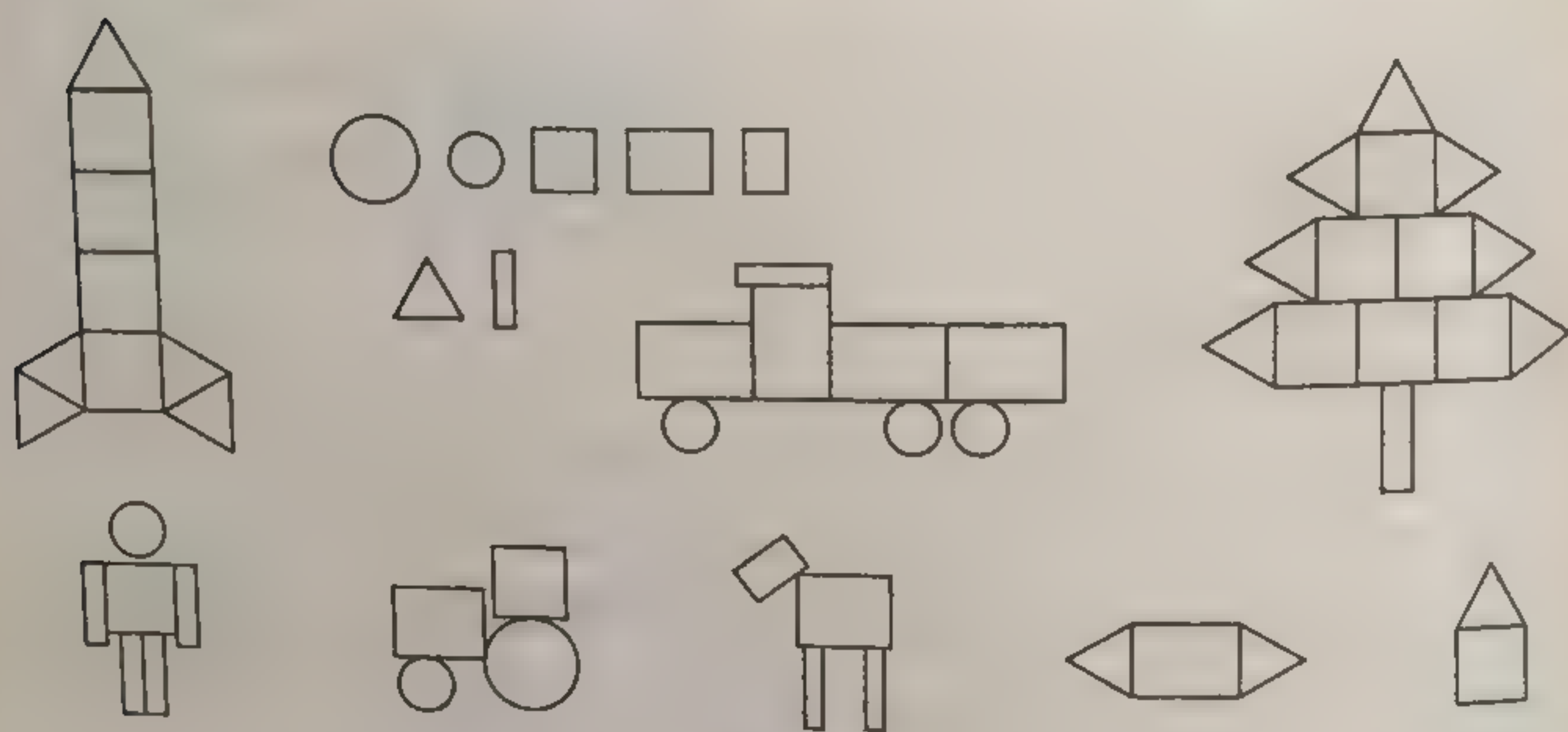

Рис. 40

Попробуйте сами придумать другие изображения такого типа. Надеемся, что это окажется не менее увлекательным занятием для вас, чем выкладывание придуманных вами изображений для вашего ребенка.

К собиранию фигуры из ее частей близок и тот вид заданий, который мы описывали выше: складывание разрезных картинок. Это задание легко усложнить, повернув одну из частей (рис. 41).

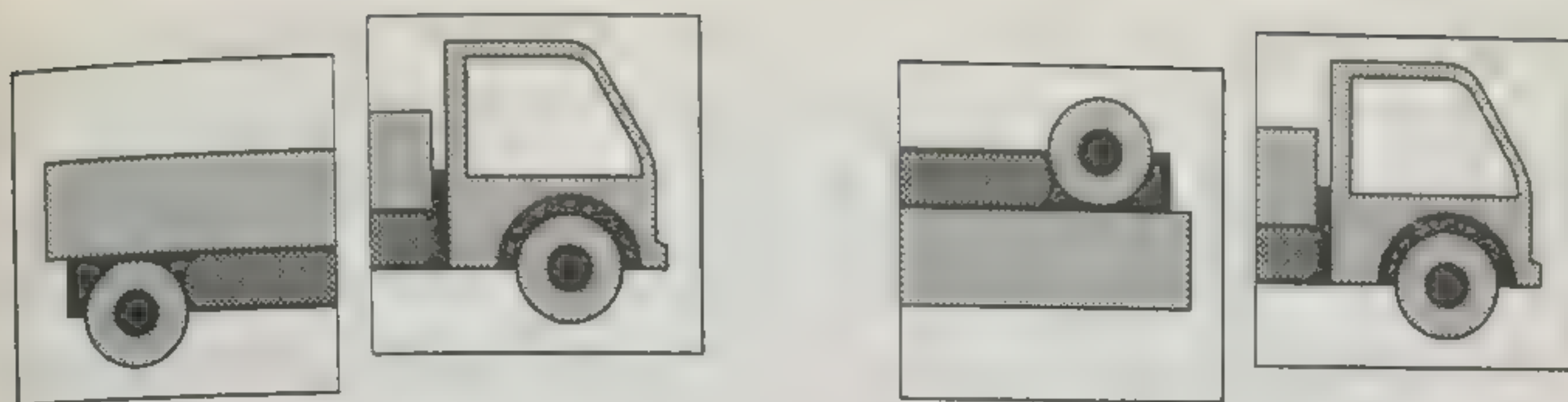

Рис. 41

— Ой, картинка сломалась. Почини ее скорей!

Затем можно увеличить количество частей и сразу класть их в беспорядке. Раньше, чем ребенок начал собирать картинку, спросите его, что на ней нарисовано; пусть он попытается собрать разрозненные части в уме.

Задача становится еще сложнее, если разрезы проведены не по прямым линиям.

— Давай склеим разбитую чашку, — говорите вы ребенку и кладете перед ним «черепки».

Это задание похоже на собирание кубиков с картинками, но имеет много преимуществ. Оно дает больше возможностей для варьирования задачи (можно менять варианты разрезания). Кроме того, могут быть разнообразнее сами рисунки: каждый набор кубиков включает всего шесть рисунков, вы же легко можете сделать их гораздо больше. И наконец, на кубиках, имеющихся в продаже, картинки обычно слишком сложны. Их невозможно собрать, не имея образца, и, значит, ребенок не учится заранее конструировать предмет из его частей в уме. А это наиболее полезно для развития наглядно-образного мышления.

Новый этап ознакомления ребенка с величиной предметов предполагает переход от сопоставления предметов по их общей величине (большой, средний, маленький, больше — меньше) к выделению отдельных измерений величины — длины, ширины, высоты. Сразу же нужно сказать, что задача это нелегкая. Трудность ее

состоит в том, что измерения величины относительны. Конечно, легко определить, где высота дома или пирамидки, где длина и ширина ленты или листа бумаги. Однако во многих других случаях дело обстоит не так просто. Конечно, высота — это измерение по вертикали. Ну а если, например, игрушечный шкафчик лежит? Превращается ли тогда его высота в длину, а ширина — в высоту? И почему книга вообще не имеет высоты, но зато имеет толщину? Стоит задуматься над подобными вопросами, чтобы сразу стало ясно, в какое трудное положение попадает ребенок, знакомясь с измерениями величины. И не случайно дети так цепляются за знакомое им «большой — маленький».

Для ребенка четырех лет вполне достаточно, если он овладеет умением выделять и обозначать словесно высоту, длину, ширину (можно и толщину) предметов только в тех случаях, когда эти измерения вполне очевидны.

Условием такого выделения является сопоставление контрастных по данному измерению предметов. Его удобно организовать в форме игры «Что изменилось?». Она аналогична игре «Какого цвета не стало?», но, конечно, подбор предметов должен быть другим: узкая и широкая лента (одинаковой длины), высокая и низкая башенка, тонкая и толстая книга, длинная и короткая палочка и т. п.

Перед началом игры предложите ребенку хорошенько посмотреть, что находится на столе, и сравнить между собой предметы одного и того же типа, различающиеся по одному из измерений, путем их прикладывания или накладывания друг на друга. Учите ребенка прикладывать предметы тщательно, уравнивая их края: «Смотри, у нас тут две ленты. Чем они отличаются друг от друга? Возьми их за кончики и сложи. Видишь, у одной остается лишний кусок. Она длинная. А другая — короткая. Теперь возьми книжки. Положи их рядом.

Эта книжка — толстая. В ней много листочков. А эта — тонкая, в ней листочков мало...» и т. д.

После того как ребенок сравнил все парные предметы, проводите игру так, как она описана выше применительно к оттенкам цвета.

Ознакомление ребенка с пространством стоит на первых порах продолжать в играх с планом кукольной комнатки. Но сами задания теперь следует усложнить. Предложите ребенку уже знакомую ему задачу — найти предмет, спрятанный в кукольной комнатке, пользуясь отметкой на плане. Но план положите рядом с комнаткой вверх ногами и введите в качестве условия игры запрещение его переворачивать. Теперь ребенку, чтобы решить задачку, придется переворачивать план в уме, и это придаст его пространственным представлениям новое ценное качество — гибкость.

Еще одно новое задание может состоять в перестановке мебели. Вот знакомая кукольная комнатка. Вот ее план, на котором каждый предмет обозначен соответствующей ему геометрической фигуркой, вырезанной из картона. Но кукла Маша решила купить пианино и не знает, куда его поставить, для этого нужно переставить остальную мебель. Попросите ребенка помочь Маше. Для этого дайте ему прямоугольник, обозначающий пианино, и предложите переместить мебель на плане так, чтобы поместился этот новый предмет. А это не так-то просто: ведь пианино должно стоять обязательно у стенки и перед ним необходимо оставить достаточно места для стула... Любая ошибка сразу же обнаружится, как только решение, достигнутое ребенком при работе с планом, будет реализовано путем соответствующей перестановки мебели в самой комнатке (это тоже лучше поручить ребенку). Понятно, что подобная игра может касаться не только пианино, но и любого другого предмета обстановки.

Ну а дальше наступает пора переходить от пространства игрушечной, кукольной комнатки к реальному пространству. Наиболее плодотворный способ выработки у ребенка пространственных представлений остается, однако, прежним: это обучение использованию плана. Для того чтобы приступить к нему, вам придется начертить план вашей комнаты. Это не так уж сложно. Выбрав определенный масштаб (например, 1 : 10), начертите стены комнаты, обозначьте двери и окна, а затем изобразите проекции находящихся в ней предметов, т. е. очертите, соблюдая масштаб, занимаемые ими места в комнате. Получатся рисунки такого типа (рис. 42).

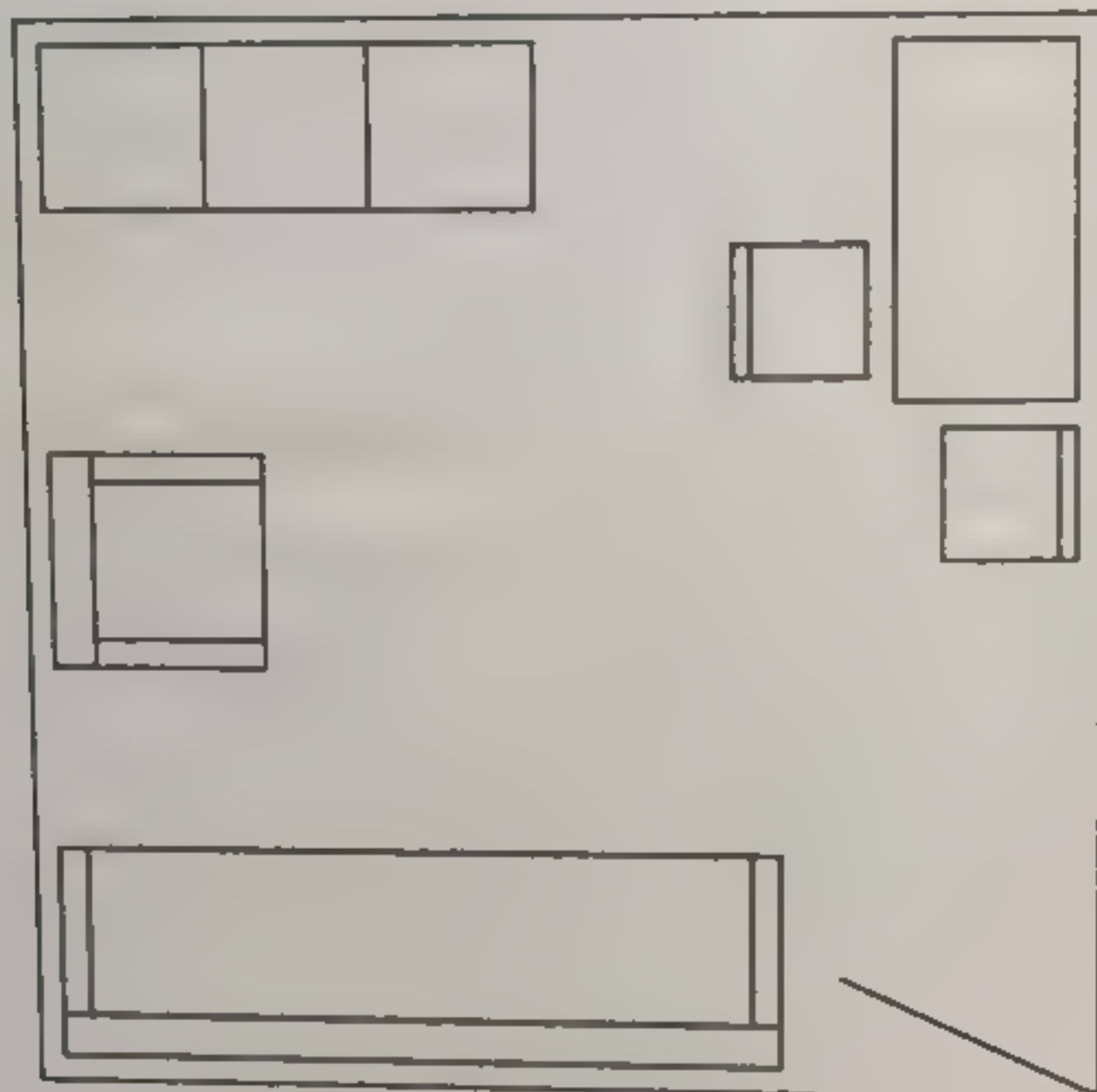

Рис. 42

Это план той комнаты, в которой мы сейчас пишем книжку. В ней расположены трехсекционная стенка, письменный стол, кресло, диван и два стула.

Основная игра с планом та же, что и раньше: поиск по отметке в плане спрятанного предмета. Прячут предмет и делают соответствующую отметку поочередно взрослый и ребенок. Основная задача теперь — добиться того, чтобы ребенок научился пользоваться планом, находясь в любой точке комнаты. На первых порах для этого ему нужно будет сориентировать план — повернуть его так, чтобы изображение двери смотрело в

сторону двери, изображение окна — в сторону окна (дверь и окно — наиболее удобные ориентиры, позволяющие совместить направления на плане и в самой комнате). Следующий шаг — определение собственного места в комнате («Я сижу вот на этом стуле»). А после этого уже легко найти в комнате отмеченный на плане предмет.

Необходимость подобного пошагового использования плана скоро отпадает, и ребенку достаточно будет внимательно посмотреть на план, чтобы сразу отыскать в комнате нужное место. Ну а что, если теперь перейти в другую комнату или на кухню? Скорее всего, все повторится сначала. Не беда. Полноценные, подвижные представления о пространстве складываются далеко не сразу. Главное, чтобы ребенок понял принцип соотнесения плана с реальным пространством и избавился от необходимости всегда «танцевать от печки».

О чем рассказывает сказка

«Жили-были на свете три поросенка...» Вы прочли дочке или сыну сказку С. Михалкова, показали картинки. Не спешите расставаться с серьезным Наф-Нафом и его легкомысленными братьями. Пусть теперь ребенок расскажет вам о них. Если просто попросить его пересказать сказку, то, скорее всего, вы услышите что-то вроде: «Поросята построили домик, а яблоко — бух! И упало в трубу». Это вовсе не значит, что сказка осталась совершенно непонятой или сразу же забылась. Чтобы пересказать сюжет, недостаточно понять и запомнить его. Нужно еще суметь правильно построить предложения, нужно сообразить, что слова «яблоко — бух!» и «яблоко упало и ударило волка» значат не одно и то же. (Ведь сам ребенок знает, что он имеет в виду злключения волка; да и взрослый это знает. Так почему не ограничиться простейшим напоминанием?) Пересказ — это особое действие со своими правилами игры: взрослый делает

вид, что сюжет ему неизвестен, и ребенок должен эту условность принять. Учить пересказу нужно постепенно. Один из путей был описан в первой части книги — это пересказ с опорой на иллюстрации или схематические рисунки, сделанные взрослым. Другой путь начинается с ответов на вопросы взрослого.

«Как звали поросят?», «Кто из братьев сказал, что пора строить дом?», «Что делали Ниф-Ниф и Нуф-Нуф, пока Наф-Наф строил дом?», «Почему Ниф-Ниф и Нуф-Нуф тоже решили построить себе дома?», «Из чего построил себе домик Ниф-Ниф?», «Из чего построил дом Нуф-Нуф?». Постепенно из ответов на такие вопросы сложится сюжет сказки. Если ребенок кое-что забыл и затрудняется ответить на вопрос, надо напомнить ему соответствующий кусок (лучше всего прочесть его повторно) и снова задать тот же вопрос.

Надо следить, чтобы при ответах на вопросы речь ребенка была правильной, грамотной, сразу же исправлять ошибки. Умение понятно, связно и грамотно изложить мысль впоследствии окажется очень полезным вашему ребенку, а учить этому следует с детства.

Когда на все вопросы даны правильные ответы, можно переходить к следующему этапу.

«Расскажи, как поросята провели лето», «Теперь расскажи, как они стали строить домики», «Расскажи, как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф встретили волка»... Тут уже от ребенка требуется пересказ, но не целого произведения, а отдельного эпизода. За соблюдением последовательности эпизодов следит взрослый, он же выделяет существенные эпизоды, о которых следует рассказать, и опускает менее важные, не имеющие особого значения для развития сюжета.

«С чего начинается сказка?», «О чем рассказывается потом?», «Чем кончается сказка?». При таких вопросах помощь взрослого минимальна, но она нужна: взрослый подсказал, что начать надо с начала, потом расска-

зять середину, а потом — конец. Этот путь для ребенка совсем не самоочевиден. Скажем, нередко дети начинают с самого, по их мнению, интересного (хотя это может быть совершенно непонятный без предыдущего кусок из середины сказки).

Но вот все промежуточные этапы пройдены (не забывайте на каждом из них следить за правильностью речи ребенка!) — теперь можно попросить рассказать сказку целиком. Нельзя сказать заранее, сколько занятий потребует каждый этап. Это зависит от уровня развития ребенка, от его настроения, от длины и сложности выбранной сказки (разумеется, «Три поросенка» выбраны только для примера — такую же работу можно проводить с любой другой сказкой).

Можно параллельно изучать несколько сказок: одну из них ребенок уже умеет (или учится) пересказывать целиком, другую может пересказать только по отдельным эпизодам, называемым взрослым, по третьей пока еще отвечает на конкретные вопросы. Тогда сказки не наскучат ребенку, он будет слушать каждую с большим интересом. Впрочем, некоторые дети, наоборот, требуют, чтобы им постоянно читали одну и ту же книжку, — в этом тоже нет ничего плохого.

Каждый из описанных нами этапов ценен не только как необходимая основа для следующего, но и сам по себе. Если родители чересчур увлекаются полным пересказом, то нередко ребенок оказывается неспособным описать отдельное событие (как говорят, «умеет танцевать только от печки»), правильно ответить на вопросы.

В предыдущей главе был описан еще один вид занятий, помогающих ребенку понять смысл литературного произведения, выделить основные действия персонажей. Это разыгрывание сказки с заместителями. Например, разыгрывая сказку «Теремок», можно изобразить всех животных бумажными кружочками, различаю-

щимися по цвету и величине (мышка и волк — серые кружки, но мышка — совсем маленький, волк — большой, лягушка — зеленый кружок чуть большего размера, чем мышка, и т. п.). Теремок может изображаться большим кружком, нарисованным на листе бумаги. Взрослый читает сказку, а ребенок разыгрывает ее. Вот к теремку подходит лиса (оранжевый кружок), спрашивает: «Кто в тереме живет?» Ей отвечают мышка, зайчик (ребенок каждый раз поднимает соответствующий кружок). Затем лиса входит в теремок и остается там, а вся последовательность действий повторяется с волком.

Такие занятия полезно проводить и с четырехлетними детьми. Но теперь они могут быть дополнены новыми. С помощью заместителей взрослый может загадывать ту или иную сцену из сказки, а ребенок должен угадать, какую сцену ему показали, и рассказать ее. Такое задание можно давать, только когда ребенок достаточно хорошо знаком со сказкой, умеет отвечать на вопросы по ее содержанию.

Взрослый показал сценку, ребенок ее рассказал, теперь можно дать новое задание — предложить ребенку самому показать ту же сценку, одновременно рассказывая о ней.

С помощью заместителей удобно предлагать ребенку задание на самостоятельное сочинение новых вариантов и эпизодов сказки. Обо всех наших кружках известно, какой из них кого изображает — где заяц, где лиса, где волк... Но вот появляется новый кружок, взрослый подводит его к теремку.

— Как ты думаешь, кто еще мог бы прийти к теремку? — спрашивает он у ребенка.

— Киска.

— Хорошо, значит, это у нас будет киска... Как ее зовут?

— Мурка.

— Что киска Мурка спросит?

— Кто в теремочке живет?

— А что ей ответят?

В сказках типа «Теремок» придумывание новых вариантов не представляет особого труда. Все сцены сказки однотипны, и нужно, по сути дела, придумать только новое животное, с которым в очередной раз повторится стандартная сцена (оно спросит, кто в тереме живет, ему в заданной последовательности ответят те, кто поселился там ранее). Куда сложнее придумывать новые эпизоды в таких сказках, как, скажем, «Гуси-лебеди». Здесь каждая сцена существенно отличается от предыдущей. Даже самый примитивный новый вариант, фактически повторяющий один из эпизодов сказки (например, сцена, в которой вместо яблони будет фигурировать груша), требует довольно серьезного анализа ситуации, выбора подходящего объекта (скажем, груша — подходящий объект, а елка — нет: у нее несъедобные плоды). Поэтому для первых заданий на сочинение продолжения сказки можно рекомендовать сказки «Теремок», «Колобок», «Лисичка со скалочкой», «Лиса и заяц» и т. п. Только когда ребенок начнет сочинять новые эпизоды без малейших затруднений, можно переходить к сказкам с неповторяющимися эпизодами.

— Что еще могла встретить девочка, когда искала братца?

— Стол.

— Ну, расскажи, как она встретила стол.

— Он говорит: «Поешь хлеба»...

— Подожди-ка. А девочка его ни о чем не спросила?

— Спросила, куда гуси-лебеди полетели.

— А что потом?

— Он говорит: «Поешь хлеба», а девочка говорит: «Не буду». Стол ей тогда не сказал, куда гуси-лебеди полетели, а она дальше побежала.

После того как девочка нашла братца и убежала от Бабы-яги, снова приходит время вспомнить про встреченный ею стол.

— Помнишь, ты придумала, что еще встретила девочка?

— Стол. Она прибежала к столу и говорит: «Можно, я спрячусь?» А он ей говорит: «Поешь хлеба». Девочка поела и спряталась.

— Куда?

— Под стол полезла, а гуси-лебеди ее не нашли.

Это пример очень высокого уровня сочинения новых эпизодов сказки. Отнюдь не каждый четырехлетний ребенок сумеет придумать подходящий предмет (надо, чтобы он мог предложить девочке какую-нибудь еду, а потом мог спрятать ее). Тут нужно обладать воображением, уметь использовать свой — пусть пока еще небольшой — жизненный опыт. Помочь в этом могут специальные игры, развивающие наблюдательность.

Игра «Какой? Какая?». Взрослый называет какой-либо предмет, например морковку. Ребенок должен дать как можно больше определений, описывающих ее свойства.

— Какая морковка?

— Оранжевая.

— Еще какая?

— Длинненькая.

— Еще?

— На конце остренькая.

Чем больше дано определений, тем лучше. Если ребенок малоактивен, можно помочь ему, давая ответы с ним по очереди.

— Какая у нас дверь?

— Большая.

— Правильно. Еще она скрипучая. А еще?

— Коричневая.

— Прямоугольная, — говорит взрослый.

— Чистая, мы ее недавно мыли.

Другое задание — подобрать много предметов, имеющих заданный признак.

— Что бывает красное?

— Помидор.

— Еще?

— Флажок.

— Еще?

В этой игре тоже можно называть предметы по очереди с ребенком, тогда будет веселее, легче избежать нередкого у детей замыкания на одной-единственной теме (например, называются только животные или только овощи). Задаваемые признаки могут быть самыми разными: «Что бывает круглое?», «Что бывает вкусное?», «Что бывает деревянное?», «Что бывает горькое?» и т. п. Только раньше, чем задавать вопрос, подумайте, можете ли вы сами на него ответить. Например, в ответ на вопрос: «Что бывает треугольное?» в голову не приходит почти ничего, кроме крыши.

Еще одна игра — «Сравнения».

— Этот листик зеленый, как...

— Огурец!

— Так. Еще?

— Как лягушка. Как травка. Как кузнечик. Как укроп.

— Очень хорошо. А этот лимон желтый, как...

— Солнышко. Как цыпленок. Как вон та книжка.

Очень интересно придумывать, на что похожи кучевые облака. Или лесные пни, вывороченные из земли корни деревьев, поваленных бурей. Или цветочные пятна, которые вчера сам ребенок, не задумываясь о сюжете своей картины, разбросал по листу бумаги. Или капли воска на свече.

Через некоторое время ребенок, случайно разлив чай, начнет утверждать, что получившаяся лужа похожа на бегемота. Рисунок на маминых малахитовых сереж-

ках похож на птичку, а батарея парового отопления — на гармошку. Многие сравнения окажутся неожиданными для взрослых, подчас необыкновенно удачными и точными, а иногда весьма сомнительными. Но каковы бы они ни были, они заслуживают поощрения, потому что это проявления наблюдательности, творческого взгляда на мир.

Яркие, необычные сравнения, красочные определения — это важные выразительные средства художественной литературы. С их помощью писатель создает образ, передает свое отношение к нему. Слушая сказки и особенно стихи, ребенок должен научиться воспринимать не только сюжет, но и красоту языка. Так давайте специально направим его внимание на определения и сравнения. Если ребенок уже поработал с ними в играх, описанных выше, ему будет нетрудно выделить их и в стихотворении.

Вы прочли дочке стихотворение К. Чуковского «Чудо-дерево». Запомнилось ли ей, какие башмачки папа принесет Мурочке? Жаль, если не запомнилось такое любовное описание:

А для Мурочки такие
Крохотные, голубые,
Вязанные башмачки
И с помпончиками!

Может быть, некоторые определения ваша дочка запомнила, а другие забыла. Прочтите ей эту строфу еще раз и снова спросите, какие башмачки будут у Мурочки.

А как описывает К. Чуковский медвежат в стихотворной сказке «Краденое солнце»? Впрочем, простите. Этот вопрос надо задать не вам — родителям, а вашему ребенку.

— Какие медвежата, помнишь? Правильно, мохнатые, а еще? Да, толстопятые. А почему их называют толстопятыми? Да, у них толстые ножки, пятки. А сам

мишка какой? Правильно, косолапый. А почему его так называют? Покажи, как он ходит. Да, вот так, косолапо.

Откроем замечательную книжку С. Маршака «Детки в клетке» и прочтем ребенку стишок про львят.

— Какой у львят папа?

— Большой.

— А еще?

— Рыжий.

— Так. А какие у него лапы? А голова?

В этой же книжке есть стихотворение «Страусенок» с многочисленными определениями, создающими образ героя (смысл определений «заносчивый», «гордый» вряд ли понятен ребенку без специального разъяснения; значит, надо дать такое разъяснение). В стихотворении «Собака динго» каждая строфа завершается новым определением. Пусть ребенок вспомнит их, а вы помогите понять смысл таких слов, как «поджарый», «неумолимый».

В той же книжке можно найти выразительные сравнения.

— На что похож пингвин?

— На что похожи зебры? («Разлинованы лошадки, будто школьные тетрадки».)

А вот еще стихотворение про зебру — уже из книжки В. Маяковского «Что ни страница, — то слон, то львица»:

Это — зебра.

Ну и цаца!

Полосатее матраца.

— Так на что же похожа зебра?

— На что похожи уши у слонов? Правильно, на блюдо. А чем они похожи на блюдо? Да, такие же большие.

— А на что похожа страница в книжке? Помнишь, как начинается: «Открывай страницу-дверь...» Да, стра-

ница похожа на дверь. А чем она похожа? Да тем, что ее можно открыть, как дверь. Откроем страницу и войдем в книжку, как будто мы открыли дверь и вошли в зоопарк.

Мы научились подбирать определения к простым предметам, придумывать, на что они похожи. Научились находить определения и сравнения в сказках и стихах, запоминать их. Теперь можно заняться более сложным делом — описанием сюжетной картинки.

Возьмите какую-нибудь книжку с картинками, незнакомую ребенку. Найдите самую красивую картинку. Я остановился на иллюстрации к сказке «Дюймовочка» Х. К. Андерсена.

— Что тут нарисовано? — спросил я у Иры.

— Девочка и две мышки — мама и папа (мышкой-папой назван крот).

— Расскажи, какие они.

— Красивые. У девочки волосы золотые, платье розовое, с кружевом. Она чашечку себе несет, а у мышек уже есть чашечки. На полочке свечка горит. А у папы-мышки голова, как редька, а рубашка белая, и пуговицы. И когти такие острые, длинные, белые. Он немножко страшный. А у мамы-мышки шапочка, как цветок. И платье, как цветок, только синий. Вот.

— Давай придумаем, что они делают, откуда пришли.

— Девочка пришла к мышкам в гости. В их норку. Мама-мышка ей говорит: «Пей чай». Девочка взяла чашку и тоже пьет. Хорошо я придумала?

— Очень хорошо.

Не сразу описания картинок стали такими полными и подробными. Сначала приходилось все время задавать наводящие вопросы, спрашивать у Иры, кто еще есть на рисунке, о ком она забыла.

Описывать можно не только картинку, но и игрушку. Вот, например, пожарная машина. Юра с удовольст-

вием рассматривает ее и обнаруживает, что у нее длинная красная лестница, большие колеса, чтобы быстро ехать на пожар, кабина для шофера, фары, как пуговицы. Эта машина сейчас поедет на пожар тушить кошачий дом.

— Дяди-пожарные полезут на лестницу, и залезут на крышу, и с крыши будут лить на пожар воду, и он погаснет. А кошка больше не будет играть со спичками, потому что больше не будет пожара.

— Поэтому больше не будет пожара, — поправляю я.

— Поэтому не будет пожара, — соглашается Юра. — И дяди-пожарные слезут и поедут к себе в гараж. И будут спать.

— А машина?

— Тоже поедет в гараж и будет спать.

— Вот это правильно, машина будет спать в гараже. А пожарные, наверное, будут спать у себя дома.

Но вернемся от картинок и игрушек к сказкам. Мы пока не описали еще один полезный и интересный вид работы с ними — драматизацию. Драматизация может идти строго по тексту, а может лишь отталкиваться от него. В первом случае ребенок должен выучить свой текст наизусть.

Давайте всей семьей разыграем сказку Л. Толстого «Три медведя». Разумеется, папа будет Михаилом Ивановичем, мама — Настасьей Петровной, а сын — Мишуткой. Кто-то из взрослых будет также читать текст от автора. Задача ребенка не просто в том, чтобы протараторить свои слова, надо уметь передавать их интонацию. Если у Толстого написано «завизжал так, как будто его режут», ребенок должен суметь это воспроизвести. Тут уж и взрослым придется постараться: от выразительности их чтения зависит общее настроение, которое передается ребенку.

Если текст не воспроизводится дословно, а лишь служит отправной точкой для разыгрывания ситуации,

то желательно иметь игрушки, изображающие героев. Тогда авторский текст, описывающий их действия, может быть легко заменен самими действиями, производимыми с игрушками. Очень хорошей подготовкой к такому разыгрыванию сказки служит описанное выше ее разыгрывание с заместителями. Казалось бы, невелика разница — производить действие с игрушечной лисой или с изображающим лису оранжевым кружком. На самом деле разница довольно большая. Игрушка вызывает значительно большую эмоциональную реакцию. Это делает тетрализацию более интересной, но затрудняет для ребенка вычленение сюжета, воспроизведение действий в их логической последовательности. Кроме того, заместитель жестко привязан к определенной сказке: он изготовлен специально для нее. Игрушка же существует и вне данной сказки, а потому нередко побуждает ребенка к разыгрыванию ситуаций, не соответствующих избранному сюжету. Скажем, при разыгрывании «Колобка» лиса может вдруг захотеть съесть зайца, а не колобка.

Игра-драматизация с использованием игрушек открывает возможность для молниеносной смены ролей. Только что ребенок держал в руке игрушечного волка и хриплым, «волчьим» голосом говорил: «Колобок, колобок, я тебя съем». И тут же он оставляет волка, берет колобок и говорит за него тонким голосом: «Не надо меня съедать, я тебе песенку спою».

Легкость перехода от одной роли к другой достигается именно сменой игрушек. Каждая из них диктует свою манеру поведения, свою интонацию. Возникает то, что можно назвать игрой за двоих: когда идет диалог, ребенок почти одновременно выступает и в роли спрашивающего, и в роли отвечающего. Приходится ежесекундно перескакивать от одной роли к другой и обратно. Такие игры чрезвычайно полезны для развития ребенка: они учат его смотреть на одну и ту же ситуацию с

разных сторон, глазами разных персонажей, имеющих разные (подчас противоположные) цели.

В завершение этой части мы предлагаем вам несколько стихотворений и загадок, написанных в расчете на младших дошкольников.

Однажды в июле

Четыре павлина,
Четыре пингвина,
Совенок и мама-сова
Однажды в июле
В Москву заглянули
Всего на денек или два.

Глазели павлины
Два дня на витрины,
Пингинов сморила жара,
А мудрые совы
В ближайшей столовой
Сидели с утра до утра.

Четыре павлина,
Четыре пингвина,
Совенок и мама-сова
Домой возвращались
И все удивлялись:
«Ну чем интересна Москва?»

Лиса

Ходит по лесу лиса,
Щурит рыжая глаза:
Всюду хитрая лисица
Ищет, чем бы поживиться.

В сад забралась на минутку —
Унесла из сада утку,
Из соседнего села
В лес гусенка унесла.

Мы, лиса, тебя накажем:
На ночь сказку не расскажем,
Утром в гости не придем
И к себе не пустим в дом.

Сон слона

Грустный слон увидел сон,
Будто он не грустный слон,
А веселая синица.
Жаль, что это только снится!

Разговор с крокодилом

Я спросил у крокодила:
«Здесь овца не проходила?»
А злодей лежит на дне
И подмигивает мне.

Ночная встреча

Как-то ночью я один
По лесным дорожкам
Поздней осенью бродил
И замерз немножко.
Что-то светится вдали.
Не костер ли там зажгли?
Я туда скорее...
Светлячок в траве лежит,
Сам от холода дрожит:
Светит, но не греет.

Мышь и кошка

Из кладовки мышь-плутовка
Сыр таскала очень ловко,
Только ей несдобровать:
Кошку я решил позвать...
Мышь таскает сыр и сало,
Кошка есть сметану стала,

Вместе тащат ветчину —
Ну и ну!

Ночью и днем

Всю ночь по кочкам и полям,
По лесу черному гулял
Угрюмый черный кот.

Наутро стал зеленым лес,
И кот на дерево залез —
Угрюмый черный кот.

Стихи о тишине и шуме

Говорит ослу ослиха:
«Тут сегодня слишком тихо.
Может, мы с тобой вдвоем
На два голоса споем?»
Услыхав про их затею,
Я спешу уйти скорее:
Если петть они начнут,
Слишком шумно станет тут.

Загадки

Дождь прошел, а я осталась
На дорожке во дворе.
Воробьи во мне купались
На потеху детворе.
Но до завтрашнего дня
Солнце высушит меня.
(Лужа)

По бумаге я бегу,
Все умею, все могу:
Хочешь — домик нарисую,
Хочешь — елочку в снегу,
Хочешь — дядю, хочешь — сад.
Мне любой ребенок рад.
(Карандаш)

Отыскал я их в лесу,
А теперь домой несусь.
Видишь — полное лукошко.
Будем жарить их с картошкой.
(Грибы)

Он как маленькая лошадь,
Он упрямый, но хороший.
(Ослик)

Дом стоит под старой елкой —
В нем живет моя семья.
Я несусь туда иголки,
Приношу добычу я.
Мы в работе поминутно
От зари и до зари.
Нас в лесу найти нетрудно:
Лишь под ноги посмотри.
Назови меня скорей.
— Я — рабочий ...
(Муравей)

Ночь уже не так темна,
Если светит нам ...
(Луна)

Посмотри-ка, по дорожке
Ходят маленькие ножки.
На головке — гребешок.
Кто же это? ...
(Петушок)

Вот несколько прекрасных загадок, придуманных
С. Маршаком:

Шумит он в поле и в саду,
А в дом не попадет.
И никуда я не иду,
Покуда он идет.
(Дождик)

Всего...
Поможет...
Мы за себя...
А ночью —
(Таня)

Что такое...
Две оглобли...
На глазах...
И седелка...
(Очки)

Принялась...
Завизжала...
Ела, ела...
Дуб, дуб...
Поломала...
Зуб, зуб...
(Пила)

«...Вот и

К четырем годам...
ваннем, уже умеет...
ты. Но посторонн...
это: заячья голова...
трубами на крыше...
жик с колючкам

Всегда шагаем мы вдвоем,
Похожие, как братья.
Мы за обедом — под столом,
А ночью — под кроватью.
(Тапки)

Что такое перед нами:
Две оглобли за ушами,
На глазах по колесу
И седелка на носу.
(Очки)

Принялась она за дело,
Завизжала и запела.
Ела, ела
Дуб, дуб,
Поломала
Зуб, зуб.
(Пила)

«...Вот и вышел человечек»

К четырем годам ребенок, с которым занимались рисованием, уже умеет изображать самые различные объекты. Но постороннему зрителю узнать их нелегко. Что это: заячья голова с длинными ушами или дом с двумя трубами на крыше? А это что: солнышко с лучами или ежик с колючкам (рис. 43)?

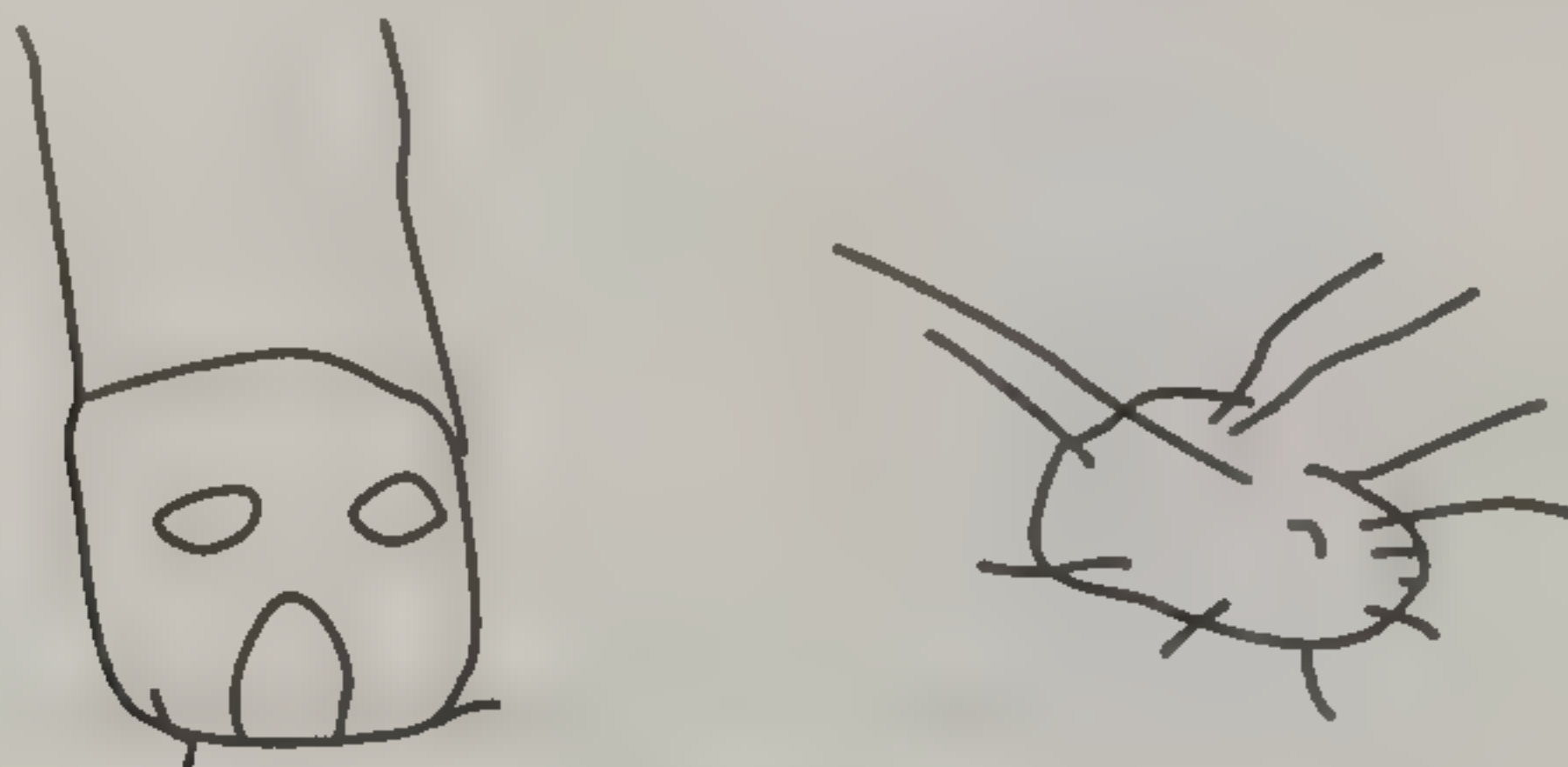

Рис. 43

Все детали условны, еще нет попытки правильно передать их относительную величину. Удлиненные формы — руки, ноги, труба, ствол и ветви дерева и т. п. — изображаются черточками, как будто они вовсе не имеют толщины. Углы у прямоугольников и треугольников обычно скруглены или пририсованы как отдельные детали, не входящие в целостный контур.

Короче говоря, рисуя сложный объект, ребенок этого возраста, как правило, не придает значения форме его отдельных частей (хотя форму простых объектов — кастрюли, огурца, пирамидки — он уже может воспроизводить довольно точно).

Пора заняться исследованием конкретных особенностей разных объектов. Лучше всего проводить такое исследование, сопоставляя между собой два объекта, близких по конструкции.

Я предлагаю Ире нарисовать на одном листе плюшевого мишку, а на другом — ее любимую пластмассовую обезьянку.

— Только нарисуй так, чтобы я сразу догадался, где мишка, а где обезьянка. Посмотри, чем они отличаются друг от друга.

Ира в затруднении. Тогда я рисую на отдельном листе два круга — большой и маленький.

— Это их головы, — говорю я Ире. — Подумай, где мишкина голова, а где обезьянкина.

Она сразу указывает:

— Это мишкина, а это обезьянкина.

— Правильно. Так чем они отличаются?

— Мишка большой, а обезьянка маленькая.

— Молодец! Теперь посмотри, что у них есть.

— Головки. Глазки.

— Какие?

— У мишки большие, а у обезьянки маленькие.

— Еще что есть?

— Телескоп. Рука.
маленькие.
— Ну-ка, посмотри.
короткие или длинные.
— Длинные.
— А толстые и тонкие.
— Тоненькие.
— А у мишки?
— То-о-олстые.
— Ну вот, теперь

было видно, где мишка.
По ходу рисования

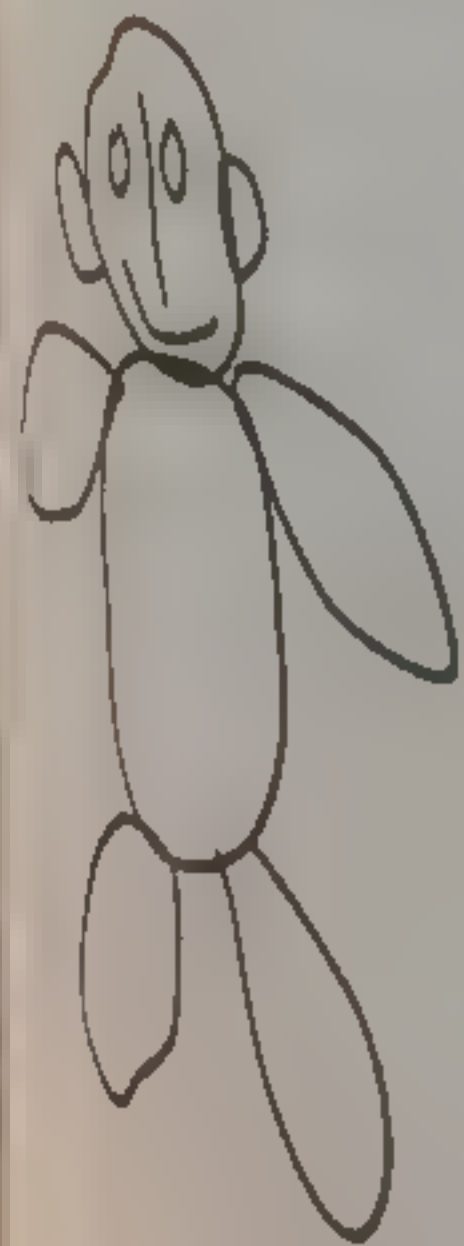
рассказываю свои вопросы: у
жестких нами особенно
сложно справиться с
за изображать руки ч

казать, что они «то-о-о»
ное задание: я пред
одно только лапу.

— Помнишь сти
реали мишке лапу»? И
ка ее не пришили сно
Ира обводит лапу
ее.

— Ну вот! А теперь
уже пришили.

Так выглядят И
рис. 44).

— Тельце. Ручки. У мишки большие, а у обезьянки маленькие.

— Ну-ка, посмотри внимательнее. У обезьянки руки короткие или длинные?

— Длинные.

— А толстые или тонкие?

— Тоненькие.

— А у мишки?

— То-о-олстые.

— Ну вот, теперь ты можешь нарисовать так, чтобы было видно, где мишка, а где обезьянка.

По ходу рисования мне не раз приходится повторять свои вопросы: увлекшись, Ира забывает об обнаруженных нами особенностях «натурщиков». Особенно сложно справиться с мишкиными руками. Ира привыкла изображать руки черточками, и она не знает, как показать, что они «то-о-олстые». Помогает дополнительное задание: я предлагаю нарисовать на другом листе одну только лапу.

— Помнишь стишок: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу»? Вот и нарисуй, как она лежала, пока ее не пришили снова.

Ира обводит лапу пальчиком и довольно точно рисует ее.

— Ну вот! А теперь нарисуй ее у мишки — как будто ее уже пришили.

Так выглядят Ирины рисунки в готовом виде (рис. 44):

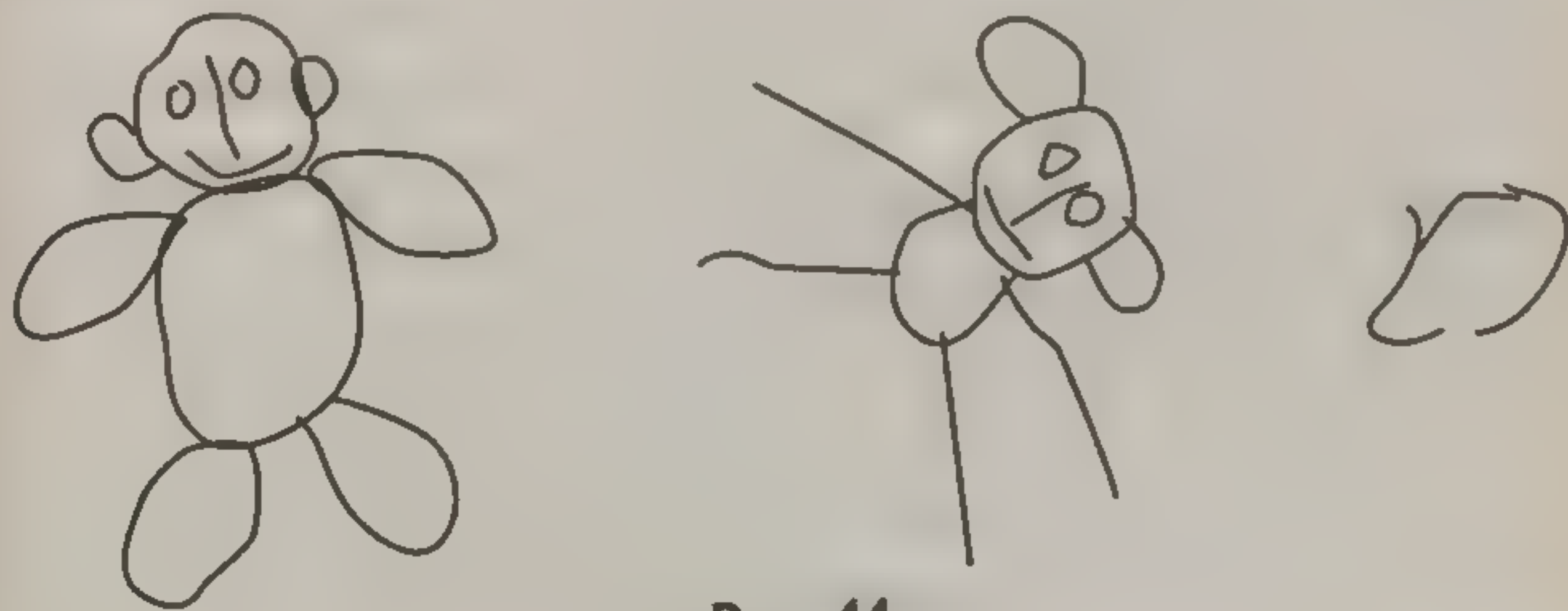

Рис. 44

Итак, полезно сопоставлять предметы, имеющие детали с одинаковыми функциями, но различающиеся по форме и величине. Когда с какой-либо деталью возникают затруднения, преодолеть их проще, если сначала изобразить эту деталь изолированно.

Форма отдельных частей будет изображаться более точно, если предварительно обследовать ее с помощью обводящего движения (о том, как проводится такое обследование, мы подробнее писали в главе I). Прежде всего надо обследовать форму основных частей, объясните ребенку, что они главные. После того как эти части изображены, надо обследовать и изобразить второстепенные детали.

Очень полезно предлагать ребенку для рисования необычные сюжеты, побуждать его к изображению фантастических персонажей. Богатейший запас подобных тем и образов предоставляют сказки. Конечно, ребенок пока еще не сможет делать полноценные иллюстрации, отражающие действия героев, но изображать самих героев в окружении сказочных вещей он вполне в состоянии. Почему бы не нарисовать Бабу-ягу, стоящую около своей избушки, или Жар-птицу в волшебном саду, или колобка, катящегося по дорожке.

При изображении сказочных персонажей дети начинают использовать различные выразительные средства, передающие отношение к герою. Например, положительные герои могут изображаться более аккуратно, чем отрицательные. В этом случае неаккуратность в изображении Бабы-яги становится не недостатком рисунка, а достоинством, повышающим его эмоциональную выразительность. Любимых героев дети часто украшают: рисуют узор на одежде, пуговицы, бантик. При рисовании красками или цветными карандашами для изображения положительных персонажей обычно используются чистые яркие тона, для изображения отрицательных — темные, «грязные».

Не следует прямо указывать ребенку на те или иные средства, с помощью которых можно передать свое отношение к изображаемому. Пусть он сам найдет эти средства — иначе вместо творческой передачи собственных оценок и эмоций он будет автоматически воспроизводить показанный или подсказанный прием. Но натолкнуть его на самостоятельный поиск таких приемов нужно.

Мама только что прочла дочке сказку «Гуси-лебеди», и теперь дочка собирается сделать рисунок к этой сказке. Мама спрашивает:

— Какая, по-твоему, Баба-яга — хорошая или плохая?

— Плохая.

— А девочка?

— Хорошая.

— Значит, надо постараться, чтобы все видели, что Баба-яга у тебя плохая, а девочка хорошая.

Такого обсуждения вполне достаточно. Дальше начинается область самостоятельных поисков, и взрослому остается лишь наблюдать за ребенком, поражаясь то точности найденного решения, то беспомощности юного художника.

Не раз придется уходить от прямых ответов, когда возникнут настойчивые вопросы: «А как это нарисовать?», «А как чтобы девочка была хорошая?».

«Покажи», «нарисуй мне» — эти требования почти неизбежны. И стоит проявить пренебрежение «мне некогда, не приставай», как ребенок заявляет: «Я не умею рисовать. Я буду рисовать каляку-маляку».

Итак, не решайте изобразительную задачу за ребенка, но и не отстраняйтесь. Всегда сохраняйте — и демонстрируйте ребенку — веру в его возможности, заинтересованность достигаемыми им результатами.

— Я знаю, что ты сможешь сама придумать, как это нарисовать. Ты очень хорошо рисуешь, помнишь, какую красивую Жар-птицу ты нарисовала вчера?

Откуда же придут приемы передачи эмоционального отношения к герою, если их не покажет взрослый? Они придут из культуры, в которой ребенок воспитывается с самого рождения. Он ведь уже давно знает, что его игрушки, окрашенные в яркие чистые тона, красивы, а грязь некрасива. Что аккуратно одетый ребенок выглядит привлекательнее, чем неряха. Что на праздник люди надевают украшения. Этот-то опыт и переносится в детский рисунок. Большое значение имеет также рассматривание иллюстраций в книжках. Эти иллюстрации неосознанно используются ребенком как образцы для собственных рисунков.

Но почему неосознанно? Можно же объяснить ребенку, что его рисунок должен быть похож на иллюстрацию в книге. Конечно, можно. Но это даст только отрицательный эффект. Не исключено, что ребенок вообще откажется рисовать: «Я так не умею». Если же он не откажется, то вместо творческой самостоятельной деятельности, ведущей к развитию восприятия, образных представлений, воображения, займется беспомощным срисовыванием, почти ничего не дающим для детского развития. А в лучшем случае (он же самый вероятный) требование «рисовать, как в книжке» просто не будет воспринято ребенком, никак не повлияет на его рисунок.

Ребенку часто хочется изобразить какую-нибудь ситуацию, сценку. Если рисуется человек, то в руке у него должен быть шарик или флажок. Если дом, то рядом должен стоять хозяин. Если дерево, то вокруг должны расти цветы. Чем больше внимания будет уделяться в семье детским рисункам, чем больше будут ребенка спрашивать о них, тем скорее появится стремление изображать сюжеты — поначалу простые, а затем все более сложные.

Юра нарисовал грузовик.

— А что он везет? — спрашиваю я.

— Камни, — отвечает он.

— Почему же их не видно?

— Они там, в кузове.

— Нет уж, давай нарисуем так, чтобы они были видны. А то никто не догадается, что они там есть.

Юра начинает рисовать камни. Они заполняют весь кузов, залезают на крышу, попадают в кабину.

— Еще камень, еще камень, — приговаривает Юра. — Чтобы был большой дом.

— Из этих камней построят дом? — догадываюсь я. — А где же его будут строить?

— Там, — показывает он за край листа.

— Давай нарисуем, как его строят. — И я даю Юре новый лист бумаги.

На этом листе он рисует дом, на вид вполне достроенный.

— По-моему, этот дом уже построили. Зачем же везти туда камни?

— Делать дорожку. — И Юра начинает рисовать ведущую к дому дорожку, приговаривая: — Вот, строят дорогу. Будет хорошая дорога. Вот, построили.

Как видите, замысел рождается прямо по ходу рисования, тут же видоизменяется (сначала предполагалось, что будет строиться дом, потом ситуация меняется — дом уже построен и остается лишь сделать дорогу). Строители на рисунке отсутствуют: их роль взял на себя сам Юра. Рисование слито с игрой, готовый рисунок — это лишь финальный момент игры.

К сожалению, взрослые иногда совершенно не понимают детей. Сын приносит папе рисунок и объясняет:

— Видишь, тут война.

— Тут сплошная мазня, — пожимает плечами папа.

— Это стреляли. Летел самолет, а в него выстрелили и сбили.

Но папа непреклонен:

— Не вижу никакого самолета. Постарайся рисовать аккуратнее.

Конечно, самолета не видно. Он был раньше, а потом его пришлось зачеркнуть: ведь его сбили. Не осуждайте подобные рисунки. Выслушайте рассказ ребенка, постарайтесь увидеть за финальным кадром последовательность приведших к нему событий. Оценивать такой рисунок можно только вместе с рассказом — они составляют единое произведение.

«Разыгрывание» рисунков нужно поощрять: оно развивает фантазию, готовит почву не только для дальнейшего овладения сюжетным рисунком, но и для любой другой творческой деятельности.

Так что же, все рисунки теперь будут превращаться в мазню? Конечно, нет. Во-первых, их разыгрывание вовсе не всегда будет сопровождаться зачеркиванием — скажем, Юрино строительство дороги не привело к такому результату. Во-вторых, иногда — но иногда, а не всегда! — надо ставить перед ребенком задачу сделать красивый, аккуратный рисунок. Такая задача уместна, если рисунок предназначается кому-нибудь в подарок или если его собираются повесить на стену для украшения комнаты. Не следует поощрять «разыгрывание» при рисовании красками, иначе исчезнет их преимущество перед карандашом — возможность создавать гармонично сочетающиеся цветовые пятна.

Рисунок, сделанный Юрой, еще нельзя назвать сюжетной композицией. И сюжет придумывался не самостоятельно, а с помощью взрослого, и композиция практически отсутствует: изображения размещены на двух разных листах (на одном — машина, везущая камни, а на другом — дом и строящаяся дорога). Это промежуточный этап в обучении ребенка сюжетному рисунку. Снята задача размещения всех изображаемых объектов на листе, все внимание уделено совместному со взрослым развитию замысла. Такие задания очень полезны, но они должны чередоваться с другими, когда

замысел достаточно прост и большее внимание уделяется композиции.

— Что ты будешь рисовать?

— Дом.

— А кто в нем живет?

— Мальчик.

— Ты его тоже нарисуешь?

— Да.

— Ну давай. Покажи, где ты нарисуешь дом, а где мальчика.

— Вот тут дом, а тут мальчика.

— Хорошо, рисуй.

Такое обсуждение помогает ребенку заранее представить себе будущий рисунок, определить место, отведенное на листе каждому задуманному объекту. Если вы видите, что в процессе рисования ребенок потерял замысел (например, забыл, что надо оставить место для мальчика), напомните ему — лучше в форме вопроса: «Ты не забыл, что еще хотел нарисовать на этом рисунке?»

Теперь несколько слов о рисовании красками. Перед четырехлетним ребенком, который достаточно хорошо освоил технику обращения с ними, можно ставить весьма сложные художественные задачи. Можно предложить ему нарисовать веселый солнечный день или, наоборот, скучный дождливый день. Нарисовать вечер или даже ночь. Зиму и весну. Красивое озеро и грязную лужу.

Скорее всего, такие рисунки будут беспредметны, но передать настроение, выбирая соответствующие цвета, ребенок уже вполне в состоянии. Такие рисунки хорошо смотрятся на больших листах бумаги, дающих простор для крупных цветowych пятен. При этом удобна широкая кисть (не забывать ее тщательно мыть!), позволяющая быстро покрывать лист краской (желательно использовать гуашь). Задача, стоящая перед ребенком, будет облегчена, если ему дается цветная бумага. Ска-

жем, для «дождливого дня» можно дать серую бумагу, для «ночи» — темно-синюю или черную, для «солнечного дня» — сравнительно светлую и не особенно яркую (чтобы она не забивала краски) голубую, зеленую или желтую. Для «зимы» хороша светло-голубая бумага, для «весны» — светло-зеленая.

Если ребенок уже умеет получать цвета путем смешения (как учить его этому, описано в главе «В мире вещей»), то это умение нужно использовать в рисовании красками.

Ира решила нарисовать лес, а я дал ей только желтую и синюю краски.

— Дай мне зеленую, — просит Ира.

— А ты сделай ее сама, — предлагаю я, — ты ведь ее уже делала.

Ира соглашается. Она кладет на палитру немного синей краски, тщательно моет кисточку и добавляет желтую краску. От смешения получается зеленая — ею Ира рисует листья на деревьях. Краски смешаны не очень хорошо, и листья выходят разных оттенков. От этого рисунок становится выразительнее, хотя сама художница даже не замечает, что цвет в разных местах неодинаков. Желтое солнце с длинными лучами завершает рисунок.

В заключение этой главы можно посоветовать специальное упражнение для развития точности движений. Оно будет не только способствовать овладению техникой рисования, но и явится первым шагом в долгом процессе подготовки детской руки к овладению письмом. Упражнение проводится так. Взрослый рисует дорожку, у одного конца которой стоит машина, у другого — дом. Машина должна «проехать по дорожке» к дому. Ребенок, не отрывая карандаша от бумаги и стараясь не выйти за пределы дорожки, соединяет линией машину с домом. Вот как выглядит лист (рис. 45) с несколькими такими дорожками (по верхней машина уже проехала, по остальным еще нет):

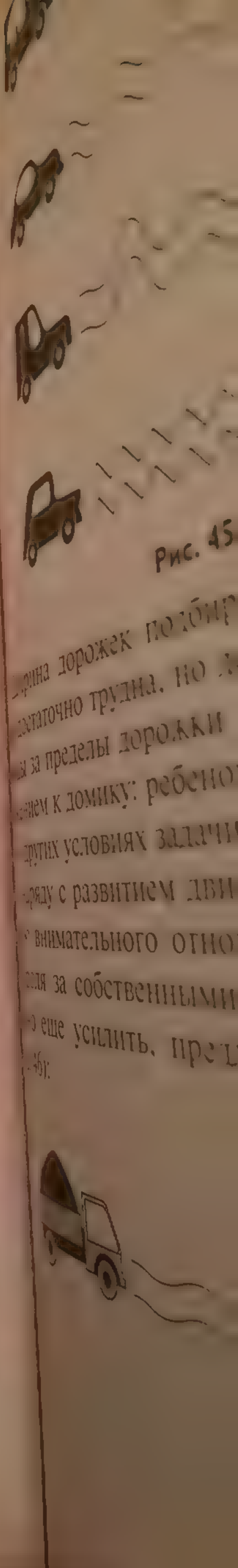

рис. 45

...на дорожек по...
...заточно трудна, но...
...за пределы дорожки...
...к домику: ребен...
...других условиях за...
...ряду с развитием дви...
...внимательного отно...
...за собственными...
...еще усилить, пре...

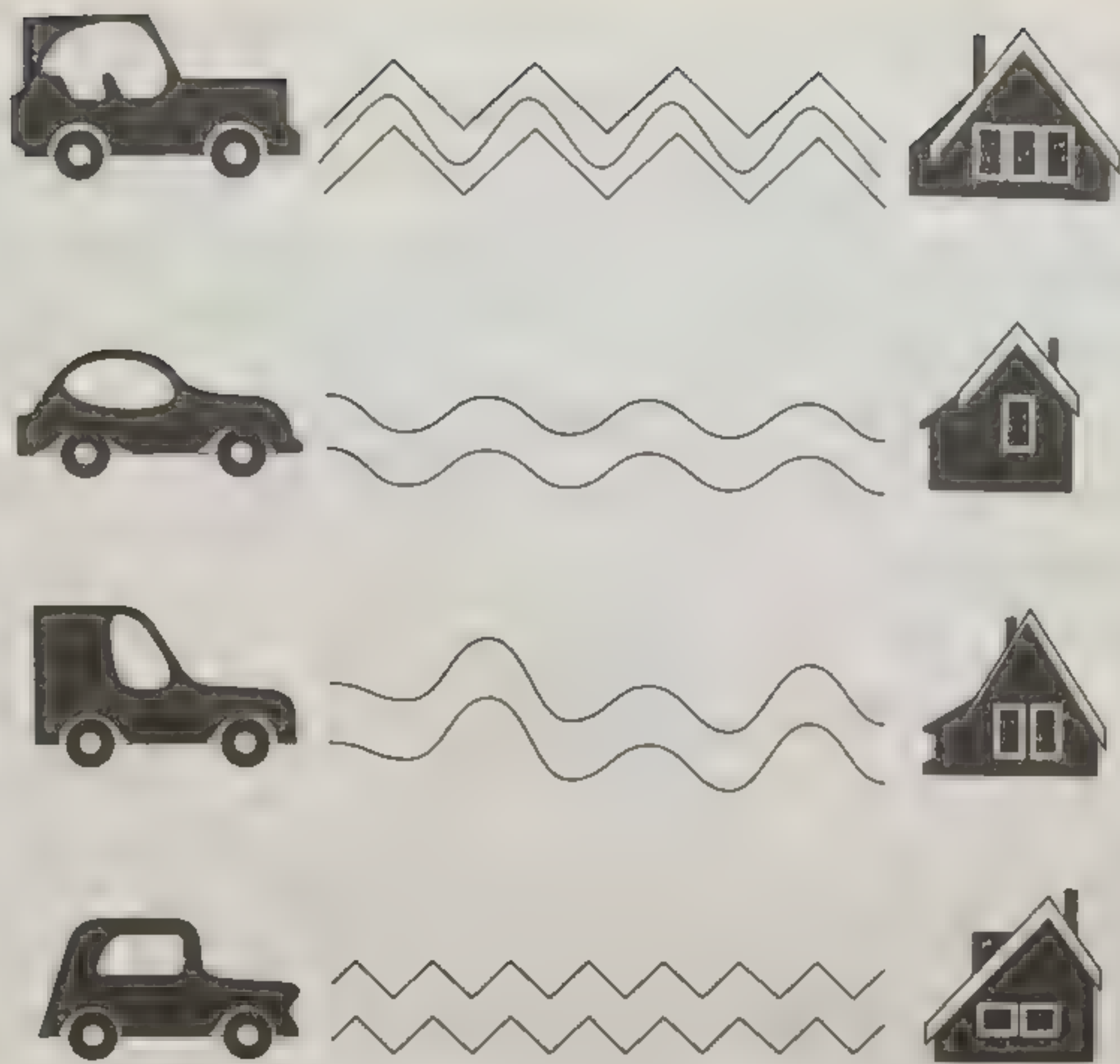

Рис. 45

Ширина дорожек подбирается так, чтобы задача была достаточно трудна, но доступна ребенку. Обычно выходы за пределы дорожки повторяются чаще с приближением к домику: ребенок торопится к цели, забывая о других условиях задачи. Поэтому такое упражнение наряду с развитием движений помогает формированию внимательного отношения к условиям задачи, контролю за собственными действиями. Этот момент можно еще усилить, предлагая дорожки такого типа (рис. 46):

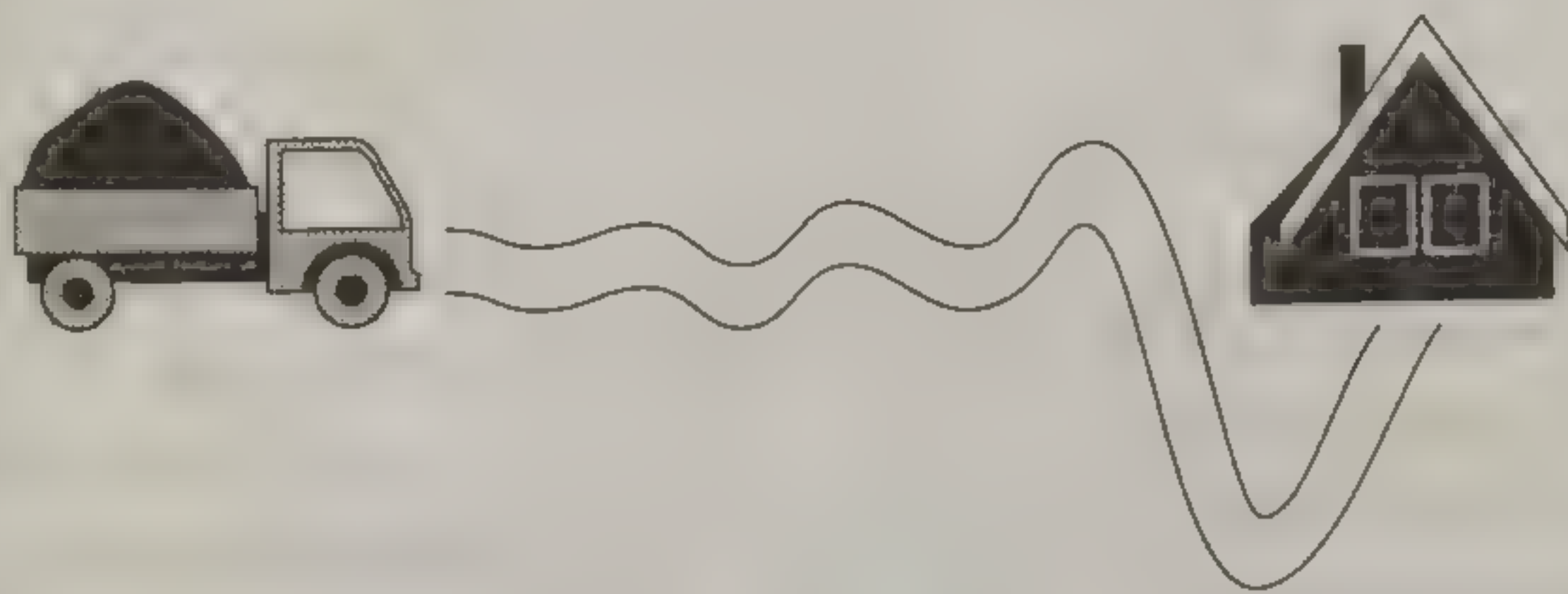

Рис. 46

Другое упражнение, развивающее точность движений, — «охотник и волк». На одном конце листа рисуется охотник с ружьем, на другом — волк. Охотник должен «выстрелить и убить волка». Дуло ружья соединяется прямой линией с фигуркой волка (рис. 47); карандаш при этом не отрывается от бумаги.

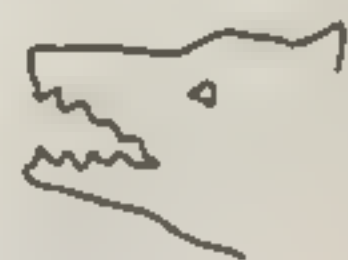

Рис. 47

Для того чтобы научить ребенка пользоваться карандашом, регулировать нажим, можно использовать упражнение «самолеты за облаками». Взрослый рисует два силуэта самолетов и контуры облаков. Ребенку

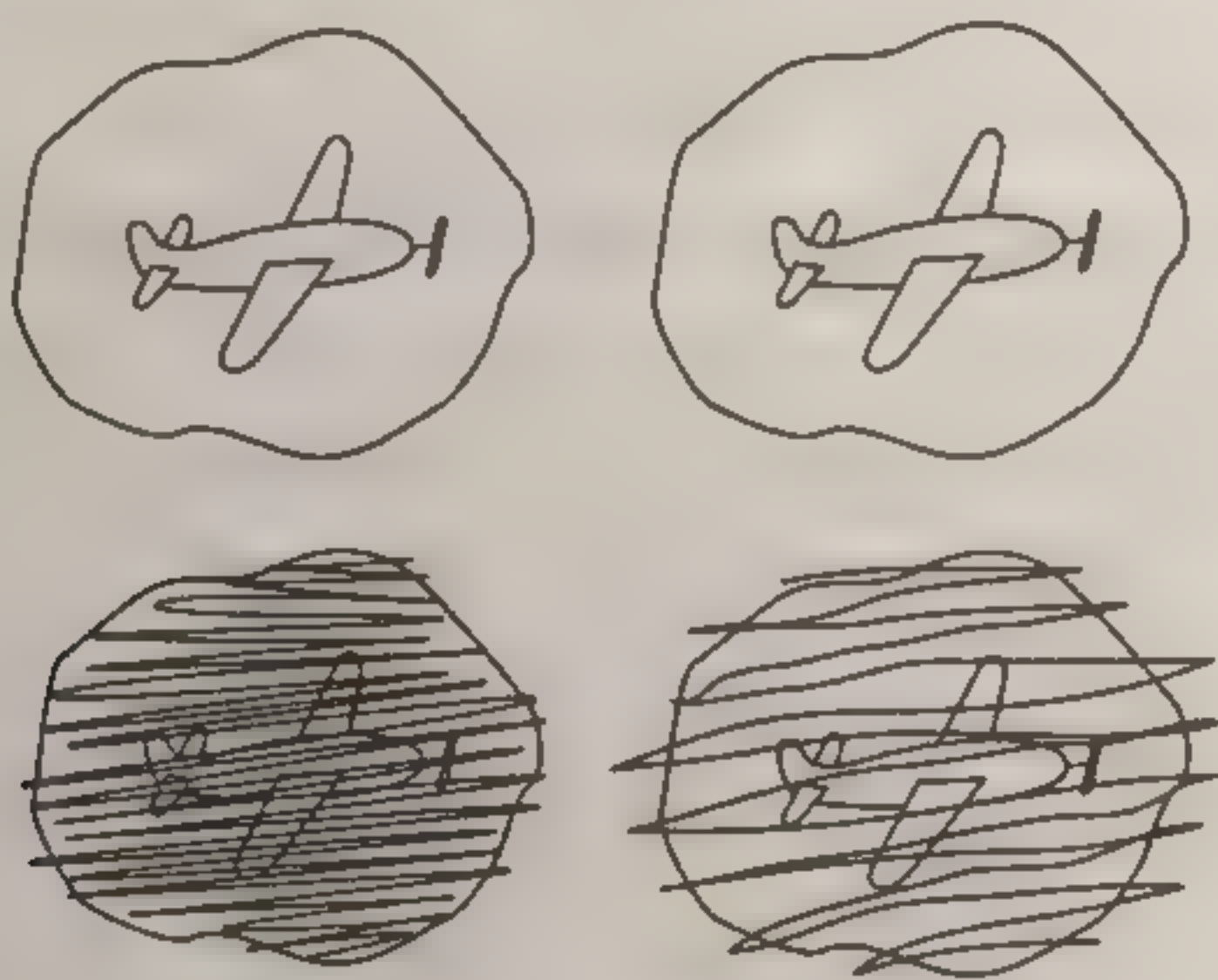

Рис. 48

предлагается сделать одно облако «таким темным, чтобы самолет через него совсем не было видно», а другое — «светленьким, чтобы самолет был через него немножко виден» (рис. 48).

Пластилиновая груша

Лепка, как и рисование, — одно из любимых занятий малышей. Что составляет главную трудность рисования? Пожалуй, необходимость передачи формы объемного предмета на плоском листе. Тут этой трудности

нет. Зато есть свои: лепка требует очень точного управления движениями.

Сначала несколько слов об организации занятий. Материалом обычно служит пластилин. Иногда используется и глина, которая имеет много преимуществ, но и один очень серьезный недостаток: она не продается в детских магазинах. Итак, пластилин. Его самое заметное свойство — это способность оставлять неотмывающиеся пятна на обоях, попадать во все щели и разноситься по всему дому. Поэтому занятия лепкой — по крайней мере, в первое время, пока ребенок не усвоил правил обращения с пластилином, — должны проводиться только при участии взрослого. Лепить лучше всего на дощечке или фанерке, чтобы не портить стол. Сразу же после занятия надо тщательно вымыть ребенку руки и спрятать пластилин.

Существует много разных приемов создания лепного изображения. Можно создавать его, отсекая от большого кома пластилина лишние куски (примерно так же скульптор работает с твердыми материалами — камнем, деревом). Можно получать детали вытягиванием или вдавливанием. И наконец, можно собирать изделие из отдельных частей, изготовленных заранее. Этот способ весьма редок у скульпторов-профессионалов, но наиболее прост для ребенка. Поначалу детали изготавливаются взрослыми, а ребенок только собирает их и слепливает вместе. На этом этапе он фактически не лепит предмет, а конструирует его из готовых элементов.

— Давай слепим человека, — говорю я Ире. — Вот это будет его голова. — Я выкатываю между ладонями пластилиновый шарик и выдавливаю на нем глаза, нос, рот.

— Вот тельце. — Я делаю другой шар, побольше, а потом слегка сжимаю, так что он приобретает форму лимона.

— Вот рука. — Я делаю колбаску. — Вот другая рука. Вот ноги. Прилепи все на свои места.

Начинается «сборка». Ира уже неплохо освоила схему строения человеческого тела, поэтому все детали достаточно точно попадают на свои места. Мне остается только немного поправить положение ног и наклеить ступни, чтобы наш человечек мог стоять. Позже можно добавить некоторые детали одежды, а в руки положить яблоко или мячик.

Следующее задание сложнее: через пару дней я предлагаю Ире слепить собаку. Детали те же, что и в прошлый раз, только к ним прибавился хвост колечком. Ира собирает собаку так же, как раньше собирала человека. Я достаю игрушку — пластмассового щенка.

— Посмотри, как он стоит, — говорю я.

Ира кладет свою пластилиновую собаку на живот и начинает подгибать лапы так, чтобы они оказались снизу.

— Она головку опустила, — сообщает Ира.

Я не согласен с этим вариантом.

— Попробуй сделать, чтобы она ее подняла, как та. — Я указываю на игрушечного щенка.

Приходится отлепить голову и переставить ее на другое место. Но теперь уже у Иры возникает претензия ко мне:

— Ты уши не сделал.

Делаю уши.

— Молодец, — хвалит меня Ира и доделывает собаку.

Так можно «собирать» людей, животных, дома (если заранее изготовлены куб для стен, треугольная призма для крыши и колбаска для трубы), предметы мебели, машины и т. п. Все зависит от того, достаточно ли у родителей времени, терпения и желания, чтобы изготовить нужные детали.

Другое задание, которое можно давать ребенку в начале овладения лепкой, — это задание на видоизменение исходной простой формы.

Я слепил двух человечков и предлагаю Ире сделать им шляпы. Полуфабрикаты уже есть — это пластилиновые шарики примерно того же размера, что и головы человечков.

— Сделай из этого шляпу, — говорю я.

Ира пытается налепить шарик на голову пластилиновому дяде.

— Таких шляп не бывает, — вмешиваюсь я. — Она не наденется на голову. — И я сам у нее на глазах превращаю шарик в шляпу, выдавив в нем углубление пальцем.

Ира воспроизводит это действие со вторым шариком и надевает шляпы нашим героям.

В другой раз мы так же лепим тарелки — для этого шарики приходится расплющивать, превращая их в лепешки. На тарелки кладем мелкие кусочки пластилина — это еда.

Более сложное задание — свернуть тонкий кусок пластилина в трубочку. Это будет труба для дома. Такая же трубочка, если к ней снизу прилепить лепешку, превратится в стакан или кружку (для кружки нужна еще ручка, которую удобно делать из тонкой колбаски, изогнутой дугой). Так же можно сделать кастрюлю — только тогда должно быть две ручки, а саму трубочку нужно сделать пошире (и донышко побольше). Лепешка с приделанной к ней колбаской — это сковородка. А лепешка с четырьмя колбасками, прилепленными перпендикулярно к ней, — это круглый стол. Вот как много разных вещей можно сделать из одних и тех же элементов!

Лепешки, а затем и трубочки ребенок может делать из полуфабрикатов — шариков и плоских листков пластилина. Позднее и колбаски начнут изготавливаться ребенком самостоятельно. А вот с шариками сложнее. Их раскатывание требует сложного согласованного движения двух ладошек, и освоить такое движение малышу нелегко.

Еще одна трудность связана с необходимостью предварительно разминать пластилин. Это требует и силы, и терпения, которыми большинство малышей не обладают. Поэтому взрослый и тут должен оказать ребенку помощь. Но, как всегда, в меру. То, что ребенок может сделать сам, пусть делает. Ведь и раскатывание колбасок и шариков, и разминание пластилина очень полезны для развития движений, причем полезны по-разному, так что одно другого не заменяет. Разминание развивает силу пальцев, раскатывание — точность и координацию движений, умение управлять ими.

На этом этапе хорошее задание — лепка натюрморта. Сплющив большой шарик, можно сделать блюдо. Из маленьких шариков и колбасок получатся фрукты и овощи. Зеленая колбаска — огурец, оранжевая — морковка (ей надо сделать острый кончик), синяя (не слишком тонкая и слегка изогнутая) — баклажан. Слегка сплюснутый красный шарик — помидор, желтый — яблоко. Если желтый шарик раскатывать так, как катают колбаску, выйдет лимон. Если слегка сжать шарик сверху, оставив без изменений нижнюю часть, он превратится в грушу. Для ребенка, еще не умеющего раскатывать шарики, их должен изготавливать взрослый. Ребенку останется вполне достаточно работы: доделать фрукты и овощи, расположить их на блюде, которое тоже предварительно надо доделать, сплющив большой шарик.

Отдельная задача — изображение мелких деталей с помощью вдавливания или процарапывания. Оно особенно необходимо, когда нужно сделать человеческое лицо или морду животного. Удобный и достаточно универсальный инструмент для вдавливания и процарапывания — заостренная спичка. Она пригодится, когда надо будет изобразить глаза и рот, рыбу чешую, узор на чашке или тарелке, черепичную поверхность крыши.

Один из самых сложных приемов — вытягивание. С помощью этого приема удобно делать уши, нос, птичий клюв. Вряд ли четырехлетний ребенок сможет так вытянуть уши и нос на человеческом лице, чтобы от этого лица хоть что-нибудь осталось. А вот научить его делать утиный клюв или заячьи уши вполне можно. Для развития мелких движений вытягивание, пожалуй, наиболее полезный прием.

Развивать силу пальцев и навыки управления мелкими движениями, которые так важны в лепке, а позднее станут необходимым условием успешного обучения ребенка письму, можно и с помощью дополнительных специальных упражнений. Одно из них — это разрывание бумаги на мелкие кусочки. Лист разрывается пополам, обрывки накладываются один на другой, и процедура повторяется. Не надо складывать обрывки вместе до бесконечности. Достаточно, чтобы набралось 2—6 слоев (в зависимости от силы пальцев ребенка и от толщины бумаги). После этого основная задача — сделать обрывки как можно мельче. Это будут опавшие листочки или снег — в зависимости от того, собираетесь ли вы играть «в осень» или «в зиму».

Бумага для разрывания должна храниться отдельно от любой другой, и ребенок должен твердо знать, что рвать можно только эту бумагу.

Прекрасно развивает мелкие движения нанизывание бисера или бус. Если у вас нет детских бус, можно нанизывать на тонкую проволочку пуговицы.

Застегивание пуговиц на своей и кукольной одежде, зашнуровывание ботинок — это тоже хорошие упражнения для детских пальчиков.

В завершение этой главы предложим несколько сюжетов для лепки.

Дерево. Ствол — толстая колбаска, ветки — тонкие. Чтобы оно устойчиво стояло, надо сделать пластилиновую подставку. На верхушку дерева можно посадить

птицу, сделанную из одного куска пластилина (исходная форма приближается к лимону, затем вытягиваются клюв и хвост, острой спичкой делаются углубления — глаза, процарапывается рисунок сложенных крыльев. Под деревом могут расти грибы (ножка — колбаска, шляпка — шарик, сплюснутый с одной стороны, превращенный в полушар; если гриб получился почти того же размера, что и дерево, это не страшно).

Семья. Три человека разного роста — папа, мама, ребенок. Если вместе с вами живут бабушка и дедушка, если есть старшие или младшие братья и сестры, то, разумеется, следует вылепить и их.

Зоопарк. Разные животные, сделанные по одной схеме (удлиненное туловище, шарообразная голова, четыре ноги — «колбаски», хвост — тонкая «колбаска») и различающиеся характерными деталями: у оленя — два рога, у носорога — один рог посреди головы, у слона — хобот, у зайца — длинные уши, у лисы — удлиненный нос и хвост. Детали либо изготавливаются отдельно и прилепляются на нужное место, либо вытягиваются из общего куска. Такую композицию хорошо делать после посещения зоопарка.

Игрушки. Кукла, мишка (от настоящего он отличается тем, что соответствует не схеме животного, а схеме человека: голова наверху, вместо четырех лап две ноги и две руки), машина, набор кукольной мебели (стол — лепешка с четырьмя ножками-колбасками; табурет — той же конструкции, но поменьше; шкаф — прямоугольный брусок пластилина с процарапанными спичкой дверцами).

Совсем не обязательно делать всю композицию за один прием. Желательно, чтобы каждый отдельный объект был завершен за одно занятие, но остальные элементы композиции могут изготавливаться в последующие дни. День за днем может пополняться «зоопарк», разрастаться «семья», обогащаться набор «игрушек».

Не уничтожайте сделанную композицию сразу — дайте ей постоять хотя бы несколько дней, покажите другим членам семьи, не присутствовавшим при лепке. Пусть ребенок приучается к тому, что полученный результат имеет определенную ценность.

Мы строим дом

— Папа, давай строить!

На этот призыв нельзя не откликнуться: конструирование из кубиков — наше общее увлечение.

— А что мы будем строить?

— Дом!

Начинается строительство дома. Юра накладывает кирпичики один на другой, сверху сооружает крышу из треугольных призм и даже ухитряется пристроить где-то сбоку трубу. До сих пор мы строили только дома такого типа. Но сегодня у нас начнется новый этап: постройка полноценного жилища для куклы.

— Как же Дюймовочка войдет в этот дом? — спрашиваю я, ставя рядом с Юриным сооружением куколку.

Юра в растерянности. Я предлагаю ему оглядеться вокруг.

— Посмотри, мы живем в доме. А что вокруг нас? — И я указываю на стену.

— Окно.

— Так. А где это окно?

— Оно на стене.

— Правильно. Всюду вокруг нас — стены. А в стенах — окна, чтобы мы могли смотреть на улицу, и двери, чтобы мы могли выходить и заходить. Давай сделаем так, чтобы и вокруг Дюймовочки были стены, а сама она пусть живет внутри домика.

Предшествующее здание разбирается, и начинается сооружение стен вокруг куклы. Вот построены все четыре стены, но они чересчур широко расставлены: когда

Юра, начав возводить перекрытие, пытается пристроить сверху кирпичик, тот проваливается в комнату.

— Не помещается, — жалуется Юра, снова начиная возиться с перекрытием.

Я чуть-чуть придвигаю одну стену к другой. Поняв подсказку, Юра сдвигает кирпичики так близко, что они начинают касаться Дюймовочки. Снова попытка построить потолок — и снова неудача. Первый кирпичик теперь ложится хорошо, но второму мешает выступающая над стенами голова куклы. Тогда Юра укладывает куклу горизонтально. Я пытаюсь внушить ему, что Дюймовочке неудобно все время лежать, что она хочет иметь такой же дом, как у нас, где можно стоять.

— Пускай спит, — категорично отвечает Юра.

Спорить с ним бессмысленно. Ладно, для первого раза хорош и такой результат: Юра благополучно завершил строительство дома для спящей Дюймовочки и водрузил на крыше неизбежную трубу.

В следующий раз мы заранее договариваемся, что будет строиться настоящий дом, в котором можно стоять, из которого можно выходить, когда захочется, а потом заходить обратно.

Сама задача сделать достаточно высокие стены для Юры не представляет особого труда: он уже не раз решал подобную задачу, строя ворота и мосты. В предыдущем случае он не пожелал этим заняться просто потому, что его внимание было направлено на другое. Теперь он охотно делает Дюймовочке удобный домик. Вот только как быть с дверью?

Приходится ему помочь. Я осторожно выдвигаю вперед один из кирпичиков: это и будет дверь (рис. 49). Дверь открывается — Дюймовочка выходит из домика (во время строительства она находилась внутри). Юра закрывает за Дюймовочкой дверь, но тут же опять открывает ее и снова заводит куклу в дом:

— Опять зашла.

Ясно, что Дюймовочка еще долго будет ходить туда-сюда.

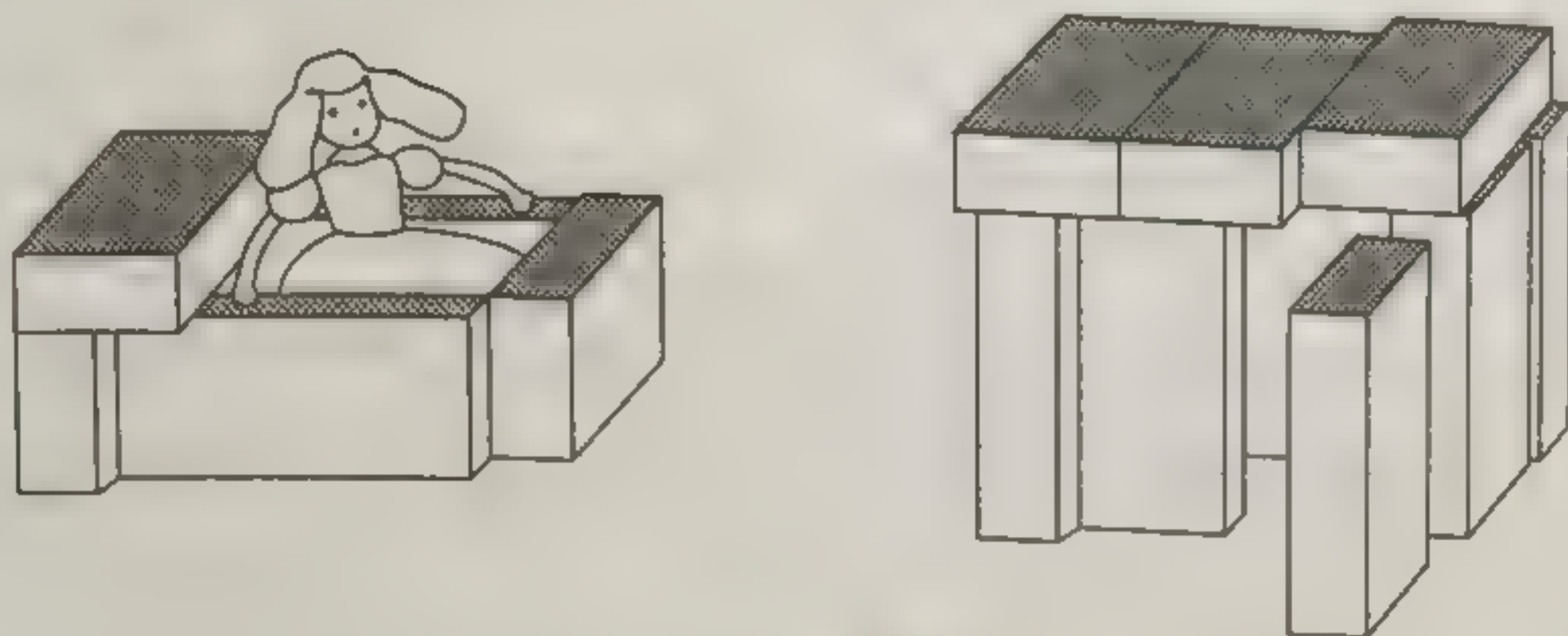

Рис. 49

Следующая наша постройка того же типа — это гараж для машины (рис. 50). Теперь уже Юра все делает сам. Главное его достижение — это сооружение ворот, достаточно широких для машины.

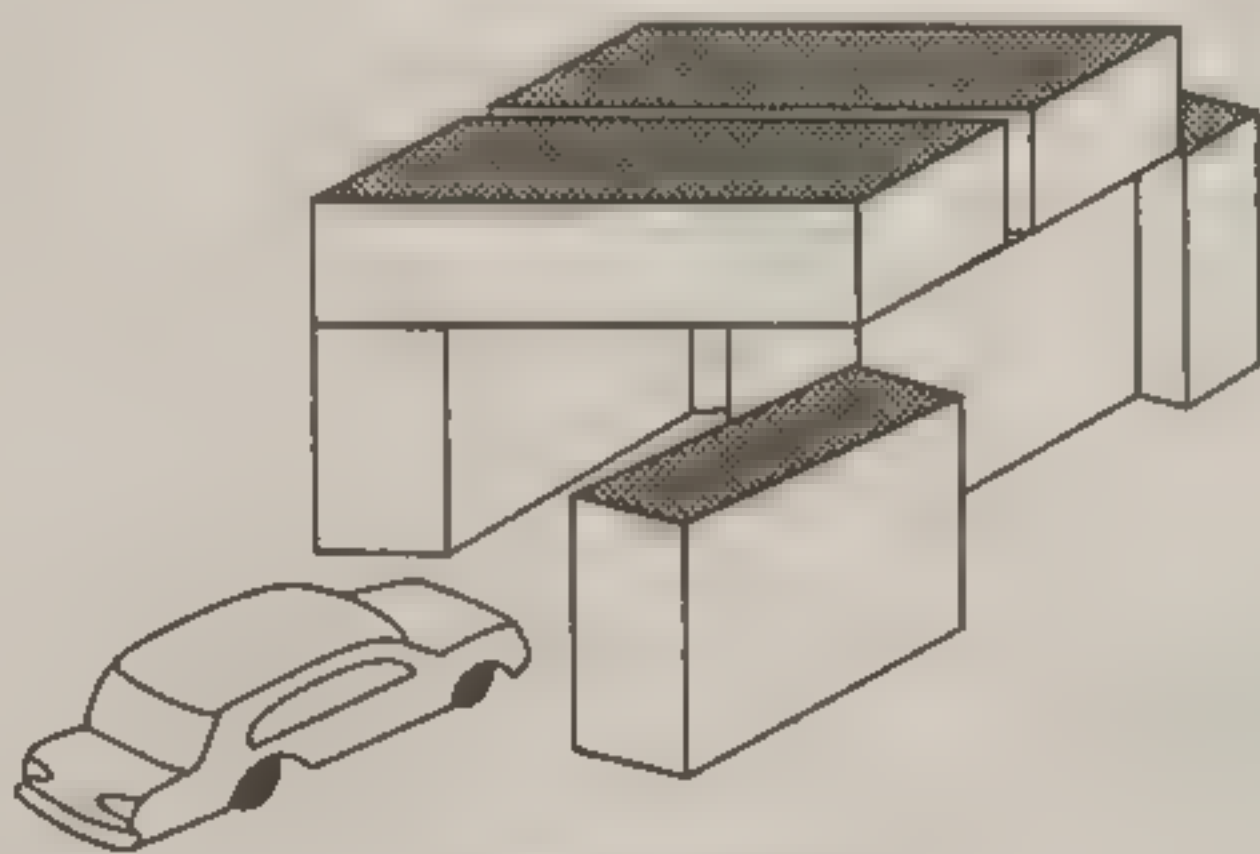

Рис. 50

Теперь, когда ребенок научился создавать замкнутое пространство, ограниченное сбоку стенами, а сверху потолком, ему нетрудно будет построить шкаф для кукольной одежды, грузовик с кабиной, в которую можно посадить шофера, и многое другое.

Повышение сложности предлагаемых ребенку конструкций — не единственная и не основная линия, по которой можно двигаться, развивая конструктивную деятельность детей. В предыдущей главе мы описывали различные виды образцов, с помощью которых можно

ставить задачу на воспроизведение того или иного сооружения. Обучение ребенка использованию новых типов образцов — важнейшее направление в развитии его образного мышления.

Для трехлетних детей мы рекомендовали использовать объемные образцы, расчлененные и нерасчлененные чертежи, схематические образцы. Объемный образец — это заранее сделанная взрослым конструкция, которую ребенку предлагается воспроизвести. На расчлененном чертеже видно, из каких деталей состоит конструкция, на нерасчлененном показана лишь ее общая конфигурация. Чертежи могут изображать вид постройки сверху (план) или сбоку. Они могут быть выполнены в натуральную величину или в уменьшенном масштабе. Схематический образец не отражает точного вида конструкции, а лишь задает ее основные особенности. На рисунке представлены объемный образец, расчлененный и нерасчлененный планы, расчлененный и нерасчлененный вид сбоку и схематический образец одной и той же конструкции (рис. 51).

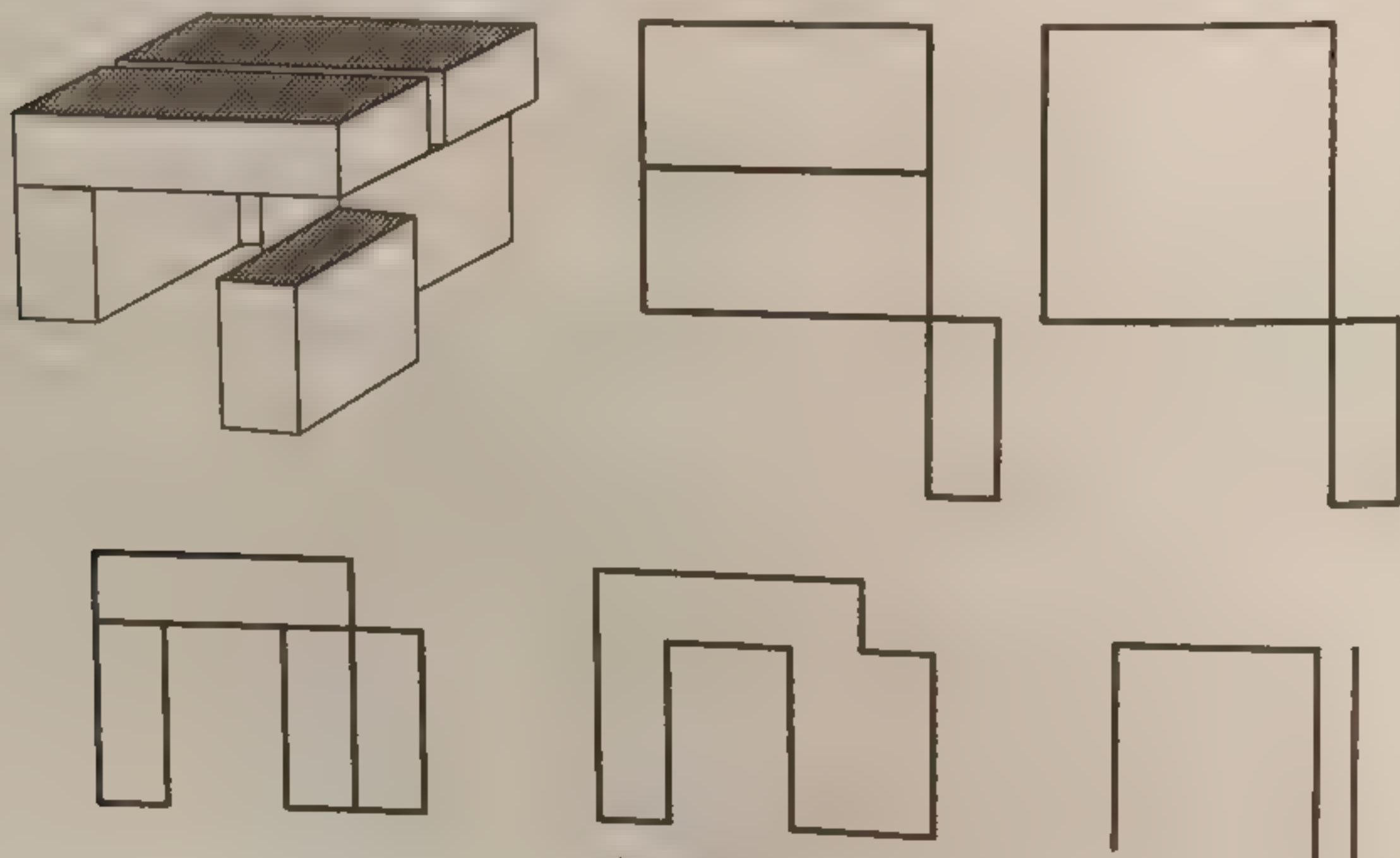

Рис. 51

Еще один вид образца — рисунок, изображающий требуемый объект в его реальном виде, который невоз-

можно точно воспроизвести из строительного материала. Например, рисунок грузовика.

Пусть ребенок сам догадается, как сделать похожий грузовик. В случае затруднений взрослый может ему немного подсказать. Если в строительный материал входят цилиндры, то колеса можно будет сделать из них. Если их нет, то колеса придется изображать кубиками. Сделать скругленную кабину, по-видимому, не удастся — ее придется делать прямоугольной.

Рисуя предмет, который ребенок должен сконструировать, надо делать его не слишком сложным и, главное, четко показать на рисунке, из каких основных частей он состоит.

Конструирование по образцам не должно вытеснять другие виды работы со строительным материалом, описанные в предыдущей части книги. Иногда надо предлагать ребенку строить объект по заданным условиям. Вот две машины. Одна из них — длинный и низкий гоночный автомобиль, другая — довольно короткий, но высокий автокран. Для машин нужны гаражи. Не стоит давать ребенку никаких образцов. Пусть он сам сообразит, какими должны быть пропорции гаражей, попробует поставить каждую машину в свой гараж (рис. 52). Если машина не влезает, пусть сам внесет в постройку необходимые исправления.

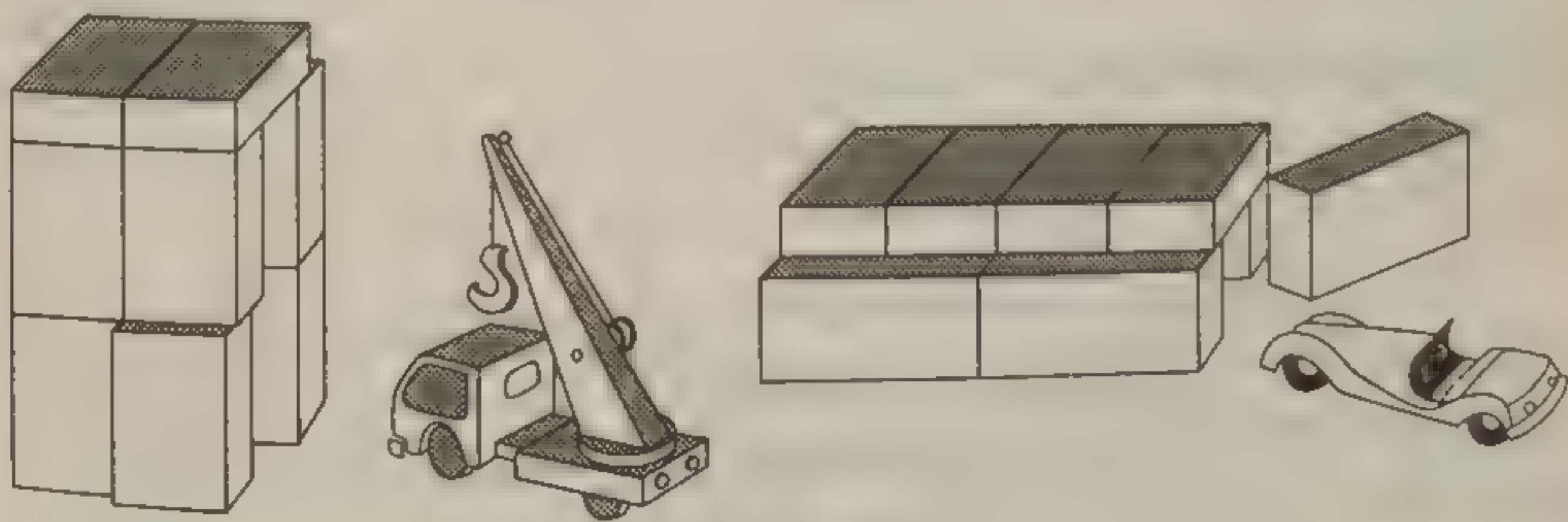

Рис. 52

Условия могут относиться не только к размерам сооружения, но и к его пространственному расположению.

Я ставлю перед Юрой две маленькие матрешки.

— Построй для них дома так, чтобы матрешки видели друг друга из окошек и могли поговорить.

Делать окошки Юра уже умеет. Но вот догадаться, что они должны оказаться одно напротив другого, труднее. Юра строит дома так, что оба они оказываются обращены окнами к нам.

— Нет, так матрешки не увидят друг друга, — говорю я. — Ну-ка посмотри, с какой стороны можно заглянуть в это окошко. — Я указываю на левый домик.

Юра нагибается и заглядывает в окно.

— Видишь матрешку?

— Да.

— А другая матрешка ее не видит — она ведь стоит не тут.

Юра вытаскивает вторую матрешку из ее домика и ставит перед окном — туда, где только что сидел сам.

— О, теперь они друг друга видят. Но только эта матрешка осталась без домика.

Приходится разобрать домик второй матрешки и строить его на новом месте. Да, над этой задачей пришлось потрудиться. Но зато теперь матрешки могут, сколько захотят, смотреть друг на друга, сидя в своих домиках.

Можно задавать условия, требующие построения сразу многих предметов. Вот, например, мы с Ирой решили обставить мебелью кукольную комнату. Разумеется, все предметы должны быть соответствующей величины.

Чем старше ребенок, тем большую пользу для его развития приносит конструирование по собственному замыслу. Но чтобы оно не превратилось в бессмысленное манипулирование строительными деталями, нужно предварительно обсуждать замысел хотя бы в самой общей форме.

— Что ты будешь строить?

— Дом.

— Для кого?

— Для этого зайчика.

— Правильно, зайчику нужен дом.

Четырехлетнему ребенку можно предлагать для конструирования не только строительный материал, но и простейшие конструкторы, например «Лего». «Конструкторы» отличаются от «строителей» тем, что отдельные элементы не просто приставляются друг к другу или накладываются один на другой, а скрепляются тем или иным способом. Очень хороши конструкторы, состоящие из кирпичиков с шипами, обеспечивающими их соединение. Из таких кирпичиков можно конструировать различные дома; если к набору прилагаются колеса, то есть возможность делать машины. Такую машину можно катать по полу, не опасаясь, что она развалится.

В последние годы выпускаются различные конструкторы, предназначенные для создания беспредметных объемных композиций орнаментального типа. Работа с ними развивает чувство формы, способствует повышению точности движений, позволяет ребенку овладеть разными способами скрепления деталей.

Очень хороши сборно-разборные модели машин. Некоторые из них состоят из блоков, скрепляющихся с помощью шипов. Другие собраны с помощью пластмассовых болтов и гаек, при завинчивании и отвинчивании которых ребенка можно учить пользоваться гаечным ключом. Собираение таких моделей полезно и для развития пространственных представлений, и для совершенствования движений, особенно когда при сборке используется гаечный ключ или другие инструменты.

Полезным и привлекательным занятием для четырехлетнего ребенка может стать и конструирование из бумаги. Оно дает дополнительные возможности для закрепления представлений об основных формах (квад-

рат, прямоугольник, треугольник, круг), об измерениях величины (длинный, короткий, широкий, узкий), приводит к делению целого на равные части (которое станет важной стороной развития математических представлений, когда малышу исполнится пять). Но главное, обучаясь конструированию из бумаги, ребенок приобретает способность видеть в плоскостной выкройке будущий объемный предмет, соотносить их между собой, представлять себе, рассматривая выкройку, процесс создания конструкции. Иначе говоря, выкройка выступает в качестве модели процесса.

А использование моделей, как мы уже много раз говорили, — важное средство умственного развития ребенка.

Все это необходимо помнить, приступая к обучению малыша конструированию из бумаги, и ни в коем случае не превращать его в простое натаскивание, когда ребенок по подражанию выполняет малопонятные ему операции с бумагой (сгибает, склеивает) и каким-то неведомым путем, как по волшебству, получает готовый предмет.

Начинать обучение нужно с простейших поделок, основанных на сгибании листа бумаги пополам. Бумага должна быть достаточно плотной. Лучше всего использовать листы из альбома для рисования. Кроме того, понадобится цветная бумага.

Первая поделка — гараж. Для нее понадобится листок плотной бумаги размером примерно пол альбомного листа и полоска цветной бумаги шириной 7—8 см, длиной, на 1 см превышающей ширину первого листка.

Найдите среди игрушек маленькую машину высотой не более 3—4 см и длиной не более 6—7 см. Предложите ребенку вместе с вами построить для нее гараж. Покажите ребенку, что листок бумаги нужно положить узкой стороной к себе и сложить сверху вниз точно по-

Теперь уже все не
е, наклеивание) ре
ельно. Ваша роль сво
ей бумаги, от котор
ельно отрежет (по в
и прямоугольник дл
исжницами, но с за
и. Дальнейшее за
и. Дадим только с

полам так, чтобы уголки совпали. После этого, если края листка раздвинуть, он будет стоять. Это — стенки гаража. А из цветной полоски можно сделать крышу. Для этого ее тоже нужно сложить пополам, повернув к себе широкой стороной. Крыша надевается сверху на стенки, и гараж готов. В него может въезжать машина. Но чтобы он был прочнее, лучше крышу приклеить. Не торопитесь, однако, делать это. Разверните и разгладьте листок и полоску-крышу. Пусть теперь ребенок повторяет все действия сам, используя линии сгибов, которые, конечно, останутся видны. А потом пусть он сам наклеит крышу и поиграет с машиной.

По типу гаража можно сделать несколько разных поделок, если наклеивать на основание (согнутый пополам листок) дополнительные детали из цветной бумаги. Так, домик для куклы будет отличаться от гаража наличием дверей и окон (рис. 53):

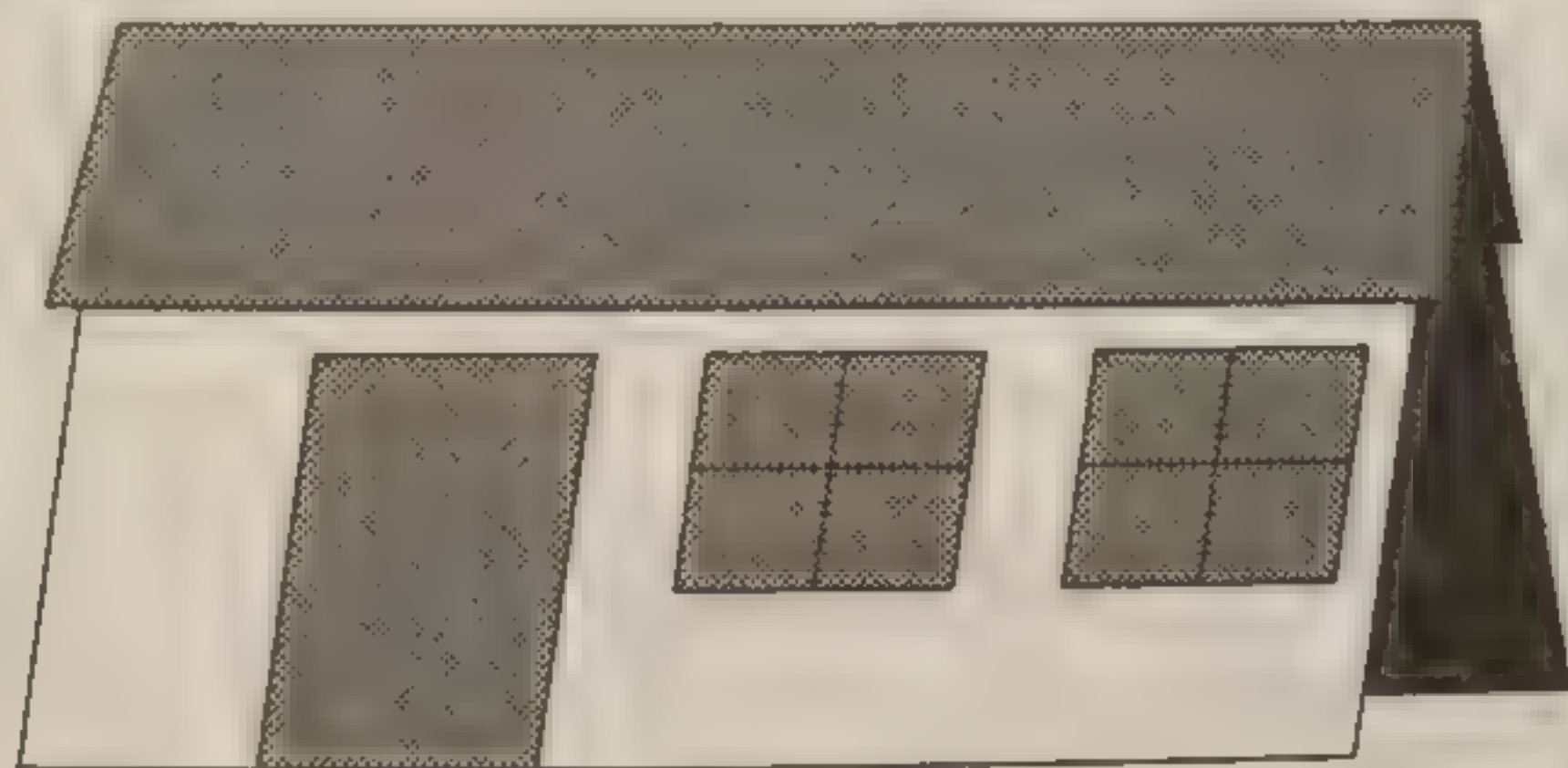

Рис. 53

Теперь уже все необходимые действия (складывание, наклеивание) ребенок будет выполнять самостоятельно. Ваша роль сведется к подготовке полоски цветной бумаги, от которой ребенок опять-таки самостоятельно отрежет (по вашему совету) квадратики для окон и прямоугольник для двери. Пусть учится пользоваться ножницами, но с закругленными концами.

Дальнейшее зависит от вашей собственной фантазии. Дадим только еще один образец — автобус (рис. 54):

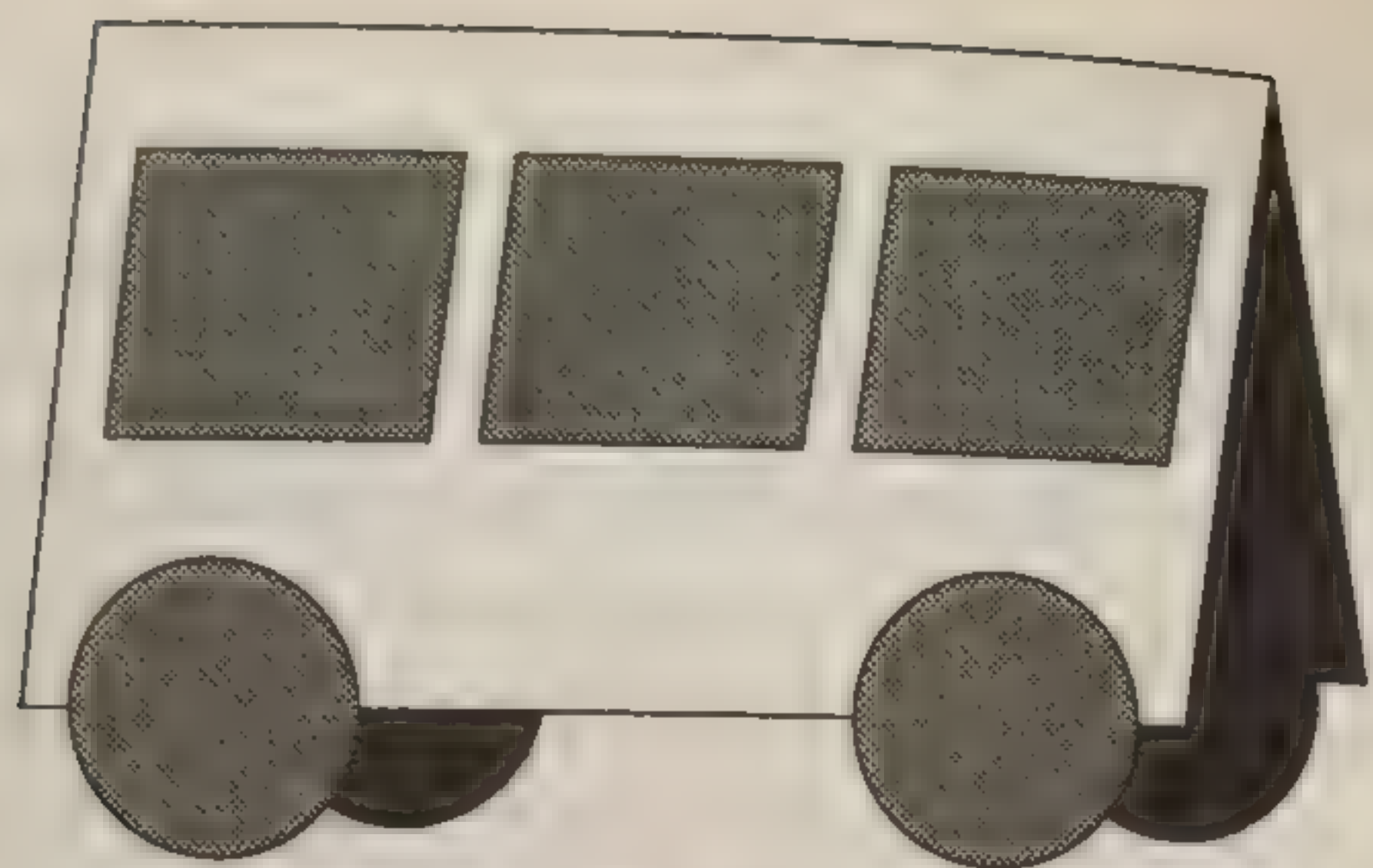

Рис. 54

Следующий тип объектов требует деления прямоугольного листа бумаги на четыре равные части. Узкий и длинный лист (например, 4×18 см) складывается пополам и еще раз пополам. Используя образовавшиеся при этом линии сгибов, вы показываете ребенку, как складывается и склеивается трехсторонний фонарик. При этом четвертая сторона целиком наклеивается на первую. К фонарику подклеивается нитка (длиной 15 см), и его можно вешать на елку или на нитку, протянутую по комнате. Если сделать несколько фонариков и по-разному их раскрасить, получится очень красиво (рис. 55).

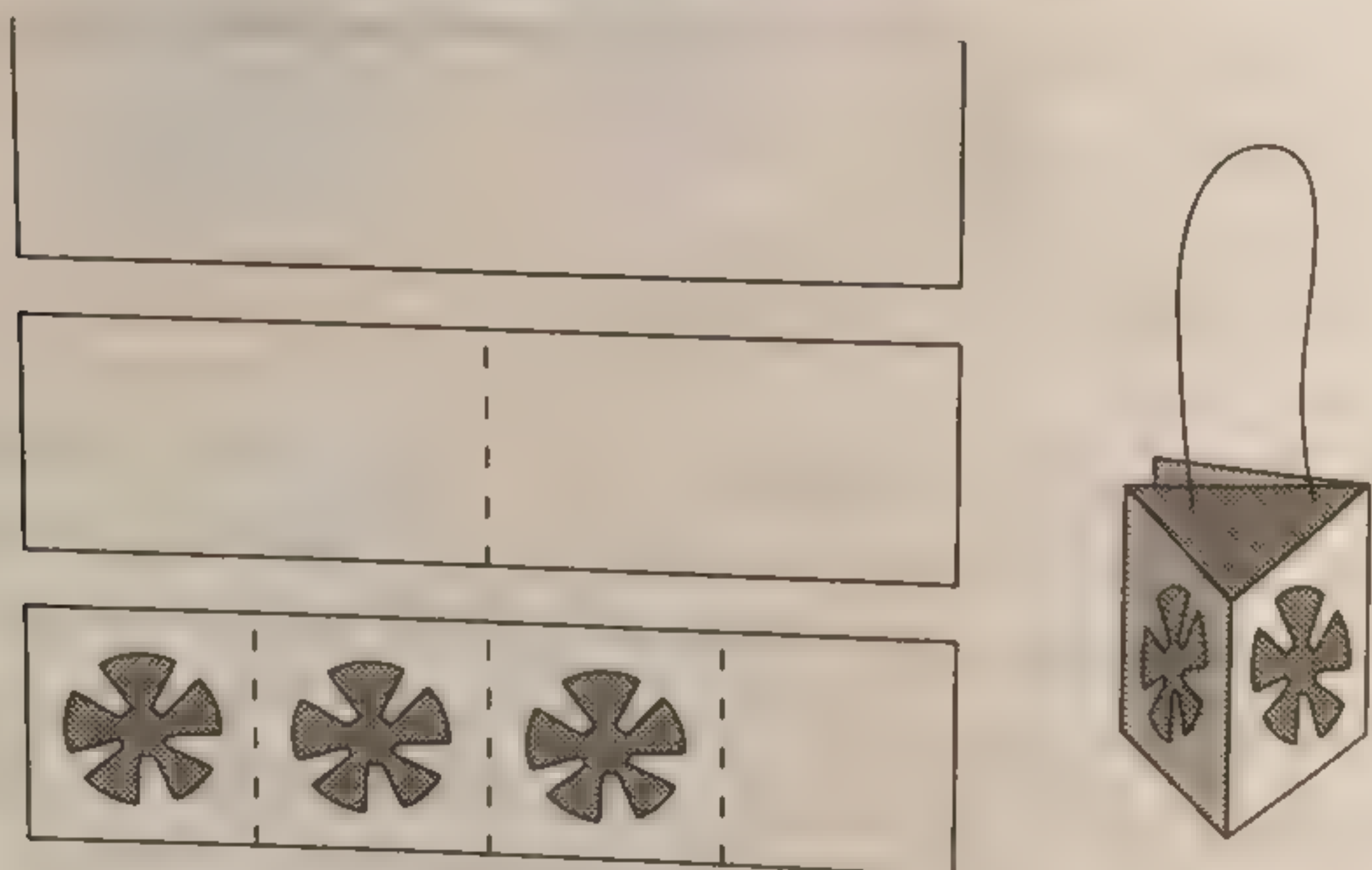

Рис. 55

Но вот приклеивать украшения из цветной бумаги (кружки, квадратики, звездочки и т. п.) на готовый фо-

нарик не слишком удобно. Куда удобнее украсить фонарики до их склеивания. Для этого нужно, наметив линии сгиба, расправить листок на столе и сообразить, какие стороны после складывания будут видны, а какая спрячется. Не забудьте заодно обратить внимание ребенка на то, что у фонарика три стороны, и если смотреть на него сверху или снизу, то виден треугольник.

Чуть-чуть сложнее сделать четырехсторонний фонарик: если сложить листок так же, как для трехстороннего, то не останется бумаги для склеивания. Выход из положения прост: нужно отогнуть узкую полоску. Она-то и будет использована для склеивания (рис. 56).

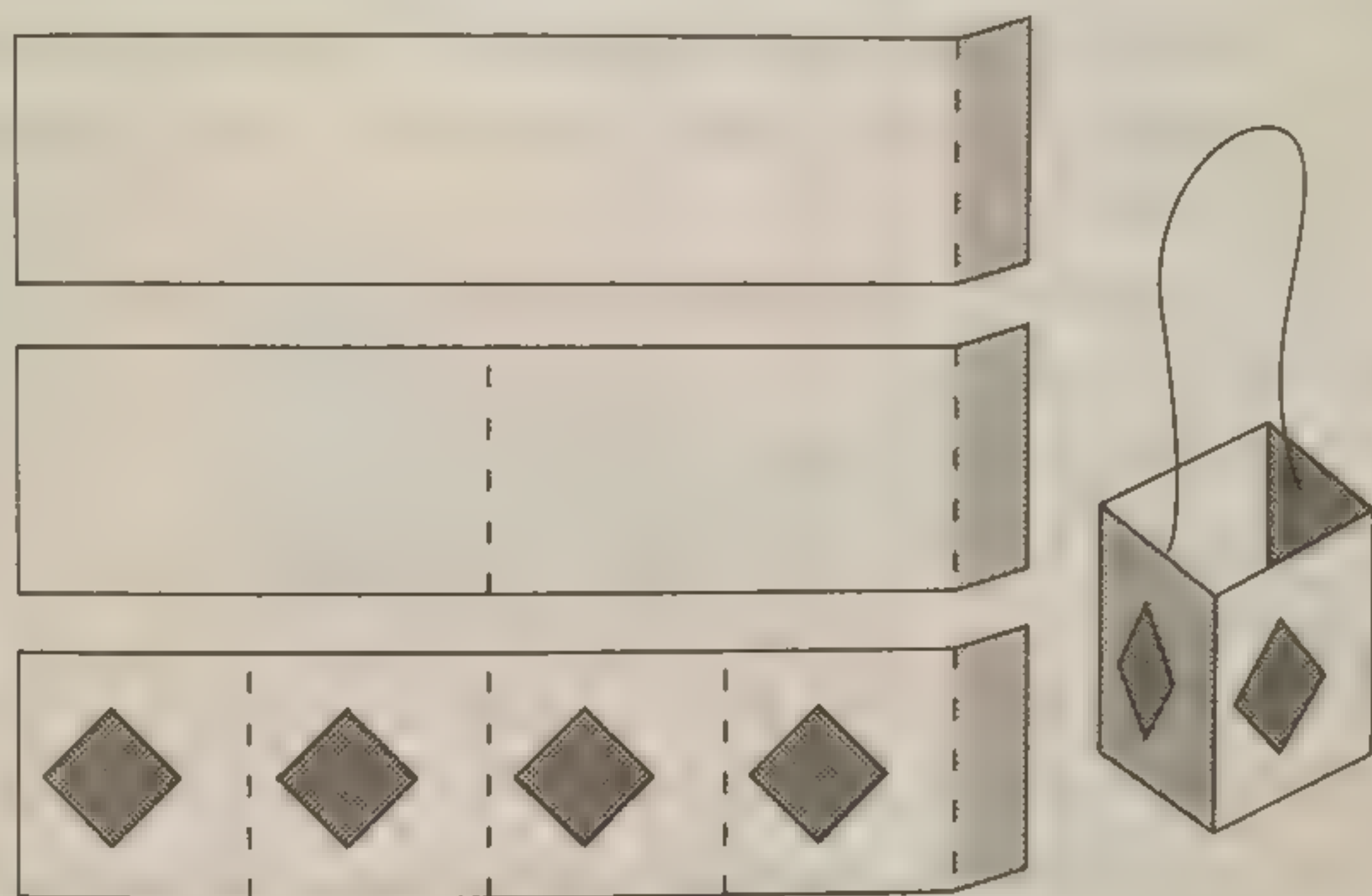

Рис. 56

У таких фонариков четыре стороны, сверху и снизу виден квадрат.

Последняя (и весьма сложная) поделка — коробочка (она же корзиночка, телевизор и многое другое). Нужен квадратный лист бумаги. Он складывается пополам и еще раз пополам в одном направлении, затем точно так же в другом направлении. На разложенном листе получается 16 маленьких квадратиков. Но это слишком много. Нужно только 9, а лишние придется отрезать (рис. 57):

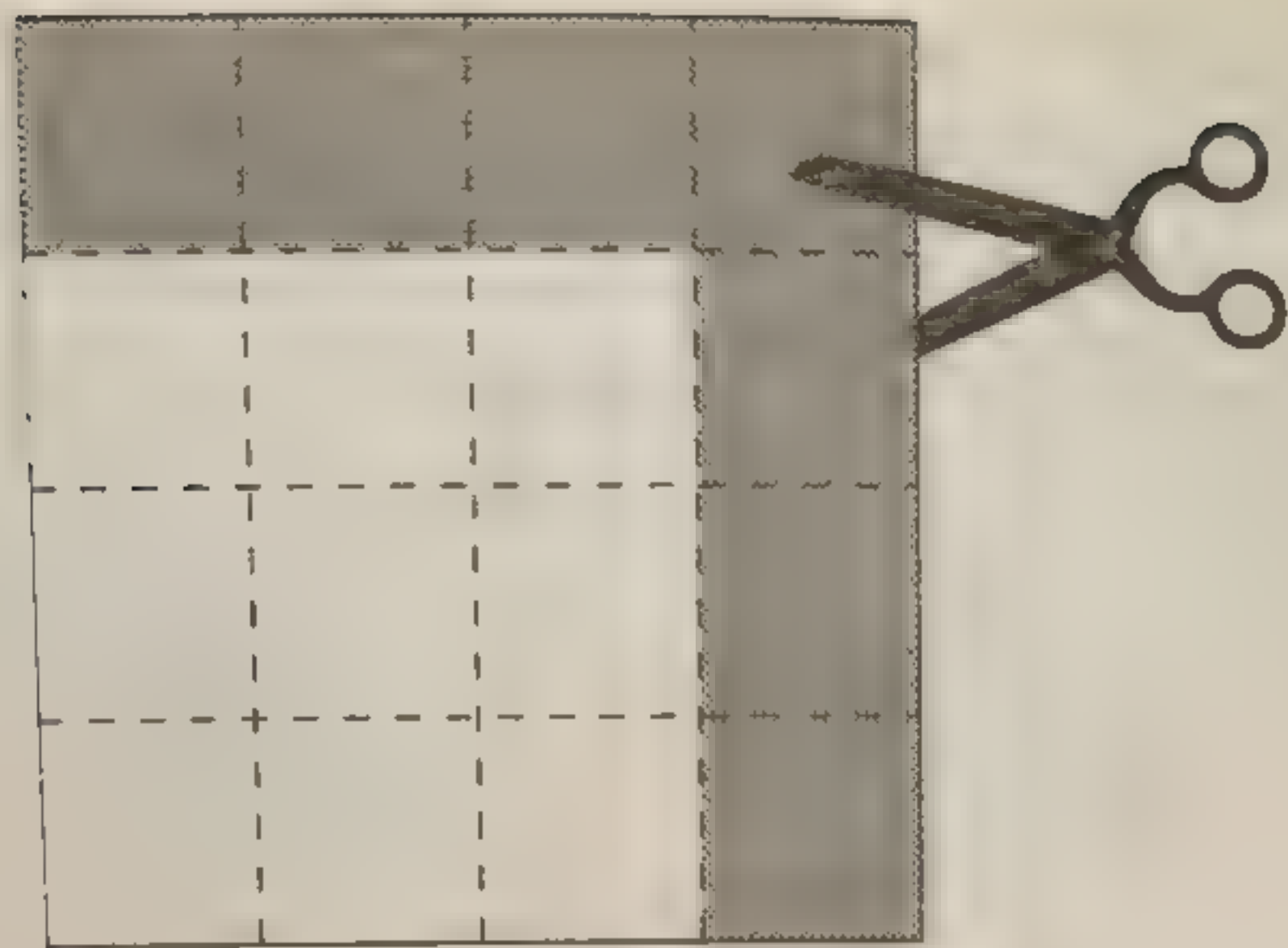

Рис. 57

Конечно, ребенок при этом вовсе не должен пересчитывать квадратики. Ему следует показать, что у коробочки есть дно и с каждой стороны — стенка (всего четыре стенки), что же касается угловых квадратиков, то они понадобятся для склеивания. Конечно, можно было бы и сразу сложить листок так, чтобы получилось не по четыре, а по три квадратика в длину и в ширину, но это гораздо труднее. Удобнее складывать каждый раз пополам. Сложить из заготовки и склеить коробочку — задача, требующая довольно тонких технических умений, и на первых порах ребенок будет нуждаться в серьезной помощи. Заготовка переворачивается и складывается пополам сначала по одной диагонали, потом по другой (рис. 58).

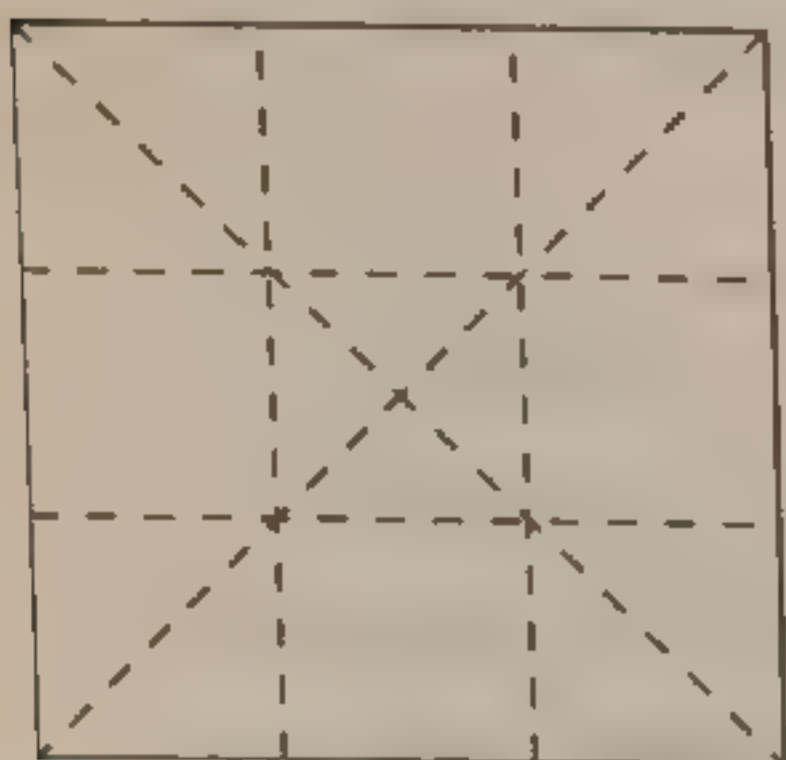

Рис. 58

Перевернуть ее важно так, чтобы диагональные линии сгиба выступали в противоположную сторону по сравнению с вертикальными и горизонтальными. Затем заготовка снова переворачивается. Боковые стороны поднимаются последовательно одна за другой. Каждый из согнутых по диагонали угловых квадратиков образует два треугольника, которые склеиваются между собой и вместе приклеиваются изнутри к находящейся справа боковой стороне коробочки (рис. 59). Другой вариант: два сложенных

угловых квадрата приклеиваются к одной и той же стороне, а два других — к противоположной.

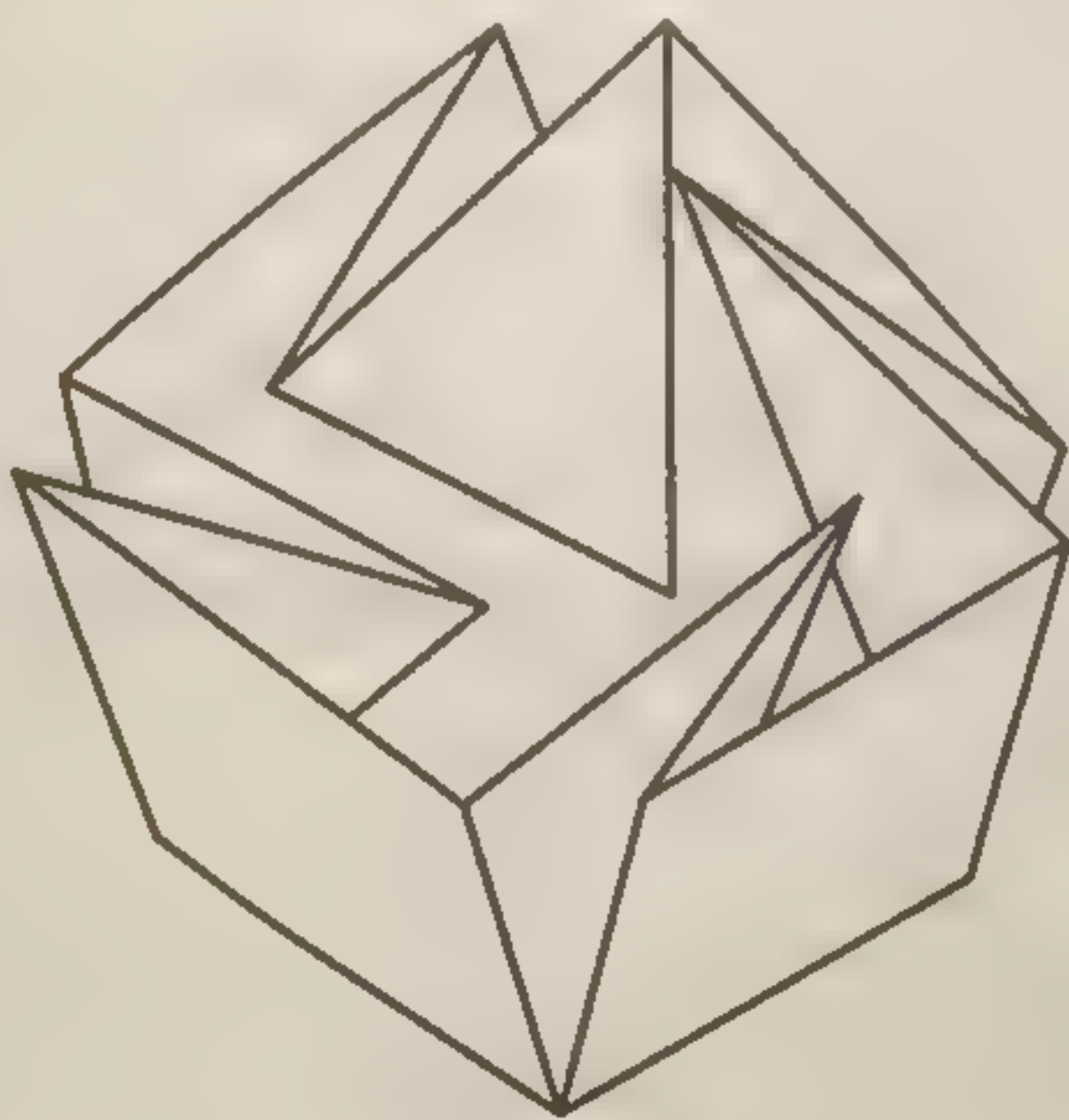

Рис. 59

Превращение коробочки в какой-либо предмет производится с помощью наклеивания дополнительных деталей (рис. 60).

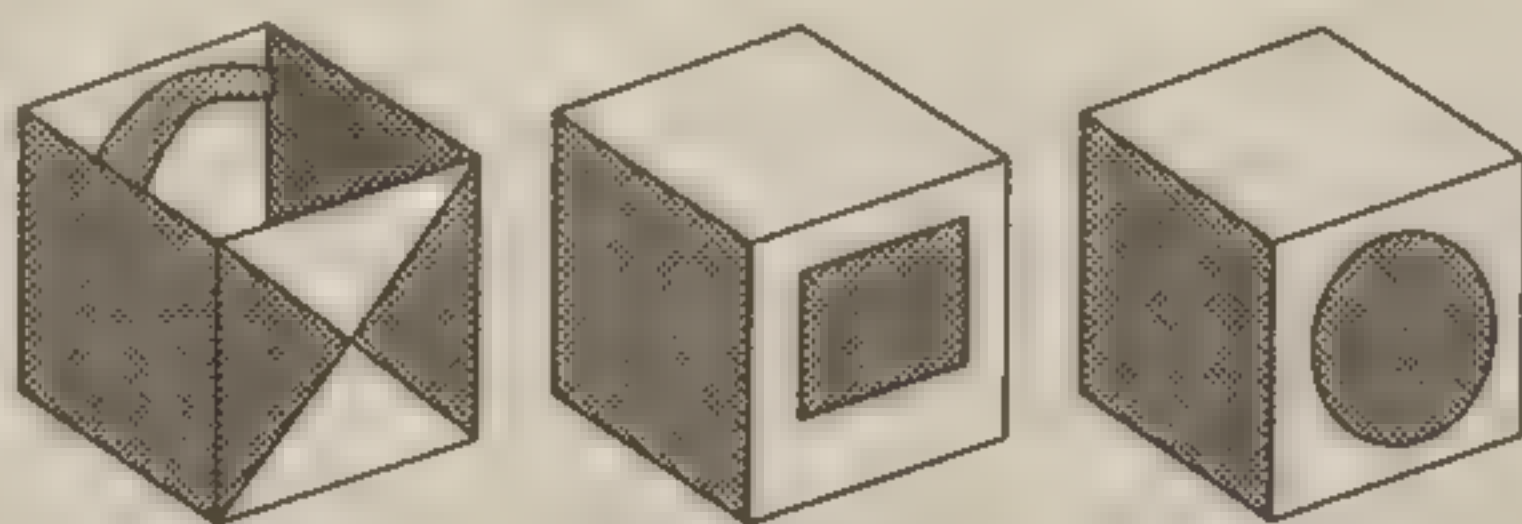

Рис. 60

Когда ребенок научится достаточно успешно делать коробочки, приучайте его к тому, чтобы он заранее, по выкройке определял стороны будущей коробочки и наклеивал на них дополнительные детали и украшения.

Накопленного ребенком опыта будет достаточно, чтобы, комбинируя знакомые формы (или несколько видоизменяя их), изготавливать новые предметы (рис. 61).

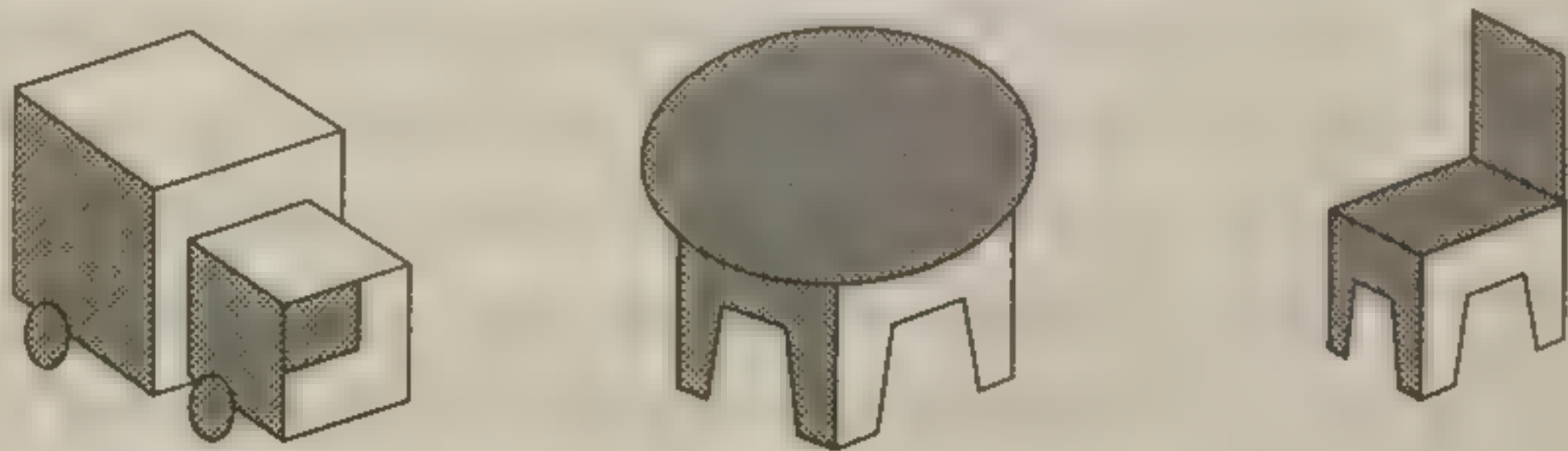

Рис. 61

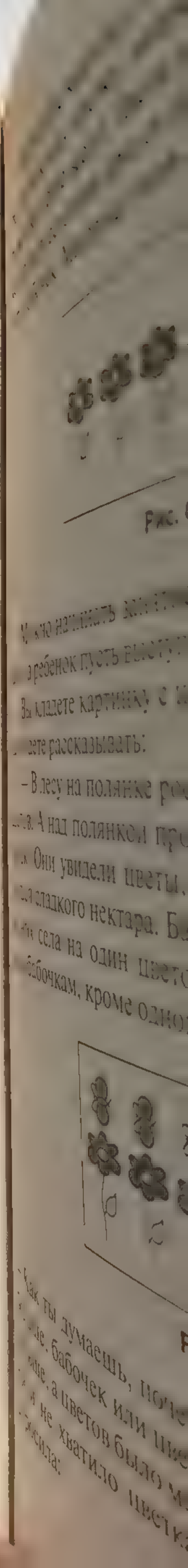
Стол и стул (ножки вырезаются после высыхания коробочек). Крышка стола и спинка стула наклеиваются дополнительно.

Дальше — думайте сами. Не сомневаемся, что вам удастся придумать немало интересных комбинаций.

Больше, меньше, поровну...

Вряд ли человек, проживший на свете целых четыре года, еще не знаком с числом. Вероятно, он уже знает, что такое «один» и «много», а возможно, умеет и считать: «Один, два... четыре, пять... семь...» Теперь пора приобщить его к математике, хотя звучит это уж очень взросло и солидно. Утверждая это, мы имеем в виду, что задача, стоящая перед родителями, весьма серьезна. Важно не просто научить ребенка правильно пересчитывать предметы и узнавать цифры, а дать ему понимание того, что такое число, для чего оно нужно, какая сторона вещей за ним спрятана. Трудности, которые испытывают многие дети, обучаясь математике в школе, связаны, как правило, не с плохими счетными навыками, а с тем, что они не понимают простейших (но вместе с тем и самых важных) математических отношений. Операции с числами для них — некоторый вид колдовства, который, если повезет, почему-то приводит к получению результата, совпадающего с ответом, напечатанным в задачке. Не случайно встречаются младшие школьники, пытающиеся решить задачку, складывая числа, указанные в ее условии, с номером страницы...

Конечно, и здесь, как во всех других случаях, нельзя просто вложить в голову ребенка необходимые знания, объяснить ему, что такое число. Усвоить это он может только в результате собственных действий, направленных на установление стоящих за числами математических (количественных) отношений. И начинать поэтому нужно не с числа, а именно с этих отношений.

Нарисуйте картинку, на которой изображено четыре одинаковых цветка, например ромашки (рисовать ромашки легче всего). Цветы должны находиться на некотором расстоянии друг от друга. Вырежьте из бумаги пять бабочек. Материал готов (рис. 62).

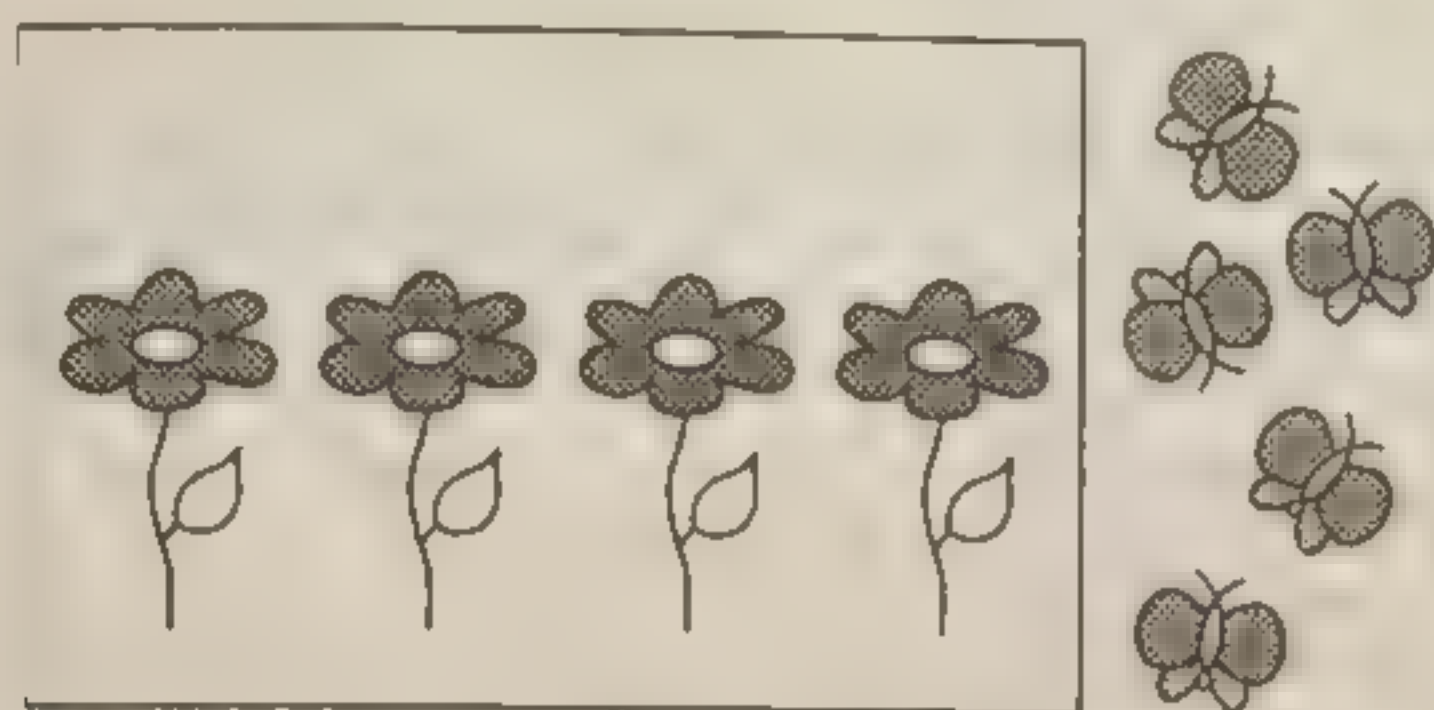

Рис. 62

Можно начинать занятие. В первый раз действуйте сами, а ребенок пусть выступает в роли зрителя.

Вы кладете картинку с цветами перед ребенком... и начинаете рассказывать:

— В лесу на полянке росли вот такие цветы. Много цветов. А над полянкой пролетали бабочки. Много бабочек. Они увидели цветы, и им очень захотелось напиться сладкого нектара. Бабочки спустились, и каждая из них села на один цветок. Смотри! Хватило цветов всем бабочкам, кроме одной (рис. 63).

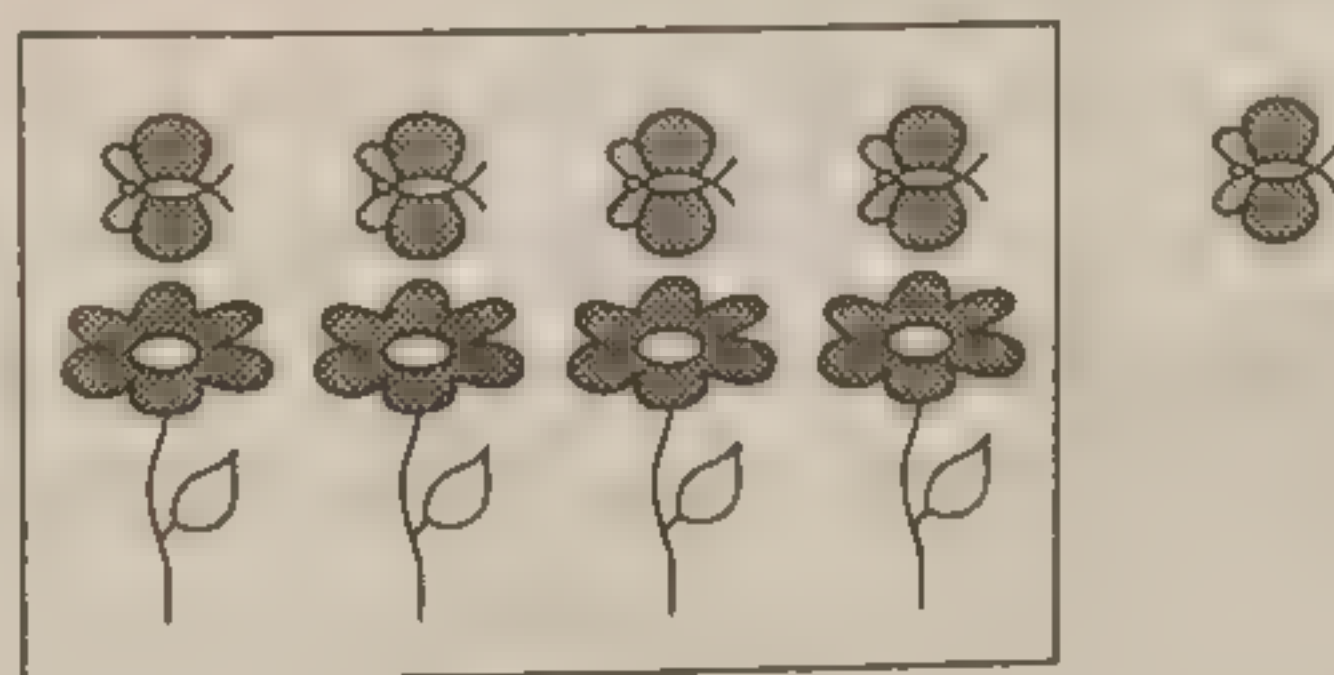

Рис. 63

— Как ты думаешь, почему так получилось? Чего было больше, бабочек или цветов? Правильно! Бабочек было больше, а цветов было меньше. Бабочек больше на одну. Ей и не хватило цветка. Заплакала бедная бабочка и спросила:

— Где же я напьюсь сладкого нектара?

А другие бабочки говорят:

— Лети на другую полянку, там растет много таких же цветков.

И бабочка улетела. Теперь цветков и бабочек стало поровну, у каждой бабочки свой цветок.

Стали бабочки пить сладкий нектар. Но одна из них — подружка той, что улетела, вдруг говорит:

— Жалко мне свою подружку. Скучно ей там одной. Полечу-ка я ее поищу. — И улетела.

— Что же стало теперь? Чего больше, бабочек или цветов? Правильно. Теперь цветов стало больше, а бабочек меньше. Бабочек меньше на одну.

Напились бабочки нектара и улетели. Они нашли на другой полянке своих подружек и все вместе полетели дальше.

Для дальнейшей работы удобно сделать счетную лесенку или купить готовую кассу букв и слогов — лист картона, на который наклеены друг над другом четыре длинные, тоже картонные полоски (их можно заменить неглубокими бумажными карманами) (рис. 64).

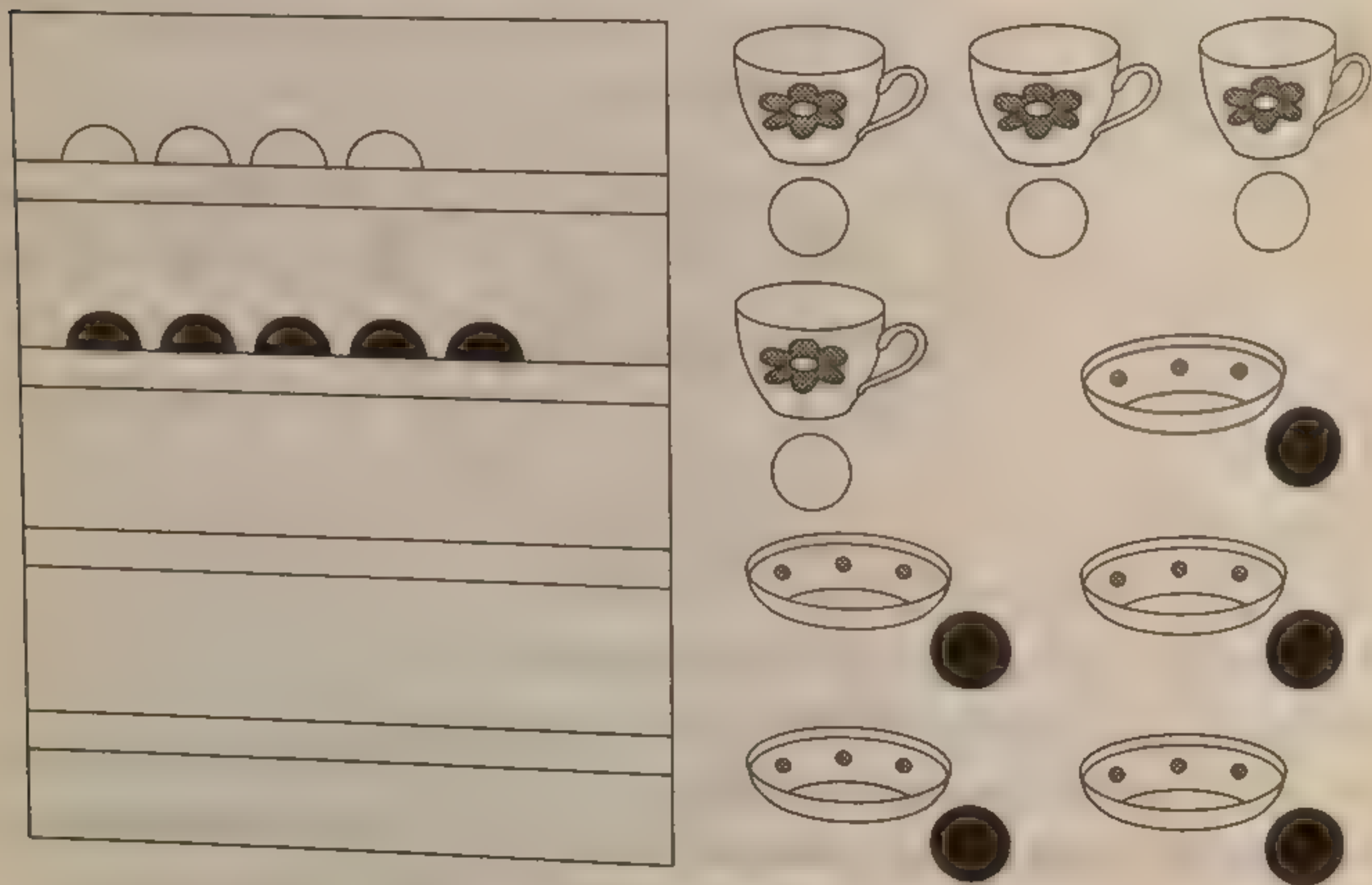

Рис. 64

Кроме счетной лесенки, нужно иметь наборы изображений различных предметов, людей, животных, растений. Это могут быть чашки, блюда, мячи, куклы, шкафчики, платица, шапочки, дети, зайчики, белочки, бабочки, елочки, деревца, цветочки, яблоки и многое другое. Главное, чтобы каждый набор включил по 10 совершенно одинаковых изображений и чтобы размер картинок разрешал поместить на одной линейке счетной лесенки 10 изображений подряд.

Задания, которые даются ребенку, аналогичны приведенному примеру с цветами и бабочками, но выполнять их он должен все более самостоятельно. Сначала используются только две нижние линейки счетной лесенки. Вы даете ребенку 5—6 изображений одного объекта и 6—7 другого. Пусть это будут, например, зайчики и морковки.

— Давай посмотрим, поровну зайчиков и морковок или нет. Поставь всех зайчиков на первую линейку, а все морковки — на вторую. Посмотри, можно ли дать каждому зайчику по одной морковке.

Нужно учить ребенка располагать изображения во втором ряду точно над изображениями первого ряда.

— Ну, что получилось? Поровну зайчиков и морковок или нет? Чего больше, а чего меньше? Верно, зайчиков меньше, а морковок больше на одну. Что же нужно сделать, чтобы их стало поровну? Да, можно убрать одну морковку. А если эту морковку оставить на месте? Может быть, можно сделать еще что-нибудь, чтобы морковок и зайчиков стало поровну? Догадался? Правильно, нужно позвать еще одного зайчика. Вот он, посади его на место. Теперь поровну?

Во время таких занятий ребенок должен прочно усвоить, что такое «больше», «меньше» и «поровну», научиться устанавливать равенство двумя способами: добавляя недостающий объект или убирая лишний. Количество объектов здесь не слишком важно: ведь если

они расставлены правильно, сразу видно, какой ряд длиннее.

Следующий шаг — введение меток-фишек, отображающих количественные отношения совокупностей предметов. Фишками служат бумажные кружки двух цветов, например белого и черного.

Как узнать, поровну ли каких-либо предметов, если они расположены не по принципу взаимно однозначного соответствия (т. е. предмет одного ряда не располагается точно над предметом другого ряда)? Создайте на счетной лесенке ситуацию, в которой установить такое соответствие трудно или даже невозможно. Пусть на этот раз каждый ряд предметов будет наклеен на бумажную полосу, причем таким образом, чтобы расстояния между предметами одного ряда были большими, а между предметами другого — меньшими или предметы одного ряда были сдвинуты в одну сторону, а другого — в другую (предположим, это будут чашки и блюда). Теперь, если поместить полосы друг над другом, установить взаимно однозначное соответствие окажется невозможным. Посоветуйте (и помогите) ребенку переместить верхний ряд на самую верхнюю линейку. Две промежуточные линейки останутся свободными. Поместите фишки одного цвета на второй линейке, над каждым предметом нижнего ряда, фишки другого цвета — на третьей линейке, под каждым предметом верхнего ряда. Ребенок сразу увидит, что белых фишек столько же, сколько чашек, черных — столько же, сколько блюд. Но ведь фишки можно передвигать! Значит, между ними легко установить взаимно однозначное соответствие, и если белых и черных фишек поровну, значит, поровну чашек и блюд (и конечно, если каких-то фишек больше, больше и соответствующих предметов). Пусть ребенок как следует поупражняется в использовании фишек, обозначающих предметы сравниваемых совокупностей, убедится в том, что ряд фи-

шек может обозначать количество любых предметов независимо от их величины, цвета, расположения в пространстве и других особенностей.

Как только введены действия с фишками, можно выходить за узкие рамки счетной лесенки.

— Давай посмотрим, чего у нас больше — ложек или вилок.

И те и другие выкладываются на стол. К каждой ложке подкладывается белая фишка, к каждой вилке — черная. Лишние фишки убираются. Затем достаточно переложить фишки на счетную лесенку, установить между ними взаимно однозначное соответствие — и задача решена. Конечно, вам нужно будет подбирать подходящие наборы предметов, заботиться о том, чтобы их количество было не слишком велико. Но теперь можно и нарушить привычное правило — различие совокупностей не более чем на один предмет. Ребенок легко усвоит, что ряды фишек (а значит, сравниваемые совокупности предметов) могут различаться не только на единицу, но и на две (различия, большие чем на две единицы, пока следует обозначать в общей форме — на много больше). После этого полезно поупражняться в разных способах уравнивания совокупностей, различающихся на два объекта. Хорошо включить в занятия сравнение совокупностей крупных и плохо поддающихся перемещению предметов (например, сравнение количества стульев и количества шкафчиков на кухне). Здесь ребенку придется отказаться от прикладывания или накладывания фишки на каждый предмет, отбор необходимого количества фишек следует производить на основании их зрительного соотнесения с предметами. Нужно постепенно вводить и задания, где в совокупность входят однородные, но не совершенно одинаковые предметы.

— Давай посмотрим, кого у тебя больше — кукол или игрушечных зверушек.

В этом случае в сравнении будут участвовать большие и маленькие куклы и самые разнообразные зверушки — заяц, лев, обезьяна, лошадка... Если ребенок не включит в совокупность какую-либо из подходящих игрушек, подскажите ему: «А разве крокодил — не зверушка?»

Когда ребенок перестает нуждаться в подкладывании фишек к предметам, составляющим совокупность, фишки целесообразно заменить детскими счетами. В них — две проволоки, на каждой по 10 косточек. Обычно счеты смонтированы вместе с грифельной доской.

Чтобы ребенок привык обращаться со счетами, нужно повторить (в видоизмененной форме) несколько заданий на сравнение совокупностей, различающихся на 1—2 объекта, и их уравнивание, но теперь не пользоваться счетной лесенкой. Предложите ребенку предметы, составляющие совокупность, откладывать по одному, каждый раз перемещая одну косточку на счетах (для первой совокупности — на нижней проволоке, для второй — на верхней). Результат будет определяться путем сопоставления количества косточек на проволоках. При уравнивании ребенок должен, глядя на косточки, сказать, что нужно сделать с предметами, чтобы стало поровну:

— Надо убрать две чашки или добавить два блюда.

В работу со счетами полезно ввести сравнение совокупностей, которые ребенок улавливает на слух:

— Я сейчас буду хлопать в ладоши, а потом стучать карандашом по столу, а ты угадай, поровну будет хлопков и постукиваний или нет. Догадайся, как это сделать.

Если ребенок не догадается, подскажите ему: на каждый хлопок нужно передвигать одну косточку на одной проволоке, на каждое постукивание — на другой.

Теперь можно переходить к обучению счету и числу. Ваш ребенок уже знает, что такое один и два. Предложи-

те ему отложить на нижней проволоке одну косточку, на верхней — две и запишите то, что получилось, на грифельной доске: $2/1$. Обратите внимание ребенка на то, что два больше одного. Он, конечно, легко вам расскажет, как можно из двух сделать один и из одного — два (это уже знакомое ему уравнивание совокупностей). Пусть он и проделает это, передвигая косточки, а вы фиксируйте результат, стирая и заново записывая цифры на доске.

— Да, теперь получилось поровну: снизу два и сверху два. Видишь, цифры одинаковые.

Таким же способом вводятся числа 3, 4, 5 и далее.

Каждый раз старайтесь, чтобы ребенок усвоил, что новое число получается путем прибавления единицы к предыдущему и, если эту единицу убрать, можно снова вернуться к исходному, уже знакомому числу. У каждого числа есть, таким образом, «соседи». Это то число, которое находится перед ним, и то, которое идет после него. Так, у числа 4 соседи 3 и 5. Чтобы ребенок запомнил это как следует, играйте с ним почаще в игру «Назови соседей» — произносите или пишите число, а ребенку предлагайте как можно быстрее назвать два соседних.

Одновременно с введением чисел учите ребенка считать предметы, откладывая их по одному или поочередно указывая на них пальцем (на первых порах, если это необходимо, можно брать пальчик ребенка и считать вместе с ним, поочередно дотрагиваясь его пальчиком до предметов):

- Один, два, три, четыре.
- Сколько всего кубиков?
- Четыре.

Имейте в виду, что совершенно очевидный для взрослого факт — совпадение последнего произнесенного числа с общим результатом счета — может оказаться вовсе не столь очевидным для ребенка. Этому нужно специально учить.

Предлагайте ребенку считать самые разные предметы. Основной вид заданий при этом — просьба дать вам (принести) столько-то кубиков, кукол, игрушек, зверей, ложек и т. д. Не забывайте и уже знакомое задание: сравнить две совокупности, определить, где больше, где меньше, и уравнивать совокупности, сделать, чтобы стало поровну. Когда ребенку поручается найти какое-то количество предметов, лучше всего, если таких предметов имеется больше, чем вы просите, и, чтобы выполнить поручение, ему нужно отсчитать требуемое количество из большей совокупности. Что касается заданий на сравнение и уравнивание совокупностей, то теперь они выполняются на новом уровне — каждая совокупность пересчитывается и вывод делается на основании сравнения чисел — ребенок уже знает, какое из них больше, какое меньше. Не побуждайте его заниматься сложением и вычитанием там, где различие превышает единицу. В этом случае уравнивание может быть достигнуто путем отсчета из большей совокупности количества предметов, равного их количеству в меньшей совокупности.

Благодаря тому что ребенок сравнивал между собой при помощи фишек и костяшек на счетах совокупности самых разных предметов, он, вероятно, уже понимает, что количество не зависит от того, какие предметы составляют совокупность. Но это понимание необходимо закрепить в работе с числом. Особенно трудно бывает детям осознать независимость числа от величины предметов и от места, занимаемого совокупностью в пространстве.

Вот перед ребенком поставили в ряд пять рюмочек (на некотором расстоянии друг от друга) и положили пять яичек — каждое яичко напротив рюмочки. Вопрос обычный: «Яичек и рюмочек здесь поровну или нет?» Ответ безошибочный: «Поровну». Затем на глазах у ребенка рюмочки сдвигают вплотную друг к другу, остав-

для яички на своих местах. «А теперь поровну или нет?» Большая часть четырехлеток ответит: «Нет, теперь яичек больше», и это дети, уже умеющие считать!

Вещь для нас, взрослых, удивительная. Что же, ребенок не понимает, что если к тому, что было, ничего не прибавить и ничего не убавить, то останется столько же? Как видите, не понимает. Точнее, он не задумывается об этом, а попросту верит собственным глазам. Он прекрасно видит, что рюмочки теперь занимают меньше места, чем яички, ряд рюмочек уже кончился, а яичко стоит за его пределами. Этого достаточно. Считать ребенок и не подумает — зачем, если все и так совершенно ясно. Вот тут-то и приходит время показать ребенку, что собственные глаза могут и обманывать.

— Посчитай, сколько здесь рюмочек. Верно, пять. А теперь посчитай яички. Сколько их? Тоже пять. Одинаково или нет?

Не стремитесь к тому, чтобы ваш ребенок пользовался большими числами. Десяток — предел для четырехлетки. Но и первых пяти чисел вполне достаточно. Главное — не количество, а качество, которое, впрочем, в данном случае как раз и состоит в понимании того, что такое количество. Признаки такого понимания:

— умение считать предметы внимательно и последовательно, никогда не пропуская ни одного из них и не называя два числа при отсчете одного предмета;

— отнесение результатов счета к отсчитанной совокупности (один, два, три... всего три);

— умение по результатам счета двух совокупностей делать вывод об их равенстве или неравенстве;

— использование счета и его результатов для сравнения любых совокупностей, независимо от величины, расположения в пространстве и других свойств предметов, входящих в каждую совокупность;

— знание того, что каждое число на единицу больше предыдущего и на единицу меньше последующего, и

умение использовать это знание при сравнении совокупностей («карандашей четыре, а тетрадок пять, значит, тетрадок на одну больше, чем карандашей»);

— умение уравнивать совокупности, различающиеся на единицу, двумя способами;

— умение уравнивать совокупности, различающиеся более чем на единицу, путем отсчета от большей совокупности количества предметов, равного их количеству в меньшей совокупности;

— узнавание цифр, обозначающих знакомые числа.

Когда ребенок усвоит счет предметов в пределах пяти, можно к предложенным нами заданиям добавить новые задания на порядковый счет.

Вы берете пятисоставную матрешку, разбираете ее, складываете каждую из пяти матрешек отдельно и расставляете в беспорядке на столе.

— Видишь, это — девочки-сестрички. Сколько у нас сестричек? Посчитай. Правильно, пять. Я расскажу тебе про них сказку. Было у мамы и папы пять дочек. Они очень дружили. И всегда ходили вместе. Самую старшую (самую большую) сестричку звали Оля. Вторую сестричку — поменьше — Таня. Третью сестричку — еще поменьше — Валя. Четвертую — Катя. А пятую — самую маленькую — Сашенька. Давай с тобой поставим сестричек по росту и узнаем, какую из них как зовут.

Где у нас Оля? Она самая большая. А где вторая по росту — Таня? Где третья — Валя? А где четвертая — Катя? Где пятая, самая маленькая? Как ее зовут? Правильно, Сашенька.

Вряд ли ребенок сразу справится с заданием самостоятельно. Нужно будет ему помочь.

— Теперь мы знаем, где какая сестричка. Один раз захотели сестрички пойти в лес за грибами. Самая старшая, Оля, пошла к маме и спросила: «Мама, можно нам всем пойти в лес?»

Давай найдем Олю. Она самая старшая, самая большая. Правильно, вот она.

Мама разрешила, но строго наказала Оле следить за сестрами. А Валя была большая шалунья и, когда они пришли в лес, спряталась за дерево. Где у нас Валя? Помнишь, она третья по росту. Давай ее найдем. Первая, вторая, третья. Вот она, Валя! Смотрит Оля — Вали нигде не видно. «Валя! А-у, а-у», — стали хором кричать сестрички.

«Давайте, — сказала Таня, — разойдемся в разные стороны и поищем ее. Только далеко не уходите!»

Где у нас Таня? Она вторая по росту. Посчитаем. Первая, вторая. Вот Таня. Разошлись сестрички во все стороны. Заглянула Катя за дерево, а там Валя стоит.

«Ах ты, негодница, — закричала Катя, — все тебя ищут, а ты здесь спряталась!»

Давай найдем Катю. Она — четвертая по росту. Первая, вторая, третья, четвертая. Нашли! Взяла Катя Валю за руку и вывела на полянку. Тут все сестрички собрались вместе и дружно начали собирать грибы.

Другие упражнения в порядковом счете можно проводить на однородных предметах — карандашах, кубиках или на совокупностях, состоящих из разных предметов одного типа (куклы, зверушки). Задания типа «Найди третий карандаш», «Посмотри, какая кукла четвертая от стула» надо чередовать с заданиями типа «Посчитай, который по порядку заяц». Следует показать ребенку, что отсчет можно вести и слева направо, и справа налево, но, поскольку он еще плохо определяет правую и левую стороны, лучше указывать, откуда начинать счет, называя какой-либо предметный ориентир («от окна», «от Буратино»). Для этого, выстраивая предметы в ряд, можно помещать справа и слева от него хорошо знакомые ребенку предметы (сажать кукол, ставить домики и т. п.).

Главное, чтобы ребенок научился различать задачи на количественный и на порядковый счет и во втором случае считал не «один, два...», а «первый, второй...».

Еще один вид заданий, который полезно проводить с четырехлеткой, — сравнение предметов по величине их отдельных измерений при помощи промежуточного средства — мерки. Что длиннее, стол или диван? Как это установить? Ведь приложить их друг к другу не так-то просто. Но можно взять длинную веревку, приложить ее кончик к краю стола и с помощью мамы измерить его длину, отметив ее на веревке (например, путем завязывания узелка). Потом ту же веревку приложить к дивану. Оказалось, что куска веревки до узелка не хватило. Чтобы измерить длину дивана, понадобилось больше веревки. Значит, он длиннее стола. Такое измерение пока еще не математика, но оно будет работать впрок — готовить ребенка к использованию мерки, которая укладывается в сравниваемых объектах по несколько раз и дает возможность численного выражения их величины.

Из чего строятся слова

Ребенка окружают люди, вещи, явления природы. Он наблюдает действия и состояния других, сам совершает различные поступки. И все это как-то называется, имеет свое имя. Мир людей, действий, предметов и мир человеческой речи пронизывают и часто заменяют друг друга: то, чего малыш не видит сам, он узнает из рассказов взрослых. Да и собственная речь ребенка служит ему не только для описания того, что происходит в действительности. Она помогает ему фантазировать, преобразовать действительность. Вот он возит по столу деревянный кубик и утверждает: «Это — пожарная машина. Она едет тушить пожар...»

Мы, взрослые, конечно, знаем, что слова и действительность, которую они описывают, — вещи разные.

Слово «хлеб» нельзя съесть, и состоит оно не из муки, а из четырех звуков. Однако это совсем не так ясно ребенку. Спросите у него, чем отличается слово «дом» от слова «дым», и он, вероятнее всего, ответит: «Дом — это где живут, а дым — легкий, он из трубы идет».

Вы должны открыть ребенку, что есть особый мир — мир слов. Строятся они из отдельных звуков. И слово «дым» отличается от слова «дом» тем, что в середине него находится звук «ы», а не звук «о». Ребенок должен научиться выделять в словах звуки, из которых они построены, определять, какой звук стоит в начале слова, какой — в конце, а какие посередине, потом считать звуки и определять их порядковые номера. Все это послужит подготовкой к обучению грамоте, когда звуки начнут обозначаться буквами.

Как знакомить ребенка со звуками?

Вы, конечно, уже предвидите, что и здесь, как в других случаях, наши советы будут строиться на обучении ребенка действиям со словами и звуками. Но какие это могут быть действия? Ведь слово — не вещь, его нельзя разобрать руками на части или, наоборот, достроить из частей. Конечно, действия со словами и звуками должны быть и сами звуковыми — они состоят в произнесении этих слов и звуков. Но в произнесении, специально организованном, направленном на то, чтобы разобраться в слове, слышать его звуковой состав. Позже на помощь придут и пространственные модели — изображения слов, построенные из фишек, обозначающих составляющие их звуки.

Прежде чем начать заниматься с малышом, поучитесь сами протяжно произносить согласные звуки, которые легко «тянутся» (в, ж, з, л, м, н, с, ф, х, ч, ш), и раскатисто — р. Другие согласные — б, г, д, к, п, т, ц, щ — попробуйте произносить резко и отчетливо. А потом потренируйтесь в произношении слов, выделяя интонацией каждый звук, но при этом не изменяя ударения:

м-м-м-ама, м-а-а-ама, мама-а-а. Если получается, можно переходить к обучению малыша.

Прежде всего выясните, различает ли ребенок близкие по звучанию согласные звуки, и, если нужно, потренируйте его в этом. Подберите пары картинок, на которых изображены знакомые малышу предметы, растения, животные, названия которых различаются одним звуком:

коза — коса;
рожа — роза;
кошка — кочка;
мишка — миска;
корона — колонна;
рак — лак.

Положив перед ребенком пару картинок, станьте за его спиной и поочередно просите найти и дать вам каждую картинку:

— Дай мне картинку, на которой нарисована коза... Правильно (картинка кладется на место). А теперь найди картинку, на которой нарисована коса.

Если обнаружите затруднения в различении какой-либо пары звуков, произносите названия предметов, специально выделяя соответствующий звук.

Теперь полезно «опредметить» для ребенка некоторые звуки, дать им игровые названия. Для этого используйте простые стишки:

Ж-ж-ж — запел рогатый жук:
Вот как громко я жужжу!
Тут же пчелка зажужжала,
На жука направив жало:
Ты, смотри, меня не трожь,
Уколю больней, чем еж.
Я жужжать умею тоже,
На жука чуть-чуть похоже:
Ж-ж-ж...

Предложите ребенку вместе с вами пропеть песенку жука — ж-ж-ж... (можно при этом поиграть в жуков — поползать, пожужжать). Потом пусть малыш пропоет «песенку» самостоятельно. Возможно, потребуется многократное повторение, чтобы песенка получилась хорошо. Когда, наконец, получится, выучите с ним стишок и загадайте загадку: попросите угадать, в каких словах прячется песенка жука, т. е. встречается звук «ж».

Читайте стишок медленно, по две строчки, и выделяйте протяжной интонацией звук «ж», пока ребенок не научится «угадывать» правильно.

Теперь попросите самого ребенка рассказать стишок так, чтобы было слышно, где прячется песенка жука.

Следующая песенка — песенка водички.

Есть у дождика сестричка,
Это — быстрая водичка.
С-сс — она свистит, поет
И струей из крана льет.
Эту песенку послушай:
«Мойте чисто с мылом уши».

Работа с песенкой воды такая же, как с песенкой жука. Такой же остается она и со всеми другими песенками.

Песенка комарика

Зазудел комарик тонко:
З-з-з — поет он звонко-звонко,
Повторяет много раз
Резвым мошкам свой рассказ.

Песенка гуся

Ш-ш-ш — шипит сердитый гусь.
Я мальчишек не боюсь,

Догоню вас, шалуны,
Ухвачу вас за штаны.

Песенка мотора

Р-р-р — догонишь нас не скоро!
Это — песенка мотора.
Р-р-р — Барбос рычит нам вслед:
Догонять вас проку нет.

Последней мы приведем песенку паровоза. Ее отличие от всех предыдущих состоит в том, что составляющий ее звук «ч» произносится не протяжно, а отрывисто, повторяясь несколько раз.

Ч-ч-ч — спешу, спешу,
Черным дымом я дышу.
Дел не счесть у паровоза:
День и ночь кручу колеса,
Отдыхать я не хочу,
Через чащи вдаль качу.

И наконец, пыхтелка ежика. Ее уже не назовешь песенкой, так как состоит она из повторяющегося отрывистого звука «п».

П-п-п — проснулся ежик
И пыхтелку запыхтел.
Ежик петь совсем не может,
Хоть и очень бы хотел.

Помните, что разучивание стихов, содержащих песенки и пыхтелку, должно приучить ребенка к выделению согласных звуков, но ни в коем случае не слогов. Нельзя превращать песенку жука в пропевание слога «жу» или пыхтелку в повторение слога «пы». Как раз наоборот: задача состоит в том, чтобы ребенок научился слышать в слогах каждый составляющий их звук отдельно, например слышать, что слог «пы» состоит из двух

звук: «п» и «ы». А это не так-то просто — в разговорной речи мы членим слова именно на слоги. Поэтому и приходится прибегать к специальным упражнениям, полезность которых вы увидите позднее, при обучении грамоте.

Еще одно замечание. Далеко не все дети четырех лет достаточно чисто и правильно произносят те звуки, которые составляют песенки. В частности, немало детей еще не произносят звук «р», подменяют его звуком «л». Работа над стихами в известной степени может помочь улучшению звукопроизношения. Но главная ее цель не в этом. Если вы убедитесь, что какие-то звуки (не только те, которые есть в песенках, а любые) у ребенка упорно не идут, не стоит настаивать. Лучше их просто обходить, а позднее обратиться к специалисту — логопеду (обычно логопеды начинают ставить звуки у детей с 5 лет). Что же касается детей с серьезными нарушениями речи, то с ними работу по звуковому анализу лучше вообще не проводить, пока эти нарушения не будут преодолены на занятиях с логопедом.

Но вот ваш ребенок выучил все приведенные выше стихи. Он умеет определять, в каких словах слышны звуки «ж», «с», «з», «ш», «р», «ч», «п», когда вы произносите слова, выделяя эти звуки. Он умеет и сам выделять их голосом в тех словах, которые встречаются в специально заученных стихотворениях. Теперь задача усложняется. Нужно научить ребенка слышать все звуки в любых словах, прежде всего все согласные, потому что гласные звуки и выделять голосом, и слышать в слове легче, этому долго учиться не надо. Объясните ребенку, что такое звук.

— Ты уже знаешь песенку жука, водички, комара, гуся, мотора, паровоза, пыхтелку ежика. Это все — звуки, они прячутся в разных словах. Есть не только эти, но и другие звуки — в-в-в, л-л-л, б, г, д... много разных зву-

ков. Они тоже прячутся в словах. И мы с тобой будем учиться их искать. Вот слушай:

Резиновую Зину
Купили в магазине,
Резиновую Зину
В корзине принесли.

Какой звук в этом стихе слышен все время, чаще всех?

Подбирайте детские стихи, считалки, потешки с частым употреблением разных согласных звуков, произносите каждую из них, выделяя этот звук, и задавайте тот же вопрос. На этом этапе обучения не следует задерживаться на каком-либо одном звуке, лучше их менять, используя поочередно все звуки.

Следующий вид заданий — самостоятельное подыскивание ребенком слов, в которых содержится заданный звук. Сначала это лучше делать при помощи предметов, картинок.

— Угадай, какие из этих игрушек называются словом, в котором есть звук м-м-м.

Пусть ребенок произносит слова так, чтобы было хорошо слышно, что в них действительно есть заданный звук. Если будет ошибаться — не беда. Исправьте.

— Ты сказал «Незнайка». А разве в этом слове есть звук «м»? Слушай хорошенько: н-н-н-е-е-е-з-з-з-н-н-н-а-а-а-й-й-к-а-а. Есть тут звук м-м-м?

Потом можно будет обходиться и без картинок. И переходить к поискам слов, которые не просто содержат тот или иной звук, а начинаются с него, кончаются им или имеют его посередине.

Знаете игру в города? Один из играющих называет город, другой должен сразу же произнести название другого города, начинающееся с того звука, которым кончается предыдущее. И так без конца: Астрахань — Нежин — Новгород — Двинск — Киев и т. д. С четырех-

летним ребенком можно играть точно так же, но вместо городов называть просто любые предметы: кукла — альбом — мороз — заяц — цапля — арбуз и т. д.

Тут уже, естественно, вводятся и гласные звуки. А вместе с ними возникает и дополнительная сложность (не для ребенка, а для вас, папы и мамы). Вы, вероятно, удивлены, что после слова «цапля» идет «арбуз»? В русской фонетике есть твердые и мягкие согласные, обозначаемые одними и теми же буквами. «Л» и «ль» — звуки разные, но буква одна. Зато одни и те же гласные звуки обозначаются разными буквами в зависимости от того, стоит перед ними твердый или мягкий согласный звук. «Я» в слове «цапля» обозначает звук «а» после мягкого согласного «ль». Поэтому слово это кончается не на «я» (такого звука вообще нет), а на «а». Точно так же обстоит дело с буквами «ю-у», «е-э», «ё-о». Конечно, вы не должны объяснять этого ребенку. И пока не требуйте различения мягких и твердых согласных. Только не поправляйте его, если в игре встретятся случаи типа «цапля — арбуз»: ведь вы учите различать не буквы, а звуки. И не бойтесь, что это потом помешает усваивать грамоту. Не помешает, а поможет: правильно выделяя звуки, ребенок будет устанавливать их связь с буквами не механически, а сознательно.

Задача последнего этапа обучения — научить ребенка выделять в простых словах все составляющие их звуки и определять их последовательность.

— Я скажу тебе слово, а ты угадаешь, какие звуки в нем есть. Слушай! Кот. К-ооо-т. Какой первый звук? Слушай еще раз. Кот. Верно, «к». А второй звук? К-ооо-т. Правильно, «о». А третий? Кот. Угадал, «т»! А теперь сам скажи слово «кот» так, чтобы я слышал, какой первый звук. Скажи еще раз, по-другому, чтобы было слышно, какой второй звук. Молодец. А так, чтобы было слышно, какой третий, последний звук, ты сказать сумеешь?

Брать нужно на первых порах только совсем простые слова, состоящие из трех звуков: кот, мак, нос, сыр, дом, шар, лук. Заметьте, что в этих словах все согласные звуки — твердые. Если сначала слово многократно произносит взрослый, то постепенно всю работу по выделению звуков надо передавать ребенку. Взрослый только называет слово и помогает ребенку в случае затруднений.

— Скажи, из каких звуков состоит слово «нос»? Какой первый звук? Говори его так, чтобы я услышал. Ну, какой звук получился? Верно, звук «н». Теперь давай посмотрим, какой второй звук. Не слышу! Вот теперь услышал. Какой это звук? Да, это «о». Давай найдем третий звук. Не можешь сказать? А ведь ты знаешь такую песенку. Чья песенка? Ну-ка, скажи протяжно, и мы услышим песенку... Чью? Водички! С-с-с. Теперь правильно.

Несколько позднее можно вводить слова с мягкими согласными: «лес», «кит», «пес». Но теперь уже важно, чтобы, анализируя слова, ребенок произносил согласную так, как она слышится: «ль», «кь», «пь».

В звуковом анализе слова может помочь простейшая пространственная модель. На карточке начерчено несколько клеточек (по количеству звуков в слове), а над ними помещен рисунок предмета, который обозначается этим словом (рис. 65):

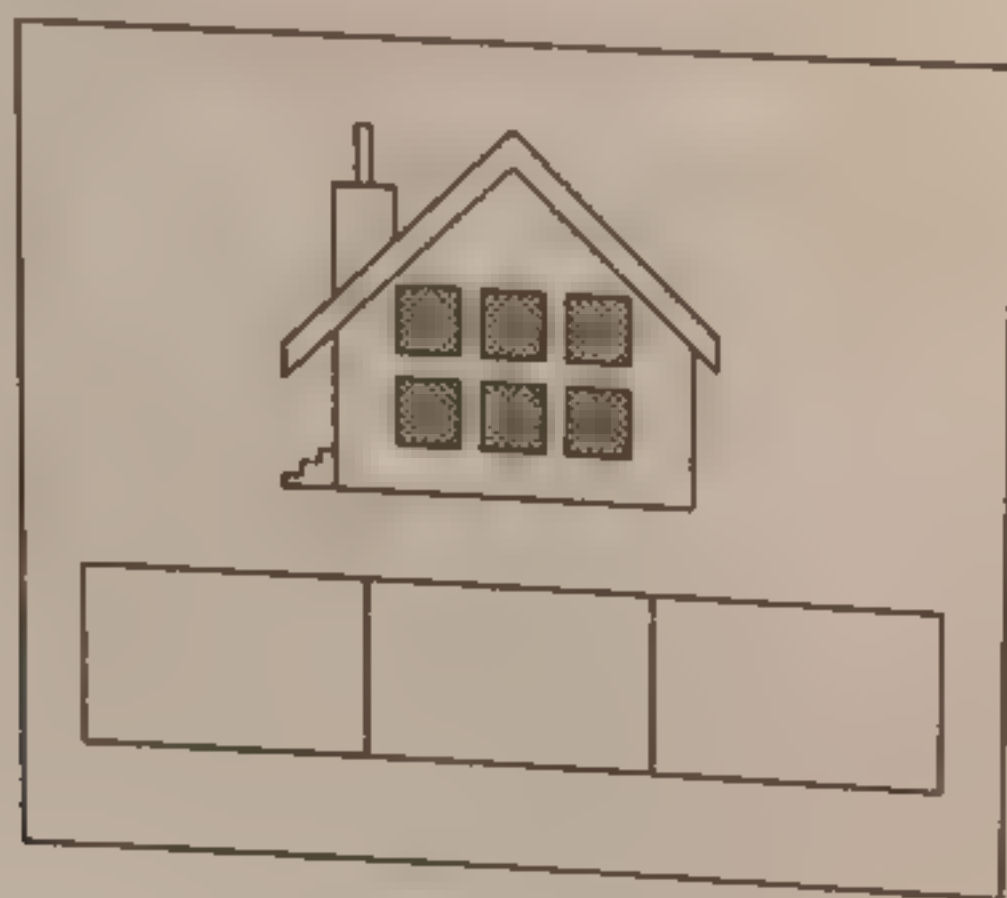

Рис. 65

Ребенку дают несколько одноцветных фишек. Это могут быть, например, картонные кружочки, квадратики или элементы мозаики. Выделяя первый звук, ребенок кладет фишку на первую клеточку, выделяя второй — на вторую, выделяя третий — на третью. Построение модели облегчает звуковой анализ в нескольких отношениях.

Во-первых, ребенок сразу видит, сколько звуков в слове. Во-вторых, взрослому легче следить за действиями ребенка и помогать ему. Так, если уже найден первый звук, он указывает на вторую клеточку, пока не будет найден второй. Этим он организует последовательное выделение звуков. Наконец, пространственная модель позволяет давать ребенку некоторые дополнительные задания, закрепляющие его представление о звуковом составе слова. Например, вы просите ребенка, построившего модель слова «мак», убрать звук «а». Для этого он должен вспомнить, на каком месте этот звук находится в слове, повторив слово вслух или про себя.

Когда ребенок в достаточной мере овладеет звуковым анализом слов, состоящих из трех звуков, можно вводить более длинные слова: «слон», «волк», потом — «мама», «папа», «пила» и другие. Покажите ребенку, что порядок звуков определяет собой смысл слова: одни и те же звуки, расположенные в разном порядке, образуют разные слова («кот» и «ток», «нос» и «сон» и т. п.).

За порогом детской

Собственный жизненный опыт маленького ребенка очень ограничен. Семья, квартира, двор, детский сад, дача — вот, пожалуй, и все, с чем он хорошо знаком. Но за всем этим стоит большой мир, в котором ребенку предстоит жить, когда он станет взрослым. Готовить его к жизни в этом большом и сложном мире нужно уже с дошкольного возраста. Разумеется, четырехлетнего ребенка рано знакомить с международным положением,

политическим устройством государства и законами природы. Но дать ему первоначальные сведения о явлениях природы и общественной жизни необходимо.

Знает ли ваш ребенок, чем день отличается от ночи? Наверное, знает: днем светло, ночью темно. А почему днем светло, он может и не знать. Ведь солнце видно не всегда. Понаблюдайте вместе с ним, как оно выходит из-за туч, как просвечивает через прозрачные облака. Прodelайте простой опыт: заслоните листом бумаги ночник или настольную лампу. Лампы не видно, а свет от нее проходит через бумагу — так и солнце, даже когда его не видно, светит сквозь тучи.

Как объяснить малышу, что такое утро, день и вечер? Проще всего связать время дня с режимными моментами: когда мы встаем и завтракаем — это утро; когда обедаем — день; когда ужинаем и ложимся спать — вечер.

Чем отличается хорошая погода от плохой? Хорошая погода — это когда светит солнце, плохая — когда небо затянуто облаками. Из облаков часто идет дождь. Если нет ни одного облачка, то и дождя не будет. Облачко должно быть прямо над вами — иначе и дождь пойдет не здесь, а в другом месте. Понаблюдайте вместе с ребенком, как приближается грозовая туча. Вот вдаль уже гремит гром, видны молнии, но пока гроза еще не пришла. А вот туча уже над самым домом: гроза добралась сюда, начался дождь, молнии сверкают прямо над головой.

После дождя остаются лужи. Вчера было сухо, а утром на улице лужи. Спросите у ребенка, откуда они взялись. Если он сам не найдет правильного ответа, подскажите, что ночью шел дождь. А что станет с лужами под солнцем? Не спешите подсказывать: пусть ребенок сам понаблюдает за тем, как они высыхают.

Сегодня ветрено. Вон как качаются деревья: их качает ветер. А там, где нет деревьев, будет ветер? Хорошо, если есть возможность сходить и проверить это. Боль-

большинство детей уверено, что качание деревьев — это и есть причина ветра. Не спорьте с ребенком. Лучше несколько раз покажите ему, как от ветра качается все вокруг — не только деревья, но и белье на веревке, как хлопают окна, взлетают бумажки, как ветер гонит по небу облака. Качание деревьев — только один из признаков ветра, а не его причина. Постепенно ребенок сам придет к этому выводу на основе наблюдений. Возможно, это произойдет еще не скоро, не беспокойтесь. Главное, чтобы такие наблюдения накапливались, они необходимый материал для самостоятельных выводов.

Мы уже знакомы с дождем. А что сыплется из туч зимой? Конечно, снег. Покажите ребенку, как тают снежинки на ладони. А на земле они не тают, и образуется снежный покров. Почему на ладони снежинки тают, а на земле — нет? Потому что земля холодная, а ладонь теплая. Давайте наберем снега в миску. Как сделать, чтобы он растаял? Занести его в теплую комнату. Так же можно растопить куски льда. Когда снег или лед тает, они превращаются в воду. А если вынести воду на улицу, то она, наоборот, превратится в лед. Проведите такие эксперименты несколько раз, чтобы ребенок понял, что это постоянные, закономерные явления.

Что станет со снегом и льдом, когда придет весна и солнышко начнет греть сильнее? Во что превратятся сосульки, когда они растают?

Знакомить ребенка с временами года можно и по сказкам, и по картинкам. Но все-таки ценнее всего самостоятельные (организованные взрослым) наблюдения. Зимой холодно, на земле лежит снег, реки покрываются льдом. Люди надевают теплые пальто или шубы, меховые шапки. Весной становится теплее, начинается таяние снега и льда (хорошо бы показать ребенку ледоход). Появляются листья на деревьях, трава. Возвращаются перелетные птицы. Люди одеваются уже не так тепло, как зимой. Летом совсем жарко. Довольно часто бывают грозы. Люди одеты легко. А вот уже и

осень. Похолодало, пошли долгие осенние дожди. Желтеют и опадают листья. Скоро придет зима.

Ознакомление с природой включает расширение представлений ребенка о животном и растительном мире. Немало увлекательных наблюдений за животными можно провести во время прогулок, особенно когда удастся выбраться в лес. Ребенку интересно все. Вот дятел стучит по стволу. Объясните, для чего он это делает: он достает из-под коры вредных жучков, «лечит» дерево. Вот муравьи тащат веточки и еловые иголки — они строят муравейник. Не надо им мешать: их работа нужна лесу (пока еще можно не объяснять, чем именно полезны муравьи, достаточно отметить сам факт). Вот скачет лягушка. Она хорошая, но не надо брать ее в руки. Ей нужны травка и вода, в руке у человека ей будет жарко и неудобно.

Обратите внимание ребенка на отличия между разными видами деревьев. У елки и сосны — иголки. Они не облетают зимой (это обязательно надо будет проверить, когда придет зима). У клена широкие вырезные листья. Они очень красивы осенью (и это надо будет проверить; заодно можно будет собрать букет из разноцветных листьев для украшения комнаты). У березы мелкие листья и белый ствол с черными полосками.

На поляне растут цветы. Посмотрите, какие они разные, как весело и красиво вокруг. Белая ромашка, синий колокольчик, желтый лютик... Впрочем, не нужно выучивать все названия. Лучше посмотрите, из каких частей состоит цветок. Вот у него лепестки, вот стебелек, листья...

Наблюдать за растениями и животными можно и у себя во дворе, и в собственном доме — конечно, если дома у вас есть растения и животные. Прогулки по лесу позволяют увидеть много разных животных и растений, сравнить их между собой. Домашние наблюдения дают другую возможность: подробно познакомиться с ростом

одного какого-либо цветка, проследить, как зарождается бутон, как он созревает и, наконец, раскрывается. Можно увидеть, как растет котенок, как он научается есть рыбу (а раньше только пил молочко!).

Растения надо поливать — иначе они засохнут. Домашних животных надо кормить. Зимой приходится подкармливать и диких животных, особенно птиц. Им трудно добывать корм из-под снега. Очень хорошо, если ребенок принимает участие в уходе за растениями и домашними животными, в подкармливании птиц.

Очень важно развить в ребенке умение видеть красоту природы. Оно не приходит само по себе. Надо учить ребенка замечать такие явления природы, как закат, радуга, обращать внимание на богатство красок осеннего леса, пышные снежные шапки, покрывающие деревья зимой, нежную зелень весенней листвы. Эти впечатления ребенок может передавать в своих рисунках. Да и сами природные материалы предоставляют широкий простор для творчества. Хорошо подобранный букет осенних листьев — это уже произведение искусства. А сколько забавных поделок можно изготовить из бересты, шишек, желудей, веточек, скрепленных пластилином!

Природой и природными явлениями не исчерпывается окружающий ребенка мир. Еще более важная его сторона — это социальная действительность, жизнь общества, полноправным членом которого он со временем станет.

Знакомить ребенка с общественной жизнью, так же как и с природой, надо постоянно, но ненавязчиво. Не нужно читать ему лекций о величии труда и пользе аккуратности. Но, проходя мимо строящегося дома, надо показать, как слаженно работают строители. Надо обратить внимание ребенка на очистку улиц от снега. И песок на скользкой, обледеневшей дорожке появился не сам собой — его насыпал дворник, чтобы нам было легче идти, чтобы мы не упали. Весной убирают мусор,

оставшийся после таяния снега, сеют траву, сажают цветы. Город будет чистым, аккуратным, нарядным. Осенью тоже идет уборка: люди сгребают в кучи и сжигают опавшие листья. Все это совершается на глазах у ребенка, но если специально не остановить на этом его внимание, он может ничего не заметить, а если и заметит, то вряд ли запомнит.

Познакомьте ребенка с разными профессиями. Мы едем на автобусе — нас везет шофер. Мы пришли в поликлинику — нас лечит врач. Мы зашли в магазин — нам продает продукты продавец. Книжку написал для детей писатель (поэт), а рисунки к ней сделал художник. Любой выход из дома, любая вещь, попавшая в руки ребенка, — повод познакомить его с трудом взрослых. Стоит ли использовать каждый такой повод? Наверное, нет: все хорошо в меру.

А каково назначение разных общественных учреждений? Зачем нужны магазин, детский сад, школа?

— Вот это — театр, мы скоро в него сходим. В театре детям показывают сказки. А это — почта. Помнишь, мы посылали бабушке посылку? Она тоже прислала тебе посылку, в ней были подарки ко дню твоего рождения. Бабушка живет далеко, до нее надо долго ехать. Наша посылка ехала на поезде, а потом почтальон принес ее бабушке. Бабушкина посылка тоже ехала на поезде и приехала сюда, на почту. Мы пришли на почту, и нам ее отдали.

Познакомьте ребенка со средствами транспорта.

— Когда нам нужно поехать далеко-далеко, в другой город, мы едем туда на поезде. А можем полететь на самолете — тогда поездка займет меньше времени, потому что самолет летит быстрее, чем идет поезд. А если нам нужно плыть по морю или по реке, то мы сядем на пароход или теплоход.

Так где же начинается общественная жизнь — на улице, сразу за порогом вашего дома? Нет, в самом до-

ме. Когда ребенок помогает вам по хозяйству, когда вы затеяли большую стирку, а он, стоя рядом с вами, стирает кукольное платье, — тут-то и происходит его практическое приобщение к труду взрослых, закладываются основы будущей социальной активности. Подчас «помощь» ребенка раздражает родителей, замедляет их работу. Ничего не поделаешь. Если вы хотите, чтобы ребенок вырос трудолюбивым, чтобы он научился уважать труд других людей, — уважайте его труд, даже когда он больше мешает, чем помогает. Это необходимое (хотя отнюдь не достаточное) условие формирования важных нравственных установок.

Необходимо приучить ребенка самостоятельно убирать свои игрушки и книги, одеваться, раздеваться и т. п. Разумеется, взрослый должен оказывать ребенку помощь, но постарайтесь не очень демонстрировать это ему самому. Например, лучше сказать: «О, ты уже умеешь сам застегивать почти все пуговицы — вот какой ты большой!», чем «Ай-яй-яй, такой большой мальчик, а не умеешь застегивать верхнюю пуговицу!».

И еще одно замечание: задача не в том, чтобы заставить ребенка что-то сделать, а в том, чтобы он делал это охотно, чтобы это доставляло ему удовольствие. Чувство долга — достояние более позднего возраста. И лучшая основа для него — положительное эмоциональное отношение к выполнению своих обязанностей.

Старший дошкольник

В этой части мы даем родителям советы о том, как обеспечить умственное развитие ребенка пяти лет, сохраняя преемственность с предыдущими возрастами. Продолжая ориентировать родителей на включение умственного воспитания в характерные для дошкольника виды деятельности — игру, ознакомление с окружающим, рисование, конструирование, лепку — и настаиваем на том, чтобы ребенок знакомился с предметами и явлениями действительности через собственные действия с ними и с их особыми изображениями — моделями, помогающими выявлять и усваивать связи и отношения вещей.

Конечно, видоизменяется и усложняется как содержание материала, который должны усвоить дети, так и виды действий с этим материалом. Но дело не ограничивается только усложнением. С пяти лет начинается старший дошкольный возраст, связанный не только с дальнейшим развитием, но и с существенной перестройкой умственной деятельности ребенка, необходимой для его успешного перехода к школьному обучению.

Это определяет и наш подход к умственному развитию пятилетних детей. Чему можно и нужно их научить, какие качества необходимо у них воспитать, чтобы подготовить к систематическому и обязательному усвоению знаний?

В последнее время проводилось много исследований, направленных на то, чтобы выяснить, могут ли шес-

ГЛАВА
5
шестилетние дети учиться в условиях школьного класса, усваивать обязательную для всех программу. Главное, что показали эти исследования, — очень значительные индивидуальные различия между шестилетними школьниками. Конечно, и в семь лет дети не одинаковы. Но все же большинство из них уже подготовлены к тому, чтобы следить за указаниями учителя, старательно их выполнять, ответственно относиться к своим обязанностям ученика. Среди шестилеток немало детей, справляющихся со всем этим ничуть не хуже семилетних детей и достаточно развитых умственно, чтобы понимать и усваивать школьные знания. Но значительная часть шестилеток, даже находясь в школе, по своей психологии остается дошкольниками. Такие дети могут успешно учиться только в ситуациях, приближающихся к игровым, они плохо осознают свое новое положение ученика.

Наверное, у многих родителей возникнет вопрос: если это так, то не нужно ли уже заранее, в пять лет отучать ребенка от игры и приучать его к систематическому выполнению учебных заданий, беспрекословному подчинению требованиям взрослых?

Однако специальные исследования и наблюдения за детьми показывают, что этот путь нельзя признать правильным. Плохо адаптируются к школе как раз те дети, которые раньше были обделены игрой, сказкой и только сейчас, в шесть лет, начинают входить в страну Фантазию.

При нормальном ходе развития те качества, которые нужны для первоначального вхождения в школьную учебную деятельность, закладываются не вне, а внутри детских видов деятельности. Основные из этих качеств — произвольность умственных процессов, умение направлять их на решение определенных задач, на усвоение и выполнение правил, достижение заранее намеченного результата и тесно связанное с этим овладение планированием своих действий, возможностью строить и воплощать определенный (пусть пока еще весьма несложный) замысел.

Если вы часто играли с вашим ребенком в такие подвижные игры, как жмурки, прятки, то, наверное, заметили, что до поры до времени малыш не обращает внимания на выполнение правил. Его интересует сам процесс игры. И он бурно радуется, когда вы его отыскали или поймали. Но постепенно (обычно как раз на шестом году жизни) картина меняется. На первый план выступают именно правила, их соблюдение и в конечном счете выигрыш. В связи с формирующейся установкой на результат становится возможным предлагать ребенку новые типы обучающих, дидактических игр, например настольные игры, где выигрывает тот, кто, действуя по правилам, первым заполнит свою карту или первым придет к финишу. Отсюда уже один шаг к обучению школьного типа, которое построено на внимании к тому, как, каким способом достигается тот или иной результат.

Точно так же, рисуя, конструируя, ребенок вначале только выражает собственные впечатления, но затем начинает стремиться к получению такого рисунка или конструкции, которые будут одобрены взрослыми, заранее строит замысел и следует ему все более точно.

Общую закономерность — образование новых психологических качеств не вопреки, а на основе того, что было достигнуто раньше, необходимо учесть и при подведении ребенка к необходимому в школе умению последовательно рассуждать, делать выводы из наблюдаемых фактов, т. е. к использованию логических форм мышления. Они должны опираться на образы, наглядные представления о вещах и их отношениях, на богатство собственного опыта действий с предметами.

Одной из самых распространенных ошибок в умственном воспитании детей старшего дошкольного возраста, которая встречается главным образом в интеллигентных семьях, является переоценка значения чисто словесной стороны развития. Беглость речи, знание наизусть множества стихов часто принимают за доказательство хо-

рошей готовности ребенка к школе. Однако это далеко не так. Нередко за развитой речью скрывается недостаточность практического знакомства с миром, неумение самостоятельно думать, решать мыслительные задачи.

Ребенок, который с умным видом повторяет рассуждения взрослых, часто производит впечатление и в самом деле умного. Однако мы, психологи, называем таких детей вербальными, т. е. словесными. Их мнимая ученость исчезает, как только оказывается необходимым решить самую простую задачку, которая не встречалась раньше, самостоятельно найти ответ на новый вопрос.

Надеемся, что наши советы помогут родителям добиться не формального, а подлинного развития мышления ребенка и тем самым подвести его к порогу школьного обучения.

«Дочки-матери»

Пятилетний возраст, по мнению психологов, — возраст расцвета сюжетно-ролевой игры. Дети начинают разыгрывать сложные сюжеты, внося в них разнообразное и развернутое содержание. Так что название «дочки-матери» мы оставляем чисто условно, для связи с предыдущими частями книги. Куда интереснее пятилетним дошкольникам играть в «Золушку», «Ивана-царевича»... И первая задача родителей — дать им материал для таких игр, познакомить с разными видами труда взрослых, со сказочными сюжетами. В этом помогут детские книжки, телепередачи, наблюдения на прогулках, ваши собственные рассказы.

Основные приемы руководства игрой, помощи ребенку в ее развертывании остаются прежними. Это — всемерное обогащение содержания игр, достигаемое путем введения в игру новых ролей и новых ситуаций, подсказывание ребенку (главным образом путем личного примера) условных, сокращенных способов выполнения игровых действий. При этом пятилетнему ребенку и игровой материал лучше предлагать более услов-

ный, чем четырехлетке, — теперь важно, чтобы игрушка скорее намекала на определенные действия, чем была буквально похожа на реальный предмет. Значительно большие возможности появляются в этом возрасте и для изготовления ребенком игрушек-самоделок.

Наиболее важное изменение в игре, которому могут способствовать родители, — переход к ее развернутому предварительному планированию. И здесь снова помогут схемы отношений между ролями, о которых мы писали в предыдущей части. Напомним, что такие схемы содержат 2—3 кружка, обозначающих персонажей, которые будут участвовать в игре. Соотношение кружков по величине отражает отношения ответственности и подчинения между персонажами: основной персонаж (главная роль) обозначается большим кружком, остальные — меньшими кружками в зависимости от степени значимости. Если для предыдущего возраста мы рекомендовали применять готовые схемы, то теперь можно перейти к вычерчиванию таких схем вместе с ребенком (а потом и самим ребенком без вашей помощи).

Но главное, чтобы составление схем не было просто упражнением в рисовании. В его ходе должна идти живая беседа о том, что делает каждый из персонажей, как они относятся друг к другу, как это будет отражено в игре.

Не исключено, что перед ребенком возникнут технические трудности, кружки будут получаться кривыми. В этом случае вместо рисования можно прибегнуть к раскладыванию заранее подготовленных картонных кружков.

Не забудьте, что схема нужна только при обсуждении плана игры. В самом ее ходе обращение к схеме может только повредить, нарушить развертывание живой фантазии ребенка. Разыграть схему, содержащую несколько ролей, вам вдвоем с ребенком удастся, конечно, только при условии смены ролей по ходу игры. Некоторые роли могут исполнять куклы. Еще лучше, если удастся привлечь к участию в игре других детей.

Не навязывайте ребенку рисование схем, если это его не интересует. Ведь схема — только вспомогательный материал, организующий построение замысла.

Сюжетно-ролевая игра — сложная, многоплановая деятельность. И она «растет», развивается в разных направлениях. Одно из таких направлений ведет от развернутой игры к игре в уме, в собственном воображении. Далеко не всегда стоит помогать ребенку, вмешиваясь в его замыслы. В пять лет дети, как правило, способны обходиться и без партнеров, а иногда даже без видимых со стороны действий.

Вот как описывает, например, поведение сына, которому только что исполнилось шесть, психолог В. С. Мухина.

«Кирилка расставляет на тахте вокруг себя игрушки. Тихо лежит около часа.

— Что ты делаешь? Ты заболел?

— Нет. Я играю.

— Как же ты играешь?

— Я на них смотрю и думаю, что с ними происходит».

Этот переход игры внутрь — важная веха умственного развития ребенка, знаменующая собой появление способности к мысленному преобразованию действительности. Могут ли родители способствовать такому переходу? Конечно. Купите сыну разнообразных солдатиков, и пусть он командует сражающимися армиями. Или подскажите ему, что можно поиграть с шахматными фигурами, среди которых есть и короли, и королевны, и офицеры, и всадники. Речь идет в данном случае не об игре в шахматы, а об использовании шахматных фигур в сюжетной игре. Попробуем представить себе, как можно помочь ребенку организовать такую игру.

Папа высыпал на стол шахматные фигуры.

— Смотри, Миша. Этими фигурами играют во взрослую игру — шахматы. Это — очень трудная игра. Когда ты немножко подрастешь, я тебя научу в нее иг-

рать. А пока с фигурами можно играть и по-другому. Вот эта фигура — король. А это — королева. Видишь, они выше всех. А вот офицеры — они как будто в шлемах. Коня ты, конечно, сразу узнал. У нас это будут всадники — воины на конях. Есть еще фигуры, похожие на башни. Пусть это будут стражи, охраняющие вход в королевский дворец. А остальные все одинаковые. Это — солдаты, слуги короля и королевы и вообще любые люди, которые приходят во дворец. Фигуры есть белые и черные — здесь целых два королевства.

Давай поиграем. Будто белый король хочет пригласить к себе в гости черного короля. С этой стороны у нас будет белое королевство и дворец, около которого стоят стражи. А с этой стороны — черное королевство. Как ты думаешь, кого пошлет белый король к черному королю, чтобы его пригласить к себе в гости?

— Наверное, человека на лошади, чтобы быстрее доехал.

— Хорошо. Вот белый король позвал к себе всадника и говорит: «Скачи скорее к соседнему королю. Скажи, что у меня будет праздник и я его приглашаю в гости». И всадник прискакал. А стража его остановила: «Откуда вы прискакали и зачем вам нужно во дворец?» Что он ответил?

— Меня послал король. Он хочет пригласить вашего короля в гости.

— Пожалуйста, — говорят стражи, — проезжайте...

Игра разворачивается дальше. Не беда, что на первых порах придумывать разные ситуации придется в основном родителям. Скоро и сам ребенок овладеет этим искусством. Его нужно активно вовлекать в игру, постепенно приучая думать и говорить за персонажей. Изобразить при помощи шахматных фигур два королевства проще всего. Но останавливаться на этом нельзя. Игры будут чрезвычайно однообразны. Помогите ребенку менять значение фигур, использовать их для изображения самых разных сюжетов. Так, белая королева может пре-

вращаться и в прекрасную принцессу, и в добрую фею, и в трудолюбивую падчерицу, черная — в злую волшебницу, в мачеху, в привередливую дочку, в Бабу-ягу... Не меньше превращений может происходить и с другими фигурами. Одним словом, шахматные фигуры — прекрасный материал для игр на сказочные сюжеты, да и не только на сказочные. Конечно, при этом вовсе не обязательно, чтобы в каждой игре использовались все фигуры, из них можно отбирать те, которые нужны в данном случае.

Такая игра сюжетная, но уже не ролевая. Иногда ее называют режиссерской. В самом деле, ребенок здесь не берет на себя никакой роли. Он раздает роли солдатикам, шахматным фигурам, куклам, а сам выступает в качестве режиссера, руководящего разыгрыванием того или иного сюжета. От режиссерской игры до игры в воображении — один шаг, и первая легко переходит во вторую.

Очень неплохо, если вы посоветуете ребенку, готовясь к режиссерской игре, заранее сделать необходимые декорации, например нарисовать дворцы белого и черного королей, лес, в который злая мачеха посылает падчерицу, и т. п. Такие декорации могут быть весьма условными, как при разыгрывании сказок, которое мы описали в предыдущих частях «О чем рассказывает сказка». Они могут напоминать план (или карту) местности, знакомый ребенку по занятиям, описанным в части «В мире вещей». Но вовсе не следует отрицательно относиться и к рисункам со всяческими украшениями, если ребенок стремится и умеет их создавать.

Нередко и вся режиссерская игра в целом разворачивается ребенком в процессе рисования, без применения фигур, игрушек или какого-либо другого материала. Нарисованные им самим фигурки людей, животных оживают, вступают между собой в разнообразные взаимоотношения. Солдаты стреляют, сбивают фашистские самолеты. Сказочные принцессы танцуют с принцами, удирают от злой волшебницы... Не все роди-

тели понимают, что рисование ребенка во многих случаях тоже игра, которую следует поощрять. Нередко вместо этого взрослые внушают ребенку, что так не бывает, что нарисованные люди не могут двигаться, действовать, появляться и исчезать. Конечно, не могут, если исходить из правил взрослого рисования. Но детский рисунок — совсем другое дело. Никогда не судите о нем, не разобравшись. И если вся нарисованная вашим сыном картина «про войну» оказывается исчерканной так, что уже ничего на ней не разберешь, не торопитесь с осуждением: «Что ты тут намазюкал?» Лучше попросите ребенка рассказать о своем замысле. Ведь вполне возможно, что шла перестрелка, которая и изображена в виде множества перекрещивающихся линий.

Конечно, далеко не все детские рисунки служат опорой для игры. Но об этом мы поговорим позже.

Еще одно направление развития сюжетно-ролевой игры — переход к игре-драматизации. Она может начинаться и до пяти лет. Простейшие драматизации можно проводить с четырехлетними детьми для более глубокого их ознакомления со сказкой.

В пятилетнем возрасте драматизация все более расходится с сюжетно-ролевой игрой, становится похожей на театральный спектакль. Здесь действуют иные законы, чем в сюжетно-ролевой игре. Необходимо научиться проникать в смысл драматизируемых произведений, изображать манеры и характер персонажей, пользуясь мимикой, жестами, интонацией. Конечно, далеко не все родители сами в достаточной мере владеют актерским мастерством, для того чтобы учить ребенка. Но подлинного актерского мастерства и не нужно, требования к драматизации значительно менее жесткие.

Наилучшим материалом для драматизации могут служить сказки, прежде всего народные, героями которых являются животные. У них очень яркие, определенные характеры, внешние повадки. Их интересно и легко изображать. Начинать лучше с давно знакомых ребенку

сказок, например с того же «Колобка». Не беда, если эти сказки раньше служили материалом для других форм работы, в драматизации они выступят по-новому, приобретут заново привлекательность для ребенка.

Значение драматизации для умственного развития состоит как в том, что она позволяет глубже вникнуть в содержание сказки, более полно, чем в других условиях, понять характеристики персонажей, так и в том, что драматизация дает возможность познакомить ребенка с новым для него видом обозначения — обозначением действий и состояний при помощи выразительных движений.

Такие обозначения дети используют и в сюжетно-ролевых играх, изображая, например, как шофер вертит «баранку» или как мама разливает чай. Но в сюжетно-ролевой игре выразительные движения имеют вспомогательное значение, внимание ребенка на них не фиксировано, и, если партнер по игре не понимает, что хочет изобразить ребенок, — не беда, это с лихвой может быть компенсировано при помощи слов. Другое дело — драматизация. Она требует намеренного, сознательного изображения, причем такого, которое вполне понятно. А к этому ребенка следует подготовить. В качестве подготовки хорошо использовать небольшие упражнения, которые имеют форму своеобразных загадок.

— Угадай, что я делаю, — говорит мама и изображает, например, причесывание (в руках ничего нет).

— А теперь загадай загадку мне. Ты, наверное, чистишь зубы?

От загадывания простых действий (умывание, одевание, подметание пола и т. п.) можно перейти к целым пантомимическим (т. е. изображаемым молча, при помощи движений) сценкам, а потом и к загадыванию состояний, переживаний.

— Отгадай, что я чувствую.

Мама закрывает лицо руками. Она «плачет»...

Семейные спектакли на первых порах должны быть короткими. Каждый участник последовательно играет

несколько ролей, меняя детали костюма (они могут быть очень простыми). И очень хорошо, если при этом есть хотя бы один зритель.

Затевая драматизацию, не стоит заставлять ребенка заучивать свою роль наизусть. Вполне достаточно, если он будет верно передавать общий смысл реплик изображаемых персонажей.

Итак, сюжетно-ролевая игра, режиссерская игра, игра-драматизация. Эти три разновидности сюжетной игры отнюдь не заменяют и не исключают друг друга. Каждая имеет свои преимущества, вносит свой особый вклад в умственное (да и не только в умственное) развитие ребенка. Не беда, если ребенок на какое-то время увлечется одной из них, забросив другие. Но лучше, чтобы игры разных типов перемежались между собой. Об этом должны заботиться родители, однако заботиться очень осторожно, ненавязчиво. Вообще руководство игрой по мере роста ребенка, совершенствования его собственных игровых умений становится все более тонким делом, требующим большого такта со стороны взрослого. Слишком велика опасность подавить инициативу и самостоятельность ребенка. Общий принцип здесь состоит в том, чтобы, по мере того как ребенок овладевает каждым типом игры, взрослый все больше отходил в сторону, передавая ему инициативу и в задумывании игры, и в ее реализации.

Если у вас один ребенок, то, конечно, за вами сохранится функция его партнера по сюжетно-ролевой игре и по игре-драматизации. Однако лучше, если эту функцию удастся передать другим детям. Это могут быть дети соседей, родственников. Не жалейте труда на организацию «детского общества» для своего ребенка. Этот труд окупится серьезным продвижением в его развитии.

В совместную игру детей старайтесь вмешиваться как можно меньше. Выступайте в функции советчиков. Можно подсказать детям сюжет игры, подбросить подходящий игровой материал. Ну а потом достаточно от-

вечать на вопросы, если они возникнут в ходе игры. И обязательно быть заинтересованным и доброжелательным зрителем.

В мире вещей

В предыдущих главах эта часть была посвящена ознакомлению с внешними свойствами предметов (их цветом, формой, величиной), с пространственными отношениями. Об этом пойдет речь и сейчас. Но для пятилетних детей одних внешних свойств явно недостаточно. Они вполне готовы к тому, чтобы постепенно знакомиться не только с внешними, но и с внутренними, скрытыми свойствами и отношениями, лежащими в основе научных знаний о мире. Отдельные вещи начинают выступать для ребенка как представители тех или иных групп, классов, занимающих определенное место по отношению к другим классам вещей. Ребенка пора понемногу вводить в лабораторию природы, знакомить его с закономерностями, управляющими физическими явлениями, жизнью животных и растений. Но все это принесет пользу интеллектуальному развитию ребенка только в том случае, если будут учтены особенности и образный характер мышления дошкольника, и если обучение будет направлено не столько на усвоение знаний, сколько на развитие умственных способностей, тех способностей в области восприятия, образного мышления, воображения, о которых мы уже неоднократно говорили и которые основываются на усвоении образцов внешних свойств вещей и их разновидностей, на овладении использованием условных заместителей, построением и применением наглядных моделей.

Начнем с описания той работы с ребенком, которая служит продолжением его ознакомления с внешними свойствами вещей.

Будем исходить из того, что ваш ребенок уже знаком не только с цветами спектра, но и с их оттенками. Он уже умеет разводить краску в воде и разбеливать ее

на палитре, смешивать краски между собой. Понимает он (главным образом в результате наблюдений за цветными волчками) и то, что оттенков может быть очень много. Пора переходить к выработке умения тонко различать оттенки цвета между собой. Основной путь для этого, как и раньше, — самостоятельное их получение. Но если раньше мы рекомендовали учить ребенка получать не более 3—4 оттенков, то теперь полезно давать задания, требующие получения максимального количества оттенков.

Предложите ребенку изобразить на листе бумаги, как светлеет небо на рассвете. Для этого нужна синяя и белая гуашь. Разбеливать синюю краску следует на палитре, постепенно добавляя к ней белила и нанося последовательно мазки на лист бумаги. Чем больше получится оттенков, тем лучше. Главное — добиться, чтобы оттенки изменялись как можно равномернее. Не смущайтесь тем, что на рисунке будет изображен процесс. Ведь для детского рисования это вполне нормально.

Другие задания могут быть на получение системы цветового тона, — «как заходит солнце» (переход от оранжевого к красному цвету), «как желтеют листья осенью» (переход от зеленого к желтому).

Упражнения на получение оттенков других цветов можно проводить и без изобразительной задачи, т. е. без проведения аналогии с тем или иным процессом, происходящим в природе. Ребенок и без этого будет их охотно выполнять. Устройте с ним игру-соревнование: выигрывает тот, кто получит больше различных оттенков и у кого изменение цвета будет более равномерным.

Сходную работу следует проводить и для выработки у ребенка тонкого глазомерного различения разновидностей формы и градаций величины.

Для такой работы можно рекомендовать дидактическую игру, требующую завершения изображений предметов путем дополнения их геометрическими фигурами определенных пропорций и величины. Материалом для

игры служат три таблицы, на одной из которых изображены круги разной величины и овалы разных пропорций, на другой — квадраты и прямоугольники, на третьей — треугольники. К каждой таблице нужен набор карточек, содержащих схематические изображения предметов. На одной половине карточки эти изображения закончены, на другой — не закончены.

Игра может проводиться в разных вариантах в зависимости от того, насколько сформировано у ребенка умение определять форму и величину на глаз. Самый простой вариант состоит в том, что фигуры, содержащиеся в таблице, вырезаются и ребенку предлагается дополнить незаконченные изображения, добавив к ним те фигуры, которые нужны. В этом варианте он может пользоваться прикладыванием фигур к законченным изображениям, менять их в случае ошибочного выбора.

Более трудный вариант — когда фигуры не вырезаны, а изображены на таблице и ребенок должен выбирать нужную на глаз и указывать ее. Третий вариант состоит в том, что законченное изображение показывается ребенку, затем закрывается и он должен указать соответствующую фигуру по памяти. Наконец, в четвертом варианте законченное изображение не показывается вовсе. Ребенок указывает нужную фигуру, пользуясь косвенными указаниями на ее форму и величину, содержащимися в незаконченном изображении. Правильность выбора проверяется путем последующего сравнения с законченным изображением.

Для дальнейшего ознакомления ребенка с разновидностями формы и развития точности их опознания полезны упражнения по зрительно-осозательному переносу. Они могут проводиться в форме распространенной игры в чудесный мешочек. Для нее потребуются два комплекта одинаковых фигур. В одном из них фигуры должны быть вырезаны из достаточно прочного и толстого материала — лучше всего из оргстекла (но го-

дится и фанера, толстый картон). В другом комплекте фигуры могут быть просто нарисованы на бумаге.

Для начала достаточно, если комплект будет включать фигуры каждой из семи геометрических форм (квадрат, прямоугольник, треугольник, круг, овал, трапеция, шестиугольник). Вырезанных фигур лучше иметь двойное количество (14). Их кладут в мешочек из плотной ткани, затянутый резинкой.

Игровая задача заключается в том, чтобы безошибочно отыскать в мешочке на ощупь оба экземпляра фигуры, указанной на рисунке. Ведущий показывает на рисунке фигуру, которую нужно искать, а участник игры ведет поиск. Ошибочно вынутые фигуры опускают обратно в мешочек. Обратно кладут и правильно выбранные фигуры при переходе к выбору по другому образцу.

Более сложный вариант игры состоит в том, что каждая форма, представленная в наборе, дается в трех разновидностях (круги и квадраты разной величины, прямоугольники и овалы разных пропорций, треугольники с разной величиной углов). Трапеции и многоугольники употреблять не стоит. В мешочек кладется один экземпляр каждой формы, так что общее количество находящихся в нем фигур — 15.

При выборе по зрительно воспринимаемому образцу правильно найденной считается только фигура, полностью тождественная ему.

Ту же игру полезно проводить и без зрительного образца. Фигуры ищутся по словесному заданию: «Найди все квадраты; найди все треугольники» и т. д. В этом случае необходимо не точное опознание формы, а обобщение ее разновидностей.

Не следует забывать и занимательное упражнение на выкладывание изображений из элементов разных геометрических форм. Хорошо, если ребенок научится выкладывать изображения без образца, по собственному замыслу. Материалом может служить набор пря-

моугольников (4×5 ; 6×2 ; 6×1 ; $1 \times 2,5$ см), квадратов (4×4 ; 1×1 ; 2×2 см), круг (радиусом 0,6 см), полукруг (радиусом 0,6 см), треугольник (разрезанный по диагонали квадрат $2,5 \times 2,5$ см). Каждая фигура должна быть представлена в 2—3 экземплярах. Тема изображения может быть либо задана ребенку («сделай автомобиль»), либо выбрана им самостоятельно.

Еще один вид заданий, который способствует развитию у детей представлений о соотношении между предметами по величине, — это выкладывание сериационных рядов, т. е. рядов с постепенным равномерным увеличением (или уменьшением) элементов. Ребенок в своем прошлом опыте, конечно, уже сталкивался с заданиями подобного рода, например нанизывал кольца на пирамидку, строил башню из постепенно уменьшающихся кубиков, располагал бруски разной длины в виде лесенки. Однако это совсем не значит, что он сумеет без дополнительных упражнений разместить по порядку, например, 10 полосок, различающихся между собой по длине.

Дело в том, что ряд полосок не образует, подобно пирамидке или башне, цельного предмета.

Материалом для выполнения заданий служит набор картонных полосок, различающихся по длине на 1 см (от 1 до 10 см).

Предложите ребенку расставить полоски «так, как строятся физкультурники, — по росту: впереди самый высокий, за ним пониже и так по порядку до самого маленького».

Если ребенок будет брать полоски беспорядочно, подскажите ему правильный способ: выбрать самую маленькую полоску, потом самую маленькую из оставшихся и т. д. На первых порах посоветуйте, если нужно, прибегать к прикладыванию полосок друг к другу.

Более трудные задания — упорядочивание треугольников, а потом кругов разной величины.

Когда ряд из 10 элементов будет выкладываться ребенком на глаз, без ошибок и исправлений, дайте новое задание — попросите ребенка отвернуться, уберите один из элементов, находящихся в середине ряда, а оставшиеся сдвиньте вплотную.

— Смотри, один физкультурник вышел из строя. Помоги ему найти свое место.

Трудность выполнения этого задания состоит в том, что ребенку нужно сравнивать длину полоски одновременно с длиной двух других: ее место там, где она длиннее предыдущей полоски и короче последующей.

Последнее задание этого типа — совмещение двух сериационных рядов. Его можно проводить в форме аппликации или просто выкладывания фигур из заданных элементов.

Вырежьте из бумаги шесть матрешек постепенно увеличивающихся размеров (высотой от 3 до 8 см с разницей 1 см) и шесть корзинок (шириной от 1,5 до 4 см с разницей 0,5 см) (рис. 66).

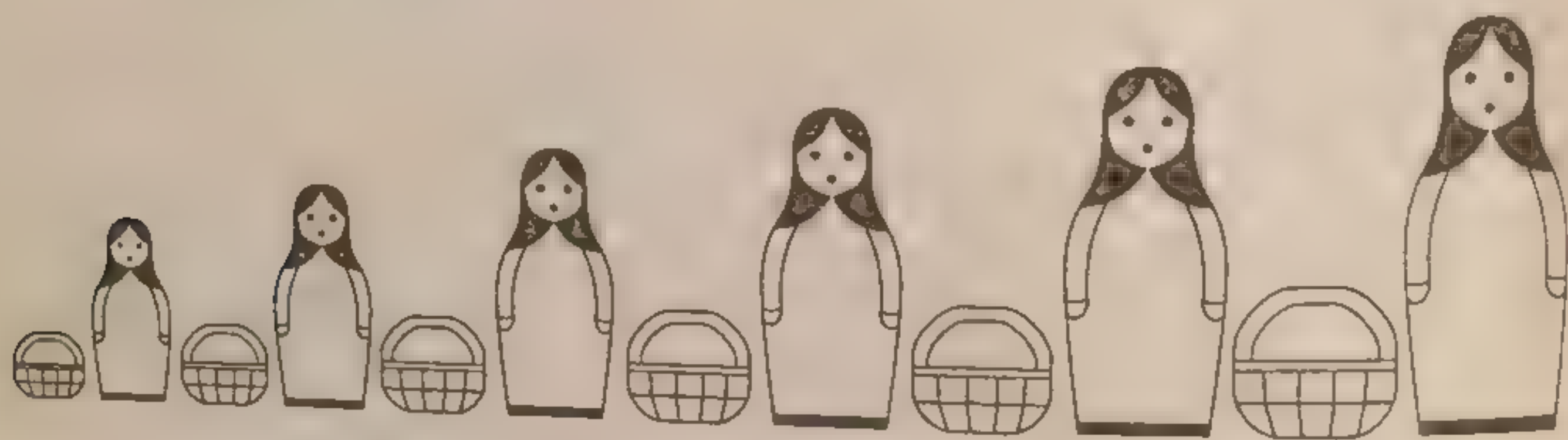

Рис. 66

— Матрешки — это сестрички. Они хотят идти в лес за грибами. Первой пойдет самая старшая — самая высокая сестричка. За ней пойдет самая старшая из оставшихся и так все по порядку, до самой маленькой. Расставь их по росту. Но каждой сестричке нужна еще корзинка для грибов. Поэтому следует оставить место, где будет стоять корзинка.

После того как матрешки размещены на листе бумаги с достаточными промежутками, вы даете ребенку

пять корзинок, спрятав корзинку, которая должна занимать третье место в ряду.

— А вот и корзинки для сестричек. Каждой сестричке нужна корзинка, которая подходит ей по росту. Самой старшей сестричке — самая большая корзинка, второй сестричке — корзинка немного поменьше, и так до самой маленькой. Только одна сестричка забыла свою корзинку дома. Мы сейчас узнаем, какая. Поставь около каждой сестрички подходящую ей корзинку, и мы посмотрим, у какой сестрички корзинки не окажется.

Вряд ли ребенок сразу правильно решит задачу на глаз и правильно разместит все корзинки, получив такой результат. Ему нужно будет показать способ выполнения задания: изображения корзинок размещаются отдельно под матрешками в виде ряда, начиная с самой большой корзинки. Вы объясняете ребенку, что разница между корзинами должна быть одинаковая, и находите вместе с ним то место в ряду, где разница увеличивается резко. Это и будет место недостающей корзинки. В этом месте ряд раздвигается и делится на две части (2-я и 3-я корзинки). Вот так (рис. 67).

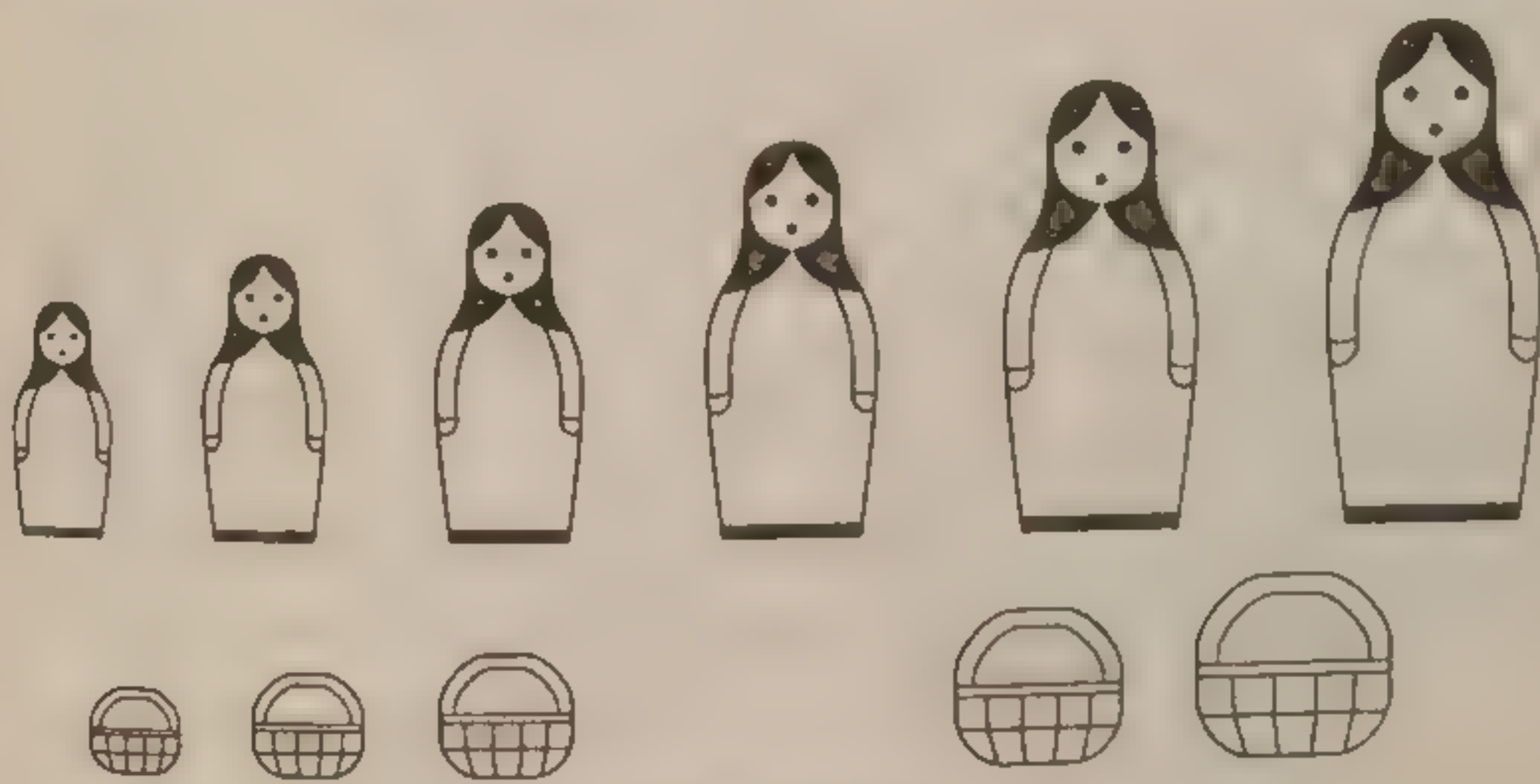

Рис. 67

Затем первые две корзинки ставятся (по одной) рядом с двумя первыми матрешками, остальные три — рядом с тремя последними. Место около третьей матрешки остается пустым.

— Теперь мы знаем, какая сестричка забыла корзину. Она закричала: «Мама! Я забыла свою корзину. Принеси мне, пожалуйста!» И мама принесла корзину. Вот она. Поставь ее на место. А теперь наклейте сестричек и корзины. У нас получится картинка, на которой будет видно, как сестрички идут в лес.

Задания такого типа следует повторять и на другом материале. Это могут быть, например, зайчики и морковки или белочки и грибы. Конечно, убирать нужно каждый раз объект, занимающий другое место в ряду (но не крайний). Величина рядов может быть увеличена до 10 объектов, но различия между объектами должны оставаться достаточно четко различимыми на глаз.

При ознакомлении ребенка с пространством мы рекомендуем, как и раньше, использовать план. Будем исходить из того, что ребенок уже знаком с планом комнаты, может отыскать на нем место, где в данный момент находится сам, и любой предмет обстановки. Теперь можно использовать план комнаты для развития представлений о пространственных взаимоотношениях вещей (спереди, сзади, слева, справа). Ребенку трудно усвоить, что эти взаимоотношения меняются в зависимости от положения реального или предполагаемого наблюдателя. Проведите игру: на план комнаты, в которой вы находитесь с ребенком, положите условное обозначение человечка, обращенного лицом в определенную сторону (рис. 68). Например, человечек смотрит туда, куда он повернут носиком. Кроме человечка, понадобятся две ручки, левая и правая. Это — стрелки, различающиеся по цвету: правая — красная, левая — синяя.

Рис. 68

Вы поворачиваете человечка в разные стороны, а ребенок, читая план, определяет, какие предметы находятся у человечка спереди, какие сзади, какие справа, какие слева, и указывает эти предметы в комнате. Стрелки имеют вспомогательное значение: они приставляются ребенком к человечку там, где у него правая и левая сторона, и помогают выполнить задание. Особенно трудным оно становится, когда человек расположен лицом к ребенку.

Дальнейшую работу по освоению пространственных представлений целесообразно проводить после обучения ребенка использованию смысловых условных обозначений. Речь пойдет об условных обозначениях, относящихся к функциям (назначению) и действиям и связанных с ними по смыслу. Такие условные обозначения принято называть символами.

Многие виды символов широко используются в разных видах деятельности людей. К ним относятся, например, общеизвестные дорожные знаки и изображения, обозначающие на маршрутных схемах и планах городов гостиницы, кинотеатры, музеи и т. п.

Для ознакомления ребенка с использованием символов понадобится набор картинок, изображающих ножницы, расческу, мяч, ботинок, буханку хлеба (или батон), иголку с ниткой, автомашину, самолет, письмо в конверте, пузырек с лекарством, бутылку молока и другие предметы. Такие картинки легко найти в различных детских лото или вырезать из азбуки, букваря.

Предложите ребенку поиграть в «путешествие по городу».

— Мы с тобой приехали в незнакомый город. В городе много магазинов, мастерских, аптек, библиотек, гаражей, почт. Нам интересно, где это находится. Вот мы идем и видим вывеску, а на ней нарисована вот такая картинка (вы показываете ребенку картинку с письмом). Как ты думаешь, что находится в этом доме? Пра-

вильно, почта. А если нарисована такая картинка (буханка хлеба)?

В случаях, когда ребенок ошибается в ответах, его следует поправить и объяснить, почему люди, увидев такое изображение, поймут, что оно обозначает (буханка хлеба обозначает булочную — магазин, где продают хлеб; она может обозначать и пекарню, где хлеб пекут, но где находится пекарня, людям знать не нужно, потому что хлеб оттуда на машинах перевозят в булочные, где его можно купить).

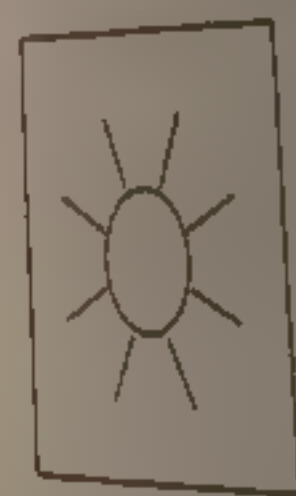
В ряде случаев изображение одного и того же предмета может служить символом разного содержания. Так, ножницы могут обозначать и парикмахерскую, и ателье, потому что и там, и там употребляются ножницы.

Следующий этап игры — ребенок подбирает картинки сам, выполняя ваше предложение «угадать, как можно показать, что в этом доме находится аптека, мастерская по ремонту замков, молочный магазин и т. д.» (конечно, количество и разнообразие картинок нужно увеличить).

Дальнейшие варианты игры состоят в том, что ребенок сам подбирает картинки, «загадывает» вам то или иное учреждение. Наконец, пусть он попытается перейти к рисованию простых символов, а вы будете угадывать, что они обозначают. Конечно, рисунок может быть максимально схематичным.

Знакомство с использованием символов уже состоялось. Дальше будет полезно рассказать ребенку, что простыми рисунками можно обозначить не только предметы и действия, но и явления природы, например погоду. Пусть он сам догадается, как можно обозначить хорошую, солнечную погоду, пасмурный день, когда на небе тучи, дождливый день, день, когда идет снег, ветреный день. Если не догадается, нарисуйте сами на отдельных карточках солнце, тучу, дождь, схематическую снежинку, склоненное ветром деревце (рис. 69).

Затейте игру «Какая погода?» и ребенок
«Пошел дождь», и ребенок
рисунок. Потом его очередь
по солнцу». И рисунок по
От использования рис
самостоятельному рисо
ит игры «Догадайся, как
строении и «чтении»
нескольких символов.
Будь-три символа пого

Ребенок «читает»:
«Брались тучи и пошел
ставляет ребенок, а от
ше символам можно д
ку следует объяснить
солнце, и при тучах,
изображать не отдел
ниями, которые в эт

Рис. 69

Затейте игру «Какая сегодня погода». Вы говорите: «Пошел дождь», и ребенок подбирает соответствующий рисунок. Потом его очередь: «Дождь перестал, выглянуло солнце». И рисунок подбираете вы.

От использования готовых изображений переходите к самостоятельному рисованию. Более сложный вариант игры «Догадайся, как менялась погода» основан на построении и «чтении» простейшей схемы, состоящей из нескольких символов. Вы рисуете рядом слева направо два-три символа погоды (рис. 70).

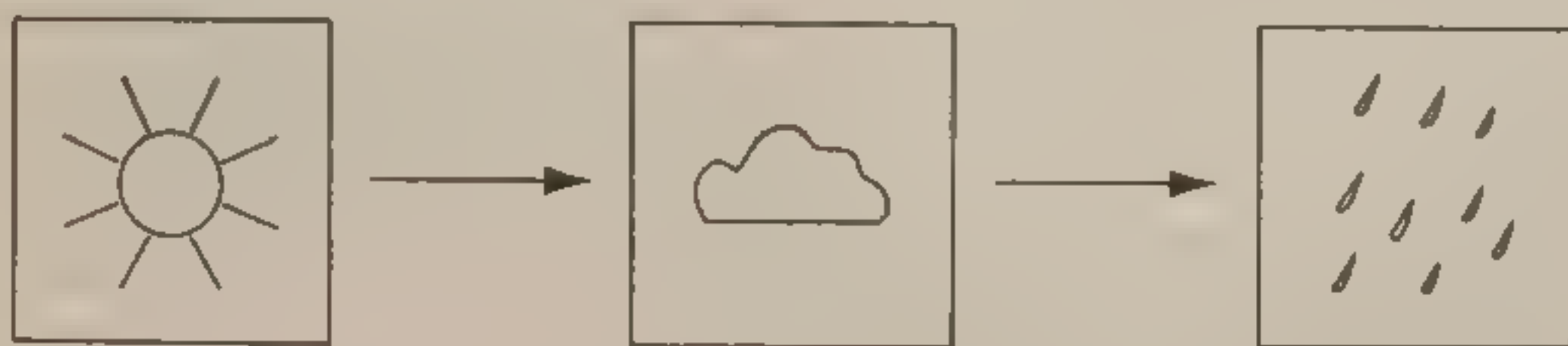

Рис. 70

Ребенок «читает»: «Сначала было солнце, потом собрались тучи и пошел дождь». В другой раз схему составляет ребенок, а отгадываете вы. К приведенным выше символам можно добавить грозу. Кроме того, ребенку следует объяснить, что ветер может быть и при солнце, и при тучах, и при дожде. Поэтому его нужно изображать не отдельно, а вместе с другими обозначениями, которые в этом случае будут двойными (рис. 71).

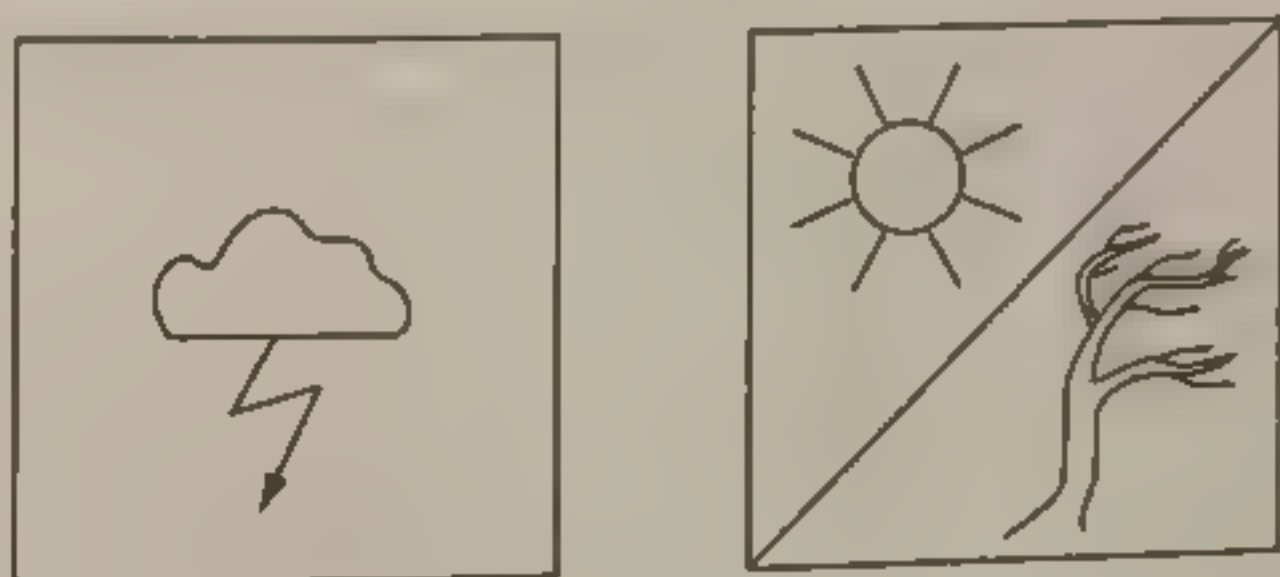

Рис. 71

От игр можно перейти к составлению «Календаря погоды», в который ребенок заносит ежедневно (или даже два раза в день, утром и вечером) обозначения погоды.

Полезно ввести простейшие схемы, составленные из символов, и в организацию повседневной жизни ребенка.

Например, такая схема будет напоминать ему последовательность его действий по утрам (рис. 72).

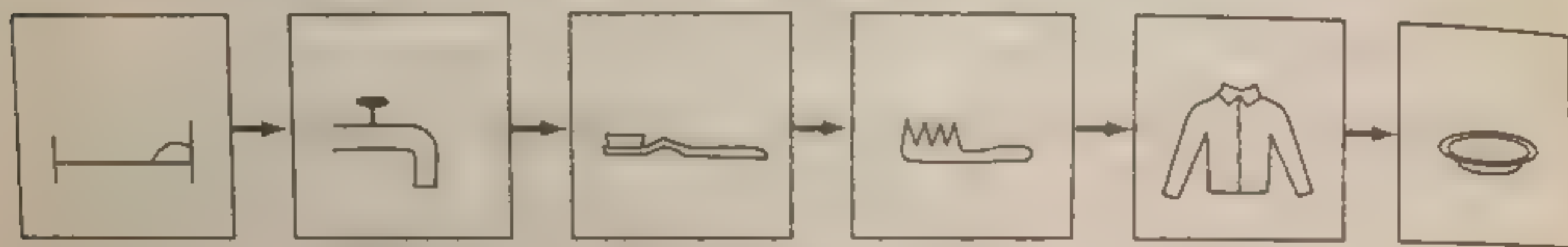

Рис. 72

Очень хорошо, если ребенок сам научится показывать в последовательности условных обозначений, что после чего нужно делать.

Теперь пора рассказать ребенку о том, что некоторые рисунки люди специально договорились употреблять для обозначения мест, связанных с определенной работой, или каких-либо действий, которые нужно выполнять. Такие рисунки обычно очень просты, и все их знают. В качестве примера можно привести красный крест как обозначение больниц, поликлиник, санитарных машин, санитарных сумок и всего, связанного с лечением людей; показать обозначения пешеходных переходов, запрещения курить и др. Полезно специально обратить внимание ребенка на изображения, символизирующие запрет. На них обозначено запрещенное действие, перечеркнутое одной или двумя чертами.

Знакомство и использование простейших символов естественно подведет ребенка к усвоению дорожных знаков, которые потребуются для дальнейших игр, связанных с развитием представлений о пространстве.

Чтобы познакомить ребенка с дорожными знаками, нужно иметь их изображения. Вы найдете их в «Правилах дорожного движения» и во многих книжках, выпущен-

ных для детей. Покажите ребенку знаки на улицах и дорогах. Не следует сразу брать слишком большое количество. Для начала достаточно знаков: «Въезд запрещен», «Поворот направо запрещен», «Поворот налево запрещен», «Движение прямо», «Движение прямо или направо», «Движение прямо или налево», «Дорога с односторонним движением», «Автозаправочная станция», «Техническое обслуживание автомобилей», «Пункт первой медицинской помощи» (последний знак можно трактовать более широко как обозначение любого медицинского учреждения (рис. 73).

Рис. 73

— Это знаки для водителей. Некоторые из них показывают, куда можно ехать, куда нельзя. Все водители должны обязательно этому подчиняться. Если над дорогой висит вот такой знак — белая полоска на красном — на эту дорогу с той стороны, где знак, въезжать нельзя. Стрелка, повернутая в правую сторону и зачеркнутая красной чертой, показывает, что в этом месте нельзя повернуть направо, а зачеркнутая такой же чертой стрелка, повернутая в левую сторону, — что нельзя повернуть налево. Белые стрелки на синих кругах показывают, куда можно ехать: только прямо, прямо и в ту сторону (правую или левую), куда указывает маленькая стрелка. Туда, куда стрелка не показывает, ехать нельзя. А белая стрелка в синем квадрате вешается над дорогой, по которой можно ехать только туда, куда показывает стрелка, но нельзя ехать обратно.

Другие знаки просто говорят шоферу о том, в каком месте находятся бензоколонка, где он может взять бензин, мастерская, где ремонтируют машины, и больница или поликлиника.

После таких пояснений можно приступать к игре водителя. Для игры необходимо подготовить игровое поле, представляющее собой рисунок разветвленной системы дорог с дорожными знаками, которые лучше вырезать отдельно из бумаги и класть в нужных местах. Это даст возможность менять дорожную ситуацию (рис. 74).

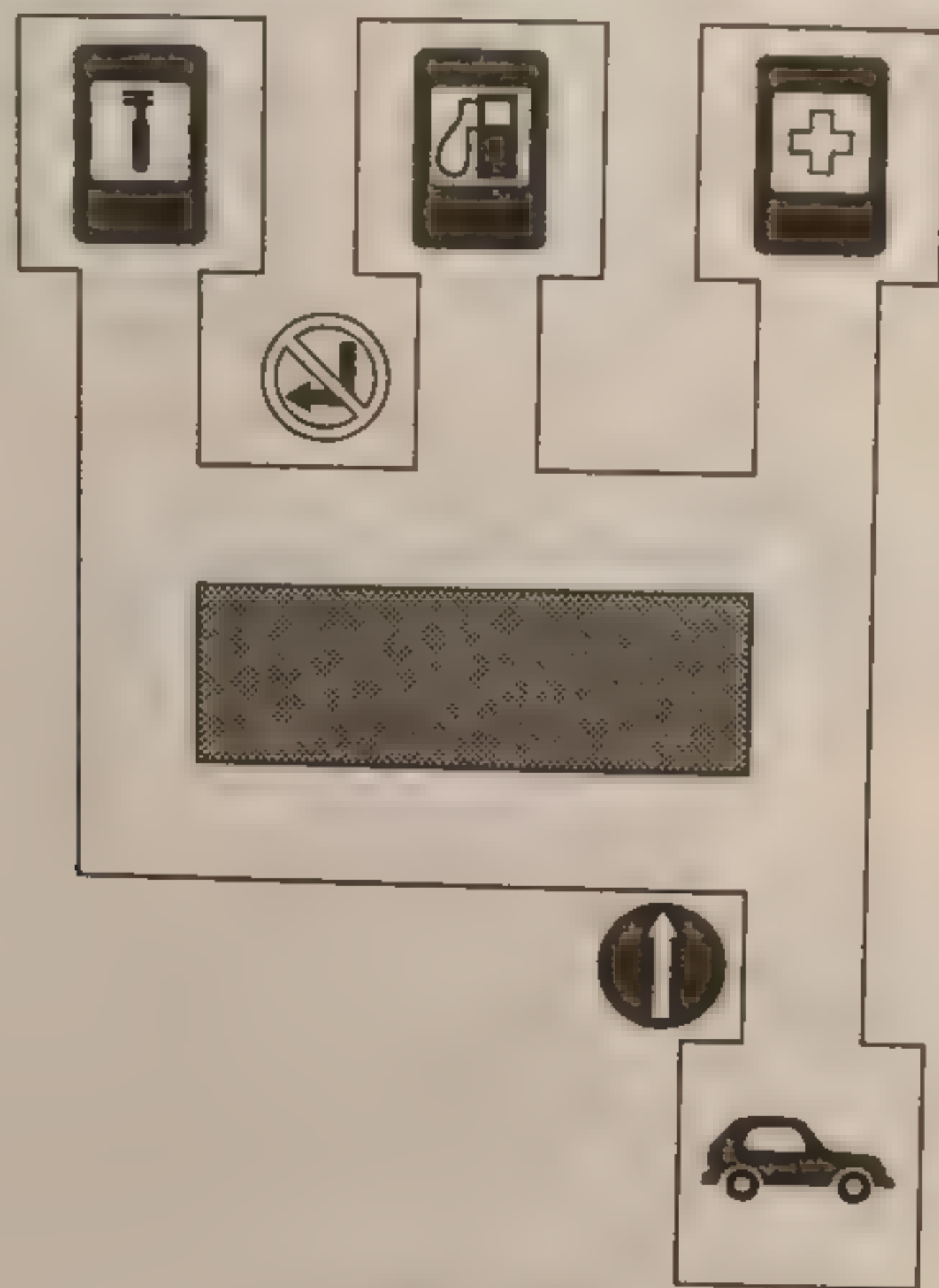

Рис. 74

Игра ведется так.

— Ты — шофер грузового автомобиля. Тебе нужно отвезти груз в больницу, набрать бензин и починить машину. Внизу рисунок машины обозначает гараж, откуда ты выехал и куда должен вернуться. Покажи, по каким улицам ты будешь ехать туда и обратно. Но старайся проехать так, чтобы весь путь был как можно короче. Тогда ты истратишь меньше бензина и получишь премию. Когда найдешь самый короткий путь, покажешь

мне, и мы вдвоем посмотрим, правильный он или нет. Помни, что нужно смотреть на дорожные знаки и действовать в соответствии с ними.

Если игровое поле достаточно крупное, «шофер» может отправляться в путь, прокатывая по «улицам» игрушечную машину. Если оно маленькое, достаточно прочерчивать путь цветными карандашами. Но тогда следует ввести дополнительное условие: после посещения каждого из намеченных пунктов менять цвет карандаша, чтобы было видно, сколько раз пройден один и тот же участок пути. В данном случае правильным решением будет такое: из «гаража» в «поликлинику», затем в «мастерскую», потом на «колонку» и обратно в «гараж» по той же дороге, по которой выехал оттуда. Но определить этот путь ребенку очень нелегко: ведь надо заранее учесть знак, запрещающий поворот направо после выезда с «колонки».

Ситуация существенно изменится, если ввести дополнительно одностороннее движение на участке дороги, ведущей от «гаража» к «поликлинике» (рис. 75).

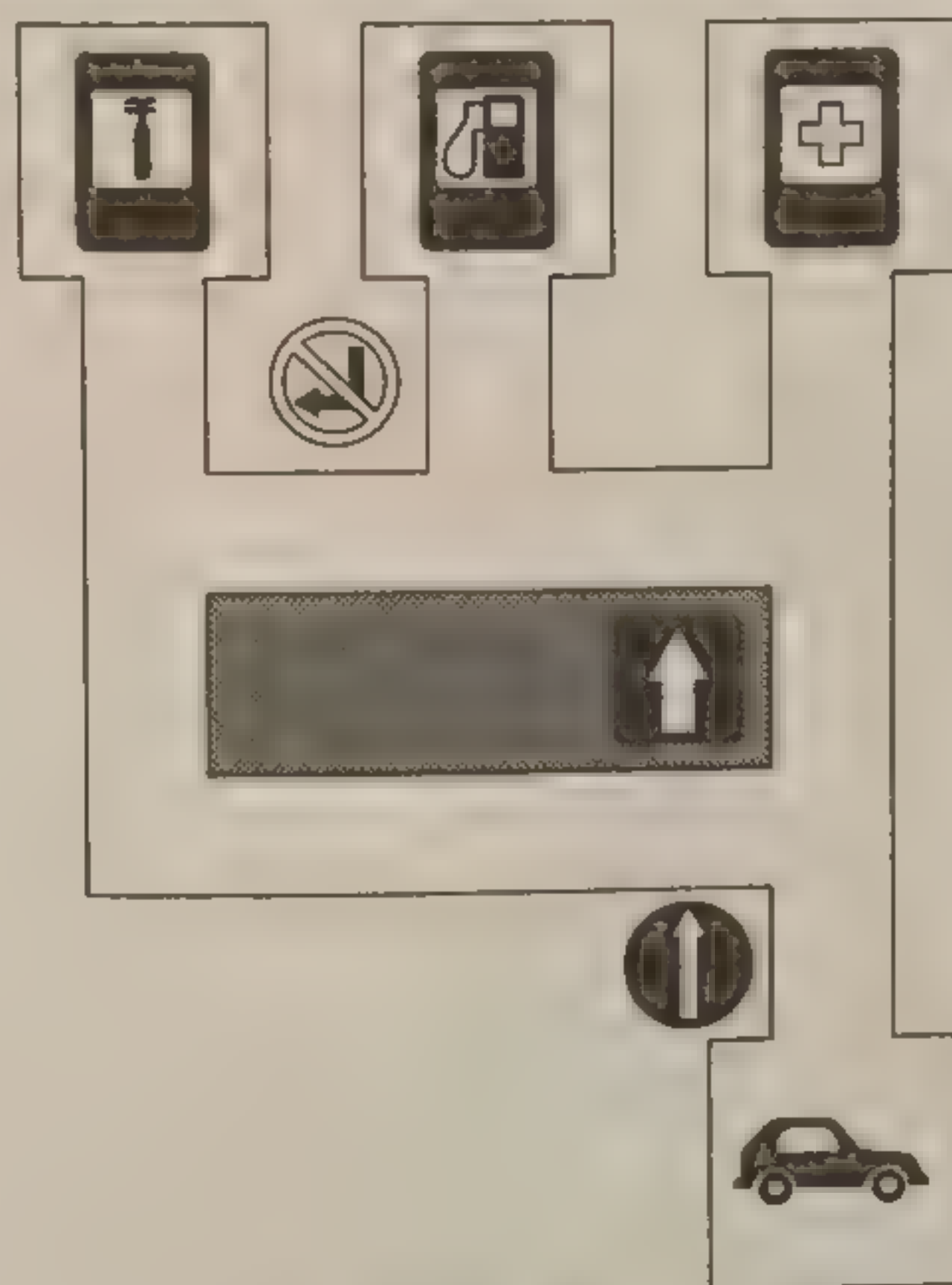

Рис. 75

Теперь правильное решение заключается в том, чтобы отправляться из «гаража» в «поликлинику», затем на «колонку», возвращаться снова к «поликлинике» и уже оттуда ехать в «мастерскую», затем в «гараж».

Дальнейшие варианты, мы полагаем, вы сумеете придумать сами, хотя для этого придется немало поломать голову.

Возможно, вы (как и мы) живете в доме, перед которым есть скверик, детская площадка. А может быть, недалеко от вашего дома есть парк с дорожками, по которым по утрам гуляет не так много народа. В этом случае у вас есть все условия, чтобы выйти с планом из комнаты на свежий воздух. Покажите ребенку условные изображения, которыми принято обозначать на планах, топографических картах и дорожных схемах парк, посадки, кустарник.

Попробуйте теперь вычертить план небольшого участка с проходящими по нему дорогами, тропинками. Конечно, для этого требуются некоторые элементарные топографические умения. Но ведь и большой точности не нужно. Вот как, например, мы начертили план участка перед нашим домом, где гуляют дети (рис. 76).

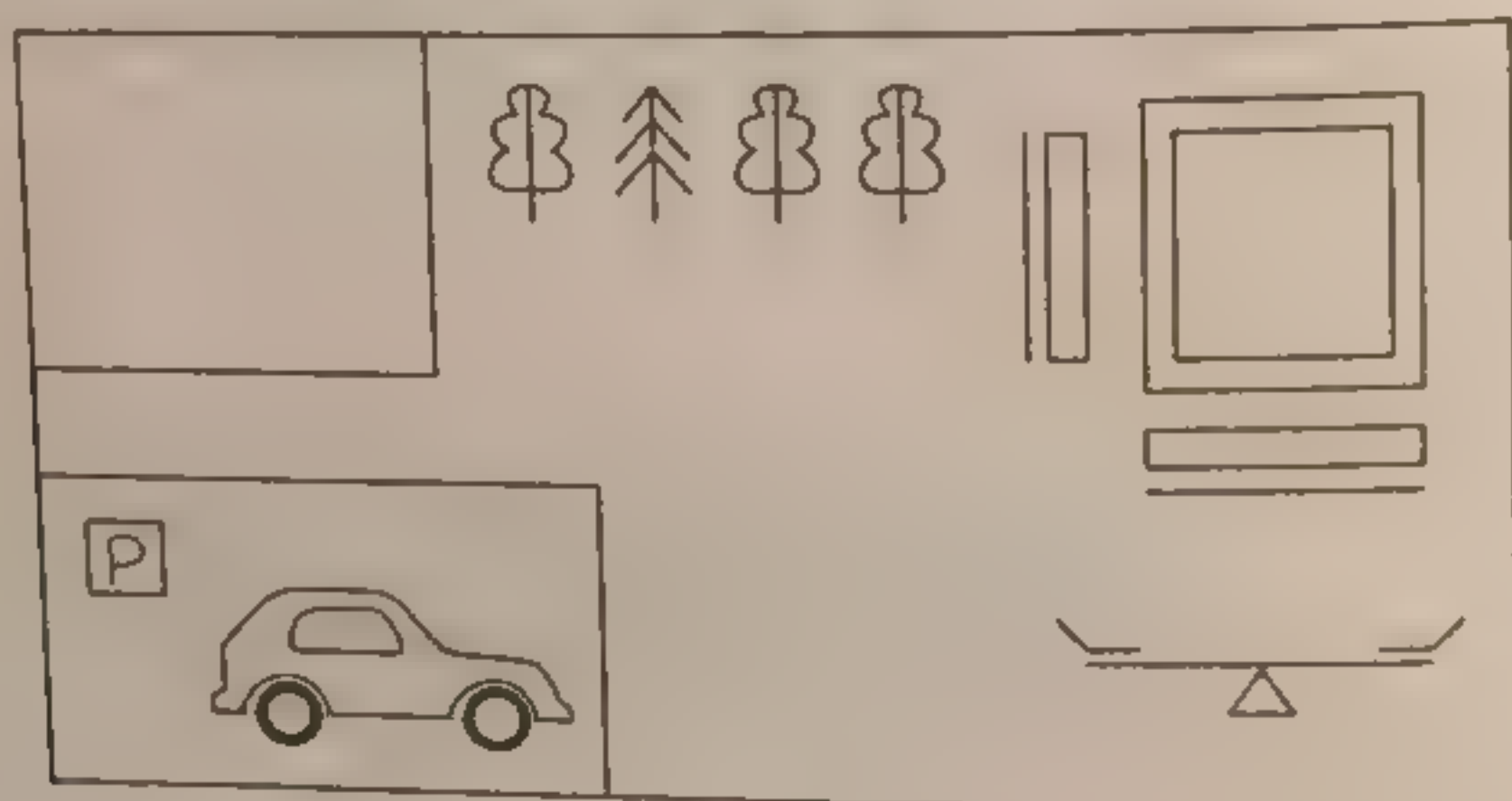

Рис. 76

С этим планом можно проводить те же игры, какие раньше вы проводили с планом комнаты: отмечать на плане место спрятанной игрушки и предлагать ребенку искать ее (и, наоборот, просить ребенка спрятать пред-

мет и отметить на плане, где он спрятан); учить ребенка отмечать на плане место, где стоит он сам. Еще лучше, если удастся вовлечь в игру и других детей, гуляющих на участке. Тогда можно, например, устроить соревнование: кто быстрее добегит до места, указанного на плане, найдет спрятанный предмет и т. п.

При наличии на участке нескольких дорожек можно объединить план со схемой пути — при игре, требующей поиска заданного места, прочерчивать цветным карандашом определенный путь, по которому следует двигаться или, еще лучше, размещать на плане дорожные знаки, указывающие, куда можно идти (или ехать на велосипеде), а куда нет.

Теперь перейдем к заданиям, которые развивают у ребенка способность приводить в систему свои представления об окружающем мире, видеть в нем не набор случайных, разрозненных предметов и явлений, а классы вещей, объединенных по их общим и существенным признакам, или ряды, в которых тот или иной признак постепенно изменяется по степени своей выраженности.

Ребенок может запомнить, что тюльпаны, розы, гвоздики и т. д. — все это цветы, а животные бывают дикими и домашними, но не в состоянии ответить на вопрос: «Чего больше на земле — цветов или тюльпанов, животных или диких животных?» Точно так же, если он знает, что лев сильнее медведя, а волк слабее его, то, возможно, не сообразит, что лев сильнее волка.

Трудность здесь состоит в том, что ребенок привык иметь дело с реальными вещами и их свойствами, а не с понятиями о вещах, т. е. обобщенными знаниями, выраженными в словесной форме.

Нужны ли, однако, такие знания пятилетке? Да, конечно. И он непрерывно получает их через книжки, рассказы взрослых, телевидение. Получает, но еще не умеет перерабатывать, увязывать между собой. Здесь возникает противоречие: мышление ребенка в основном образ-

ное, а систематизация знаний требует словесных рассуждений.

Оказывается, это противоречие можно разрешить, если показать ребенку законы, по которым систематизируются знания, в форме наглядных моделей.

Ваш ребенок уже знаком с сериационными рядами. Он научился размещать полосы и другие фигуры в порядке постепенного нарастания величины, научился и совмещать два ряда между собой. Теперь можно использовать полосы, упорядоченные по величине, в качестве модели отношения между объектами, различающимися по другим, невидимым признакам.

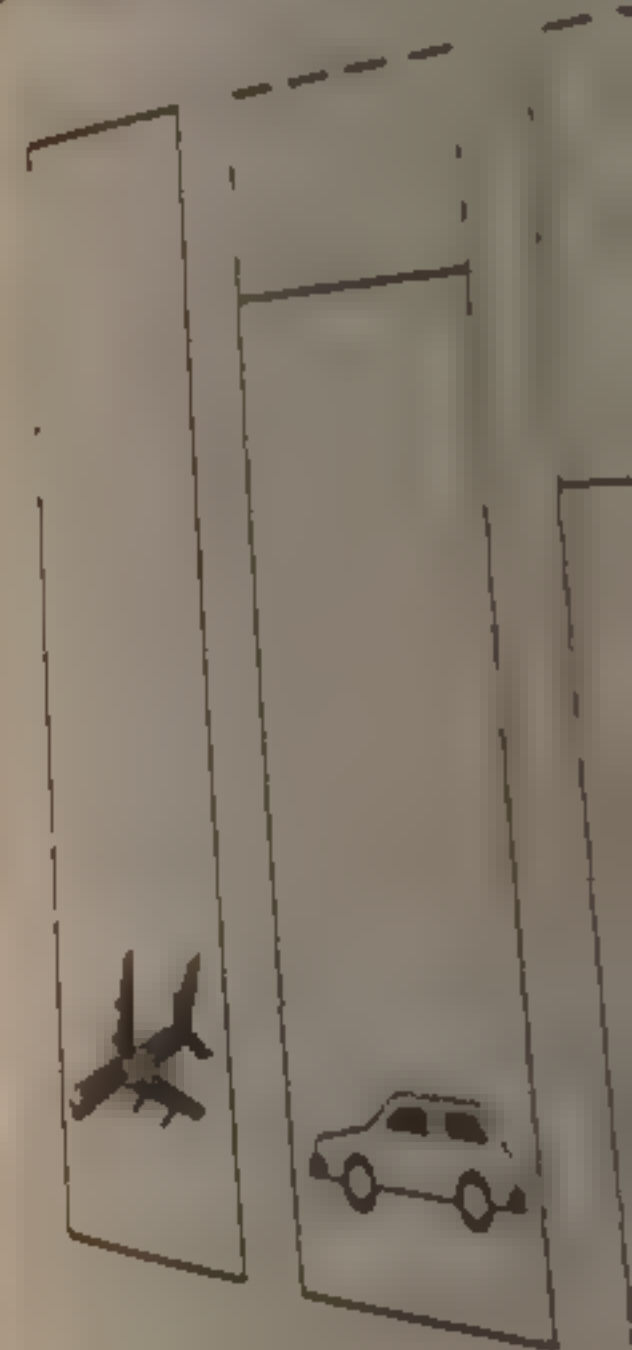
Подберите картинки с изображениями пяти животных, различающихся по величине таким образом, чтобы их можно было расположить в виде сериационного ряда. Пусть это будут, например, изображения слона, льва, волка, зайца и мыши. При этом величина самих изображений должна быть примерно одинаковой и во всяком случае не соответствовать реальному отношению по величине между животными.

Подготовьте пять листков бумаги, образующих сериационный ряд по величине (например, квадраты с длиной стороны 15, 13, 11, 9 и 7 см). На каждом листке схематически изобразите домик, величина которого соответствует размеру листка. Расположите домики в порядке последовательного убывания величины и предложите ребенку «расселить» животных по домикам.

— Кто будет жить в самом большом домике? Ну, конечно, слон. А в самом большом из оставшихся домиков?

После расселения всех зверей (их изображения кладутся над изображениями соответствующих по величине домиков) начинается игра «Где мой домик?».

Звери идут «гулять в лес». Все картинки с их изображениями перемешиваются. Затем вы сообщаете: «Зайчик забыл дома морковку. Помоги ему скорее найти свой домик!» Для выполнения такого задания ребенку

Предложите ребенку
рта движется быстрее
медленнее и так л
рядке убывания ско
транспорта. Полоски
— А теперь давай
ок можно было до
жорость. Пусть у
обозначена самой
должна быть самой
— Правильно
такой, как сейчас

нужно восстановить в уме ряд зверей по величине, соотнести его с рядом домиков и найти место, занимаемое в нем домиком зайчика. Задача не из простых. Если вы увидите, что ребенок ошибся, предложите ему проверить, в свой ли домик пришел зайчик. Для этого нужно, чтобы все звери вернулись с «прогулки» и заняли свои места. Тут-то и обнаружится, что зайчику следует переселиться. Игра может повторяться неоднократно. Только каждый раз возвращаться будет другой зверь, и поводы для возвращения лучше придумывать разные.

Для следующей игры вырежьте пять полосок с изображением самолета, автомобиля, паровоза, парохода, парусник (рис. 77).

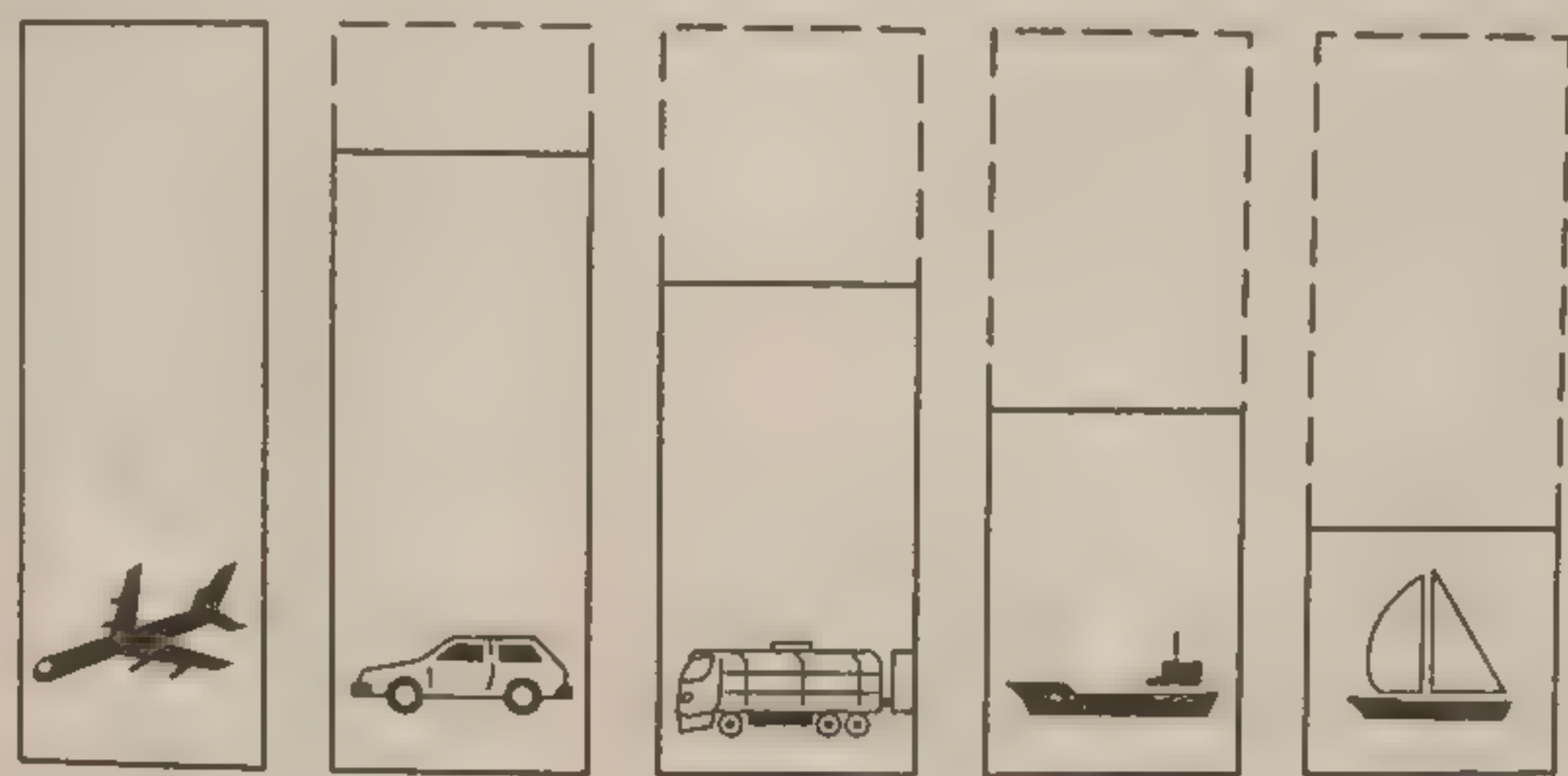

Рис. 77

Предложите ребенку определить, какой вид транспорта движется быстрее всех, какой медленнее, какой еще медленнее и так до конца, и разложить полоски в порядке убывания скорости обозначенных на них видов транспорта. Полоски разложены правильно.

— А теперь давай сделаем так, чтобы по длине полосок можно было догадаться, где бóльшая, а где меньшая скорость. Пусть у нас самая большая скорость будет обозначена самой длинной полоской. Какая полоска должна быть самой длинной?

— Правильно, та, где самолет. Пусть она остается такой, как сейчас. А какая полоска будет самой длинной

после нее? Что быстрее всех, кроме самолета? Правильно, автомобиль. Давай сделаем полосу для автомобиля немного короче, чем для самолета, но длиннее всех остальных (от полоски отрезается или отрывается сверху около 2 см).

Таким же образом укорачиваются остальные полоски. В результате получается сериационный ряд, состоящий из полосок длиной от 7 до 15 см. Его можно использовать для решения несложных задач.

— Если в одно и то же время я выехал из нашего города в Санкт-Петербург на машине, а дядя Ваня — на поезде, кто раньше туда приедет?

— Илюша жил с папой и мамой в городе около моря. Вечером папа пришел домой и сказал: «Я получил отпуск. Давайте сегодня же поедem отдыхать в Крым. Вот только на чем лучше ехать?» — «На самолете, — закричал Илюша. — Он быстрее всех». — «Нет, на самолете нам лететь плохо, — сказала мама. — Он летит слишком быстро. Сейчас уже вечер, мы прилетим ночью, и нам придется сидеть в аэропорту до утра. Лучше поплывем на пароходе». — «Пароход тоже не годится, — возразил папа. — Он плывет медленно, и мы потеряем весь завтрашний день». Как ты думаешь, на чем они решили ехать? Почему?

Сериационный ряд из полосок, различающихся по величине, можно использовать в качестве модели самых разных отношений между предметами. Например, это могут быть отношения между животными по силе: самая длинная полоска будет изображать более сильное животное. Так же можно изображать отношения между птицами или цветами по красоте, между спортивными командами по месту, занимаемому ими в розыгрыше первенства, и т. д. В случаях, когда объекты, составляющие ряд, не могут быть обозначены условными изображениями, полоски следует помечать начальными буквами их названий.

Значительно сложнее научить ребенка использовать модель отношений между более широкими и более узкими классами вещей — так называемых родовидовых отношений (родом называется более общее понятие, видом — более частное). Такая модель должна передавать одновременно и то, что род всегда имеет больший объем (т. е. охватывает большее количество объектов), чем входящие в него виды, и то, что один род может включать много отдельных видов, и, наконец, то, что каждый вид имеет особые признаки, отличающие его от других видов того же рода.

Формы пространственных моделей, отражающих родовидовые отношения, разработаны в логике — науке о законах правильного мышления. Одна из таких моделей — это схема, где более общее родовое понятие изображено большим кругом, а более частные видовые понятия — находящимися внутри него маленькими кругами (рис. 78).

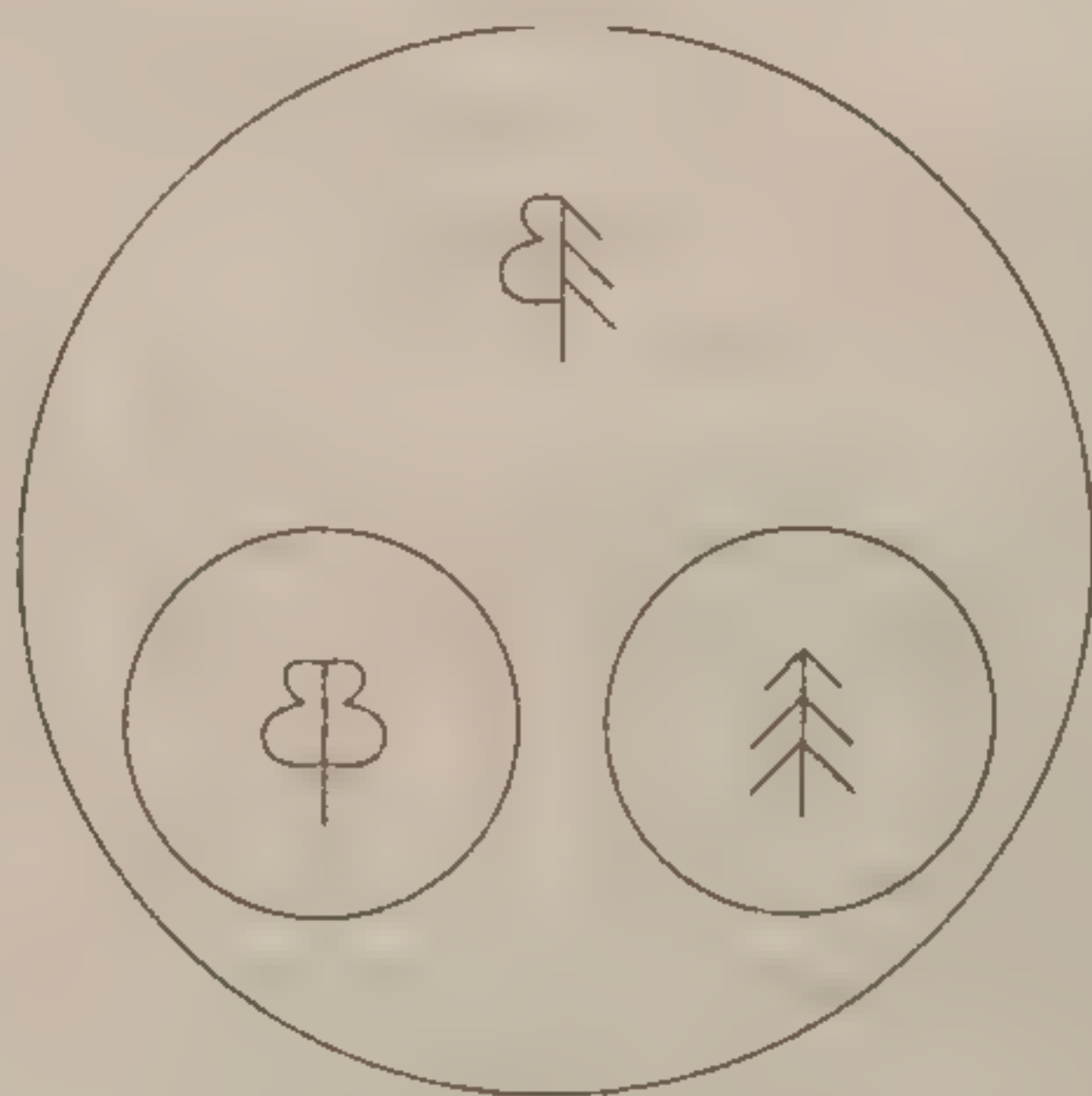

Рис. 78

Обозначение содержания родового и видовых понятий в этом случае дается с помощью их названий (или только начальных букв).

Но буквы и слова (даже если ребенок уже умеет читать) не передают в наглядной форме различия по со-

держанию между родовым и видовыми понятиями. Передать эти различия в некоторых случаях можно, используя условные изображения (с которыми ваш ребенок уже знаком).

Не следует только забывать, что условное изображение именно условно. Оно не передает реальных признаков вещей, а только намекает, указывает на них. И эту свою функцию оно выполняет, если об этом предварительно условились. Значит, необходимо, используя те или иные условные изображения, каждый раз договариваться с ребенком об их значении.

Ознакомление ребенка с логической схемой отношений между понятиями лучше начинать с самого простого материала.

Подберите или изготовьте десяток треугольников. Пять из них окрасьте в красный цвет, пять — в синий.

— Какой формы у нас фигурки?

— Треугольники.

— Правильно, все это треугольники.

Положите все фигурки на лист бумаги и обведите их большим кругом. В верхней части круга простым карандашом нарисуйте треугольник.

— Видишь, я здесь нарисовал треугольник, чтобы было видно, какие у нас все фигурки. Они все — треугольники, но разные. Чем они различаются? Правильно, тем, что есть красные, а есть синие. Давай их разделим.

Ребенок делит фигурки на две группы, а вы собираете каждую группу в отдельную кучку и обводите маленьким кругом.

— Какие треугольники в этом кружке?

— Красные.

— А в этом?

— Синие.

— Хорошо. Это мы тоже отметим.

В каждом маленьком круге наносится бесформенное пятно соответствующего цвета (рис. 79).

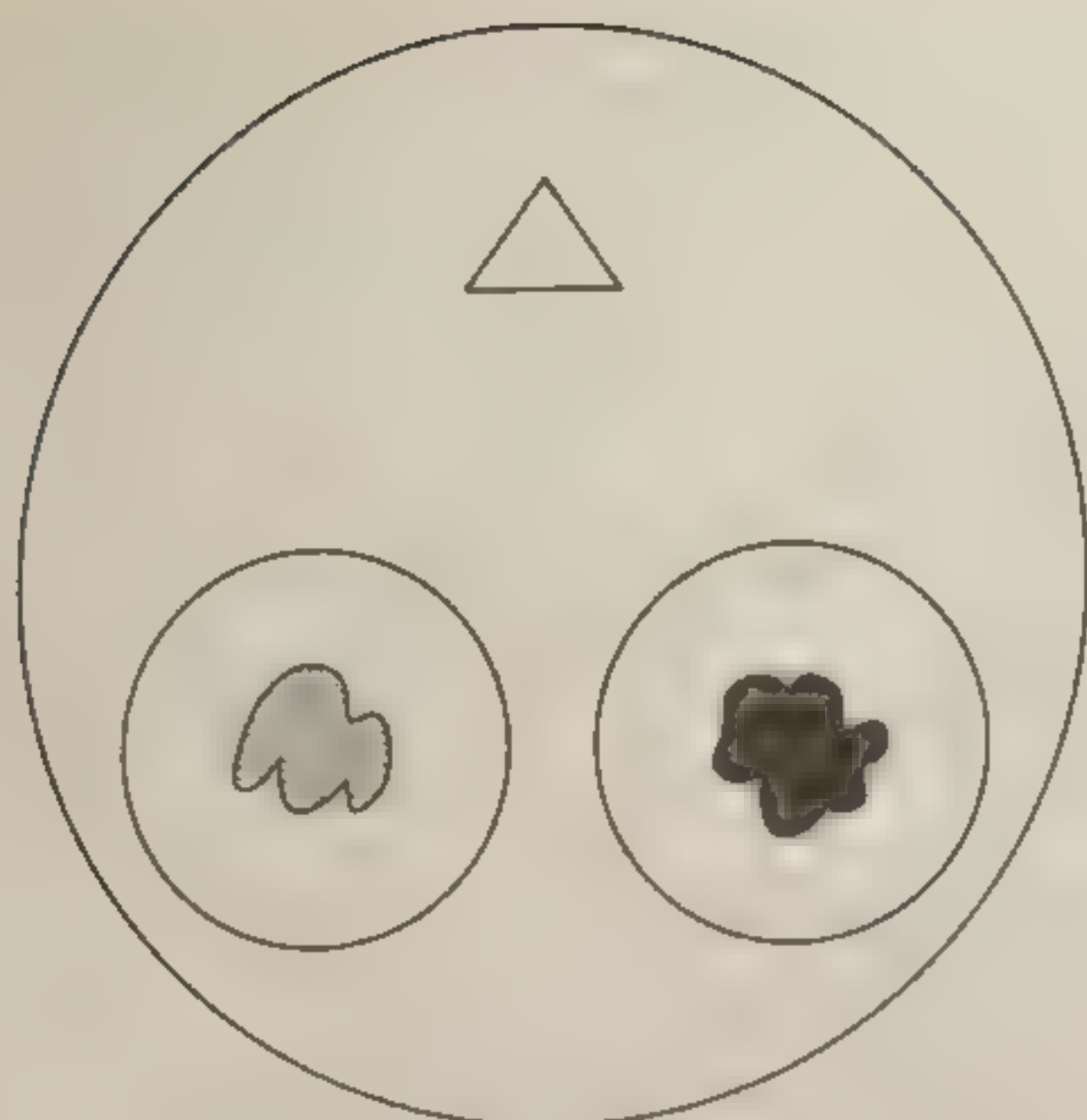

Рис. 79

Фигурки убираются.

— Теперь эти круги могут нам напомнить, какие у нас были фигурки. Большой круг — что все они были треугольники, а маленькие круги — что треугольники были разные, красные и синие. Ну-ка, положи все фигурки на свои места!

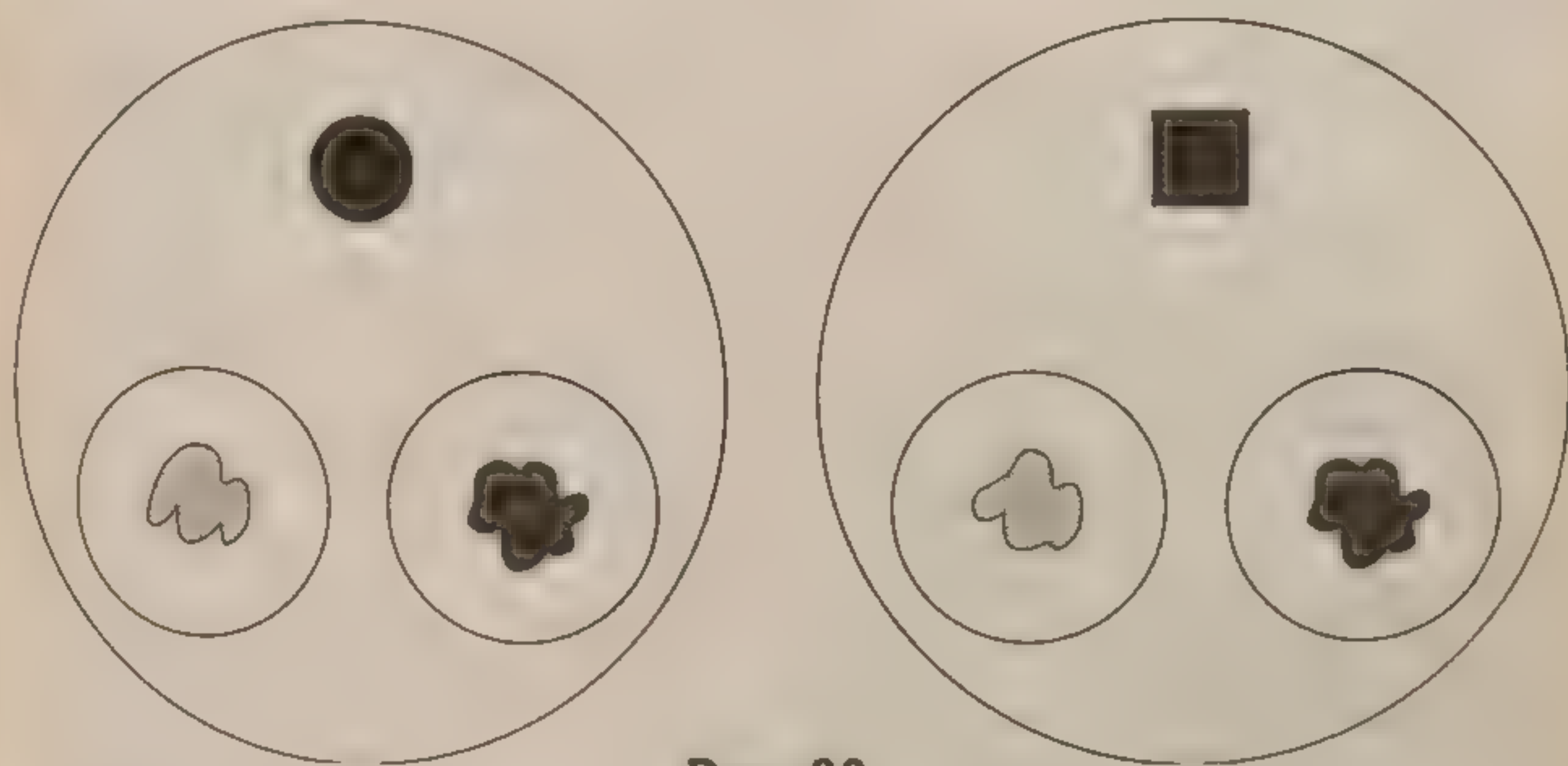

Рис. 80

После такого предварительного ознакомления со схемой отношений между понятиями предложите ребенку игру: пусть он помещает в нужные круги на подготовленных заранее схемах геометрические фигуры: круги, квадраты, трапеции разного цвета (рис. 80).

Одновременно следует давать по две схемы и соответственно по два набора фигур (например, кружки и

квадраты двух цветов). Потом обозначения, проставленные в маленьких и больших кругах, следует заменить на обратные (рис. 81).

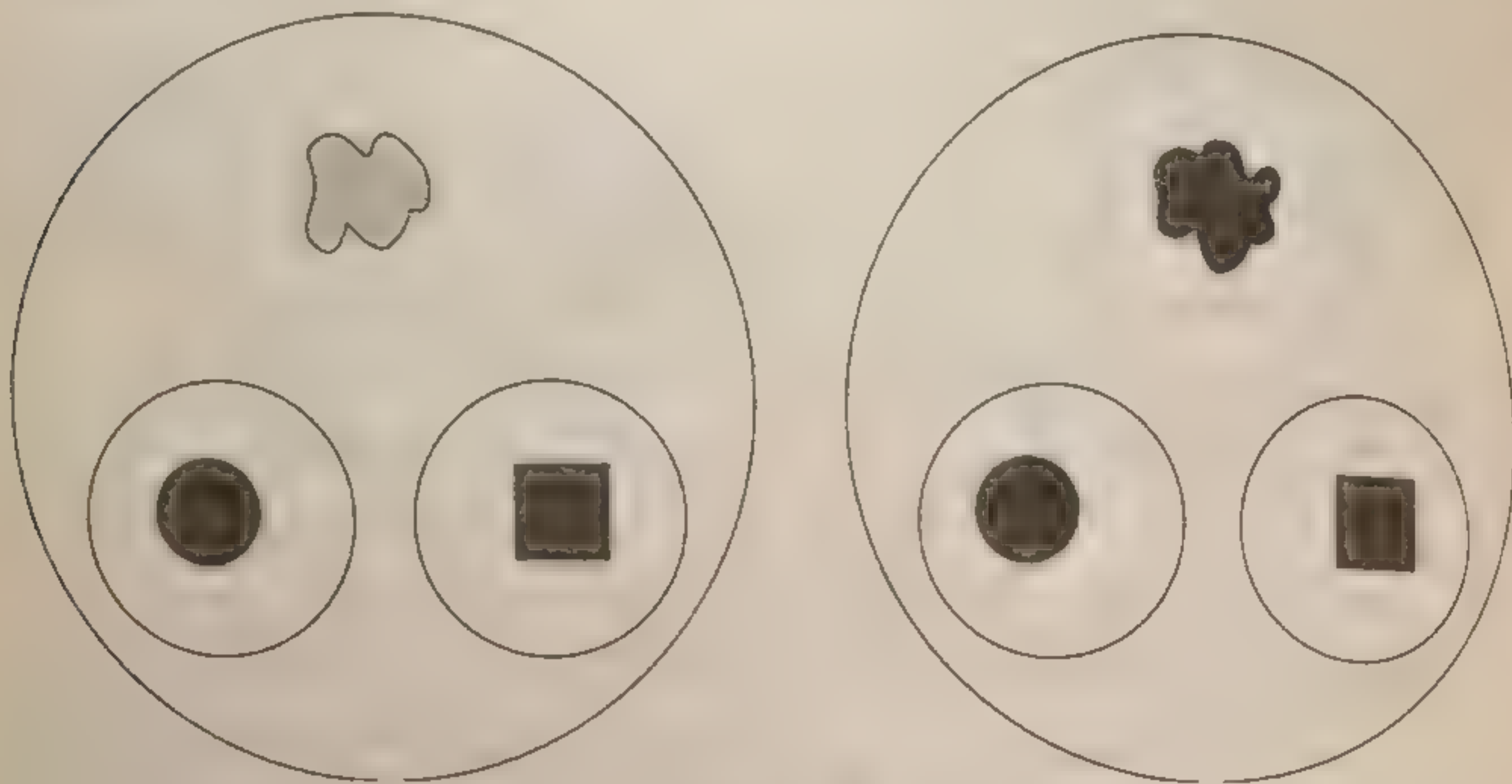

Рис. 81

Догадается ли ребенок самостоятельно, как следует размещать фигурки в этих условиях? Если нет, помогите ему.

Следующий шаг — переход к размещению в логических схемах изображений предметов, относящихся к разным видам одного и того же рода. Пусть это будут, например, картинки, на которых изображены люди: мужчины и женщины, взрослые и дети. Теперь схемы должны выглядеть так, как показано на рисунке (рис. 82).

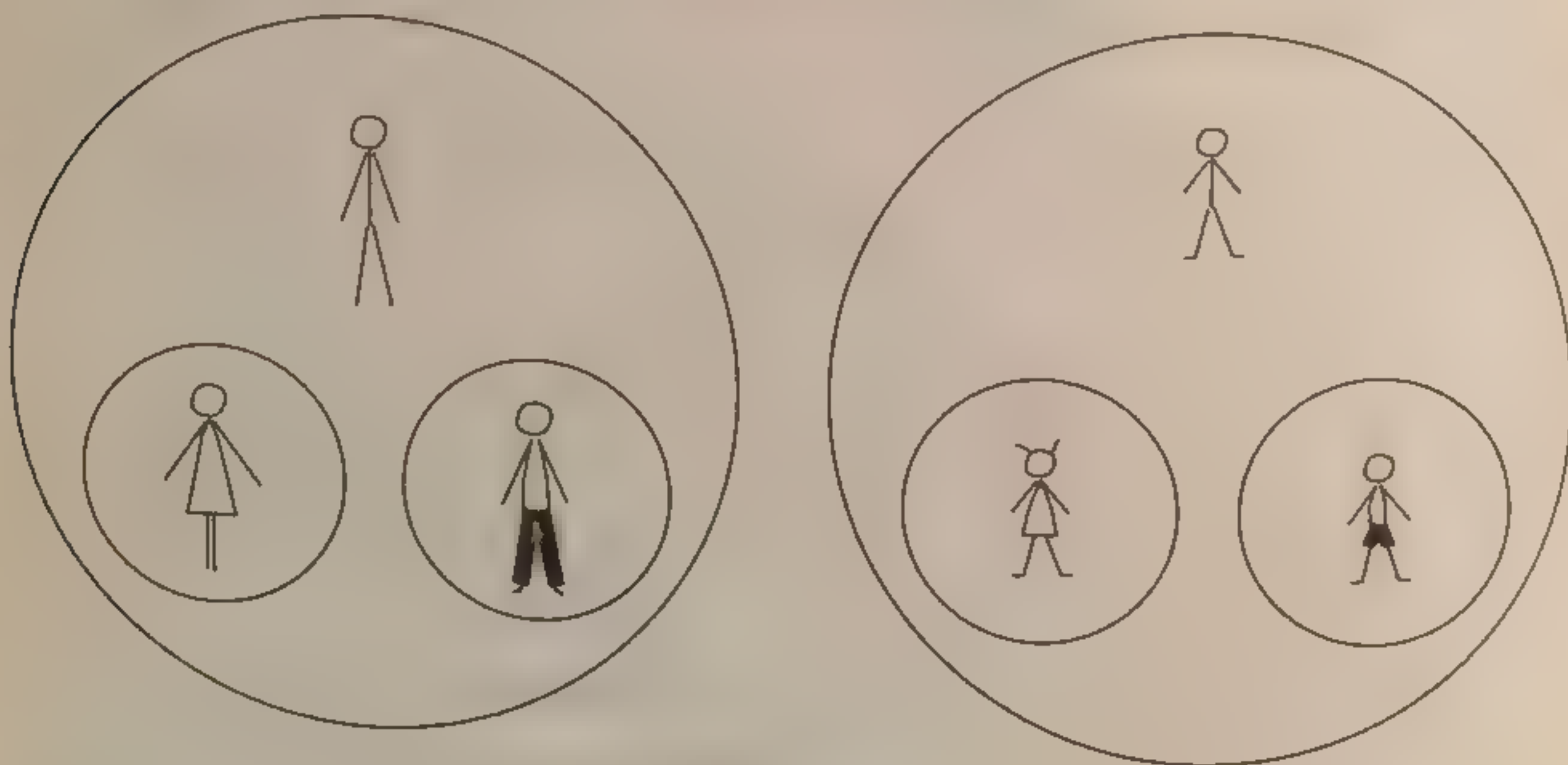

Рис. 82

Затем можно перейти к видам животных: домашним и диким, хищным и травоядным. При проведении этих игр каждый раз нужно разъяснять ребенку, что большой круг обозначает все помещенные в нем предметы (например, всех животных), а маленькие круги — только некоторых из них, отличающихся каким-либо признаком (например, только домашних или только диких).

Размещение картинок — только первый шаг к моделированию отношений между понятиями. Нужно, чтобы ребенок понял, что эти отношения касаются вовсе не имеющегося у него ограниченного набора предметов или изображений, а всех предметов, охватываемых родовыми и видовыми понятиями. А для этого следует вести его к пониманию логических схем, отражающих отношения между знакомыми ему группами предметов и явлений, не представленными в наглядной форме, т. е. к систематизации не самих вещей, а знаний о вещах.

— Давай с тобой нарисую круги, которые покажут нам, какие бывают виды автомобилей. Большой круг — это все автомобили. Маленький кружок — легковые автомобили.

А что будут значить другие маленькие кружки?

Правильное решение — грузовые автомобили и автоцистерны. Но весьма вероятно, что ребенок начнет называть марки легковых автомобилей — «Волга», «Жигули». Придется объяснить ему, что «Волги» и «Жигули» — это тоже легковые автомобили, а они уже все обозначены. Можно было бы их нарисовать в виде еще меньших кружков внутри круга легковых автомобилей, но не хватает места. Мы это нарисуюм отдельно.

Переходить к схемам, обозначающим три и более уровней обобщения (транспорт — наземный транспорт — автомобили — легковые автомобили — «Волги», «Жигули» и др.), в работе с пятилетним ребенком не стоит. Это слишком сложно, и лучше, ограничиваясь двумя уровнями, сопоставлять все эти понятия попар-

но: транспорт — наземный, воздушный и водный; наземный транспорт — поезда, автомобили, трамваи и др.; автомобили — легковые, грузовые, автоцистерны; легковые автомобили — «Волги», «Москвичи» и т. д.

Не следует стремиться к перечислению и изображению всех имеющихся видов данного родового понятия. Достаточно показать некоторые из них.

После того как ребенок в достаточной мере поймет смысл схематических изображений отношений между понятиями, их можно употреблять для упорядочивания знаний о самых различных областях действительности (животных, растениях, профессиях людей, предметах обихода, механизмах и т. д.). Но нужно не забывать о том, что сама по себе схема не дает новых знаний, а служит для организации тех, которые уже имеются. Поэтому содержание отображаемых в схемах понятий может изменяться и усложняться лишь по мере того, как ребенок знакомится с новыми видами предметов, явлений, областей деятельности.

Виды занятий с логическими схемами могут состоять в дополнении ребенком составленной вами схемы (подборе им более общего (родового) понятия к заданным видовым или видовых понятий к заданному родовому) и составлении схемы самим ребенком. При возникновении трудностей в придумывании подходящих условных обозначений содержания понятий можно постепенно заменять их буквенными обозначениями.

Нередки случаи, когда ребенок, как будто бы уже понявший, что обозначают логические схемы, неожиданно видит в них изображение пространственных отношений между предметами.

Папа нарисовал логическую схему, состоящую из большого и двух входящих в него маленьких кругов, обозначил содержание маленькими кругами понятий «яблоки» и «груши».

— Как ты думаешь, что может обозначать большой круг? — спрашивает он у Миши.

О чем рассказ...

ребенок знает мн...
просы, может перес...
скажет целиком. П...
задачи.

Одно из важных...
ить в сюжете гла...
содержание отл...
произведениях...
ребенка. Выделени...
важное значение...
— иначе они...
не связанных...
лучше начина...
рий.

Я прочел И...
Х. К. Андерсена...
объяснил незна...
«камера», «осо...

— Корзинку, а в ней лежат яблоки и груши, — не задумываясь, отвечает Миша.

В таких случаях бесполезно начинать длинные объяснения. Лучше просто предложить другое решение и дать новую задачку в обратной форме.

— Нет, Миша. Ведь яблоки и груши — это фрукты. Большой круг — это у нас все фрукты. А если большой круг — не фрукты, а, скажем, все деревья, что будут обозначать маленькие круги?

Выделение видов заданного рода легче, чем подбор родового понятия к заданным видовым. Потренировав ребенка в таком выделении, возвращайтесь на новом материале к обозначению рода. В конечном счете ребенок усвоит представление о родовидовых связях и перестанет ошибаться.

О чем рассказывает сказка

Ваш ребенок знает множество сказок, умеет отвечать на вопросы, может пересказать отдельные эпизоды или даже сюжет целиком. Пора ставить перед ним более сложные задачи.

Одно из важных читательских умений — умение выделить в сюжете главное, несколькими словами передать содержание отдельной сцены. На достаточно простых произведениях этому можно научить и пятилетнего ребенка. Выделение основной сюжетной линии имеет важное значение для понимания больших произведений — иначе они «распадаются» в сознании ребенка на ряд не связанных между собой эпизодов. Однако обучение лучше начинать с совсем коротеньких сказок и историй.

Я прочел Ире одну из самых коротких сказок Х. К. Андерсена «Принцесса на горошине». Попутно объяснил незнакомые слова («тюфяк», «пуховик», «кунсткамера», «особа», «деликатная»). Теперь вопросы:

— Как ты думаешь, зачем королева положила в кровать принцессе горошину?

Немного подумав, Ира отвечает:

— Чтобы принцессе было твердо.

— А разве она хотела, чтобы принцессе было твердо? Почему она этого хотела?

Ира находится в затруднении.

— Это была настоящая принцесса? — спрашиваю я.

— Настоящая.

— Как об этом узнали?

— Потому что она такая дели... Такая нежная вся.

— А как узнали, что она такая деликатная особа?

— Ей было твердо. А если кто не принцесса, то будет мягко.

— Почему?

— Потому что там матрасы пуховые.

— Понятно. Ну так зачем же королева положила горошину?

— Она узнать хотела, настоящая принцесса или притворяется только.

— Правильно. А пуховики зачем?

— Чтобы было мягко.

Еще несколько наводящих вопросов приводят нас к тому, что пуховики должны сделать горошину незаметной для простой девочки, а принцесса ее все равно почувствует.

Я предлагаю Ире:

— Давай разделим эту сказку на главы. Помнишь, как в «Золотом ключике», много глав и в каждой рассказывается про что-нибудь одно. Или про то, как Буратино пошел в школу. Или про то, как он пришел в кукольный театр и куклы его узнали. А в названии главы сразу говорится, о чем в ней будет рассказано. Ты тоже придумай название для каждой главы. Я буду читать сказку, а ты, как только решишь, что пора кончать главу, говори мне: «Все». И придумывай название.

Я снова начинаю читать «Принцессу на горошине». Но как только я заканчиваю первую фразу, Ира кричит:

— Все! Все!

— Как же будет называться эта глава? — спрашиваю я.

— Как принц хотел найти настоящую принцессу, — говорит Ира после краткого раздумья.

Я возражаю:

— Разве так бывает, чтобы название было почти таким же длинным, как вся глава? Я думаю, что надо сделать главу подлиннее.

Ира соглашается. Я продолжаю читать. Вот уже появилась принцесса, королева подкладывает горошину, а Ира все не останавливает меня. Тогда я сам прерываю чтение.

— По-моему, глава уже давно кончилась, — говорю я. — Мы ведь уже скоро дойдем до самого конца.

— Кончилась, — кивает Ира.

— А как она должна называться?

— Ну... Там много всего...

— Значит, уже кончилась не одна глава, а две или даже три. Придумай названия для всех.

— Сначала будет... Как принц не нашел принцессу...

— Очень хорошо. Давай я это запишу и нарисую картинку.

Я записываю: «1. Как принц не нашел принцессу». Рядом рисую человечка и объясняю:

— Видишь, он вернулся домой один, без принцессы. Какая следующая глава?

— Как была гроза, а потом пришла принцесса.

— Хорошо. Только давай назовем ее покороче. Как ты думаешь, что важнее — то, что была гроза или что пришла принцесса?

— Принцесса важнее.

— Так каким будет название?

— Как пришла принцесса.

Я записываю название и предлагаю Ире самой сделать рисунок. Вскоре у нас готов полный план «Принцессы на горошине» («названия глав»):

1. Как принц не нашел принцессу.
2. Как пришла принцесса.
3. Королева положила горошину.
4. Все узнали, что принцесса настоящая.
5. Как принц женился на принцессе.
6. Как горошину отправили в музей.

К каждой «главе» сделан рисунок: первый нарисовал я, остальные Ира (рис. 83).

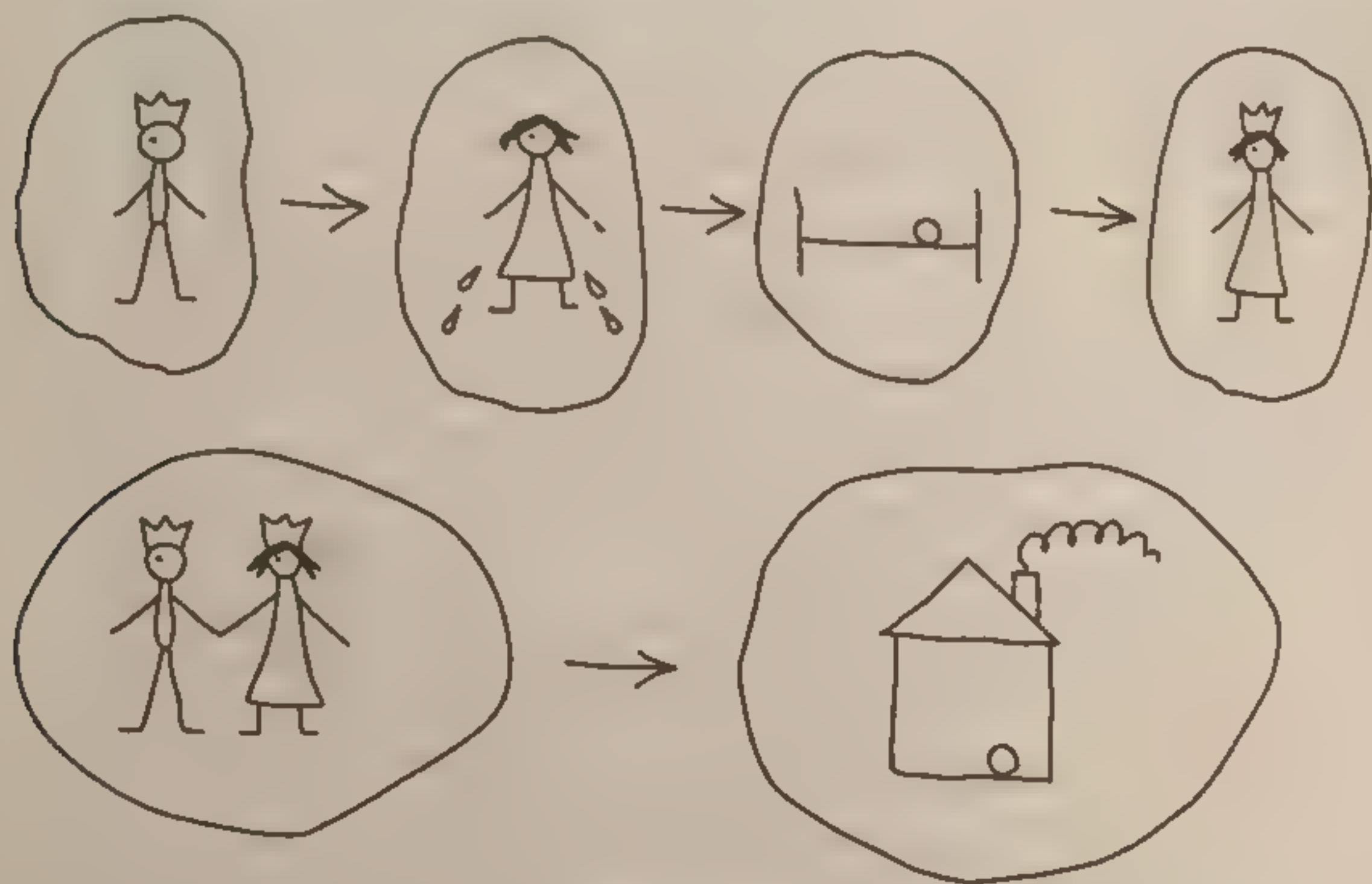

Рис. 83

О рисунке несколько слов дополнительно. Как вы видите, это символические изображения. Такие изображения наиболее удобны для фиксации названия глав: они не отвлекают внимания ребенка от основной задачи, не требуют высокой техники рисования. Кроме того, как мы уже не раз отмечали, овладение созданием и использованием таких изображений имеет чрезвычайно большое значение для общего умственного развития ребенка.

Стрелочки, ведущие от рисунка к рисунку, фиксируют последовательность эпизодов.

При создании символических изображений нужно обсуждать с ребенком значение каждого из используемых символов.

Корона на голове у первого человечка свидетельствует о том, что он — принц. На голове у принцессы, только что промокшей под дождем, нет короны: ведь еще неизвестно, настоящая ли она принцесса. Дождь изображен каплями, падающими с ее платья. Всеобщее признание принцессы отражено появлением короны у нее на голове. Название главы «Королева положила горошину» могло бы быть задано изображением королевы. Но королеву легко спутать с принцессой, поэтому ее лучше не рисовать. Схематического изображения горошины, лежащей на кровати, вполне достаточно. Ведь мы не забудем, что ее положила королева, правда?

Как правило, подсказки взрослого должны состоять прежде всего в указании на то, чего можно не рисовать. Конечно, такие приемы, как использование короны в качестве символа признания принцессы, тоже должны быть подсказаны взрослым. Впрочем, иногда дети и сами изобретают не менее удачные приемы.

Итак, план составлен. Теперь уже ничего не стоит пересказать сказку. Сначала Ира говорит название каждой главы (разумеется, неточности я не исправляю), затем подробно рассказывает ее содержание.

В описанном занятии выделение основного содержания сказки достигалось двумя способами: с помощью вопросов и с помощью плана. Как вы, наверное, заметили, вопросы существенно усложнены по сравнению с теми, которые мы в предыдущей части книги рекомендовали ставить перед четырехлетним ребенком. Там предлагались вопросы, побуждающие ребенка просто пересказать какой-либо эпизод, описать героя и т. п. Например, можно было бы спросить: «Что делала старая королева в спальне?», «Как выглядела принцесса, когда она пришла?», «Что она сказала утром?». Вопросы тако-

го типа, безусловно, полезно задавать и пятилетнему ребенку. Но наряду с ними теперь возможны и другие, значительно более сложные.

Вопросы, которые я задавал Ире, направлены на выяснение скрытых, не описанных непосредственно связей между разными действиями, явлениями, ситуациями.

Вопросы типа *что, какой, где, когда* побуждают ребенка вспомнить и пересказать определенный эпизод. Вопросы типа *почему, для чего* требуют обдумывания прочитанного. Приходится сопоставлять разные эпизоды между собой, рассуждать, делать выводы. Расчет не на то, что ребенок сразу ответит безошибочно. Он должен прийти к правильным выводам вместе с вами, в совместном рассуждении. Но, как и в большинстве других случаев, подсказку лучше давать не прямо, а в форме дополнительных наводящих вопросов.

Составление плана — тоже не совсем новый для ребенка вид работы с художественным текстом. Раньше мы уже советовали делать серию иллюстраций, отражающую последовательность эпизодов. Однако тогда мы предлагали рисовать их взрослому. Теперь возросшие возможности ребенка позволяют ему делать рисунки самостоятельно. «Называние глав», требующее кратко охарактеризовать основное содержание каждого эпизода, — новое средство для развития целостного восприятия художественного произведения, выявления основной сюжетной линии.

Если ребенок еще не в состоянии составить план к «Принцессе на горошине» и к другим подобным сказкам, можно начать с более простой задачи: делить на главы «Теремок», «Репку» и другие сказки с повторяющимися эпизодами. Правда, план тогда получится скучноват, однообразен: «В теремок приходит зайчик. В теремок приходит лиса. В теремок приходит волк» и т. д.

От простых, коротких сказок нужно переходить к более сложным, но удлинять сам план не стоит. Его

смысл в том, чтобы сжато передать основной сюжет. Если сказка длинная, то и каждая глава должна быть довольно длинной, постарайтесь объяснить это ребенку. Оптимальная длина плана — от 4—5 до 7—8 пунктов («глав»). Совсем длинные сказки, которые нельзя прочитать за один раз, использовать для составления плана не стоит. Пятилетний ребенок обычно еще не в состоянии составлять его по памяти.

Ответы на вопросы, составление плана, пересказ помогают ребенку понять содержание услышанной сказки, рассказа. Но для полноценного восприятия художественного произведения требуется не меньшее внимание к его форме. Особенно это относится к стихам. Что останется от знаменитого «Мойдодыра», если убрать его звонкий ритм, точные рифмы? Довольно скучная назидательная история. Для стихотворения форма подчас важнее содержания. Сколько поколений детей воспитано на знаменитом «Энеки-бенеки ели вареники, энеки-бенеки клец!» или «Эне-бене-рес, квинтер-финтер-жес, эне-бене-ряба, квинтер-финтер-жаба». Содержания никакого, а стихи живут.

Конечно, ваш ребенок уже чувствует и ритм, и рифму. Скорее всего, он и сам иногда сочиняет бессмысленные, но звучные стихи (а возможно, и не бессмысленные). Но чувствовать и даже использовать — еще не значит осознавать. А сознательное отношение к элементам стихотворной формы понадобится для понимания стихов с более сложным ритмическим строем, более сложной системой рифм. Оно откроет ребенку новый источник удовольствия, когда в поэтической речи он начнет улавливать особенно четкий ритм, особенно удачную рифму.

Развить восприятие элементов стихотворной формы поможет игра «Чужое слово». Объясните ребенку, что в стишке, который вы ему сейчас прочтете, одно

слово чужое. Оно убежало из другого стихотворения. Надо найти это слово и угадать, чье место оно заняло. Начали:

Стала льдом вода и грязь,
Снег покрыл дома.
Это значит, началась
В городе осень.

Какое слово чужое? Конечно, «осень». Оно не подходит ни по рифме, ни по ритму, ни по смыслу. Но если спросить ребенка, как он догадался, что оно не подходит, он почти наверняка укажет только на нарушение смысла. Вряд ли поможет и дополнительный вопрос:

— А еще почему оно не подходит?

Скорее всего, и второе обоснование будет смысловым. Например, сначала ребенок скажет, что осенью не бывает льда, а после дополнительного вопроса — что не бывает снега. Ну что ж, пойдем дальше. Задачу ребенок уже понял, теперь можно заменить слово, не нарушая смысла.

По лесу без дорожек
Колючий ходит дикобраз.

— Ежик! Ежик! — кричит Юра.

— Так какое слово чужое?

— Дикобраз.

— А как ты догадался?

— Нескладно получается.

— Правильно. Это слово не в рифму.

Пока не стоит говорить, что оно не подходит и по ритму. Этим мы займемся чуть позже. Если ребенок еще не знает, что бывают нескладные стихи, и не может ответить, как он нашел чужое слово, скажите сами: «Со словом «дикобраз» стишок получается нескладным. Это слово не в рифму».

Если одновременное нарушение рифмы и ритма опознается без затруднений, можно продолжить усложнение задачи.

Любят в городе слона:
Вежлив он и скромен.
Только дверь ему узка:
Слишком уж огромен.

Тут слово «узка» подходит и по смыслу, и по ритму. Нарушена только рифма. Если ребенок не смог найти чужое слово, прочтите стишок правильно (вместо слова «узка» — слово «тесна») и спросите, как получается более складно. Почему? (Потому что «тесна» — в рифму, а «узка» — не в рифму.)

И наконец, замена слова, нарушающего только ритм.

Из района Тропарево
Шла на северо-восток
Веселая корова
И во рту несла цветок.

Все объяснения остаются теми же, что и в предыдущем случае, только надо познакомить ребенка с новым понятием «ритм». Слово «веселая» не подходит по ритму (в оригинале стоит слово «симпатичная»).

Проводите игру «Чужое слово» с разными стихами (разумеется, надо брать стихи, незнакомые ребенку). Пусть ребенок и сам загадывает вам строчки с вставленными в них чужими словами.

Напоследок мы хотим напомнить вам, что не следует забрасывать те формы работы с литературными произведениями, которые были описаны в предыдущих главах книги. И конечно, не следует целиком заменять простое чтение ребенку сказок и стихов работой над ними. Непосредственное восприятие произведения (без составления плана, ответов на вопросы и т. п.) необходимо ребенку. Обычно оно оказывается более на-

сыщенным эмоционально, особенно если взрослый, читающий вслух, сам достаточно увлечен. Пятилетнему ребенку нужно читать не только короткие сказки и стишки, но и крупные произведения (их можно читать и четырехлетнему, но теперь это становится особенно существенно). Такие классические произведения, как «Золотой ключик» А. Н. Толстого, «Винни-Пух и все-все-все» А. Милна (в переводе Б. Заходера), серия книжек про Незнайку и его друзей Н. Носова, могут читаться ребенку день за днем. Время от времени нужно вспоминать содержание ранее прочитанных глав. Если книжка понравилась ребенку, ее полезно через некоторое время перечитать еще раз.

Как обычно, мы завершаем эту главу несколькими стихотворениями. Они могут послужить материалом для игры «Чужое слово», а могут быть просто прочитаны ребенку.

В трамвае

На трамвае едет слон:
Он сегодня приглашен
В гости к нашей кошке.
Он не смог залезть в вагон,
Всю дорогу бедный слон
Едет на подножке.
Любят в городе слона —
Вежлив он и скромен.
Только дверь ему тесна:
Слишком уж огромен.

В гости

Из района Тропарево
Шла на северо-восток
Симпатичная корова
И во рту несла цветок.

В гости шла она: знакомых
Собиралась навестить,

А цветок хозяйке дома
Собиралась подарить.

Шла корова, вспоминая
Деревенские луга,
Запах кашки, вкус ромашки,
Сена бурого стога,

Клевер розовый и белый,
Незабудок сладкий сок, —
И в задумчивости съела
Свой единственный цветок.

Когда все спят

Спят усталые дорожки,
Спят горбатые мосты.
По дорожкам бродят кошки —
Только кошки да коты.

Как узнаешь, как проверишь,
Сколько в городе котов?
По коту у каждой двери,
Кошки смотрят из кустов.

Притаились мыши где-то,
Крепко спим и я, и ты.
Бродят кошки до рассвета —
Только кошки да коты.

Игра в прятки

Прятался ослик
В канаве и в яме,
Прятался ослик
За старыми пнями.
Ослику очень обидно:
Длинные-длинные
Уши ослиные
Издали сразу же видно.

Волчий ужин

— Что, волчище,
Рыщешь?
Что ты, тощий,
Ищешь?
— Я поужинать
Хочу —
Волчью ягоду
Ищу.

Поезд

Ту-ту-ту!
Ту-ту-ту!
Едет поезд
По мосту.
С новыми
Зелеными
Спальными вагонами.

Едет мать с ребенком —
Лошадь с жеребенком
И везет на дачу
Старенькую клячу.

Едут лев и львица
К морю из столицы,
А на верхней полке
Спят худые волки.

Едут звери
В дальний путь,
Едут звери
Отдохнуть.
Мы на них похожи:
Едем, едем тоже
По мосту
В темноту.
Ту-ту-ту!

«...Вот и вышел человечек»

Вероятно, ваш ребенок уже умеет рисовать человека, дом, дерево, цветок, гриб, машину и множество других вещей так, что каждую из них вполне можно узнать. Правда, бывает, что чересчур строгие родители пожимают плечами:

— Человек у тебя совсем не похож.

— А как же ты догадался, что это человек? — парирует ребенок.

Конечно, человек довольно похож, по крайней мере вполне узнаваем. Другое дело, что он очень схематичен. Все то, что отсутствует на рисунке, заменяется рассказом.

— Этот дядя ловит рыбу. Он поймал бо-о-ольшую такую рыбу, только вытащить не смог. Она — раз! — и уплыла, и леску порвала. И удочка погнулась.

На рисунке изображен только дядя с удочкой. Все остальное подразумевается. Но рисунок выразителен. Изогнутая дугой удочка как будто хранит память об ушедшей рыбе. Впрочем, это получилось случайно: ребенок просто не сумел нарисовать удочку прямой — карандаш сорвался. Обоснование придумано потом. Но придумано хорошо — с этим трудно не согласиться.

Непреднамеренность рисунка порождает неожиданные эффекты. Эту непреднамеренность нередко пытаются имитировать профессиональные художники, отсюда идут такие направления в живописи, как примитивизм, некоторые течения в абстракционизме. Но ребенок задерживается на этой стадии недолго. К середине шестого года жизни (иногда чуть раньше, иногда чуть позже) свободный «непреднамеренный» рисунок у большинства детей сменяется стереотипными схемами. Начинаются настойчивые вопросы: «А как это надо рисовать?» Все чаще слышится: «Я это рисовать не умею».

Ребенок стремится к жизнеподобию рисунка. Понимая ограниченность своих возможностей, он ищет готовые схемы, шаблоны. Если у него уже сформирова-

но внимание к индивидуальным деталям, отличающим один предмет от других, сходных с ним, то теперь эти детали начинают заслонять главное. Предмет распадается на составные части, композиция дробится на отдельные, не связанные между собой элементы.

Внимание к деталям, тенденция к передаче объекта во всей полноте его свойств — явления положительные. Но их оборотная сторона — падение цельности и выразительности рисунка, а подчас (как уже было сказано) и тенденция к воспроизведению готовых шаблонов. Значит, от взрослых требуется величайший такт в работе с детьми, в оценке их рисунков. Нужно не отбить у ребенка стремления к рисованию, поддержать его веру в свои силы, приучить к использованию различных выразительных средств, передающих авторское отношение к изображаемому. Короче, способствовать развитию положительных тенденций и препятствовать развитию тесно связанных с ними отрицательных.

Ира нарисовала, как Карабас-Барабас гонится за Буратино (конечно, «гонится» — не совсем точное слово: оба они стоят, растопылив ноги). У Карабаса-Барабаса длинная рыжая борода, у Буратино — острый нос, на голове — колпачок. Подробно нарисована одежда: на обоих героях балахоны с множеством пуговиц и аккуратными воротничками. Все хорошо, все как надо, но в рисунке нет души. Не зная сказки, никогда не догадаешься, что Буратино хороший, а Карабас-Барабас плохой.

— Хорошо получилось? — спрашивает Ира. — Похоже?

В любом случае рисунок нужно похвалить. И я хвалю:

— Хорошо. Ты молодец. Только знаешь, я уже забыл, какой в сказке Карабас-Барабас. Поэтому даже не знаю, похоже он получился или не очень.

— Как же ты забыл? Он такой, с бородой. Страшный.

— Да? А я и не заметил, что он у тебя страшный.

— Конечно, страшный. Вот какая борода!

— Ну и что? У меня тоже борода, а разве я страшный?

— Сейчас увидишь, — обещает Ира.

Несколько решительных движений карандаша делают бороду Карабаса-Барабаса спутанной и всклокоченной.

— Да, теперь вижу, — признаю я.

— А Буратино хороший, красивый, — сообщает Ира, глядя нарисованного Буратино пальчиком по голове. — Ты сейчас увидишь, какой он красивый.

Одежда Буратино аккуратно закрашивается цветными карандашами.

Добиться того, чтобы каждый рисунок был индивидуален, непохож на остальные, трудно. Но обязательно надо стремиться к тому, чтобы такие рисунки появлялись хоть время от времени. Их нужно особенно горячо хвалить, полезно проводить маленький искусствоведческий анализ:

— Как интересно ты придумал: нарисовать дерево до самого края листа, так что верхушка даже не поместилась. Сразу видно, какое оно большое.

— Какие красивые туфельки ты нарисовала принцессе! Раньше ты никогда не рисовала таких красивых туфелек.

Такой разбор поможет ребенку осознать художественный прием, который, скорее всего, был использован им неосознанно, а может быть, и вообще возник случайно. Теперь этот прием зафиксирован, он может быть повторен в других рисунках. Только смотрите, как бы он не превратился в шаблон. Как бы не стали все деревья вылезать за края листа, все девочки носить одинаковые туфельки. Как только появляется такая опасность, нужно ставить перед ребенком задания, побуждающие его к разрушению шаблона.

— Давай нарисуем молодые деревья, которые только что посадили. Они еще не успели вырасти большими.

— Давай нарисуем Золушку, какой она была дома и какой стала на балу. Помнишь, дома она была грязная, в плохой одежде. А на балу она очень-очень красивая, в нарядной одежде.

Ребенку пятилетнего возраста доступно создание довольно сложных сюжетов. Но для их воплощения необходимо овладеть композицией — размещением нескольких изображений на одном листе. В предыдущей части книги мы предлагали уже перед четырехлетним ребенком ставить простейшие композиционные задачи. Теперь они могут существенно усложняться.

После посещения зоопарка мы с Юрой решили нарисовать, как мы стоим у клетки с тигром. Юра спешит приступить к делу. Он уже собрался рисовать посреди листа тигра, но я его останавливаю.

— Давай сначала подумаем, где будет тигр, а где мы. Нужно, чтобы всем хватило места.

Юра решает поместить тигра в правой части листа, а нас — в левой. Я предлагаю нарисовать место для каждого персонажа тоненькой-тоненькой линией (он уже умеет хорошо управлять силой нажима). На листе появляются четыре неровных, едва намеченных круга (рис. 84). Теперь можно приступить к основной работе.

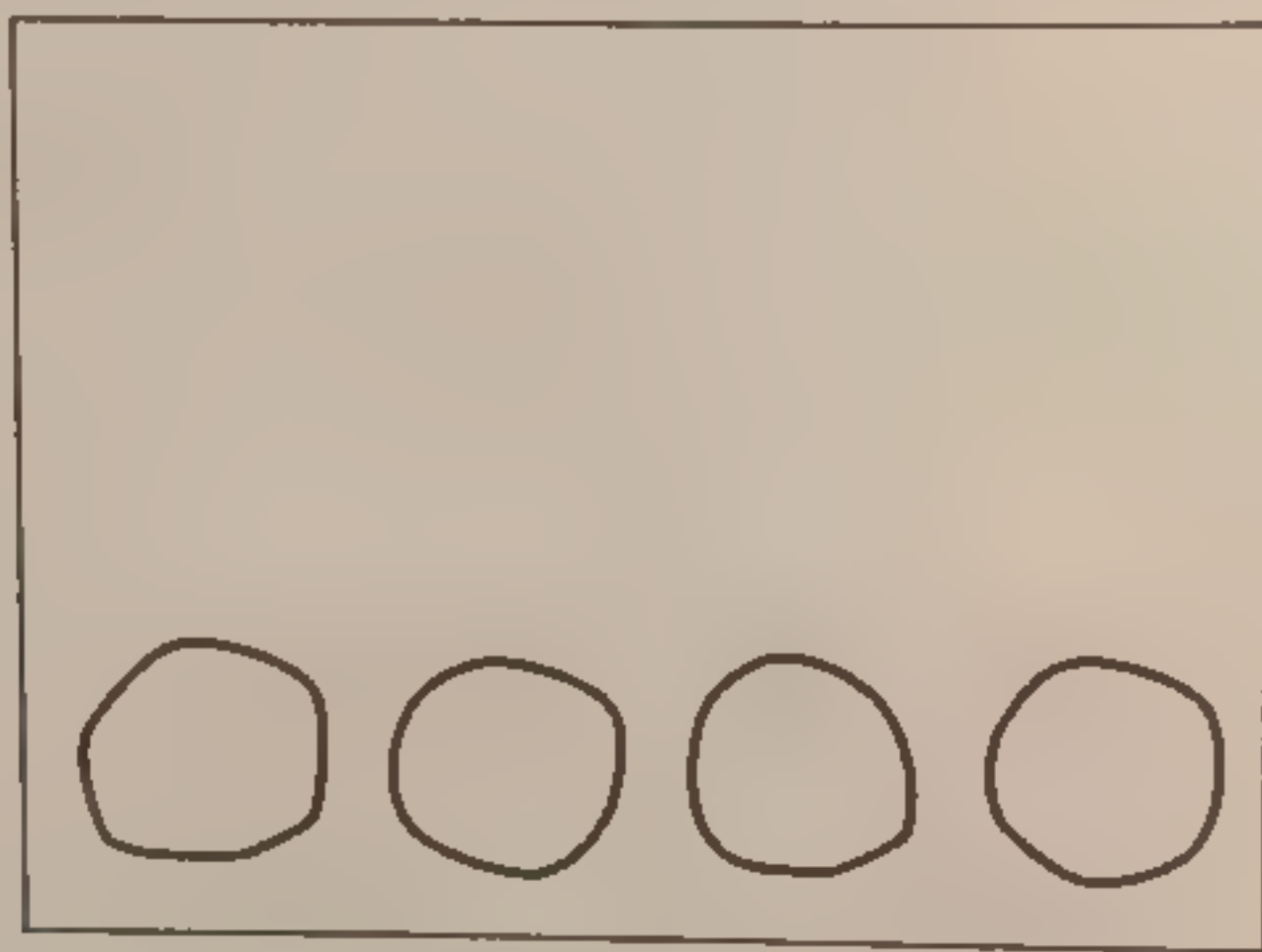

Рис. 84

В правом круге изображается тигр, в следующем — Юра, затем мама и, наконец, я. Мы трое развели руки в стороны. Исходный план размещения персонажей вы-

держан не полностью. Все четыре круга были примерно одинакового размера. Тигр в своем круге не поместился, немного залез в соседний. Мы тоже не очень хорошо поместились: наши головы оказались выше, чем предполагалось. К тому же нам пришлось потесниться, поэтому одна мамина рука и обе мои оказались укорочены. Но в целом задуманная композиция выдержана, на мой взгляд, очень неплохо. Круги, обозначающие место каждого персонажа, теперь можно стереть. Впрочем, они и так практически не видны. Основной рисунок яркий, он сделан цветными карандашами, а круги бледные — они нарисованы простым карандашом с очень слабым нажимом (рис. 85).

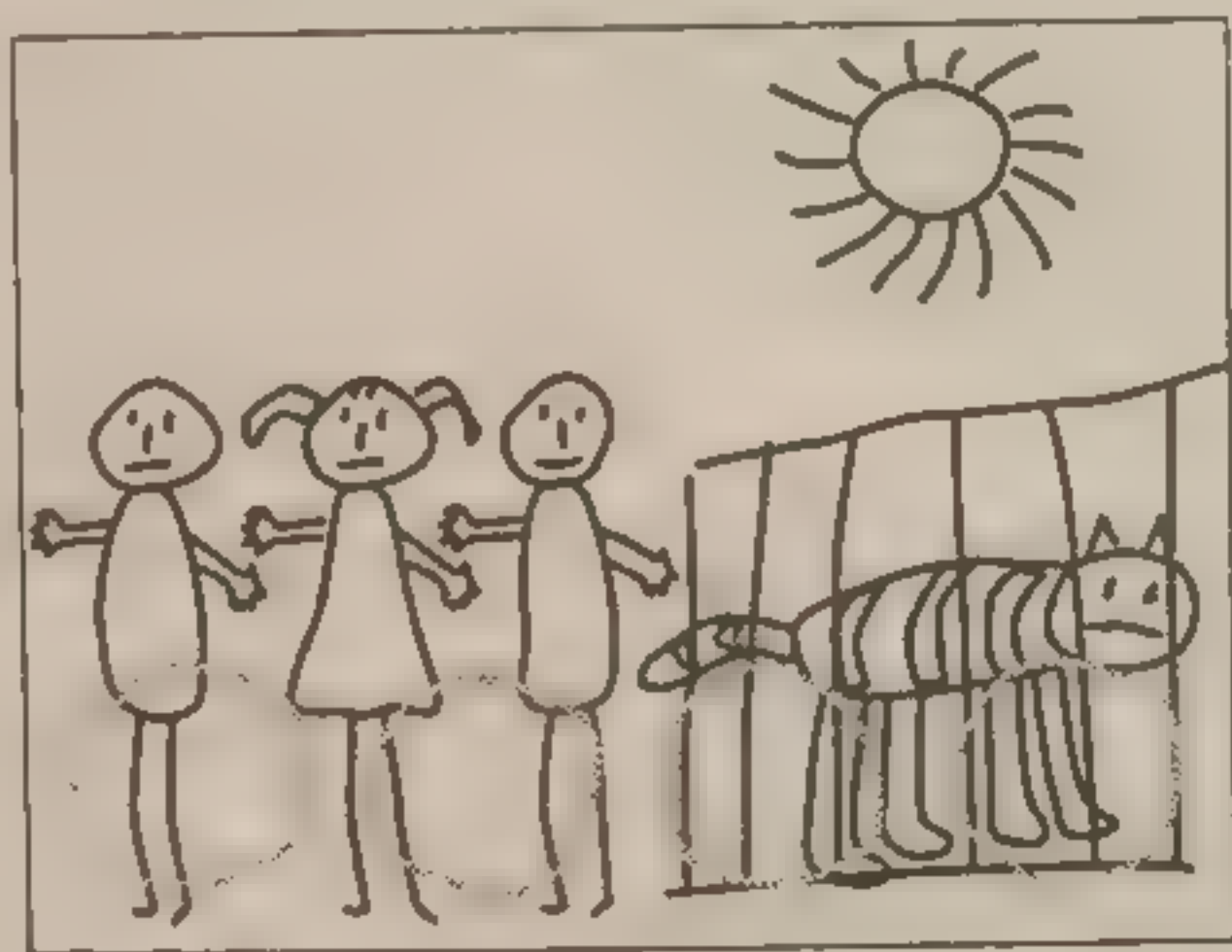

Рис. 85

— Очень хороший рисунок, — говорю я. — А вот когда мы искали всем нам место, мы чуть-чуть ошиблись. Мы с тобой забыли, что тигр должен быть длинным, а ты и мы с мамой — высокими. Поэтому мы не совсем поместились на своих местах.

В следующий раз мы обсудим не только где и что будет изображено, но и сколько места нужно оставить для каждого персонажа. Постепенно Юра научится, планируя композицию, учитывать величину и пропорции изображаемых объектов.

Не следует каждый раз предварительно размечать лист карандашом (если ребенок еще не умеет проводить

тонкие линии, то этого не следует делать вообще). Часто оказывается достаточным, чтобы ребенок просто указал место каждого персонажа движением ладони.

С пятилетним ребенком полезно продолжать заниматься рисованием с натуры. Тут также могут ставиться довольно сложные композиционные задачи. Передать относительную удаленность разных предметов пятилетний ребенок обычно еще не может, но если они выстроены в одну линию слева направо, он вполне в состоянии правильно воспроизвести их пространственное расположение. Передача отношений по высоте тоже доступна в этом возрасте. Для организации взаимодействия между героями удобнее брать персонажей, для которых характерно профильное изображение.

Вот утенок беседует с лисой. А мама-утка бежит к нему, чтобы сказать глупому утенку: «Не верь лисе! Она может тебя съесть». Игрушечные герои расставлены на столе. Не забудьте специально обратить внимание ребенка на то, что утенок и лиса рядом — они разговаривают, а мама-утка еще довольно далеко. Она бежит к утенку, но еще не добежала.

Так же как при рисовании по памяти или по воображению, стоит сначала обсудить, где какой персонаж будет изображен. Можно наметить каждому из них место карандашом, можно просто обвести пальцем.

Когда рисунок будет готов, стоит внести в сюжет какие-либо вариации и сделать сходный рисунок уже без непосредственной опоры на натуру. Например, теперь можно нарисовать лису, беседующую не с утенком, а с тетеревом (если ребенку уже читали сказку «Лиса и тетерев»). Композицию придется немного изменить: тетерев должен сидеть не на земле, а на дереве. Вместо мамы-утки издали будет приближаться собака. Напомните ребенку, что лиса разговаривает с тетеревом, значит, она должна на него смотреть. Для этого ей придется поднять голову.

Можно сделать и еще один сходный рисунок: изобразить ворону и лисицу из басни И. Крылова. Ну-ка, вспомним, что было у вороны во рту. На чем сидела ворона? Все вспомнили? Теперь можно рисовать. Кстати, неплохо сделать даже два рисунка: на первом сыр еще у вороны, на втором она его уже уронила («Сыр выпал, с ним была плутовка такова»).

Такие вариации на сходные темы помогают индивидуализации рисунков, освобождению от штампов. Рисунок, сделанный с натуры, служит своего рода эскизом. Он поможет выяснить, как нарисовать лису — какой у нее хвост, какая мордочка. Но затем приходится варьировать взаимное расположение персонажей, их позы (то лиса смотрит вверх, то убегает с сыром в зубах).

Отображение позы в рисунках только начинает осваиваться пятилетними детьми. Часто оно вообще отсутствует: люди изображаются стоящими с растопыренными руками и ногами, для каждого животного есть своя постоянная поза. Занимаясь рисованием с натуры, имеет смысл специально обращать внимание на позы героев. Вот кукла стоит. А вот она сидит. Ну-ка, посмотрим, как теперь надо нарисовать ее ноги. Одна кукла стоит с поднятой рукой, у другой обе руки опущены. Не надо сразу показывать это ребенку. Пусть он сам заметит, в чем различие, и передаст его в рисунке. Ну, а если уж не замечает, придется намекнуть:

— Посмотри, они держат руки одинаково или нет?

Теперь о рисовании красками. Тут главное — цветовые отношения. Передача формы отступает на второй план. Цвет — мощное выразительное средство. К сожалению, он подчас теряет эту функцию, начинает использоваться только для отображения реального цвета предметов. Рисунок из красочного превращается в раскрашенный. Чтобы этого не случилось, нужно и в предварительном обсуждении с ребенком замысла, и в последующей оценке готового рисунка главное внимание уделять эмоциональной выразительности цвета.

— Вот какое у тебя яркое и чистое небо! Сразу видно, что день очень хороший.

— Давай найдем для Царевны-лягушки самый красивый зеленый цвет, чтобы сразу было видно, что это не простая лягушка. А каким будет болото, где она сидит? Наверное, надо сделать его не таким красивым, правда?

Пятилетние дети довольно часто обращают большее внимание на название цвета, чем на то, каков он в действительности. Такое отношение нередко сохраняется и в дальнейшем.

В баночку с желтой краской попала синяя — получилась зеленая. Ребенок рисует ею солнце.

— Какого оно у тебя получилось цвета? — спрашивает мама.

— Желтого.

— Да ты посмотри получше!

— Желтого. Я из этой баночки брал, тут желтый.

Как быть? Прежде всего научить ребенка ориентироваться не на то, откуда взята краска, а на сам рисунок. Для этого полезно выкладывать краски на палитру (ею может служить блюдце), смешивать их и наблюдать за изменениями цвета, пробуя получившиеся сочетания на бумаге. Можно «опредметить» получившийся цвет.

На бумаге два пятна: одно — темно-красное, другое — светло-красное.

— Какой это цвет? — спрашиваете вы у ребенка.

— Красный.

— А этот?

— Тоже красный. Только темный.

— Давай придумаем, что бывает такое красное, как тут, а что такое, как тут.

— Такая бывает редиска, а такая — вишенка.

Если сам ребенок этого не придумает, помогите ему:

— Какой из этих кружков больше похож на редиску? Правильно, этот. А какой из них похож на вишенку?

Раньше мы уже приводили упражнения, формирующие у ребенка восприятие тонких оттенков цвета. Но

это может не сработать при изображении реальных предметов.

— Какого цвета этот листик?

— Зеленого.

— А этот?

— Тоже зеленого.

— Правильно. А теперь посмотри, они совсем одинакового цвета или нет?

Очень может быть, что на первых порах ребенок будет отвечать:

— Одинаковые. Зеленые.

Тогда предложите ему нарисовать красками оба листика так, чтобы сразу было понятно, где один, а где другой (желательно, чтобы различие по цвету было достаточно заметным, а форма и размеры обоих листиков были более или менее одинаковыми). Если ребенок хорошо умеет смешивать краски, можно полностью предоставить выполнение задания ему самому. Если он недостаточно хорошо владеет этой техникой, надо заранее заготовить два требуемых цвета и оставить ему только выбор одного из них для первого листика, другого — для второго. Такие упражнения надо проводить с разными предметами. Вот два яблока. Они оба желтые, но одно ближе к оранжевому, другое — к лимонному. Два синих кукольных платица — одно посветлее, другое — потемнее. Два апельсина разных оттенков оранжевого цвета.

А вообще, всегда ли листья зеленые, апельсины оранжевые, помидоры красные и т. п.? Соберите букет осенних листьев. Среди них будут и зеленые, и желтые, и оранжевые, и красные. Нарисуйте этот букет. Найдите апельсин зеленого цвета (пусть хотя бы с одного бока). Иногда попадают желтые помидоры.

Какого цвета небо? Конечно, голубое. Но сегодня оно в тучах.

— Ну-ка, Ира, посмотри, какого цвета сегодня небо.

Ира честно смотрит на небо и вопреки очевидности отвечает:

— Голубое.

Она руководствуется известным правилом: «Если на клетке льва написано «собака», не верь глазам своим». Попробуем научить ее верить глазам.

— Как тебе кажется, сегодня есть тучи или нет?

— Есть.

— А как ты догадалась?

— Вон смотри, как их много!

— А какого они цвета?

— Се-е-ерые.

— Правильно, тучи серые. А все небо сегодня в тучах. Так какого же оно цвета?

— Серое.

Какого цвета грязный снег? Какого цвета вода в пруду, подернутом ряской?

Обсудить все это недостаточно. Обязательно нужно все это нарисовать. Иначе знания останутся формальными, цветовое восприятие не разовьется. Ведь цвет очень неточно обозначается словом — мы об этом уже говорили.

Рисовать серое небо нужно только тогда, когда оно действительно серое. Не пытайтесь проводить такие занятия, используя вопросы типа: «А какого цвета будет небо, если оно затянуто тучами?» Нет уж, придется дожидаться дня, когда оно и правда будет в тучах.

Говоря о рисовании карандашом, мы советовали предварительно планировать размещение объектов на листе. Для рисования красками это имеет, пожалуй, еще большее значение. Можно и в этом случае применить описанный нами прием и предложить ребенку легкой карандашной линией наметить место для каждого изображаемого объекта.

Иногда родители предлагают детям нарисовать всю картинку карандашом и только после этого раскраши-

вать. Так работают над картинами многие профессиональные художники, но для ребенка этот путь не особенно хорош. Предварительный карандашный рисунок сковывает свободу. Непринужденное творчество заменяется аккуратным раскрашиванием нанесенных контуров.

Значительно лучше избрать другой путь, также применяемый в профессиональной живописи: делать карандашный рисунок на отдельном листе и затем использовать его в качестве эскиза. Не надо стараться воспроизвести его точно. Важно сохранить лишь общую композицию. Возможно, что-то получится крупнее, чем в эскизе, что-то — мельче, какие-то детали окажется трудно вырисовывать кисточкой, зато цвет побудит ребенка изобразить детали, отсутствующие в наброске. Такие отклонения следует только приветствовать. Вот если основной замысел изменился до неузнаваемости, то стоит напомнить ребенку, какой рисунок был задуман первоначально, обратить его внимание на эскиз.

Четырехлетнему ребенку мы советовали давать для рисования красками только одну кисточку. Теперь можно перейти к использованию двух кистей — большой и маленькой. Начинать рисовать лучше крупной кистью, позволяющей быстро положить основные цветовые пятна. А для мелких деталей (например, черт лица) удобнее маленькая кисточка. Не стоит многократно менять кисти. Лучше сначала изобразить все то, что требует большой кисти, затем убрать ее и заменить маленькой.

В заключение напомним, что занятия, описанные в предыдущей главе, — надеемся, что вы проводили их со своим ребенком, когда ему было четыре года, — полезны и для пятилетнего. Это рисование сходных предметов, предваряемое сопоставлением их величины и пропорций, изображение красками контрастных сюжетов (веселый солнечный день и скучный дождливый) и т. п. Упражнения для развития мелких движений («езда по до-

рожкам», «стрельба») приобретают особенно большое значение: ведь ребенок скоро пойдет в школу, ему надо будет учиться писать.

Но не надо забывать и о том, что рисование — не только средство для формирования восприятия, мышления, двигательных навыков. В первую очередь это средство самовыражения. Поэтому ни в коем случае нельзя превращать его в скучное обязательное занятие. Обучение нужно вести лишь постольку, поскольку оно отвечает внутренней потребности самого ребенка. И обязательно нужно достаточно часто предоставлять ему возможность рисовать совершенно самостоятельно, принося на доброжелательный суд взрослых только готовый рисунок.

Пластилиновая груша

В лепке у пятилетних детей обычно проявляются те же тенденции, что и в рисовании. Появляется стремление к передаче мелких деталей, к жизнеподобию изображения. О положительных и отрицательных сторонах этой тенденции мы уже писали в предыдущей главе. Описали и позицию, которую должен занять взрослый, если он не хочет, чтобы произведения ребенка стали шаблонными, потеряли выразительность, чтобы из средства общения, самовыражения и познания они превратились в чистое рукоделье.

В предыдущей части мы советовали начинать занятия лепкой с конструирования, собирания объектов из отдельных деталей. Это путь от частей к целому. Теперь, когда ребенок подрос, когда он уже в состоянии выделить в объекте главное, полезнее идти от целого к частям.

На что похож этот бесформенный кусок желтого пластилина? Юра считает, что на птицу. Наверное, оборванный край напомнил ему крыло.

— А какая это птица?

— Жар-птица, — отвечает Юра, которому недавно прочли сказку об Иване-царевиче и сером волке.

— Где же она живет?

— В клетке.

Мне кажется, что интереснее было бы поселить Жар-птицу в волшебном саду, но мое дело — задать вопрос, а не подсказывать ответ.

— Только одно крыло видно, больше ничего не видно, — жалуется Юра.

— Если видно крыло, то уже легко догадаться, где все остальное, — успокаиваю его я.

— Вот тут голова. Сейчас ее тоже будет видно, — сообщает Юра, отрывая от куска пластилина лишнее и старательно вылепливая из оставшегося голову.

Затем он вытягивает второе крыло и принимается за хвост. Хвост получился похож на рыбий: маленький, раздвоенный на конце. Тут самое время вспомнить о том, чем Жар-птица отличается от обычных птиц. Я задаю Юре этот вопрос.

— Ну... она красивая очень.

— Что же у нее такого красивого?

— Все красивое. Перья. Я сейчас сделаю перья.

Красивые красные перья отщипываются от куска пластилина и приклеиваются к Жар-птице. Хвост тоже обрастает перьями — теперь он уже не похож на рыбий.

— И еще синие перья прилеплю.

Жар-птица утыкана синими и красными перьями, как еж колючками.

— Красиво? — спрашивает Юра.

— Очень красиво. А что дальше?

— Клетку. Ты мне скажешь, как лепить?

— Давай вспоминать, из чего сделана клетка.

— Из решетки.

Юра начинает катать пластилиновые колбаски — из них будет сделана решетка.

Жар-птицу мы лепили от целого к частям. Только перья вылепили отдельно, а все остальное — из одного

куска. Этот принцип хорош тем, что целое не распадается, не теряется в нагромождении деталей. Вот она голова — плавно вырастает из туловища. Так же органично вырастают из него крылья и хвост. А если бы все это было вылеплено по отдельности и только потом слеплено вместе, то наша птица была бы похожа не на живое существо, а на искусственную конструкцию.

Теперь мы лепим клетку. Тут конструкторский принцип вполне оправдан. Отдельно вылепливается дно клетки — большая лепешка, отдельно — колбаски для прутьев. Вертикальные прутья прилепляются к дну... и начинают гнуться в разные стороны, как змеи. Юра расстроен:

— Это не решетка, а какие-то кривули.

Но горю помочь нетрудно. Достаточно сделать каркас.

— Что у нас есть такого, что не будет гнуться?

— Палка.

— Палка, пожалуй, для решетки толстовата.

— Тогда совсем маленькая палочка.

— Это уже лучше. Значит, чтобы прутья не гнулись, можно залепить в них маленькие палочки, — подытоживаю я и как бы невзначай подвигаю поближе короб со спичками. Это наши игровые спички с отрезанными головками: Юра знает, что с настоящими спичками играть нельзя.

Моя подсказка понята. Юра начинает лепить все «колбаски» заново. На этот раз в каждую из них закатано по спичке. Теперь они не гнутся. Поперечные перекладины придают конструкции дополнительную жесткость. Вот уже Юра собрался и сверху сделать решетку...

— Ты не забыл, для кого эта клетка? — спрашиваю я.

Жар-птица чуть не осталась снаружи. Но мой вопрос вовремя напомнил о ней Юре. Он начинает делать жердочку. Как сделать, чтобы она не прогнулась? Спичка слишком коротка. Приходится достать из своих запасов кусок проволоки.

— А зачем ее залеплять? — спрашивает Юра. — Она и так красивая.

Он прав. Жердочку вполне можно оставить проводочной.

Жар-птица усаживается на жердочку, жердочка укладывается поперек клетки на горизонтальные прутья, сверху клетка закрывается еще несколькими перекрещенными прутьями. На сегодня достаточно. Но в следующий раз я все-таки предложу Юре сделать вокруг клетки волшебный сад. Мы позаботимся о том, чтобы все деревья в этом саду были волшебными и разными, чтобы там росли необыкновенные цветы и вообще было побольше всяких чудес.

Сказочные сюжеты — неисчерпаемый источник для развития воображения и прекрасный повод уйти от нередкого у пятилетних детей вопроса: «А как это надо лепить?» Сказочных героев все лепят, как хотят. Но и тут есть одно правило: нельзя делать их скучными, похожими друг на друга.

А как же реалистические сюжеты? «Дядя собирает грибы», «Мальчик играет с папой в мяч»... Тоже неплохо. Но все-таки по богатству возможностей несравнимы со сказкой.

Для выбора сюжета есть два пути. Наиболее привычен путь от замысла. «Я хочу сделать осла. Для этого мне нужен серый пластилин». Другой путь — от материала. «Этот красный пластилин, прямо как помидор. Я и сделаю из него помидор». В занятиях с ребенком стоит использовать оба пути. Путь от замысла в большей мере учит ребенка планированию своих действий. Путь от материала развивает наблюдательность, воображение, чувство цвета и формы.

Поговорим немного о технической стороне дела. На примере лепки Жар-птицы мы продемонстрировали принцип создания скульптуры из целого куска пластилина. Лишний пластилин отрывается, детали вытягива-

ются, формуются. Этот принцип наиболее уместен, когда изображаются живые существа. Мелкие дополнительные детали могут наклеиваться сверху как иголки у ежика (рис. 86), а могут тоже вытягиваться из основного куска. Иногда на завершающей стадии полезно воспользоваться стеклом: он поможет сделать черты человеческого лица, процарапать рыбью чешую и т. д.

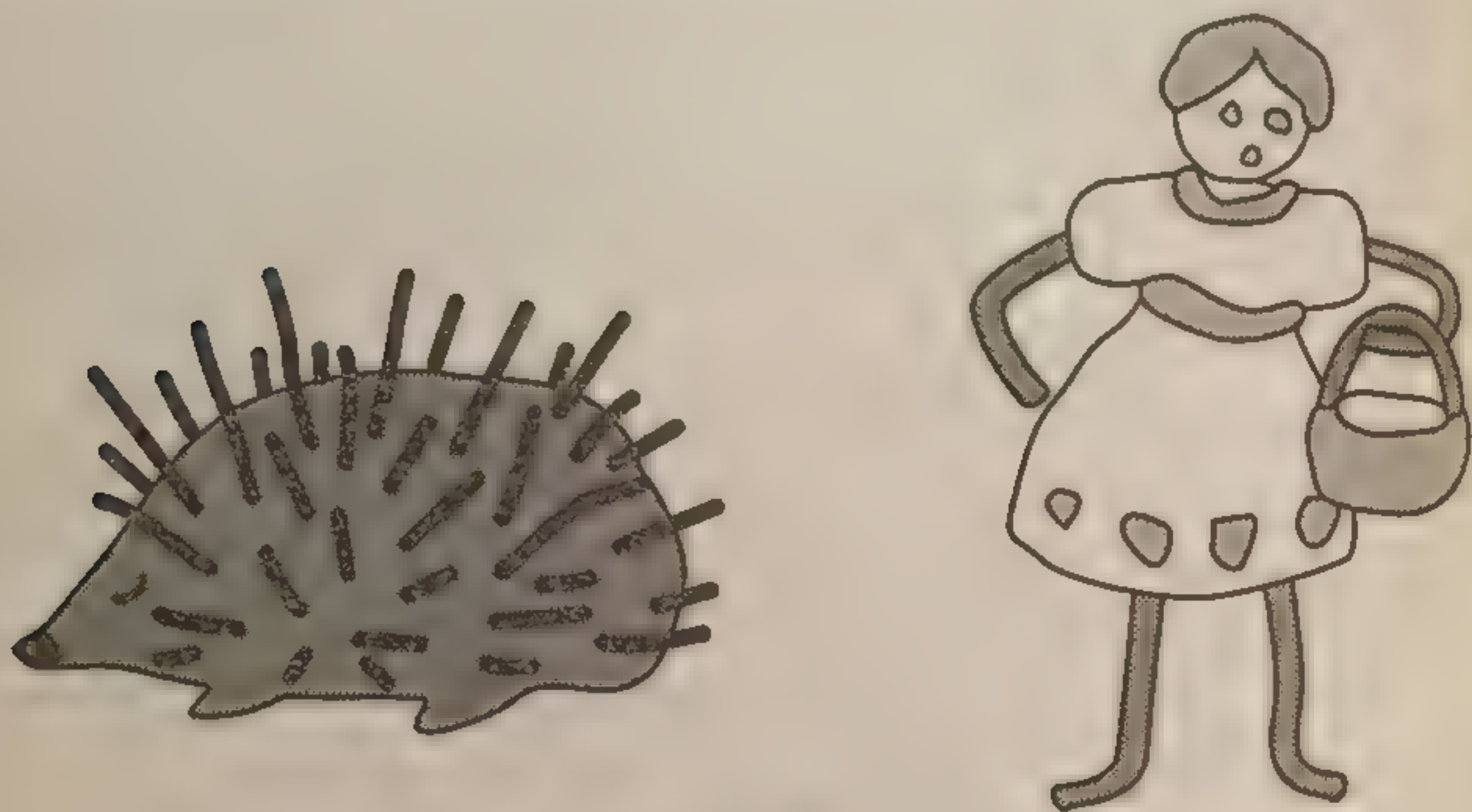

Рис. 86

Нередко требуется придать пластилину жесткость. Изготавливая клетку, мы воспользовались для этой цели спичками. Более универсальный материал для каркаса — проволока. Лучше всего брать алюминиевую или медную проволоку: она легко гнется и не пружинит. Заранее сделать каркас для сложной скульптуры (например, для фигуры человека) пятилетнему ребенку еще трудновато (см. рис. 86). Ведь надо представлять себе, как должно выглядеть готовое изображение. Но учиться этому очень полезно. Поначалу стоит делать каркасы для простых деталей (особенно вертикальных): столбов, кольев забора, стволов деревьев.

Жердочку Жар-птицы мы сделали из проволоки, не обмазывая ее пластилином. Такое введение в пластилиновую скульптуру других материалов часто бывает очень

удобным. Из тонкой проволоки можно сделать веточки дерева или колючки ежику. Из ниток получаются прекрасные волосы и бороды. Бабочка с бумажными крыльями будет гораздо воздушнее, чем с пластилиновыми. Вопрос: «Как это вылепить?» нередко следует заменить вопросом: «Из чего это можно сделать?» Старайтесь подвести ребенка к тому, чтобы он сам нашел подходящий материал. Или предложите материал, но не подсказывайте, как именно им можно воспользоваться. Только если ребенок сам ничего не может придумать, стоит намекнуть.

— По-моему, крылья у бабочки очень похожи на раскрашенную бумажку.

Проволока, палочки, шишки, желуди, фольга, бумага, тряпичные лоскутки и т. п. могут включаться в скульптуру не только на правах подсобных средств, но и в качестве основного материала. Теперь уже пластилин может оказаться дополнительным средством для изображения мелких деталей или для скрепления отдельных частей фигуры.

Попробуйте прилепить к сосновой шишке узенький носик — получится еж. Молодую еловую шишку с прижатыми чешуйками ничего не стоит превратить в рыбу, а старую раскрытую шишку — в птицу с взъерошенными перьями. Желудь — это готовая голова человечка и даже в шапочке. Для туловища с ногами (а если повезет, то и с руками) всегда найдется подходящий сучок (рис. 87).

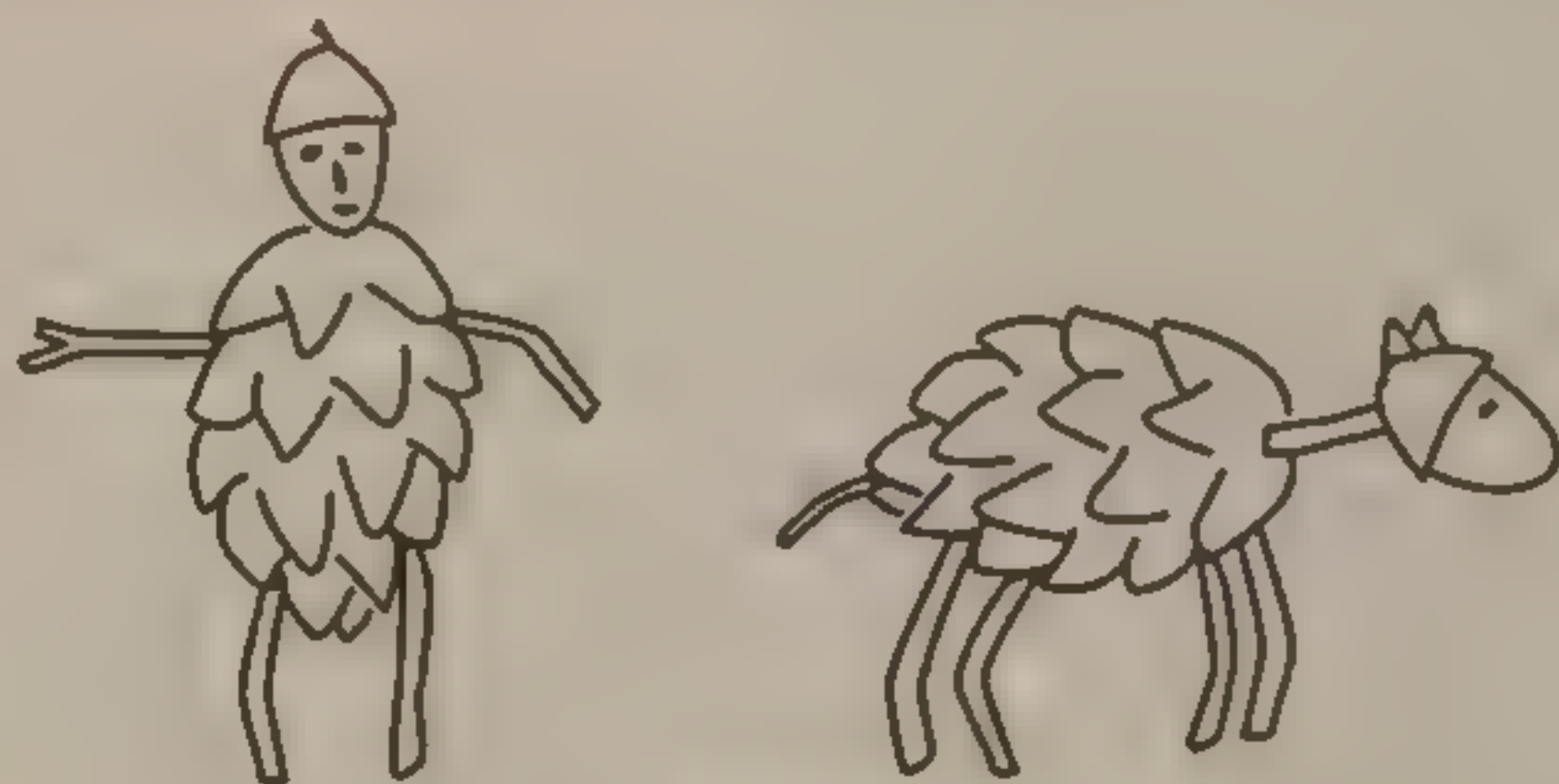

Рис. 87

А сколько забавных мордочек и фигурок можно сделать из яичной скорлупы! Знаете, как это делается? На обоих концах яйца проделывают по дырочке, яйцо выдувают в чашку, а пустую скорлупу моют теплой водой с мылом. Теперь на ней можно рисовать красками или фломастером. Можно нарисовать рожицу, наклеить бумажный нос кулечком и колпачок — получится Буратино. Можно наклеить длинную бороду из ниток — получится Карабас-Барабас. Можно повернуть яйцо боком, нарисовать мордочку (это, наверное, придется сделать маме или папе), приклеить бумажные уши, усы из ниток (это вполне сможет сделать пятилетний малыш) — получится кот. А если нарисовать крылья, сзади приклеить хвостик, а спереди налепить пластилиновую голову с клювом, то получится утка. Игрушки из яичной скорлупы — прекрасные украшения для новогодней елки.

Знакомство с разными материалами обогащает опыт ребенка, приучает его замечать сходство в непохожих, казалось бы, вещах. Ребенок получает представления о свойствах изображаемых объектов и используемых материалов. Проволока гнется и хорошо сохраняет приданную ей форму. Если сделать из нее ноги человечку, то им можно будет придать то положение, которое захочешь. Пластилин гнется, но плохо сохраняет приданную форму. Толстая папка не гнется, а тонкий прут сгибается, но стоит его отпустить, как он распрямится. Пусть ребенок проверит все это в самостоятельной работе с разными материалами. Пусть научится видеть в изогнутой проволоке стебелек цветка (можно обернуть ее зеленой бумагой). Пусть догадается, что лепестки можно сделать из тряпичных лоскутков.

Объемное изображение — только один из возможных способов передачи пространственных особенностей предмета. Они могут быть переданы в рисунке — это условная передача объема на плоскости. Существует промежуточный вариант между объемным изображением и

рисунком — барельеф. Это изображение, как бы частично выступающее из плоскости. На него нельзя посмотреть сзади: как и у рисунка, у него есть только перед.

Я даю Ире пластилин и прямоугольную картонку.

— Сделай на этой картонке полянку.

— Очень много травинок надо будет, — говорит

Ира.

— А ты сделай так, как будто красками рисуешь, — предлагаю я.

— Покрасить пластилином? — удивляется Ира.

— Да.

Ира смеется: задание для нее непривычно, но указание выполняет. Вскоре вся картонка замазана тонким слоем зеленого пластилина.

— Что будет на полянке? — спрашиваю я.

— Гриб.

— Давай его нарисуем.

Ира процарапывает заостренной спичкой контур гриба.

— Замечательно! Только он у нас получился зеленый, как трава.

Это нетрудно исправить. Ира залепляет ножку гриба желтым пластилином, а шляпку — красным. То, что теперь получилось, очень напоминает рисунок красками. Но все же есть и отличие: гриб выступает из фона, он выпуклый. Неплохо усилить этот эффект.

— Как красиво у тебя получилось! А давай теперь сделаем так, чтобы было видно, что шляпка толще ножки.

— Она толще, — говорит Ира и показывает: — Видишь, она по краям торчит.

— Вот-вот! Давай сделаем так, чтобы она и тут торчала, — я указываю на самый центр шляпки.

— Вперед?

— Да.

— Еще пластилина налепить?

— Конечно.

И вот у нас уже настоящий барельеф: объемный, хотя и сильно уплощенный гриб по всем правилам «вмазан» в плоскость полянки.

Техника барельефа позволяет решать практически все те задачи, которые возможны в рисунке. Можно изобразить солнце или летящую птицу, что почти невозможно в объемной скульптуре. Можно передавать различные позы персонажей, не заботясь об устойчивости конструкции: ведь это лежит на плоскости. Передача объема существенно облегчена по сравнению с рисунком. Скажем, нарисовать Буратино в фас пятилетнему ребенку не так-то легко: как изобразить нос, торчащий вперед? На барельефе это сделать проще простого: нос прилепляется так же, как на объемной скульптуре.

Обычно со временем дети сами начинают понимать, что для барельефа не обязателен цвет. Главное в нем — объем. Благодаря выпуклости будет понятно и однотонное изображение. Но если ребенок сам долго не отказывается от использования цвета, стоит ускорить переход к однотонному изображению. Для этого достаточно дать однотонный материал: либо пластилин какого-либо одного цвета, либо, еще лучше, глину.

Когда уже освоены однотонные барельефы, полезно показать ребенку новую технику их изготовления. Ведь можно не налеплять пластилин или глину на те места, которые должны быть выпуклыми, а, наоборот, убирать с остальных участков! Для этого исходный слой пластилина (глины), наклеенный на картонку, должен быть достаточно толстым. Мелкие, наиболее выпуклые детали можно по-прежнему налепливать сверху.

Новый способ изготовления барельефа имеет то же преимущество перед старым, что и изготовление объемной скульптуры из целого куска пластилина перед ее собиранием из отдельных деталей. Возрастает цельность композиции, ярче выступает различие между основными и второстепенными элементами.

Для развития всех видов изобразительной деятельности полезно изображать один и тот же объект разными способами: сделать карандашный рисунок, рисунок красками, объемную скульптуру, барельеф. Благодаря таким занятиям ребенок начнет лучше чувствовать изобразительные возможности каждой из этих техник, да и его представления об изображаемом объекте существенно обогатятся. Карандашный рисунок поможет выявить особенности контура, в рисунке красками отразится цвет, в скульптуре — объем. Сравнение объемной скульптуры и барельефа поможет формированию представлений об устойчивости тел.

Неплохо время от времени проводить занятия другого типа: задавать ребенку сюжет и предлагать самому выбрать способ его изображения. Как лучше всего изобразить Дюймовочку, сидящую в тюльпане? Наверное, вылепить из пластилина (объемная скульптура). Тогда будет хорошо видно, что со всех сторон лепестки, а внутри сидит девочка. Для изображения бра, висящего на стене, как нельзя лучше подойдет барельеф. Закат, наверное, лучше всего нарисовать красками. А вот какое-нибудь сложное техническое устройство со множеством деталей (например, подъемный кран с тросом, крюком и прочими аксессуарами) проще нарисовать карандашом.

Если ребенку трудно сделать выбор или если его выбор, на ваш взгляд, неправилен, не огорчайтесь. Предложите ему изобразить задуманный сюжет в разной технике и потом проведите разбор результатов. И не старайтесь настоять на своем, если ребенок с вами так и не согласится. После трех-четырех, а может быть, десяти — двадцати таких проб он все-таки научится чувствовать, какой материал удобнее в каждом конкретном случае. Доверяйте своему ребенку, не старайтесь побыстрее подтянуть его к высшему уровню мастерства. Пусть он идет своим путем, с той скоростью, которая для него естественна. Помните, что вы его помощник и наставник, а не суровый надзиратель.

Мы строим дом

— Что мы построим сегодня?

— Дом!

— Дом мы строили вчера, давай сегодня построим что-нибудь другое. Ты сегодня видел на улице что-нибудь интересное?

— Мы с мамой смотрели, как асфальт делают. Каток по нему ездил, чтоб он ровный был.

Юра продолжает увлеченно рассказывать о технологии укладки асфальта. Открытый «Строитель» сиротливо стоит рядом — Юра о нем уже забыл. Я выслушиваю рассказ, изредка вставляя свои замечания. Но вот тема исчерпана. Теперь можно вернуться к тому, с чего мы начали.

— Так что же мы построим?

— Каток!

Эта идея мне нравится. Я даю Юре бумагу и простой карандаш:

— Нарисуй, какой он будет.

Юра рисует каток. Внутри он изображает руль и человека.

— Как ты думаешь, из «Строителя» получится так, как ты нарисовал?

Юра с сомнением смотрит на свой рисунок.

— Шофер, наверное, не получится. И руль тоже.

— А ты попробуй нарисовать точно так, как получится.

— Прямо все кубики рисовать?

— Да.

Это новая, не привычная для Юры задача. Справиться с ней не так-то просто. Строить и по рисунку-образцу, и по собственному замыслу он умеет, а вот заранее сообразить, как должна выглядеть конструкция...

— Колеса такие же... Сверху надо весь каток... Нет, такого длинного кирпичика не бывает... Надо два кирпичика... Вот... Сверху кабина — это кубик надо (рис. 88).

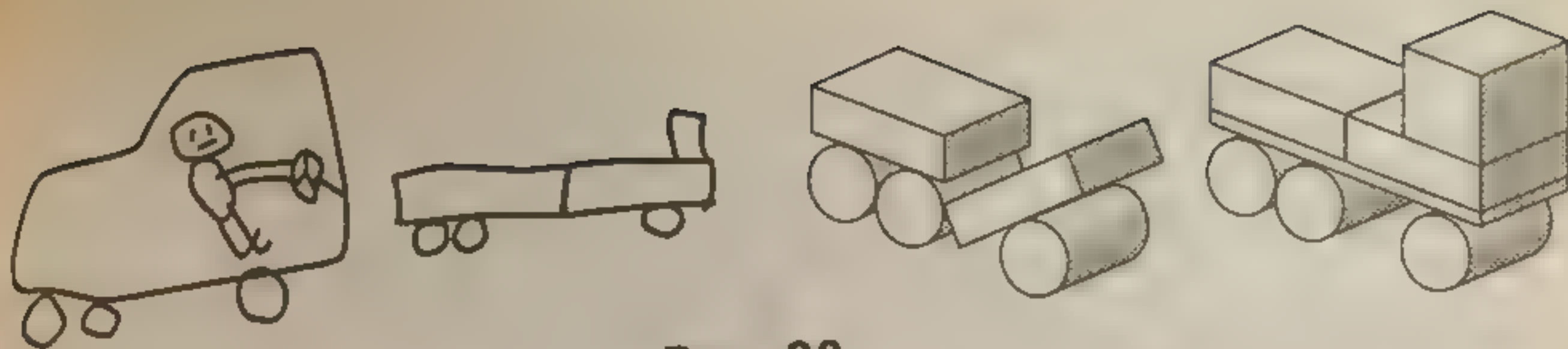

Рис. 88

Рисунок готов. Юра начинает отбирать строительные детали: он привык к тому, что это — обязательный первый этап при конструировании по образцу.

— Три трубы надо — это колеса будут. Два кирпичика. Теперь кубик.

Материал подобран. Цилиндры укладываются параллельно друг другу. На два цилиндра Юра кладет кирпичик. Второй кирпичик должен держаться только на одном цилиндре. Понятно, что из этого ничего не выходит: кирпичик падает. Юра прекрасно знает, как исправить положение: надо взять пластину. И вот каток построен. Правда, он немного отличается от задуманного: пластина не была предусмотрена.

— Давай теперь красным карандашом отметим на нашем рисунке, что мы сделали не так, как собирались, — предлагаю я.

Юра проводит красную черту, отделяющую кирпичики от колес.

— Тут мы не так сделали. Тут пластина.

Предварительное изображение заданной конструкции не обязательно должно делаться в виде расчлененного чертежа. Оно может быть нерасчлененным и схематическим. Надо только заранее договориться с ребенком, какой именно тип изображения будет делаться. Расчлененный чертеж проще всего задать словами:

— Нарисуй точно так же, как это получится из «Строителя».

Для нерасчлененного чертежа подойдет формулировка:

— Давай нарисуем так, чтобы было видно, что какой формы. А из каких деталей это можно сделать, мы решим потом.

Если же вы хотите, чтобы ребенок нарисовал схему, можно предложить:

— Нарисуй, какие у нас будут части. Если у нас детали будут другой формы, это неважно. Главное, не забыть про какую-нибудь важную часть.

При нерасчлененном чертеже и схематическом изображении различаются и критерии, по которым оценивается соответствие получившейся конструкции рисунку-образцу. В первом случае отклонением от чертежа должно считаться нарушение формы, величины, пропорций конструкции. Во втором случае — только наиболее грубые отклонения (наличие в конструкции частей, не предусмотренных чертежом, или отсутствие частей, указанных на чертеже).

Схематическое изображение «задает» предмет неоднозначно: можно сделать несколько разных конструкций, соответствующих одной и той же схеме. Обучение созданию таких обобщенных изображений — важный метод формирования у ребенка обобщенных представлений, развития его мышления.

Я построил два самолета (рис. 89).

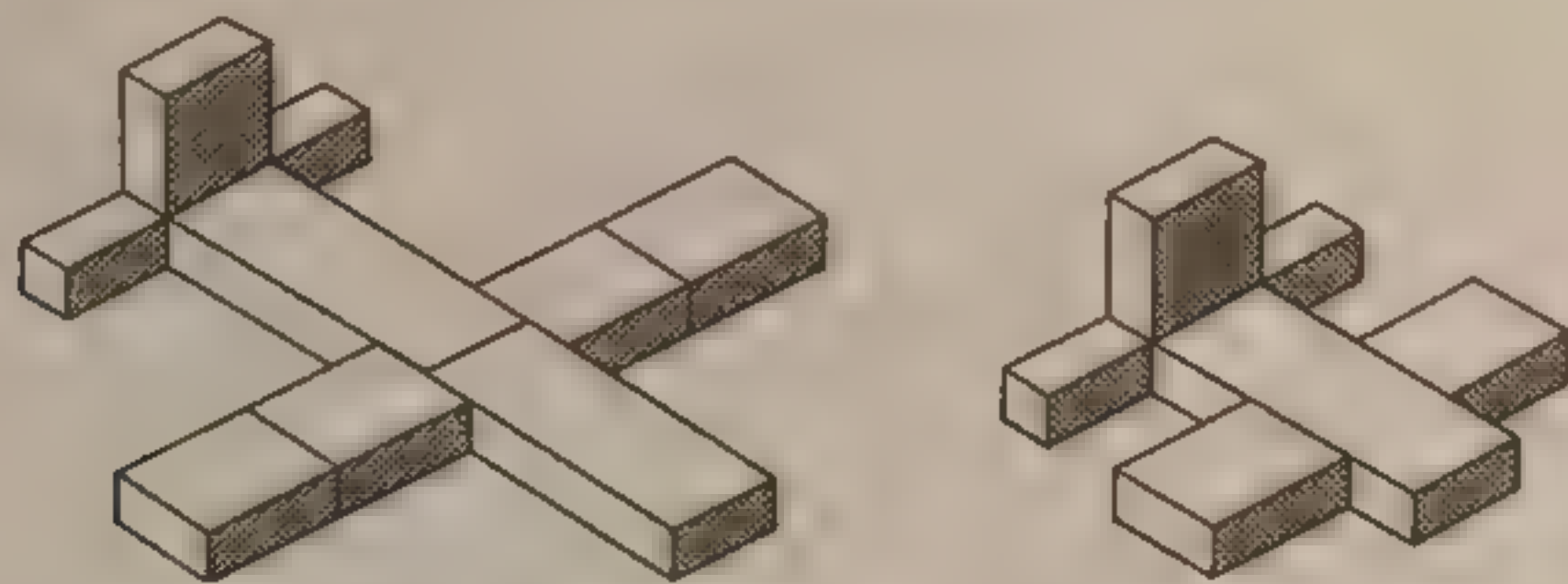

Рис. 89

— Ну-ка, Ира, посмотри на эти самолеты. Они одинаковые или разные?

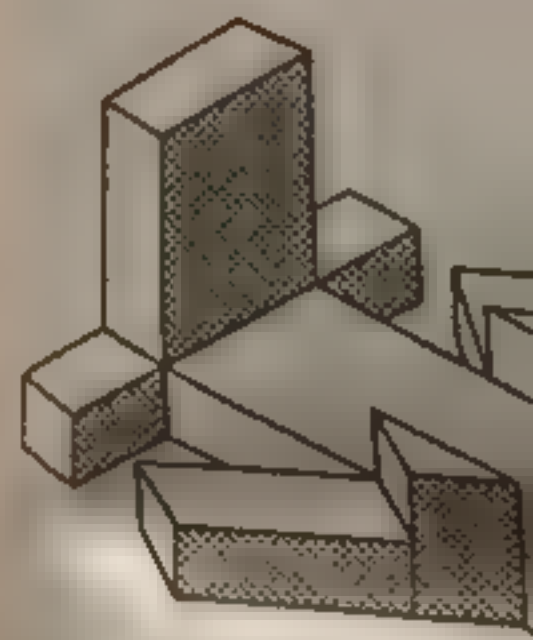
— Разные. Тут крылья из одного кирпичика, а тут из двух.

— Правильно, чтобы никто не видел тот.

Ира боится обратную сторону, которую с какой стороны предмет из нее ей теплее, положительное зготов — это же не само.

— А вот бы все догадался самолетов, и

Появля

— Молча — один. Только что

От конструкции, такой. Таков построения, что ребенку с об

Еще оди ем — конкретическому со

— Правильно. А теперь давай нарисуем самолет так, чтобы никто не догадался, какой мы нарисовали — этот или тот.

Ира больше привыкла решать обратную задачу: делать рисунок, по которому сразу ясно, какой именно предмет изображен. Тем интереснее ей теперь выполнять противоположное задание. Вскоре рисунок готов — это схематическое изображение самолета (рис. 90).

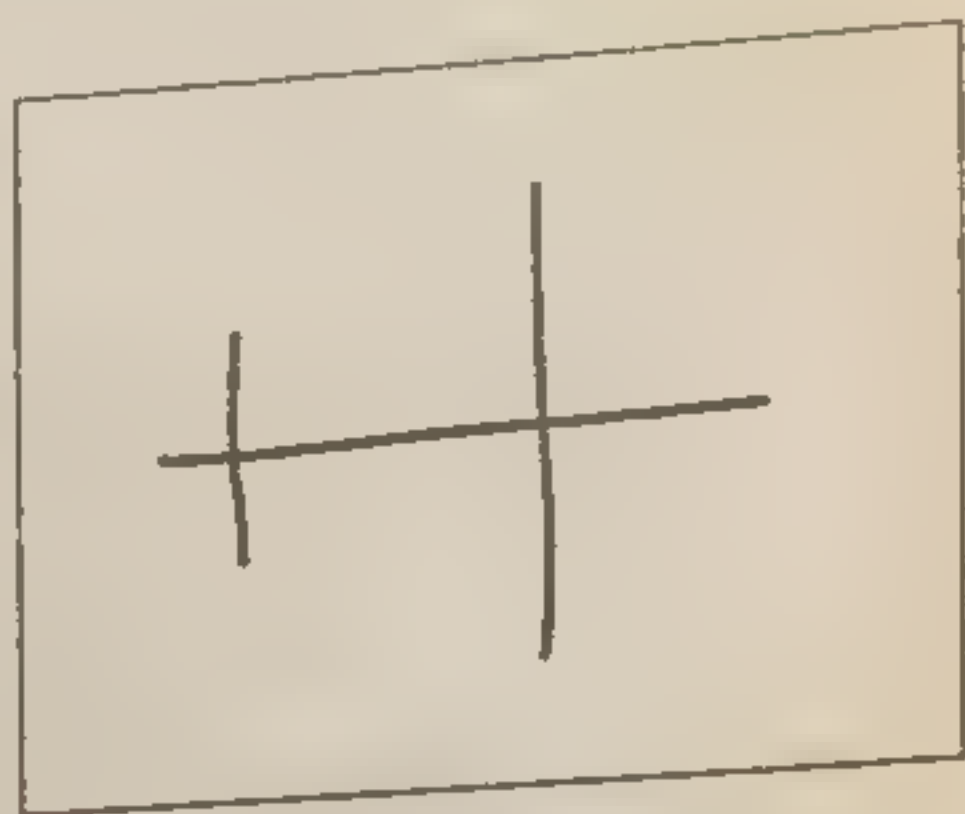

Рис. 90

— А вот два реактивных самолета. Нарисуй так, чтобы все догадались, что теперь ты рисуешь один из этих самолетов, но не догадались, который.

Появляется вторая схема (рис. 91).

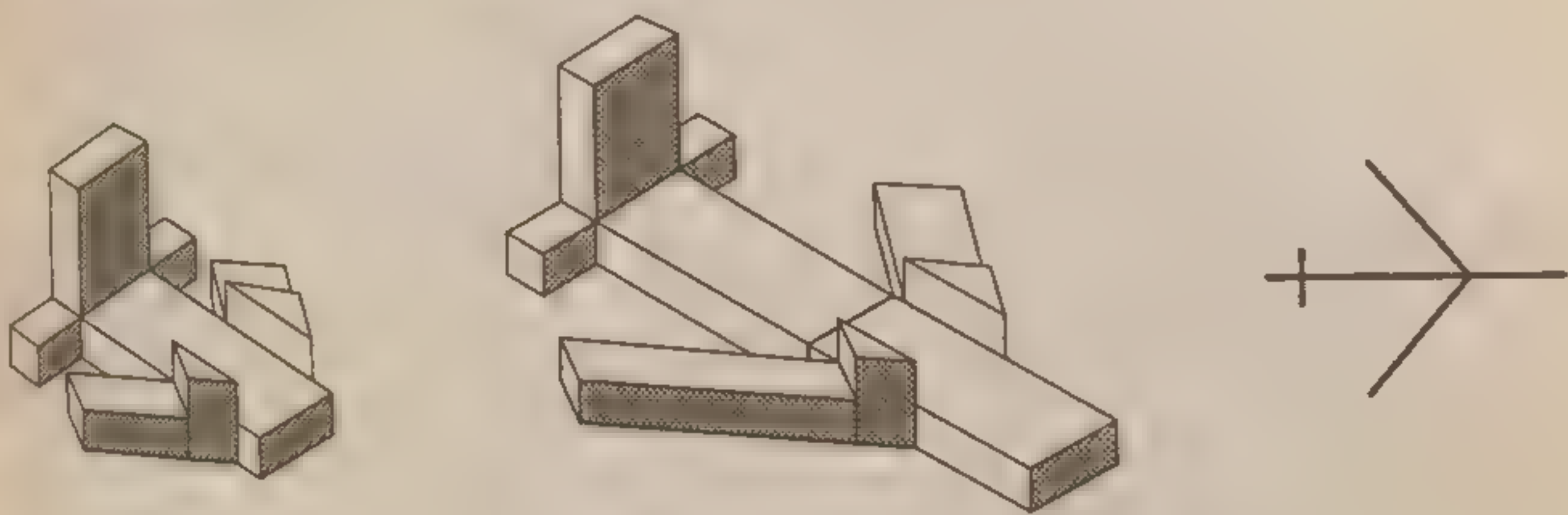

Рис. 91

— Молодчина! А теперь сделай-ка сама два самолета — один по первому рисунку, а другой — по второму. Только чтобы они были не такие, как мои.

От конструкции — к схеме, а от нее — снова к конструкции, но уже несколько отличающейся от исходной. Таков наш с Ирой путь в этом занятии. Сочетание построения схем с реализацией их в материале позволяет ребенку наиболее эффективно освоить способы действий с обобщенным изображением.

Еще одно направление в занятиях конструированием — конкретизация образца, предшествующая практическому созданию постройки.

Сегодня мы с Юрой строим ракету. Я дал ему простейший схематический образец и предложил:

— Ну-ка, нарисуй, какая у нас получится ракета. Только нарисуй ее так, как будто она не из кубиков, а настоящая.

Юре сразу ясно, что нужно сделать нерасчлененный чертеж (в свое время я использовал примерно те же слова, чтобы объяснить ему отличие нерасчлененного образца от расчлененного). Сделанный рисунок хорошо соответствует исходной схеме. Пойдем дальше.

— А теперь нарисуй, как это сделать из нашего «Строителя» (рис. 92).

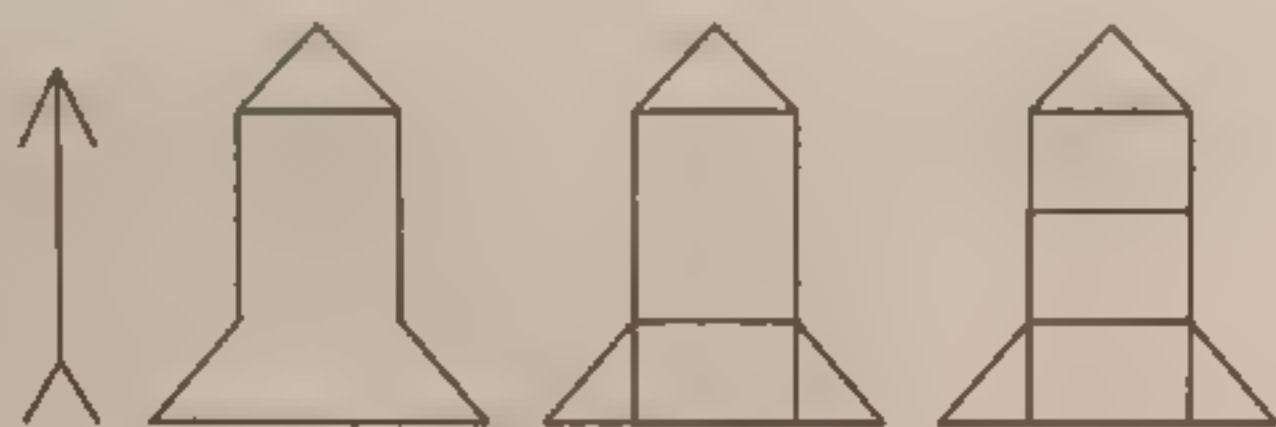

Рис. 92

Юра отделяет горизонтальной чертой верхний треугольник:

— Это будет крыша. Тут цилиндр, — и он проводит горизонтальную линию, отделяющую верхнюю часть ракеты от оперения.

Отделив тело ракеты от оперения еще двумя вертикальными линиями, он поясняет:

— А внизу кирпичик и две крыши.

— Подумай хорошенько, — советую я.

Он думает.

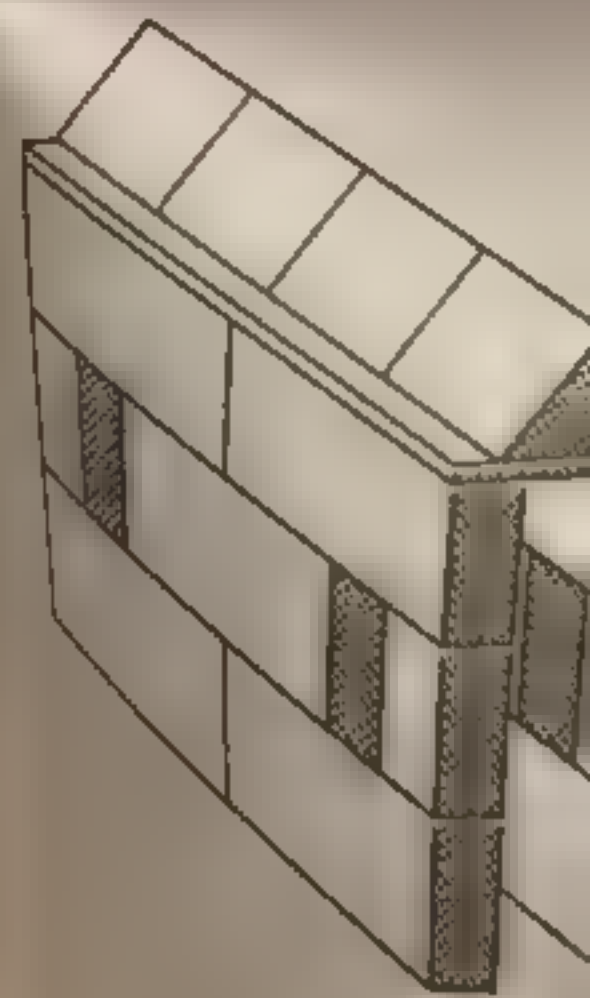
— Ну как, подумал?

— Подумал. Внизу нельзя кирпичик — он длинный. Нужно тоже цилиндр. Только тогда не так будет.

Он снова рисует ракету и на этот раз начинает расчленение с того, что отделяет оперение вертикальными линиями. Ракета значительно уже, чем на первом рисунке, и, когда Юра проводит три горизонтальные линии, ее тело разделяется на три квадрата, увенчанные треугольником. Квадрат — это правильная боковая про-

схематический образец. Я дал ему простейший схематический образец и предложил:
— Ну-ка, нарисуй, какая у нас получится ракета. Только нарисуй ее так, как будто она не из кубиков, а настоящая.
Юре сразу ясно, что нужно сделать нерасчлененный чертеж (в свое время я использовал примерно те же слова, чтобы объяснить ему отличие нерасчлененного образца от расчлененного). Сделанный рисунок хорошо соответствует исходной схеме. Пойдем дальше.
— А теперь нарисуй, как это сделать из нашего «Строителя» (рис. 92).

Юра отделяет горизонтальной чертой верхний треугольник:
— Это будет крыша. Тут цилиндр, — и он проводит горизонтальную линию, отделяющую верхнюю часть ракеты от оперения.
Отделив тело ракеты от оперения еще двумя вертикальными линиями, он поясняет:
— А внизу кирпичик и две крыши.
— Подумай хорошенько, — советую я.
Он думает.
— Ну как, подумал?
— Подумал. Внизу нельзя кирпичик — он длинный. Нужно тоже цилиндр. Только тогда не так будет.

екция цилиндра. А вот верхний треугольник... Но не будем спешить. Я говорю:

— Ну что ж, давай строить нашу ракету.

Юра ставит три цилиндра один на другой, по бокам две треугольные призмы, сверху еще одну.

— Не так, — вынужден признать он. — Тут вылезает. Юрина растерянность длится недолго.

— Тут эту нужно! — восклицает он, снимая треугольную призму и заменяя ее конусом. — Только я нарисовал не так остренько (рис. 93).

— Все, что получилось неправильно, мы с тобой будем отмечать красным карандашом, — говорю я, давая ему карандаш.

Жирный красный крест на неправильном рисунке, затем новый рисунок — правильный. Занятие окончено.

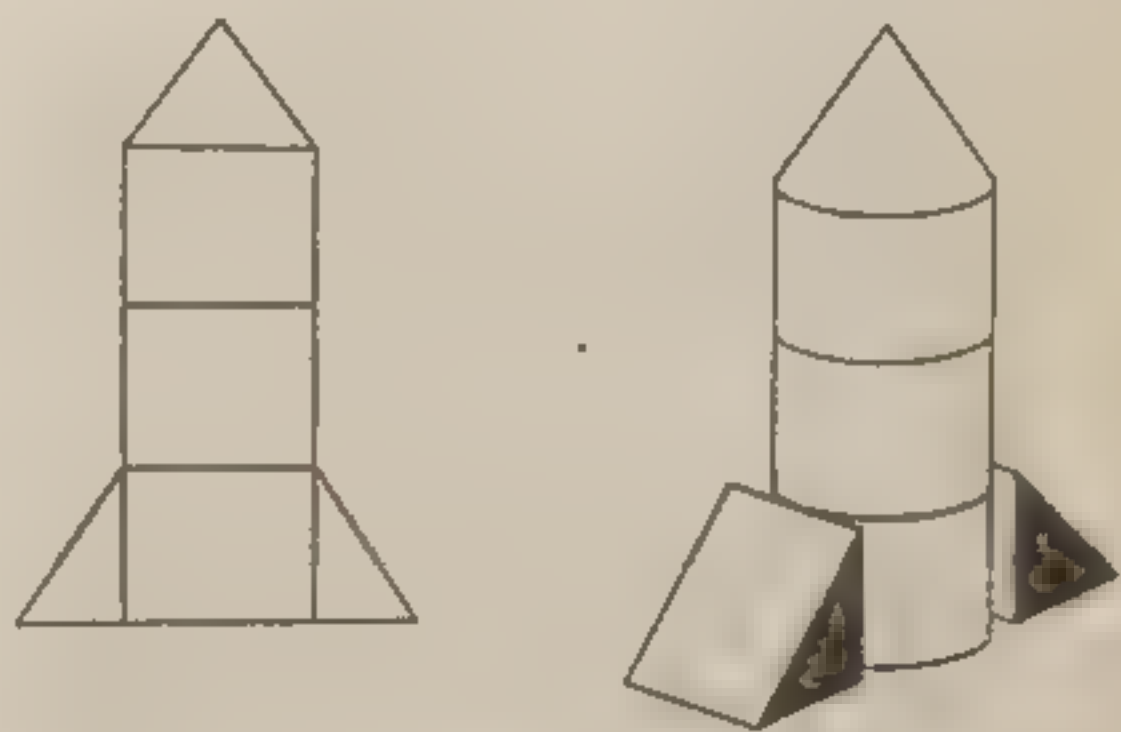

Рис. 93

Как быть, если обязательно нужно знать, как сооружение выглядит сбоку и как оно выглядит спереди? В черчении известны два ответа. Один — это начертить общий вид (как бы объемное изображение конструкции). Другой — сделать два чертежа, на одном из которых будет изображен фасад, на другом — вид сбоку. Для взрослого человека, не искушенного в черчении, общий вид значительно понятнее чертежа в двух проекциях. Вы можете убедиться в этом, посмотрев на рисунок, где один и тот же домик изображен обоими способами (рис. 94).

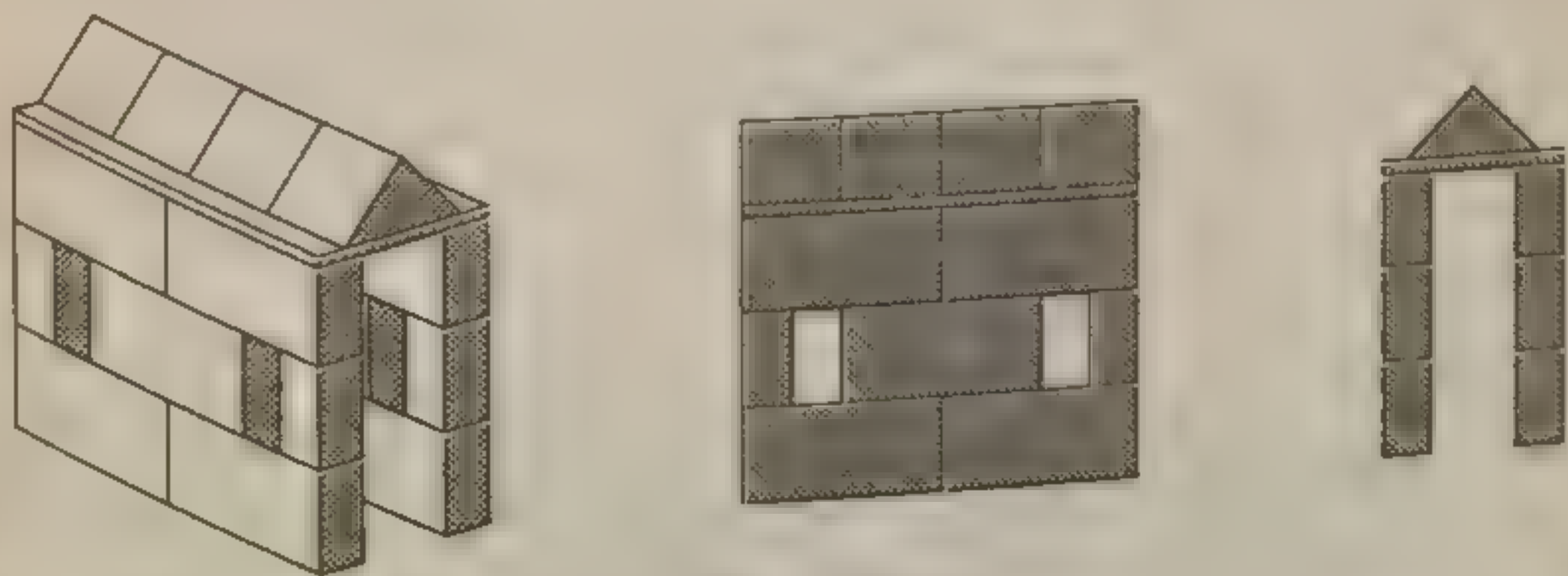

Рис. 94

А вот пятилетнему ребенку проще воспроизвести постройку, если она задана чертежами в двух проекциях.

— Ну-ка, Ирочка, посмотри, в каком доме хочет жить Незнайка. — Я показываю Ире чертеж, изображающий вид дома сбоку. — Этот дом ему нарисовал художник Тюбик. А Незнайка очень удивился и спрашивает: «Как же я буду заходить в этот дом? Тут же только окна, а двери нет». Тюбик ему говорит: «Дверь с другой стороны». А Незнайка все равно ничего не понимает. Пришлось Тюбику нарисовать дом с другой стороны, только тогда Незнайка все понял.

Я показываю чертеж, изображающий вид дома спереди.

— Когда Незнайка увидел, каким будет дом сбоку, а каким спереди, ему очень захотелось жить в таком доме. Вот он и попросил: «Ирочка, построй мне, пожалуйста, такой дом».

Маленький пластмассовый Незнайка смотрит на Иру и ждет. Ира берется за чертежи. Мы вместе разбираем, где изображены окна, где дверь, где перекрытие. («Крыша, а на ней треугольнички», — констатирует Ира.) Затем мы смотрим, из каких строительных деталей сделан дом. Я объясняю, что каждую деталь надо найти на обоих чертежах. Делаю отдельный рисунок, чтобы показать, что по одному чертежу можно спутать куб с полукубом — только второй чертеж поможет разобраться (рис. 95).

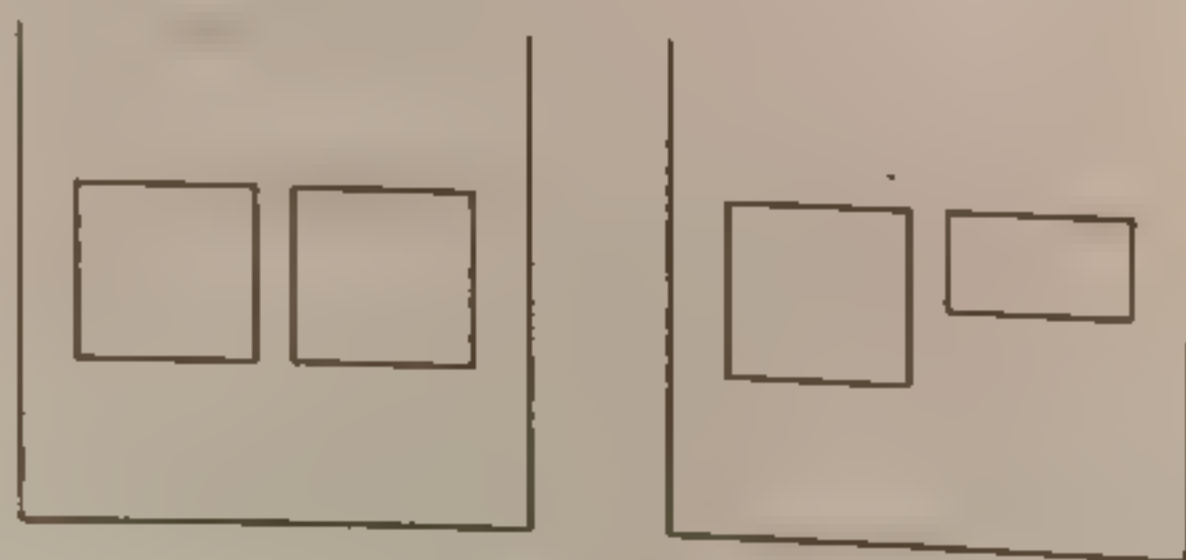

Рис. 95

— Тут два кирпичика. Вот кирпичик с этой стороны, а вот с другой. — Ира указывает пальчиком на изображение нижнего кирпичика в виде сбоку, затем в виде

спереди. — Тут кубик, по краям еще кирпичики, — пересчитывает она, уже забыв, что надо находить каждую деталь на обоих чертежах.

Я не исправляю ошибки. Гораздо полезнее исправить их в самом процессе конструирования.

Вниз Ира ставит два кирпичика — начало правильное. Но затем на один из них она пытается поставить третий кирпичик поперек. Понятно, что он не держится. Тогда Ира подпирает его полукубом. Вот теперь пора вмешаться.

— Ну-ка посмотри, что должно получаться с другой стороны.

— Дверь. Я забыла! — ахает Ира.

Верхний кирпичик и подпиравший его полукуб убираются, ставится угловой брусок. Все в порядке (рис. 96).

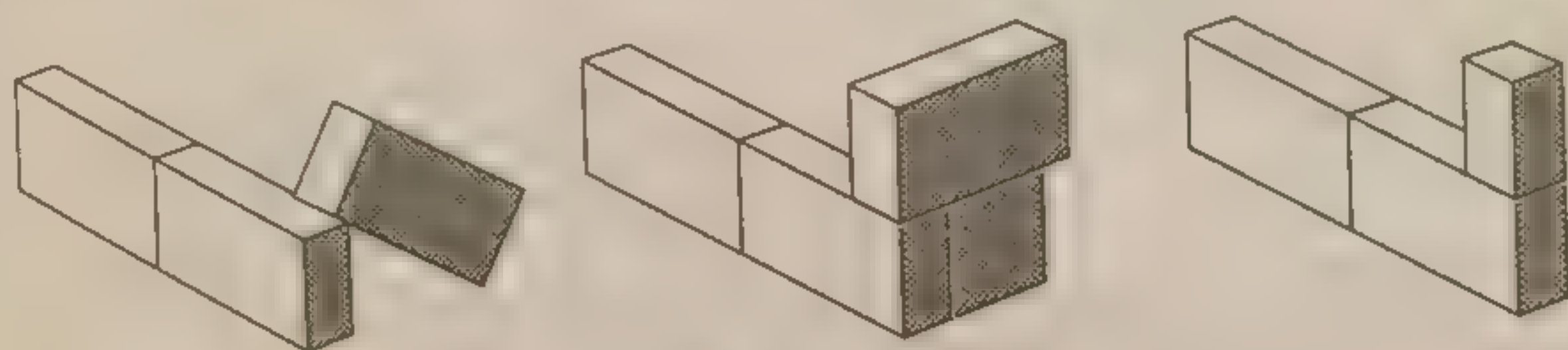

Рис. 96

Дальнейшее строительство протекает без осложнений. Правда, Ира не очень представляет себе, как должны выглядеть стены, не изображенные на чертежах.

— А на этой стенке делать окна?

— Не знаю, — отвечаю я Незнайкиным голосом. — Тюбик мне ту стенку не нарисовал.

— Ладно, я все равно сделаю, — великодушно решает Ира. — А дверь тоже еще делать?

— Нет, мне две двери не нужно.

— Ты Незнайка, — назидательно говорит Ира. — Ты не понимаешь. Ты в одну дверь будешь входить, а во вторую выходить.

Видимо, она побаивается отклоняться от образца, не рискует сама подбирать строительные детали (хотя для

того, чтобы сделать заднюю стену сплошной, достаточно поставить еще один кирпичик). Придется возразить против выдвинутого ею весьма убедительного аргумента.

— Нет, я так не хочу, — пищит Незнайка. — Я хочу ходить, как ты, — и входить, и выходить в одну дверь.

Желание заказчика — закон. Ира, вздохнув, находит последний кирпичик и заканчивает строительство, водружая на перекрытие четыре треугольные призмы.

Занятия конструированием по заданным условиям мы не описываем заново, так как общий принцип их построения остается тем же, что и при работе с четырехлетним ребенком. Не забывайте, что эти занятия по-прежнему полезны для умственного развития малыша, не ограничивайтесь конструированием по образцу.

Занятия конструированием из бумаги также не теряют своего значения для пятилетнего ребенка. Методы организации работы существенно не меняются, только теперь можно изготавливать более сложные поделки.

И наконец, о конструировании из конструктора. Пятилетний ребенок уже вполне может собирать простые модели из металлического конструктора с гаечно-винтовым креплением. Способы задания образцов могут быть теми же, что и при конструировании из «Строителя». Так же возможны расчлененные, нерасчлененные и схематические образцы. Полезна работа по конкретизации образца. Из описанных видов работы со «Строителем» мало подходит для конструктора только конструирование по двум чертежам, изображающим сооружение в двух разных проекциях.

Больше, меньше, поровну

Обучение математике ребенка пяти лет — нелегкая задача, требующая от родителей специальной подготовки и большого внимания. Ведь от того, как заложены элементарные математические представления, в значительной мере зависит весь дальнейший путь математи-

ческого развития, успешность продвижения ребенка в этой непростой области знаний. Для многих школьников математика навсегда остается тайной за семью печатями, хотя они с грехом пополам и овладевают необходимыми счетными операциями, решением типовых задач, использованием формул. Овладевают формально, не понимая стоящего за всем этим математического содержания. А секрет простой: неудачный старт и постепенно укоренившаяся уверенность в том, что понять здесь ничего нельзя, не стоит и пытаться.

Конечно, бывает и по-другому — хороший учитель заметит неблагополучие, вернется к азам, поможет наверстать упущенное. Но лучше начинать с начала.

Главная забота родителей и должна состоять в том, чтобы открыть ребенку то, на чем строится все грандиозное здание математики, — тайну числа.

Число есть отношение. Отношение измеряемой величины к единице измерения. Вот это-то и должен усвоить ребенок.

Мы не будем пытаться здесь излагать содержание и методы обучения детей началам математики, приводить учебный материал. Для этого нужна отдельная книга. И такие книги есть, например «Математическая азбука» В. Житомирского и Ш. Шеврина. А наша задача — дать некоторые советы, направленные на то, как лучше сформировать у ребенка достаточно полноценное представление о том, что такое число.

Ваш ребенок уже умеет считать. Предположим, до десяти. Он знает цифры в пределах первого десятка. Использует счет для сравнения любых совокупностей, независимо от того, из каких конкретных предметов они состоят, как эти предметы расположены в пространстве, какими свойствами они обладают. Иными словами, он уже выделяет количественные отношения из других типов отношений (если это не так, придется обратиться к предыдущей главе книги). Однако единица для него —

пока что просто один предмет, отдельный элемент совокупности, а число — обозначение некоторого количества таких элементов.

Теперь настало время, когда это представление необходимо существенно перестроить.

Первый шаг к такой перестройке — обучение ребенка измерению и количественному выражению непрерывных величин: длины и высоты предметов, объема жидкостей и сыпучих тел, массы.

Начать можно с измерения условной меркой длины предметов. Такой меркой может служить палочка или шнурок. Основное требование — чтобы мерка укладывалась в измеряемых величинах несколько раз целиком.

Кроме мерки, потребуются фишки двух цветов. Это могут быть, например, белые и черные бумажные кружки.

— Давай с тобой узнаем, на сколько диван длиннее стола. Для этого измерим их вот этой веревочкой. Она у нас будет служить меркой. Посмотрим, сколько раз мерка уложится по длине стола, а сколько — по длине дивана. А чтобы не забывать, сколько раз мы отложили мерку, будем отмечать это кружочками. Для стола возьмем белые, а для дивана — черные кружочки.

Теперь начинается измерение. Очень важно сразу же научить ребенка выполнять его технически точно. Начинать нужно с края, добиваясь полного уравнивания с ним конца мерки. Каждое новое прикладывание мерки должно начинаться точно с того места, куда она дошла при предыдущем прикладывании (чтобы выдерживать это требование, можно делать отметки мелом). После каждого прикладывания мерки к столу откладывается один белый кружок, после каждого прикладывания к дивану — один черный. Кружки каждого цвета выкладываются в ряд. Верхний ряд — белый, нижний — черный, каждый кружок нижнего ряда кладется под соответствующим кружком верхнего. В итоге получается

наглядная модель отношения величин, с которой ребенок уже познакомился раньше.

— Сколько мерок у нас получилось, когда мы измеряли длину стола? Посчитай. Верно, пять. А сколько, когда измеряли длину дивана? Да, семь. Какое число больше, пять или семь? Значит, что длиннее, диван или стол? На сколько длиннее? Да, на две мерки (это определяется путем пересчета черых кружков в модели).

Тот же принцип сохраняется при измерении объема жидкостей и сыпучих тел.

— Кукла Маша захотела сварить гречневую кашу. Она прочитала в книжке, что в кастрюлю надо налить столько же воды, сколько будет крупы. Как ей сделать, чтобы крупы и воды было поровну? Правильно, надо измерить. Вот крупа, а вот вода (крупа в мешочке, вода в бутылке). Чем мы будем мерить? Наверно, подойдет эта чашечка? Сначала посмотрим, сколько здесь чашечек крупы. Ты будешь насыпать крупу в чашечку, потом высыпать в кастрюлю, и каждую чашечку отмечать меткой — белым кружком.

При измерении нужно учить ребенка наполнять мерку (чашечку) всегда одинаково — точно вровень с краями, но без горки, ведь потом нужно будет мерить воду, а ее больше, чем доверху, не нальешь.

— Сколько получилось чашечек? Посчитай (считаются фишки). Да, восемь. А сколько понадобится чашечек воды? Правильно, тоже восемь. Теперь отмеряй воду и каждую чашечку отмечай черным кружком, пока белых и черных кружков не станет поровну, по восемь.

Каждый черный кружок, как и раньше, кладется под белым, так что получившаяся модель наглядно демонстрирует равенство.

Налейте одинаковое количество воды в два прозрачных сосуда разной формы — узкий высокий и низкий широкий (узкий стакан и банку).

— Как ты думаешь, где больше воды — в стакане или в банке?

Почти наверняка ребенок решит, что больше в стакане.

— Ну а теперь давай узнаем это точно. Отмерим воду и там и там.

В результате измерения и выкладывания меток ребенок убеждается, что количество воды одинаково. Объясните ему, что стакан уже банки, поэтому вода в нем поднимается выше и кажется, что ее больше.

При измерении объема жидкостей или сыпучих тел легко показать, что количество мерок изменяется, если изменяется величина самой мерки.

Возьмите две одинаковые стеклянные банки, наполненные водой (или, например, песком).

— Это будет моя банка, это твоя. Как ты думаешь, у нас с тобой поровну воды в банках?

— Поровну.

— Давай ее измерим. Я буду измерять чашечкой, а ты — стаканом. Я буду класть белые, а ты — черные метки.

— Сколько чашечек у меня получилось?

— Восемь.

— А сколько у тебя стаканов?

— Четыре.

— Восемь и четыре — это одинаково или нет?

— Нет, восемь больше, четыре меньше.

— А ведь воды было одинаково. В чем же дело?

По всей вероятности, ребенок догадается, что стакан больше чашечки, поэтому стаканов получилось меньше. Если не догадается, придите ему на помощь: покажите, что в стакан помещается две чашечки воды.

Но главное — не установление взаимного соответствия разных мерок, а понимание ребенком того факта, что одно и то же количество, измеренное разными мерками, дает разный числовой результат.

Очень полезно продемонстрировать эту закономерность на материале взвешивания предметов. Для этого,

естественно, потребуются весы, причем обязательно с двумя чашками. Для предварительного ознакомления ребенка с работой весов организуйте взвешивание пар предметов.

— Что тяжелее, зайка или матрешка? Попробуй взвесить их на ладонях и угадать. Тебе кажется, что матрешка? Давай проверим. Положим на весы. Правильно! Чашечка с матрешкой опустилась вниз. Значит, она тяжелее.

Основной вид занятий с весами — сравнение веса небольших предметов при помощи гирек, которыми могут служить, например, монетки или пуговицы. Объясните ребенку, что гирьки дают возможность узнать не только, что тяжелее, но и на сколько тяжелее.

Хорошим материалом для взвешивания могут служить спичечные коробки, наполненные спичками, пуговицами и т. п.

Сначала взвешивается одна коробка, потом другая. Гирями служат одинаковые монеты. Их 10 штук. Количество монет, потребовавшееся, чтобы уравновесить коробку, нужно сосчитать и отметить рядом меток.

Ту же процедуру проделывают со второй коробкой. Два ряда меток разного цвета составляют наглядную модель. По ней определяется, на сколько гирек (монеток) одна коробка тяжелее другой (сосчитайте количество меток, на которое один ряд оказывается длиннее другого).

Другие две коробки оказываются тяжелее. Первая из них уравнивается восемью монетками, но на вторую десяти монеток не хватает. А больше их нет. Зато есть более тяжелые пуговицы. Догадается ли ребенок, как ими можно воспользоваться? Вряд ли. Подскажите ему: нужно взвесить первую коробку, используя новые «гирьки» (пуговицы), а потом с их помощью взвесить и вторую. Все остальное проделывается так же, как с монетками. Но теперь одна из коробок оказывается тяжелее другой на две пуговицы.

Наиболее полное представление о процессе ребенок может получить, научившись откладывать его результаты в виде отрезков оси.

Ось — горизонтальная линия, начерченная на разграфленном в клетку листе бумаги. Ее начальная точка обозначена цифрой 0. Договоритесь с ребенком, что теперь, вместо того чтобы при взвешивании предметов отмечать каждую гирьку-монетку кружком (меткой), вы будете отмечать ее одной клеткой на оси. Чтобы такая отметка была хорошо видна, ее лучше делать в виде дуги, нанесенной цветным карандашом (или фломастером). Для гирек, которыми взвешивается один предмет, отметки будут делаться красным карандашом вверх от линии, для гирек, потребовавшихся при взвешивании другого предмета, — синим карандашом вниз от линии.

В случае взвешивания двух коробок, одна из которых весит 6 г, а другая 8 г (копеек), модель выглядеть будет так, как показано на рисунке (рис. 97).

Рис. 97

Графическая модель — достаточно универсальное средство. Ее можно использовать, конечно, не только для фиксации результатов взвешивания, но и для фиксации результатов использования любых условных мерок (длины, объема и др.). Удобна она и для того, чтобы показать ребенку, что и числа, определяющие количество элементов совокупности, зависят от избранной мерки. Большей частью меркой в этом случае служит один элемент совокупности — отдельно взятый предмет. Но можно договориться, что меркой будет не один, а, например, два или три предмета. Это — «составная» мерка, благодаря которой становится возможным «счет группами». Он не только углубляет представление о числе, но и служит хорошей подготовкой к последующему усвоению умножения и деления.

— Разложи карандаши из коробки по 3. Отметь, сколько получилось кучек. Спичечные коробки разложи по 2. Отметь, сколько получилось кучек здесь (рис. 98).

Рис. 98

— Чего больше — кучек карандашей или кучек коробков? Посчитай эти кучки. Правильно, кучек карандашей пять, а кучек коробков — шесть. Шесть больше пяти. Значит, кучек коробков больше. А теперь скажи, чего больше — всех карандашей или всех коробков? (Это можно определить по модели без подсчета.) Почему? Да потому, что в каждой кучке карандашей больше, чем коробков.

Теперь можно переходить к устным задачкам.

— Иду я по лесу. А из-за поваленного дерева заячьи уши торчат. Шесть ушей. Сколько там было зайцев? Правильно, три. Нарисуй, пожалуйста, как ты посчитал.

— Идет поезд, везет на платформе легковые машины, брезентом накрытые. Видно только, что на каждой платформе восемь колес. Сколько машин поместилось на платформу?

Графическая модель в виде оси удобна для ознакомления ребенка с отношением целого и части, которое лежит в основе овладения действиями сложения и вычитания. Фактически всякое число, указывая на отношение мерки к измеряемой величине, определяет эту величину через количество ее равных частей (единиц). Обучаясь отмечать на оси отрезки, соответствующие разным условным меркам, ребенок тем самым уже показывал, на сколько равных частей делится в данном случае измеряемое целое, будь то объем, масса или совокупность отдельных предметов. Но само представление о целом и частях до сих пор ему не давалось. Это представление дети усваивают с трудом: ведь отноше-

ния целого и части сложны. Величина части зависит одновременно от величины целого и от количества частей, на которые оно разделено.

Для первоначального ознакомления с отношением части и целого следует вернуться к измерению непрерывных величин и выражению его результатов в виде графической модели. Но на этот раз будет измеряться дважды одна и та же величина, например вода, находящаяся в банке. Ее количество должно составлять два полных больших стакана или четыре полных маленьких стаканчика (чашечки).

— Давай измерим, сколько воды в банке. Для этого у нас есть разные мерки: большой стакан и маленький стаканчик. Сначала посмотрим, сколько получится маленьких стаканчиков. Измерь и отметь сверху на линейке (при измерении вода переливается в другую банку). А теперь измерь воду большим стаканом и отметь снизу на линейке (рис. 99).

Ребенок выполняет задание. Модель выглядит так:

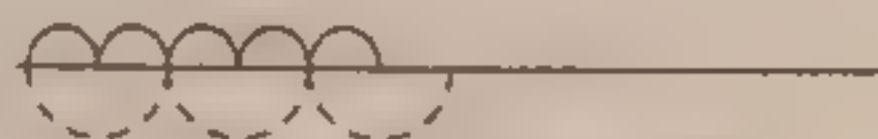

Рис. 99

— Покажи, где на линейке отмечена вся вода, которая есть в банке. А теперь — где та вода, которая помещается в большой стакан. Видишь, в большой стакан помещается не вся вода, а только ее часть. Сколько получилось таких частей? Посчитай. Правильно, две. Когда что-нибудь делят на две части, то каждая из них называется половиной. В стакан помещается половина всей воды. А сколько воды помещается в маленький стаканчик? Посчитай, сколько маленьких стаканчиков нужно было наполнить, чтобы перелить всю воду? Четыре. Когда что-нибудь делят на четыре части, каждая из них называется четвертью. В маленький стаканчик помещается четверть всей воды. Какая часть больше, половина или четверть?

Следует учитывать, что графическая модель в виде оси не дает возможности сравнивать по величине части, на которые делятся разные величины. Но пока этого и не требуется. Достаточно, если ребенок усвоит, что целое всегда больше тех частей, на которые его разделили, что, чем больше получено частей, тем меньше каждая часть, и если все части собрать вместе, то получится снова целое.

Это полезно демонстрировать на самом разном материале, причем обязательно не только на непрерывных величинах, но и на совокупностях, состоящих из отдельных элементов. Так, карандаши в том примере, который приводился выше, были разделены на пять равных частей, по три карандаша в каждой части. А спичечные коробки были разделены на шесть равных частей, по два коробка в каждой части.

Напомним снова, что материал, помещенный в этой главе, вовсе не исчерпывает той работы по овладению математическими представлениями, которую можно вести с пятилетним ребенком. Он относится только к пониманию значения числа и единицы и должен быть дополнен материалом, направленным на ознакомление ребенка с числовым рядом, числами и математическими знаками, овладение счетом, действиями сложения и вычитания, решением простейших арифметических задач.

Советы по разным разделам обучения детей математике вы можете получить в книжке Т. В. Тарунтаевой «Развитие элементарных математических представлений у дошкольников».

Из чего строятся слова

Когда можно и нужно начинать учить ребенка грамоте? На этот вопрос специалисты дают разноречивые ответы. Одни из них называют возраст четыре-пять, другие (большинство) — шесть-семь лет.

Недавно не только ученый мир, но и широкая общественность в зарубежных странах была взволнована сообщением американского психолога Омара Хайя-

ма Мура о его работах по обучению грамоте трехлетних детей.

Работы Мура вызвали весьма разноречивые отклики специалистов. Одни из них заявляли: «Мы переоценивали трудность усвоения грамоты. Оказывается, это — элементарный навык, который может складываться очень рано». Другие делали прямо противоположные выводы: «Мы недооценивали умственные возможности ребенка. Оказывается, они уже в три года настолько велики, что позволяют усвоить такую сложную вещь, как грамота».

Где же истина? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в том, что такое грамота и какие цели мы ставим перед собой, обучая ей ребенка.

Какого человека мы можем назвать грамотным? Того, который умеет читать и писать? Того, который делает это без особых затруднений и ошибок? Или, наконец, того, кто обладает «чувством» родного языка, понимает его строение и законы и умеет пользоваться ими?

Уровень овладения грамотой может быть разным. Если нам достаточно, чтобы ребенок овладел навыком чтения, мы можем начинать обучение, скажем, в три-четыре года и достаточно быстро добиться успеха. Но все дело в том, что в области усвоения языка (так же как и в области усвоения математики) от того, каким был старт, в значительной мере зависит все дальнейшее продвижение. С самого начала мы должны иметь в виду конечный вид грамотности, к которому хотим подготовить ребенка. И если это грамотность в подлинном смысле слова, она должна уже в исходном пункте опираться на понимание законов построения слов, анализ отношений между звуками и буквами, т. е. на такие знания и умения, усвоить которые ребенку не так-то просто. Значит, в этом случае и начинать лучше не слишком рано, и сам процесс обучения становится более длительным. Зато он не только дает лучшие результаты в

овладении грамотой, но и способствует общему умственному развитию ребенка.

Обучение грамоте, понимаемое как первая ступень ознакомления ребенка с законами родного языка, осуществляется при помощи особых методов, создание которых потребовало многолетних исследований большой группы специалистов — психологов и педагогов. Эти исследования, проводившиеся под общим руководством профессора Д. Б. Эльконина, позволили установить и оптимальные сроки обучения. Возраст, в котором его целесообразно начинать, как раз и оказался пятилетний (хотя уже и в четыре года возможна некоторая подготовительная работа). Обучение навыку чтения в его полном объеме (кончая слитным чтением) длится, как правило, около двух лет.

Здесь мы попытаемся показать только некоторые основные приемы такого обучения грамоте. Более детально родители могут ознакомиться с ним по книжкам Д. Б. Эльконина «Как учить детей читать» и Л. Е. Журовой «Обучение грамоте в детском саду».

С ребенком четырех лет мы советуем проводить работу по звуковому анализу слов — выделению на слух и произнесению отдельно тех звуков, из которых слово состоит. При этом может применяться и простейшая модель звукового состава слова, состоящая из одинаковых фишек, количество которых соответствует количеству звуков в слове.

Эта работа и послужит исходным пунктом для обучения грамоте пятилетнего ребенка. Сразу же оговоримся, что предлагаемые нами формы обучения только подведут ребенка к овладению чтением, само же чтение останется делом будущего.

Итак, ребенок уже знает, что слово состоит из отдельных звуков. Теперь ему предстоит познакомиться с фонемами родного языка. Фонемы — это те устойчивые особенности звуков, по которым мы, слушая живую

речь, отличаем один звук от другого и узнаем слова. Главная цель обучения ребенка пяти лет — познакомить его с тем, что слова состоят из разных звуков — гласных и согласных, что согласные бывают мягкими и твердыми, глухими и звонкими, а гласные — ударными и безударными. И конечно, научить его различать эти качества звуков, определять их в слове. Это уже не просто звуковой, а фонемный анализ. И обучение ему основано на наглядной пространственной модели слова.

Для построения модели служит схема — полоска, разбитая на клеточки по количеству звуков в слове — названии предмета, который изображен на расположенной над полоской картинке (рис. 100).

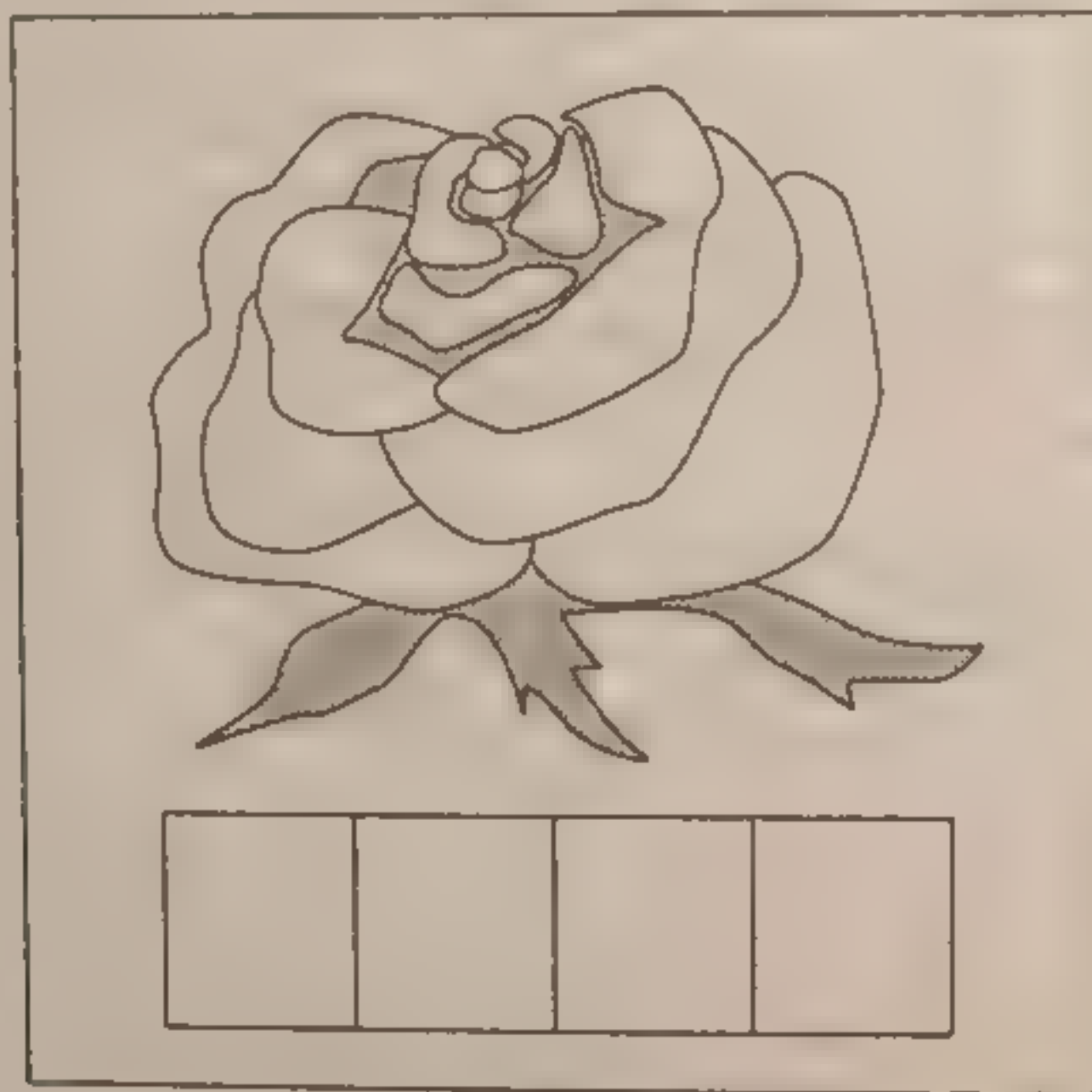

Рис. 100

Ваш ребенок уже умеет заполнять схему одноцветными фишками, обозначающими отдельные звуки.

Обратите его внимание на то, что звуки бывают гласные, которые «можно петь», и согласные, которые «петь нельзя». В слове «роза» поются звуки «о» и «а», а вот «р» и «з» — не пропоешь. Договоритесь, что гласные звуки будут обозначаться красными фишками, согласные — синими и зелеными. А вот чтобы узнать, когда нужна синяя, а когда зеленая фишка, надо научиться различать, в каких словах согласный звук звучит твердо, в каких — мягко.

Каждый согласный звук имеет братца. Один из братцев сердитый, другой — добрый¹. В слове «роза» звук «р» — сердитый, а вот в слове «река» — добрый, он слышится как «рь».

Для того чтобы ребенок научился различать твердые и мягкие согласные, его нужно потренировать на простых словах, где один и тот же первый звук звучит то твердо, то мягко: «пол», «пес», «пуля», «пила», «кот», «кит» и т. п. (твердое звучание имеют согласные перед гласными а, э, о, у, ы, мягкое — перед гласными я, е, ё, ю, и). Это можно делать, заполняя в схеме слова только первую клеточку. Твердый согласный — синяя фишка, мягкий — зеленая. Когда твердость и мягкость согласных освоены, следует переходить к играм с полной моделью слова.

Таких игр можно придумать множество. Прежде всего это составление моделей слов (по картинкам) и «чтение» слов по моделям, составленным взрослым. В этих случаях хорошо применять изображения, которые могут быть поняты, а значит, и названы неоднозначно, — кот или кошка, волк или собака и т. п. Ребенку придется ориентироваться не только на картинку, но и на количество клеток в схеме, которую нужно заполнить.

Другая игра — указание (или убирание) по вашей просьбе фишки, которая в модели слова обозначает определенный звук (покажи, где здесь добрый братец «ль»).

Дальше идут более творческие игры, где картинки уже не нужны. Это самостоятельное придумывание ребенком и выкладывание моделей слов с заданными фонемами («Придумай слово, в котором есть сердитый братец «р»); придумывание по заданной модели всех слов, которые к ней подходят (например, к модели, состоящей из трех фишек — синей, красной и синей, мо-

¹ Название «сердитые» и «добрые» братцы для твердых и мягких согласных звуков предложили сами дети, с которыми вела занятия Л. Е. Журова.

гут быть подобраны слова «кот», «сом», «рак», «лук» и многие другие).

Позднее возможны и задания на преобразование моделей путем замены в них одной фишки (печка — почка, здесь первая зеленая фишка заменяется синей).

По ходу всех этих упражнений следует постепенно усложнять используемый словесный материал — от односложных слов и слов, состоящих из двух открытых слогов типа «роза», переходить к словам, содержащим различные сочетания согласных и гласных звуков (игла, аист, волк, слон и т. п.).

По мере овладения фонемным анализом слов вводится различие звонких и глухих согласных и проставление ударения. Звонкий согласный обозначается в модели слова розовым колпачком, присоединяемым сверху к соответствующей фишке (глухой остается без колпачка). Ударение обозначается черной птичкой, которая ставится над фишкой, соответствующей ударной гласной.

Так должна выглядеть, например, модель слова «сабля» (рис. 101).

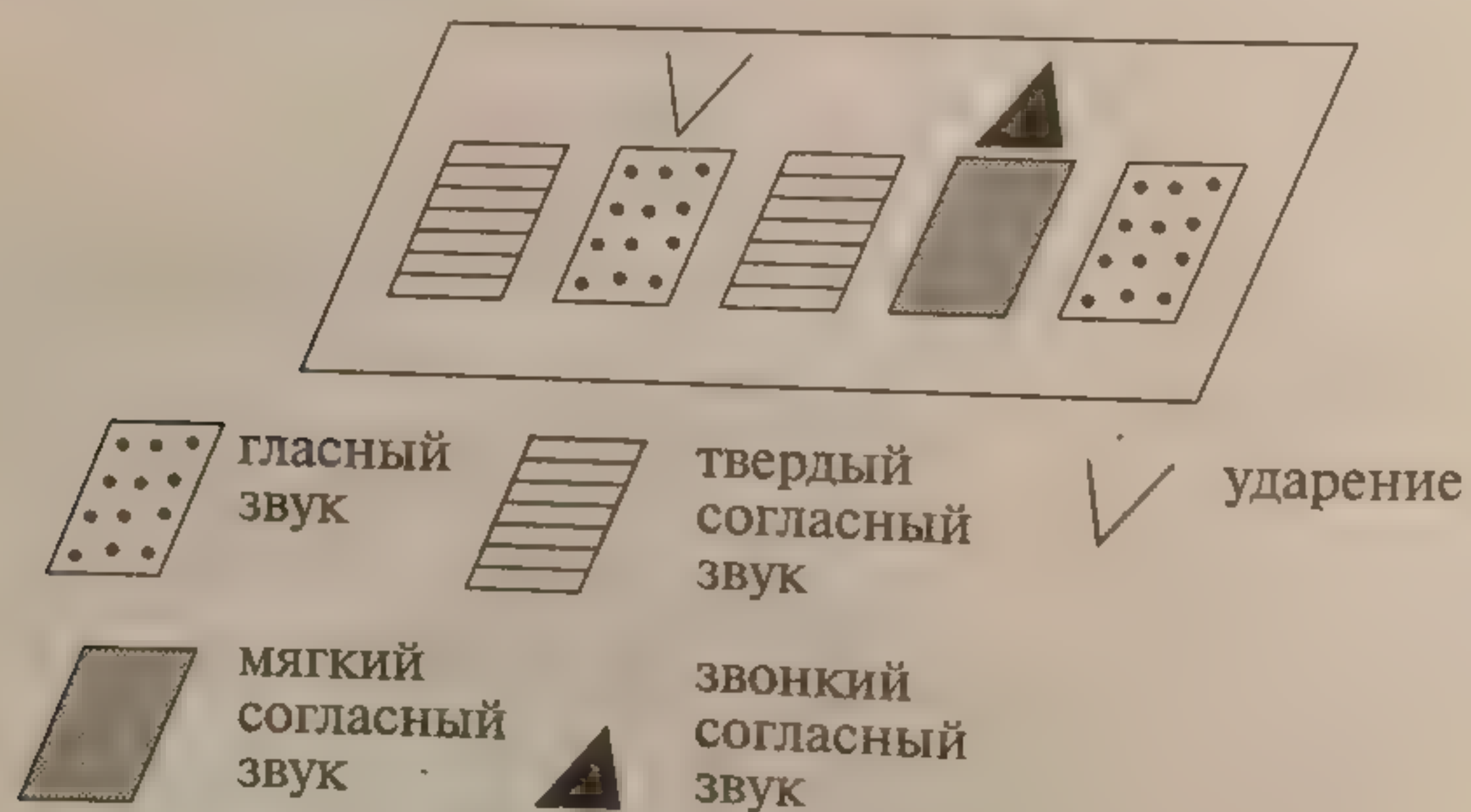

Рис. 101

Различение звонких и глухих согласных достигается путем демонстрации ребенку изменения смысла сло-

ва в зависимости от этого признака (род — рот, рог — рок и др.).

Для того чтобы ребенок научился правильно определять ударный звук, слово произносится с ударением на каждом гласном звуке и на слух определяется, какой вариант правилен (лѣса — лиса́).

На составлении полной модели фонемного состава слова при условии достаточного понимания всех ее элементов и успешного выполнения заданий, требующих придумывания соответствующих слов и их изменения, можно и закончить подготовку к обучению грамоте, оставив само усвоение чтения и письма (или по крайней мере выкладывание слов из готовых букв) на следующий год.

Но если ребенок хорошо овладел фонемным анализом, не будет большой ошибки и в том, чтобы двинуться дальше и перейти к постепенной замене фишек, составляющих модель слова, буквами. Следует только иметь в виду, что такая замена должна происходить в определенной последовательности и опираться на осознанное усвоение ребенком связи между фонемой (звуком) и буквой. Каждая гласная фонема обозначается двумя буквами: а — я, у — ю, э — е, о — ё, ы — и. Буква меняется в зависимости от того, какая согласная фонема (твердая или мягкая) находится перед гласной. И наоборот, две согласные фонемы (твердая и мягкая) обозначаются одной и той же буквой. Правильно прочесть слово можно только при условии, что твердое или мягкое произношение согласного звука заранее определяется в зависимости от того, какая гласная буква следует за согласной. Вот этому-то и необходимо прежде всего научиться ребенку, чтобы овладеть чтением. Поэтому вначале буквами заменяются фишки, обозначающие гласные фонемы, и только потом — фишки, обозначающие фонемы согласные.

Когда ваш ребенок познакомится с буквами, расскажите ему о том, как училась читать корова:

«Однажды я дал корове книжку и сказал:

— Прочти, что тут написано.

На первой странице была нарисована собака и было написано: ГАВ!

Г — прочла корова,

А — прочла корова,

В — прочла корова и сказала: МУ-У! — Не умеет читать.

На второй странице была нарисована кошка и было написано: МЯУ!

М — прочла корова,

Я — прочла корова,

У — прочла корова и сказала: МУ-У! — А про букву «я» забыла.

На третьей странице была нарисована корова и было написано: МУ-У!

М — прочла корова,

У — прочла корова и сказала: МУ-У! — Научилась читать!»

За порогом детской

С возрастом обогащаются знания ребенка об окружающем мире. Под руководством взрослых малыш знакомится с живой и неживой природой, с социальными явлениями.

Пятилетнему ребенку обычно уже известна смена времен года. Пора познакомиться с каждым сезоном подробнее. Зимой холодно. Но ведь бывают и оттепели. Чем они отличаются от весны? Тем, что это только краткий период тепла. Зима еще не кончилась, значит, скоро снова станет холодно. Травка, деревья, птички знают это, поэтому не появляются почки, не зеленеет обнажившаяся земля, не спешат вернуться ласточки. Когда

оттепель кончится, обязательно напомните ребенку, что вы с ним это предвидели:

— Помнишь, мы с тобой так и думали, что снова станет холодно.

Пятилетний ребенок интересуется всем, что видит вокруг, причем интерес его уже значительно более глубок, чем у четырехлетнего. Обратите его внимание на какой-либо предмет — и он тут же начнет выяснять у вас, для чего он, из чего сделан, что с ним будет, если бросить его в огонь, почему он именно такой, а не другой, и т. д. Старайтесь отвечать на эти вопросы, стимулировать их.

Вот вывороченный из земли пенёк. Во все стороны торчат корни. Для чего они? Когда это был не пенёк, а большое дерево, они его кормили. В корнях очень много маленьких-маленьких трубочек (они такие маленькие, что их даже не видно). По этим трубочкам из корней к стволу и листьям течет вода. Для деревьев вода, которую корни собирают под землей, как для людей суп, потому что в ней растворены вещества, которыми питаются деревья. Они растворены в ней так же, как сахар растворяется в чае. Вы видели корни у одного пня и рассказали ребенку, зачем они нужны. Не забудьте добавить, что они есть у всех деревьев. Для малыша это совсем не самоочевидно.

А есть ли корни у травинки? Осторожно вытащите из земли травинку и посмотрите. Да, у нее тоже есть корень. Только у дерева корень большой (оно ведь и само большое), а у травинки маленький. Сравните другие части дерева и травинки. У дерева ствол — у травинки стебель. И там, и там листики. Оказывается, дерево и травинка очень похожи.

Растения различаются не только величиной. Их можно разделить по самым разным признакам. Какие растения сажают люди, а какие вырастают сами? Какие съедобны, а какие нет? Кстати, этот вопрос имеет

большое практическое значение. Чем раньше ребенок научится отличать съедобные ягоды от «волчьих», тем лучше.

Если у вас есть сад, то вы сможете вместе с ребенком понаблюдать за появлением плодов. Отметьте на цветущем дереве какой-нибудь цветок, обвязав ветку около него ниточкой. Через некоторое время цветок облетит — вы увидите завязь. А вот это уже и не завязь, а плод, только еще незрелый. Вот он начал созревать. Созрел.

Пора поподробнее познакомить ребенка и с животным миром. Где какие животные живут? Как они передвигаются? Собаки, кошки, коровы, лошади ходят и бегают. Лягушка прыгает. Уж ползает. Птицы летают. Рыбы плавают. Прекрасно! А может ли собака тоже плавать? Оказывается, может. Значит, такое тоже бывает: живет на земле, но, если надо, может поплыть. Посмотрите вместе с ребенком, как плавают разные животные. Объясните ему, что и большинство других наземных животных умеет плавать, но не все они это любят. Например, кошку в воду не заманишь. А могут ли рыбы ходить? Конечно, нет, ведь у них нет ног. На суше рыбы умирают, им для жизни обязательно нужна вода. А вот лягушка одинаково хорошо чувствует себя и в воде, и на воздухе — в этом очень легко убедиться, посидев немного у любого пруда. Все птицы умеют ходить (или прыгать) по земле. Некоторые из них умеют плавать.

Расскажите ребенку, какие животные чем питаются. Постарайтесь в зоопарке попасть на кормление животных. И не удивляйтесь тому, что без специального ознакомления с этими вопросами у малышей подчас возникают самые фантастические представления. Один из основных источников информации у них — сказки. Лиса ест манную кашу, журавль — окрошку («Лиса и журавль»). Другой источник — собственный жизненный опыт, а он пока еще очень невелик. Неверные представ-

ления, возникшие на основе собственных наблюдений, скорректировать нетрудно.

— Собака не ест палки, она с ними только играет. Ведь у нее нет рук, поэтому она носит их во рту. А иногда грызет, чтобы поточить зубы, но не глотает, а выплевывает.

Со сказками дело обстоит несколько сложнее. Не надо отметать сказочные варианты как полностью неверные. Просто это не в жизни, а в сказке. В сказке все иначе. Там звери разговаривают, живут в домах, ходят в одежде. Все это как будто понарошку.

Еще одна тема для обсуждения — дикие и домашние животные. Домашние животные живут с человеком. Они ему помогают: корова дает молоко, курица — яйца, баран — шерсть (о мясе лучше не упоминать). Лошадь возит грузы. Собака сторожит дом, помогает человеку охотиться, охраняет стадо. Кошка ловит мышей. Человек кормит домашних животных, ухаживает за ними. Летом на даче можно пронаблюдать за тем, как пасут коров, заготавливают сено, чтобы им была еда на зиму. Дикие животные живут в лесу, или в поле, или в пустыне. Они сами добывают себе еду.

Ознакомление с живой природой прививает ребенку первоначальные биологические представления. Первоначальные же физические представления складываются у него благодаря знакомству с неживой природой. Для демонстрации физических явлений пятилетнему ребенку не нужны лазеры, синхрофазотроны, осциллографы. В кухне на плите закипает вода. Ее нагревает огонь. Вода все горячее — в этом можно убедиться, зачерпывая ее время от времени половником и трогая ее рукой. Когда вода становится совсем горячей, в ней начинают появляться пузырьки, их все больше и больше, и вот уже вода кипит.

Немало интересных экспериментов можно провести в яме с песком. Разровняйте песок. Возьмите каме-

шек и, держа на небольшой высоте, отпустите. Он упадет, вырыв в песке неглубокую ямку. Теперь поднимите тот же камешек повыше и снова отпустите. На этот раз он выроет ямку побольше. Объясните ребенку, что, падая с большей высоты, камешек разгоняется сильнее, значит, с большей силой ударяет по песку. Поэтому и ямка получается глубже. Можно сделать такую же глубокую ямку, бросая камешек с небольшой высоты, но тогда его надо не просто отпускать, а сразу с силой бросать вниз. Большой тяжелый камень падает с большей силой, чем маленький (не будем углубляться в физические понятия «энергия», «масса» и т. п.; слов «сильнее», «тяжелее» вполне достаточно). Пусть теперь ребенок сам попробует бросать камешки так, чтобы получались большие и маленькие ямки, убедится в том, что открытые вами закономерности существуют постоянно, а не от случая к случаю.

Еще одно явление, с которым стоит ознакомить пятилетнего ребенка, — плавание тел. Возьмите таз с водой и побольше разных некрупных предметов (например, ключ, металлическую ложку, иголку, деревянный кубик, деревянную ложку, спичку, несколько камешков разного размера). Что из них поплывет, что потонет? Давайте экспериментировать.

— Как ты думаешь, эта ложка поплывет или потонет? Проверим.

Деревянная ложка плавает. А что будет с металлической? Попробуем. Бросайте предметы по одному, каждый раз предварительно спрашивая у ребенка, поплывет предмет или потонет. После нескольких проб спросите, какие вещи плавают, а какие тонут. Скорее всего первые обобщения ребенка будут неверны. Например, он может решить, что большие предметы плавают, а маленькие тонут, или наоборот. Покажите ему, что он ошибся. Спичка и иголка маленькие, а одна из них плавает, другая тонет. Деревянная и металлическая ложки тоже одинакового размера.

Для следующей серии опытов вам понадобится не таз, а всего лишь стакан. Это опыты по растворению веществ в воде. Вода должна быть теплая. Бросьте в стакан немного сахарного песка, предварительно спросив у ребенка, что, по его мнению, произойдет. Скорее всего, он сразу ответит правильно. Размешайте сахар ложечкой. Ну вот, весь растворился. Значит ли это, что он совсем исчез? Конечно, нет. Ведь вода стала сладкой — сахар в ней есть, он просто не виден. В другой стакан бросим соль. Наверное, и тут ребенок правильно угадает ход событий. Правда, на вопрос о том, какой станет вода на вкус, многие дети отвечают «сладкой». Попробуем и эту воду. Соленая. Конечно, ведь в ней соль. Можно ли сделать, чтобы растворенные сахар и соль снова стали видны? Можно. Для этого необходимо, чтобы вода выкипела. Она выкипит, а сахар (соль) останется. Выпаривание удобнее всего проводить в чистой сковороде. Убедитесь вместе с ребенком в том, что из сладкой воды выпаривается сахар, а из соленой — соль.

Ознакомление с физическими явлениями попутно служит и знакомству со свойствами разных материалов. Но давайте познакомимся с ними подробнее.

Одни материалы твердые (металл, дерево, камень). Если на них нажать, они не изменят своей формы. Другие материалы мягкие (пластилин, ткань, вата). Они легко меняют форму при нажиме. Некоторые материалы (стекло, фаянс) выдерживают даже очень сильное давление — значит, они твердые. Но вот назвать их прочными нельзя: ведь они легко бьются.

Материалы могут изменять свои свойства под влиянием различных условий. Вот мягкая глина. А прошло полдня, и она затвердела. Чтобы она снова стала мягкой, ее надо размочить в воде. Пластилин твердеет на холоде и размягчается в тепле. Сухая вата очень плавуча — она плавает, почти не погружаясь в воду. А намокнув, она почти целиком уходит под воду.

Родителей, желающих подробнее познакомить детей с физическими явлениями и процессами, мы адресуем к книге, которая специально посвящена этой теме, Л. Л. Сикорука «Физика для малышей».

* * *

Ваш ребенок вырос еще на год. Может быть, уже в ближайшем году он пойдет в школу. И конечно, вас беспокоят возможные трудности. Как пойдет обучение чтению? Как он будет усваивать математику? «А вдруг мы с ним недозанимались, что-то упустили, не сформировали?» — этот вопрос задают себе многие родители.

«Тут описано столько разных занятий, а мы не провели со своим Петей и половины! Что теперь делать?» Прежде всего не считать, что вы что-то безвозвратно упустили. У вас еще будет время устранить пробелы в развитии ребенка, если они действительно есть. Только одна потеря невозполнима — это потеря детской свободы и раскованности. Если ее не было в дошкольном детстве, то в зрелые годы этого не наверстаешь. А без нее не будет самостоятельности мышления, не будет творчества. Вот почему мы еще раз хотим напомнить: занятия должны обогащать детскую деятельность, а не подменять ее. И если это оказывается не так, то их нужно отменить. Но надеемся, что наши советы помогут вам организовать игру, рисование, лепку, конструирование так, чтобы они не превратились в изучение игры, рисования, лепки и т. д. Чтобы ваш ребенок не потерял свежего и непосредственного отношения к миру, которое так свойственно пятилетнему малышу и так важно для его дальнейшего развития.

Эта глава книги
предыдущие. Ее с
дителей шестилет
вопросов, связан
возраста. Промеж
дошкольниками
является в наше
звательной шко
ваться в первых
Основная це
помочь родител
соотнести требо
ком их ребенка
ти ребенка к ш
торые пород
возникающим
возрастов.

Как д
стан

Казалось бы
вок этого ра
это иллюзия
первом и да
школьникам
теряют че
школьник

Эта глава книги построена несколько иначе, чем предыдущие. Ее своеобразие определяется тем, что у родителей шестилетнего ребенка возникает много новых вопросов, связанных с переходным характером этого возраста. Промежуточное положение шестилеток между дошкольниками и школьниками особенно явно проявляется в наше время, когда в ходе реформы общеобразовательной школы некоторые из них начинают обучаться в первых классах, другие остаются в детском саду.

Основная цель, которую мы ставим перед собой, — помочь родителям разобраться в специфике возраста и соотнести требование школы с психологическим обликом их ребенка, познакомить с диагностикой готовности ребенка к школе, выявить возможные трудности, которые порождаются психологическими проблемами, возникающими на рубеже дошкольного и школьного возрастов.

Как дошкольник становится школьником?

Казалось бы, ответить на вопрос, вынесенный в заголовок этого раздела, можно просто: поступает в школу. Но это иллюзия простоты. Есть дети, которые, обучаясь в первом и даже во втором, третьем классе, остаются дошкольниками. А есть и такие, что, поступив в школу, теряют черты дошкольника, но по-настоящему в школьников так и не превращаются. Разница между до-

школьником и школьником — не внешняя, а внутренняя, психологическая. И определяется она тем, как ребенок относится к другим людям — взрослым, сверстникам, к заданиям, которые он выполняет, а также тем, насколько развиты у него психические качества, необходимые для систематического усвоения знаний.

Для начала попробуем набросать психологический портрет младшего школьника, и не просто школьника, а, так сказать, *идеального школьника*, т. е. ребенка, который любит ходить в школу, успешно учится и, главное, под влиянием обучения успешно продвигается в своем умственном развитии.

Первое, что нас интересует, — это отношение ребенка к школе, учению, учителю, сверстникам, т. е. так называемая «позиция школьника», по определению известного психолога Л. И. Божович. Школа — это особое место, где учат и учатся, т. е. делают важное, необходимое и почетное дело. Учиться — это не то, что играть. Ты все время узнаешь что-то новое, становишься старше и умнее. И все понимают, что твоя учеба — это как папина работа, к ней надо относиться всерьез. Поэтому, когда тебе задали урок, ты имеешь право попросить, чтобы выключили радио, телевизор, чтобы тебе не мешали работать. И хорошо, когда задают уроки потруднее, — лучше чувствуешь, что к тебе относятся всерьез.

Учительница — самый знающий, самый уважаемый человек. То, что она говорит, всегда правильно и обязательно для всех. Она справедливая, любит всех детей одинаково. Отметку ставит за то, что ты знаешь и как стараешься. Очень приятно получать пятерки, но, если это не всегда получается, значит, надо стараться больше и в конце концов обязательно получится. Самые лучшие дети в классе — это те, кто выполняют школьные правила, старательно учатся и помогают товарищам...

Чувствуем, что у нас начал вырисовываться некий эталон ученика, на которого остается только молиться

учителям и родителям... Ничего не поделаешь, это и есть позиция школьника в ее чистом виде. Да и в самом деле многие младшие школьники достаточно явно ее придерживаются, нередко удивляя родителей своим пердантизмом в соблюдении школьных установлений. Однанажды семилетний Саша явился из школы и торжественно сообщил: «А мы сегодня букву «о» проходили!» Значимости этого события для ребенка можно было только удивиться, так как к поступлению в школу он уже бегло читал и неплохо владел письмом. А с какой уверенностью он несколько позднее отстаивал непогрешимость Нины Ивановны, которая «лучше знает, как надо писать», когда родители попытались утверждать, что в тетрадке сына она неверно исправила «зайчонок» на «зайченок» (случается и такое).

Но пойдем дальше в составлении задуманного портрета. Нашему идеальному первокласснику дано домашнее задание — заполнить строчку словом «мама». Он долго рассматривает образец и говорит: «Нет, так я написать не сумею. У меня плохо получается «а». Лучше сначала попробую в другой тетрадке». Представьте себе, у него есть специальная домашняя тетрадка для самостоятельных упражнений! Несколько раз выведя «а», он наконец удовлетворяется результатом и приступает к выполнению задания. Слово написано хорошо. Мама довольна: «Молодец, Миша. Ты, наверное, получишь пятерку». Но сам Миша не очень удовлетворен. «Смотри, вот в этом месте палочка не с таким наклоном, как у Анны Петровны»... Он снова берется за домашнюю тетрадку. «Анна Петровна показывала, как надо писать букву «а», чтобы было красиво»... Упорство, настойчивость, трудолюбие? Да, но не это главное. Главное, ребенок понимает: дело не в том, чтобы сейчас хорошо, красиво написать, и даже не в том, чтобы получить пятерку. Нужно научиться хорошо писать вообще, приобрести новое умение. И он старается этого добиться-

ся. И еще: он самостоятельно сверяет полученный результат с образцом, устанавливает, что сделано правильно, а что нет. На психологическом языке это звучит так: ребенок принимает учебную задачу, которая состоит в овладении новыми знаниями и умениями, он обращает внимание не столько на результат, сколько на сам способ выполнения действия, который определяет качество получаемого результата, наконец, он владеет особым действием самоконтроля, проверки правильности выполнения задания.

Что еще должно войти в психологический портрет воображаемого отличника? Конечно, на уроках он внимателен. Не ерзает, не болтает с соседом по парте и уж во всяком случае не вскакивает с места и не отправляется гулять по классу. Нет у него в парте и любимого зайчонка или маленькой машинки, которую время от времени можно потихоньку покатасть взад-вперед. Ведь, во-первых, что может быть для него важнее, чем рассказ учительницы, а во-вторых, он уже научился управлять собой, быть внимательным, не отвлекаться, даже если рядом происходит что-то необычное (например, сосед лезет под парту искать укатившуюся ручку). Это — *произвольность поведения*. Она сказывается во всем — в сосредоточенности внимания, в умении следить за ходом рассуждений учителя и других детей, своевременно выполнять указания, действовать в соответствии с правилами, целенаправленно заучивать заданное.

Но одной произвольности недостаточно. Ведь нужно не только слушать, но и понимать то, что рассказывает учитель, не только внимательно читать учебник, но и представлять себе то, о чем в нем написано, не только запоминать правила, но и сообразить, как их можно применить в том или другом случае. А значит, не обойтись без развитого восприятия, мышления, воображения, обеспечивающих сознательное усвоение и применение школьных знаний. Их тоже необходимо

включить в портрет, особо подчеркнув логическое мышление — умение сопоставлять факты, последовательно рассуждать, делать выводы.

Пожалуй, на этом можно было бы и закончить, если бы ребенок мог продержаться только на сознательности и произвольности. Практически это невозможно, и на помощь приходит интерес к самому учебному материалу — к тому, как жили люди в старину, как они живут в разных странах, к миру животных, к причинам, порождающим явления природы, и к тайнам математических вычислений.

А теперь обратимся к *типичному дошкольнику* и посмотрим, в какой мере он соответствует требованиям, предъявляемым к идеальному ученику.

Позиция дошкольника основана на совсем ином отношении к окружающим людям и своим собственным занятиям, чем позиция школьника. Мама и папа тебя любят, прощают тебе шалости и капризы и уж во всяком случае не будут ругать, если ты нечаянно разбил чашку. Конечно, бывает, что они сердятся и даже наказывают, потому что обижаются на тебя, но все это легко исправить: стоит только, даже если ты всерьез набезобразничал, сказать: «Я больше не буду», чтобы тебя простили. Конечно, им, взрослым, хорошо: им все можно, а вот тебе почему-то многое запрещается.

Детский сад — место, где играют. Занятия — это тоже игра: приходит Петрушка и просит помочь ему посчитать, сколько нужно чашечек, чтобы напоить чаем всех кукол. А если ты чего-нибудь не понял, сделал не так, тебя все равно похвалят — ведь ты старался. Елена Петровна — как мама, только ей труднее: детей много, а она одна. За всеми не уследишь. Поэтому ей надо сочувствовать, слушаться, не слишком шуметь.

Самый хороший мальчик в группе — Ваня. Он быстро кушает и с ним хорошо играть в шоферов — всегда что-нибудь интересное придумает. А кроме того, он живет со мной в одном дворе.

Наш дошкольник пришел домой из детского сада.

— Мама, а мы сегодня рисовали куклу-неваляшку. У меня такая смешная получилась! Как будто она согнулась. Потому что места не хватило.

— А какую вам задали рисовать?

— Елена Петровна поставила на стол красную неваляшку и говорит: «Рисуйте». А я синюю нарисовал, а Миша — желтую. Только у него ничего не видно.

— Ваши рисунки понравились Елене Петровне?

— Конечно. Она все поставила на выставку.

Конечно, если очень уж нажать на малыша, он постарается воспроизвести заданный образец. Но вот интересоваться тем, как этого добиться, никогда не станет. Важен только конечный результат, а способы действия усваиваются походя, незаметно для самого ребенка. Умеет ли дошкольник управлять собой? Произвольность ему не чужда. У шестилетки она проявляется, например, в том, что он может, стремясь участвовать в общей игре, заставить себя выполнять роль, которая ему не нравится, или намеренно заучивать наизусть стихотворение, чтобы прочитать его на празднике. Но сколько-нибудь длительное напряжение произвольного внимания, восприятия, памяти ему еще не по плечу.

Быть может, вы удивитесь: «Как, ведь мой Алешенька часами может возиться с конструктором — что-то строить, разбирать, опять строить. А интересную книжку слушает, не шелохнувшись, сколько бы ему ни читали». Интересную — да. Не следует путать внимание вообще с произвольным вниманием. Произвольное — это именно тогда, когда неинтересно, но нужно, полагается.

И еще. Понять для дошкольника — это значит наглядно представить себе ситуацию, о которой идет речь, вообразить ее. Как-то отец рассказал сыну о кузнецах, которые тяжелыми молотами куют раскаленное железо. «Понял?» — «Понял. Только как же они могут поднять такой большой молот. Ведь они маленькие!» Оказывает-

ся, ребенок представил себе знакомых ему зеленых кузнечиков, занятых столь тяжким трудом. Вообразить, представлять себе то, что описано в книжке, о чем рассказывает учитель, нужно и школьнику. Но там работа воображения четко направляется заданными рамками. Логика не дает выйти за пределы разумного. Здесь же, у дошкольника, этих логических ограничений еще нет, и возможным оказывается иногда самое невероятное.

Это дошкольник дома и в детском саду. Ну а что если ребенок остается дошкольником в школе?

Первоклассница Маша хвастается перед маминой гостьей: «У меня все отметки есть: единица, двойка, тройка, четверка и пятерка. А у Нины — только четверки и пятерки...» Гриша не выполнил домашнего задания. «Я не нарочно, я забыл», — уверяет он учительницу, однако, к своему полному удивлению, получает «двойку». «Татьяна Николаевна у нас злая, — жалуется он маме, — я говорил ей, что не нарочно, а она все равно поставила двойку».

— Что тебе больше всего нравится в школе? — спрашивает папа у Вадика.

— Больше всего — перемены. Там можно бегать и играть.

Такие дети переносят в школу позицию дошкольника, и не так-то просто ее изменить.

Далеко не до всех детей доходит и учебный смысл выполняемых ими заданий.

Вике задали на дом задачу: «Саша принес 6 морковок, а Оля — 4 морковки. 8 морковок они отдали кроликам. Сколько морковок осталось? $10 - 8 = 2$ — решает Вика. «Разве ты все написала? — спрашивает бабушка. — Откуда ты узнала, что у них было 10 морковок?» — «А я посчитала, 6 прибавить 4». — «Почему же ты этого не написала?» — «А зачем? Это я сразу посчитала. Ведь получилось правильно».

Ребенок думает только о результате. Как он получен — неважно. Способ может остаться и за сценой.

Много казусов у маленьких школьников бывает из-за того, что учебные задачи вызывают у них представления о жизненных ситуациях, и решение подменяется ссылками на собственный опыт (заметим, кстати, что в психологии решением задачи называется всякое действие, направленное на достижение определенной цели в соответствии с заданными или найденными самостоятельно условиями и вовсе не обязательно связанное с математическими вычислениями).

— В большой корзинке лежало 8 апельсинов, а в маленькой — на 3 меньше. Сколько было апельсинов в маленькой корзинке?

— Три.

— Почему ты так решил?

— А у меня есть маленькая корзинка, туда больше не поместится.

— Мама купила пять конфет. Три съела сама, а остальные дала дочке. Сколько конфет получила дочка?

— Это неправильная задача. Мамы такими не бывают!

— Посчитайте, сколько слов в предложении «Ваня и Витя пошли в лес».

— Два! Ведь там были только Ваня и Витя, больше никого не было.

Шесть лет — именно тот возраст, в котором при благоприятных условиях воспитания ребенок из дошкольника постепенно превращается в школьника. Конечно, не обязательно в того идеального ученика, психологический портрет которого мы пытались набросать выше. Но основные качества, необходимые для успешной учебы, он должен приобрести. И долг родителей состоит в том, чтобы помочь ему в этом.

У нас в стране в результате реформы общеобразовательной школы в первый класс принимаются дети, достигшие шести с половиной лет. Часть шестилетних детей учится в первых классах, часть — проходит про-

грамму в подготовительных группах детского сада и часть — воспитывается в семейных условиях. Но где бы ни находился ребенок, самое главное — готовить его к систематическому обучению. Такое утверждение может показаться странным по отношению к шестилетним первоклассникам — ведь они уже школьники. Однако основные задачи первых классов четырехлетней начальной школы — именно подготовительные. Это постепенное приучение детей к условиям систематического обучения, формирование у них умения учиться. При этом на завершающем этапе начального обучения сохраняется объем знаний и умений, предусмотренный действующими программами четырехлетней начальной школы.

Итак, подготовка к систематическому обучению. Как ее проводить? Нелегко давать по этому поводу общие рекомендации. Ведь нужно считаться с рядом обстоятельств. Главные из них — условия, в которых находится ребенок, и уже сложившийся у него уровень развития школьных качеств.

В большинстве случаев родители шестилетнего ребенка делят бремя его воспитания с учителем или воспитателем, и линия их поведения должна согласовываться с тем, что и как приобретают их сын или дочь в школе или детском саду. Второй вариант — только домашнее воспитание. Тут родителям шестилетки приходится хотя бы частично сочетать свои собственные функции с функцией учителя.

Кроме того, в зависимости от предшествовавшего воспитания (а также от многих причин, учесть которые мы далеко не всегда в состоянии), шестилетка может психологически находиться ближе к «полюсу» дошкольника или к «полюсу» школьника, что, конечно, потребует совершенно разных приемов воспитания.

Попробуем на время отвлечься от этих различий и наметить общую стратегию подготовки ребенка к систематическому обучению, кем бы она ни проводилась.

Краткая формулировка этой стратегии будет выглядеть так: формирование психических качеств, необходимых школьнику, следует осуществлять не вопреки тем качествам, которые характерны для дошкольника, а на их основе.

Прежде всего это касается соотношения между дошкольными и школьными видами деятельности, т. е. между игрой (а также продуктивными видами деятельности) и учением. Соотношение это очень непростое.

Мы уже говорили о том, как сама игра, преобразуясь, подводит ребенка к порогу учения: в ней выступают на первый план соблюдение правил и установка на получение определенного результата (достижение выигрыша). Теперь разберем это более подробно. В их «чистом» виде игра и учение на первый взгляд прямо противоположны друг другу. Основной вид детской игры — совместная сюжетно-ролевая игра — основана на добровольном объединении детей, на свободном полете их фантазии, она не терпит регламентации со стороны взрослых. Учение в его школьной форме — обязательная деятельность, требующая последовательных рассуждений в рамках заданных правил и строгого руководства взрослого. И все же именно в сюжетно-ролевой игре складывается ряд качеств, необходимых школьнику. Обычно дети берут на себя роли взрослых людей, занятых общим делом. И взаимоотношения, отображаемые в игре, подчиняются правилам, по которым строятся реальные взаимоотношения взрослых. Поэтому в сюжетно-ролевой игре дети постепенно учатся не просто подчиняться правилам «вообще», но подчиняться правилам общественного поведения.

Не менее важно для подготовки детей к систематическому обучению и то, что сюжетно-ролевая игра развивает умение общаться со сверстниками, согласовывать с ними свои замыслы, обмениваться мнениями и намерениями. Дети постепенно приобретают способ-

ность рассуждать, обосновывать свое мнение, считаться с мнением другого. И это не только овладение навыками общения, которые сами по себе очень нужны для вхождения ребенка в классный коллектив, но и формирование важной стороны мышления. Способность рассуждать, обдумывать какой-либо вопрос, задачу рождается из обсуждения их с другими людьми. Оно показывает ребенку, что по каждому вопросу могут быть разные мнения, побуждает его понимать и учитывать возможную точку зрения другого. Многие психологи утверждают, что рассуждение — это спор с самим собой.

В сюжетно-ролевой игре дети становятся взрослыми, властвуют, подобно взрослым, над вещами и событиями, обладают их авторитетом и правами. Но все это только «понарошку». И в конечном счете именно вживание в роль взрослого приводит к тому, что ребенок перестает удовлетворяться иллюзорным изменением своего места среди окружающих и начинает стремиться к тому, чтобы и в самом деле его изменить, приобрести новое положение человека, занимающегося серьезным, уважаемым всеми делом, — положение школьника.

Руководство сюжетно-ролевой игрой, обсуждение содержания игр и возникающих в их ходе ситуаций, фиксация внимания играющих детей на взаимоотношениях взрослых людей, их правах и обязанностях — значительная часть той помощи, которую взрослые могут оказать ребенку в подготовке к систематическому обучению. Необходимо помнить, что руководство сюжетно-ролевой игрой — дело чрезвычайно деликатное, требующее от взрослых большого такта. Взрослый может выступать только инициатором, доброжелательным советчиком, арбитром, разрешающим споры.

Сюжетно-ролевая игра необходима ребенку на всем протяжении седьмого года жизни, в каких бы условиях он ни воспитывался. Она продолжает существовать и развиваться наряду с учением, исподволь подготавливая

коренной сдвиг в отношении ребенка к окружающим и к самому себе, стремление заниматься серьезной деятельностью.

Но сюжетно-ролевая игра — не единственный вид детской игры. Читатель, конечно, помнит о дидактических играх. Дидактическая игра — игра только для ребенка, для взрослого она — способ обучения, сообщения ребенку знаний, выработки у него умений и навыков. В отличие от сюжетно-ролевой игры, где действия детей не имеют результата (смысл игры в больницу — лечить, а не вылечить больного, смысл игры в путешествие на пароходе — плыть, а не приплыть куда-либо), действия, выполняемые в дидактической игре, всегда имеют тот или иной результат, и соблюдение правил необходимо именно для достижения этого результата. Примерами могут служить описанные нами раньше игры с использованием плана, где результат — нахождение спрятанного предмета, или любые игры типа детского лото, результат которых — заполнение (накрывание) всех клеток карты. В дидактической игре результат действий привлекателен для детей либо сам по себе (содержит сюрпризный момент, разрешает какую-либо сюжетную ситуацию), либо в силу соревновательного характера (первым прийти к финишу, набрать больше очков, чем другие, и т. п.).

Основное отличие дидактической игры от прямого обучения в том, что именно результат привлекает ребенка, делает для него выполнение действий по правилам интересным, увлекательным. Усвоение знаний выступает в этом случае как побочный эффект. В этом отношении с дидактическими сходны и многие подвижные игры, но место усвоения знаний в них занимает овладение определенными видами движений, физическое развитие (хотя есть и подвижные игры, способствующие развитию глазомера, смекалки и т. п.).

В дидактических и подвижных играх возможны значительно более прямые формы руководства со стороны

взрослого, чем в играх сюжетно-ролевых. Взрослый, выступая как организатор (а зачастую и участник) игры, ставит игровую задачу, объясняет правила, следит за их выполнением, оценивает результат игры. Он находится как бы на полпути от равноправного партнера к учителю.

Переход от дидактической игры к обучению школьного типа связан с изменением характера ставящихся перед детьми задач. В учебных задачах результат выполняемых действий сам по себе обычно непривлекателен (написанное слово, решенный математический пример, задачка и т. п.). Центр тяжести теперь и для самого ребенка переносится на усвоение знаний, умений, навыков.

Правильный результат решения каждой отдельной задачи — только свидетельство такого усвоения. И оценивается учителем не он, а именно проявившиеся при его получении знания и умения (за самое лучшее решение примера полагается «двойка», если оно списано у другого).

Но и в обучении, особенно на первых порах, могут использоваться (и используются) отдельные игровые приемы. Это уже не дидактическая игра: сами задачи носят учебный характер. Однако для того, чтобы сделать задачу привлекательнее, можно, например, включить ее в игровой сюжет («Мы должны помочь зайчонку написать письмо своей маме»... «Самоделкин просит нас посчитать, сколько ему понадобится гвоздей, чтобы сколотить табуретку»), предложить ребенку определенную роль («Ты как будто бы космонавт и должен сообщить на Землю, как проходит полет...»), ввести момент соревнования (кто придумает больше слов на букву «А») и т. п.

Дидактические игры и игровые приемы при постановке учебных задач можно назвать игровыми формами обучения. Их использование для подготовки ребенка к систематическому обучению облегчает переход к учебным задачам, представленным в чистом виде, делают его

постепенным. Это означает, что на протяжении года удельный вес игровых и собственно учебных форм должен меняться. Если вначале преобладают первые, то затем ведущее место занимают вторые. По мере такого сдвига будет возрастать уровень произвольности поведения ребенка, его готовность учиться. Вместе с тем будет меняться и функция взрослого, превращение его из старшего партнера в учителя, требование которого — закон.

Не меньшие возможности, чем игра, дают для подготовки ребенка к систематическому обучению те виды детской деятельности, которые мы называем продуктивными: рисование, конструирование, лепка, изготовление поделок из разных материалов.

Они близки к учению уже хотя бы потому, что входят в число школьных предметов. Рисование — особый предмет, а конструирование, изготовление поделок — важные составные части уроков труда. Но все эти виды продуктивной деятельности дошкольника — еще не учение. Они все-таки еще гораздо ближе к дидактической игре. Для ребенка главное — получить задуманный результат: рисунок, дворец из строительного материала или забавную игрушку-самоделку. Способам же его получения он учится попутно. Чтобы продуктивная деятельность превратилась в учение, необходима та же метаморфоза, что и с дидактической игрой, — перенос центра тяжести с результата на способ, его сознательное усвоение. Иначе говоря, превращение продуктивной задачи в учебную. Наиболее благоприятные условия для такого превращения создаются в совместной продуктивной деятельности, когда в ней участвуют два-три ребенка, причем обязанности между ними распределены таким образом, что можно четко установить зависимость общего результата от того, как выполнял свою функцию каждый участник.

Предположим, два ребенка вместе готовят аппликацию. Один из них вырезает фигурки из цветной бумаги,

а другой размещает их на листе и наклеивает. При последующем обсуждении (с участием взрослого) выясняется, насколько хорошо получилась аппликация, а если замысел оказался реализованным недостаточно четко и полно или имеются те или иные погрешности — кто в этом виноват, какие ошибки в действиях каждого привели к неправильному или плохому результату, какие правила выполнения этих действий были нарушены? Персонификация отдельных звеньев общей работы, ответственность, которую несет при этом каждый ребенок за свое звено, вызывают значительно большие сдвиги во внимании детей к способам выполнения действий, чем при их индивидуальном выполнении.

Один из вариантов совместного выполнения продуктивных заданий состоит в том, что участники общей работы попеременно выступают в функции исполнителя и контролера, проверяющего качество результата, его соответствие заданию (или образцу). Такая организация продуктивной деятельности способствует не только осознанию способов выполнения заданий, но также усвоению действий контроля и самоконтроля.

Соотношение дошкольных и школьных видов деятельности тесно связано с соотношением образного и логического (понятийного) мышления, хотя эта связь отнюдь не однозначна. Сказать, что дошкольник мыслит образами, а школьник понятиями, можно, только очень сильно огрубляя действительное положение вещей. Если же разобраться в нем детальнее, то оказывается, что в дошкольных видах деятельности действительно преобладают образные формы мышления, в решении же собственно учебных задач — логические. Но, во-первых, уже внутри образного мышления при правильном руководстве его развитием закладываются основы логики, во-вторых, у школьника логическое мышление ни в коем случае не должно вытеснять образного, а, напротив, должно дополнять его и органи-

зовывать. Мышление в понятиях обеспечивает ребенку организацию и систематизацию знаний, понимание смысла учебных задач, последовательность в рассуждениях. Мышление в образах — основа самостоятельности и оригинальности решений, возможности выходить за рамки заданного, создавать и воплощать замыслы рисунков, конструкций, сочинений и т. п.

Поэтому обеспечить полноценную подготовку ребенка к систематическому обучению может только путь, ведущий к логическому мышлению через развитие образного и в итоге приводящий к их взаимодействию. Этот путь начинается задолго до шести лет, и его описание явилось основным содержанием нашей книги.

Все, что мы говорили до сих пор о стратегии подготовки ребенка шести лет к систематическому обучению, как бы обезличено: это относится к среднему ребенку и к совместному воздействию на его развитие со стороны школы (или детского сада) и семьи. Попробуем теперь выделить то, что приходится на долю родителей в зависимости от конкретных условий, в которых находится ребенок, и конкретных особенностей самого ребенка.

Предположим, ребенок учится в первом классе или воспитывается в подготовительной группе детского сада. Различия могут оказаться весьма существенными. Школьный учитель имеет свой опыт работы с детьми, воспитатель — свой. Поэтому в большинстве случаев в школе делается больший упор на жесткое обучение, в детском саду — на использование игровых форм. Но бывает и по-другому. Дело родителей — разобраться в том, как учат их ребенка, какие требования к нему предъявляют, в какой мере поведение соответствует этим требованиям, и на этой основе выработать линию семейного воспитания.

В педагогических книгах много говорится о необходимости единства требований школы и семьи. В целом это, конечно, верно. Но кроме принципа единства тре-

бований целесообразно говорить о принципе дополнения. Это значит, что в семейном воспитании часто бывает нужно дать ребенку то, чего он недополучает в школе или детском саду.

Идеальный вариант — когда учительница (воспитательница) вашего ребенка учитывает особенности возраста и постепенно готовит детей к систематическому обучению, используя весь арсенал имеющихся для этого средств. Если так, то вам повезло, и никакого дополнения не требуется. Достаточно, пользуясь советами учительницы, осуществлять единство требований. Но, к сожалению, так бывает не всегда.

Возьмем несколько типичных примеров, в которых родителям необходимо проводить свою особую линию воспитания.

У ребенка строгая учительница (воспитательница), которая с самого начала предъявляет жесткие требования. Она следит за тем, чтобы на уроке все сидели по струнке, четко отвечали на заданный вопрос, аккуратно вели тетрадки. И ребенку это явно по душе. Он горд тем, что учится, скрупулезно исполняет все требования. Случай, казалось бы, благополучный, и родителям остается только радоваться, да еще, пожалуй, если ребенок обращается за помощью, эту помощь оказывать, объяснять то, что непонятно, следить за правильностью выполнения учебных заданий.

Радоваться, однако, еще рано. Не обделен ли ваш малыш игрой, фантазией? Не слишком ли пунктуален в выполнении учебных заданий? Всегда ли старается понять их смысл или, быть может, действует автоматически только потому, что «так сказали»? Попробуйте все это проследить, и если увидите, что есть опасность превращения ребенка в маленького педанта, формально заучивающего учебный материал, постарайтесь обогатить его жизнь игрой, чтением сказок, задачками на сообразительность, интересными практическими делами.

Другой пример. У той же строгой учительницы (воспитательницы) ребенок «не тянет». Не хватает интереса, внимания. На уроках он отвлекается, постоянно получает замечания, а как только приходит из школы, стремится любым путем вырваться во двор, поиграть со сверстниками. Не спешите во имя единства требований ругать малыша, стыдить его, настаивать на беспрекословном выполнении школьных обязанностей. Постарайтесь, воспользовавшись нашими советами, вести его к учению через игру. Узнавайте, какие задания даются в классе, и постарайтесь добиться их выполнения в домашних условиях, включая их в дидактическую игру или используя игровые приемы. И конечно, всячески поднимайте в глазах ребенка авторитет учителя (с этой целью можно, в частности, использовать сюжетно-ролевую игру).

Что касается работы по развитию мышления, то она будет полезна ребенку при любых обстоятельствах. Важно только его не перегрузить. Кроме того, не стоит использовать дома тот же самый материал, по которому обучают ребенка в школе или детском саду.

Мы предлагаем ряд заданий на развитие мышления с использованием условных заместителей и наглядных моделей. Вполне пригодна для шестилеток работа и с теми видами моделей, которые мы описывали раньше, говоря о развитии мышления пятилетних детей: планами пространственных ситуаций, чертежами конструкций, схематическими планами последовательности эпизодов сказок и рассказов, логическими схемами. Но сами формы этой работы следует постепенно видоизменять.

Для пятилетних детей мы рекомендовали либо задания, где ребенок использует готовую модель, составленную взрослым (ищет предмет или выбирает дорогу, пользуясь планом пространства, строит конструкцию по предложенному чертежу и т. п.), либо задания, тре-

бующие от ребенка самостоятельного изготовления модели определенного объекта (чертежа готовой конструкции, плана прочитанной взрослым сказки).

Шестилетку можно постепенно подводить к изготовлению моделей по собственному замыслу с последующей их реализацией. Задания при этом будут звучать примерно так: «Придумай, как построить красивый дворец для принцессы. Сначала нарисуй, каким он будет, а потом построй». Или: «Придумай сказку про зайчонка, который заблудился в лесу. Нарисуй, что с ним произошло, а потом расскажи». Переход к выполнению таких заданий и будет переходом к построению модельных представлений: ведь для того, чтобы по собственному замыслу начертить на бумаге проект будущего дворца, сначала этот проект необходимо построить в голове!

Последующая реализация замыслов, выраженных в виде графических моделей, покажет, насколько в этих замыслах были учтены все необходимые условия (например, количество и особенности имеющегося строительного материала для возведения дворца), соблюдены требования к конечному продукту (последовательность событий в рассказе, сказке, устойчивость конструкции и др.).

Сравнение модели, выражающей замысел, и конечного продукта, выяснение причин, по которым они не совпадают между собой, — прекрасный способ уточнения, конкретизации замыслов, их подчинения системе правил и одновременно фиксации внимания ребенка на способах выполнения продуктивных заданий. Иначе говоря, в процессе такой работы, с одной стороны, развитие образного мышления ребенка сочетается с овладением элементами логических рассуждений, а с другой стороны, им начинает осознаваться смысл учебных задач.

Выполнение продуктивных заданий с предварительным графическим выражением замысла с успехом может быть использовано и для организации совместной деятельности, выполняемой двумя детьми (или ребенком и взрослым). Один из участников создает модель, другой ее реализует. Затем они вместе обсуждают результат, его достоинства и недостатки и определяют, что следует отнести за счет модели, что — за счет ее реализации. В следующий раз участники меняются функциями.

Как «измерить» готовность к школе

Мы хотим порекомендовать вам методики, позволяющие проверить уровень готовности ребенка к школе по некоторым показателям умственного развития. Они ни в коей мере не исчерпывают всех сторон готовности, о которых мы говорили раньше, но помогают выявить наиболее типичные причины, приводящие к трудностям в начальном обучении.

Не следует полагаться на эти методики стопроцентно. Возможно, ваш ребенок не справился с каким-либо заданием не из-за недостаточного уровня развития, а из-за усталости. Или, может быть, вы не совсем правильно использовали методику. Но все же в случае, когда результаты значительно ниже приводимых нами норм, следует проконсультироваться со специалистом.

И еще одно предупреждение. Ни в коем случае не натаскивайте ребенка на выполнение проверочных заданий. Это не повысит общего уровня его психического развития, а только лишит вас возможности правильно оценить этот уровень.

Рекомендации о построении занятий с детьми, показавшими по предлагаемым нами методикам низкий результат, приводятся далее.

Давайте начнем с проверки того, насколько хорошо ваш ребенок умеет слушать и выполнять указания взрослого. Это умение окажется необходимым с первых же дней обучения в школе. Ведь даже умный, способный и много знающий ребенок не сможет ничего усвоить, если он плохо воспринимает то, что говорит учительница.

Возьмите тетрадный лист в клетку и предложите ребенку поучиться рисовать красивые узоры.

— Я буду говорить тебе, как проводить линии, а ты рисуй то, что я диктую, — объясняете вы. — Ты помнишь, где у тебя правая рука? Правильно, это та, в которой карандаш. Ну-ка, вытяни ее в сторону. Куда она показывает?

— На дверь.

— Значит, когда я скажу, что надо провести линию направо, ты проведешь ее в сторону двери. А куда покажет левая рука?

— К окну.

— Правильно. Когда я скажу «налево», ты проведешь линию по направлению к окну. Я буду говорить не только, в какую сторону проводить линию, но и какой она должна быть длины — в одну или в две клеточки. Рисуй только то, что я скажу. Когда проведешь линию, остановись и жди, пока я не скажу, как проводить следующую. Новую линию надо начинать там, где кончилась предыдущая.

Теперь покажите ребенку, откуда начинать рисовать узор (начинать нужно в левом верхнем углу листа, немного отступив от краев), и диктуйте:

— Одна клетка вверх. Одна клетка направо. Одна клетка вниз. Одна клетка направо. Одна клетка вверх. Одна направо. Одна вниз. Одна направо. Одна клетка вверх. А теперь сам рисуй дальше узор, который у тебя получается.

При правильном выполнении «диктанта» должен получиться такой узор (рис. 102).

Рис. 102

Если ребенок допускает ошибки, поправьте его: этот узор тренировочный. Рисуя его, ребенок должен лучше понять инструкцию. При самостоятельном продолжении узора его нужно довести до конца строчки.

Когда этот узор готов, покажите ребенку, откуда начинать следующий, и диктуйте:

— Две клетки вверх. Одна клетка направо. Одна клетка вверх. Две направо. Одна вниз. Одна направо. Две клетки вниз. Две направо. Две вверх. Одна направо. Одна клетка вверх. Две направо. Одна вниз. Одна клетка направо. Две вниз. Дальше рисуй это узор сам.

Теперь уже по ходу рисования не дается никаких дополнительных указаний, ошибки не исправляются. Когда узор доведен до конца строки, начинайте диктовать следующий:

— Две клетки вверх. Две клетки направо. Одна клетка вниз. Одна клетка налево (слово «налево» нужно слегка выделить голосом). Одна клетка вниз. Две направо. Две вверх. Две направо. Одна вниз. Одна налево. Одна вниз. Две клетки направо. Дальше рисуй сам.

И наконец, последний узор:

— Две клетки вверх. Одна клетка налево. Две клетки вверх. Одна клетка направо. Одна вниз. Две направо. Одна вниз. Одна налево. Две клетки вниз. Одна направо. Одна клетка вверх. Две направо. Одна вверх. Одна налево. Две клетки вверх. Одна направо. Одна клетка вниз. Две направо. Одна вниз. Одна клетка налево. Две клетки вниз. Дальше рисуй сам.

На этом рисунке (рис. 103, а) изображены диктуемые узоры (без тренировочного).

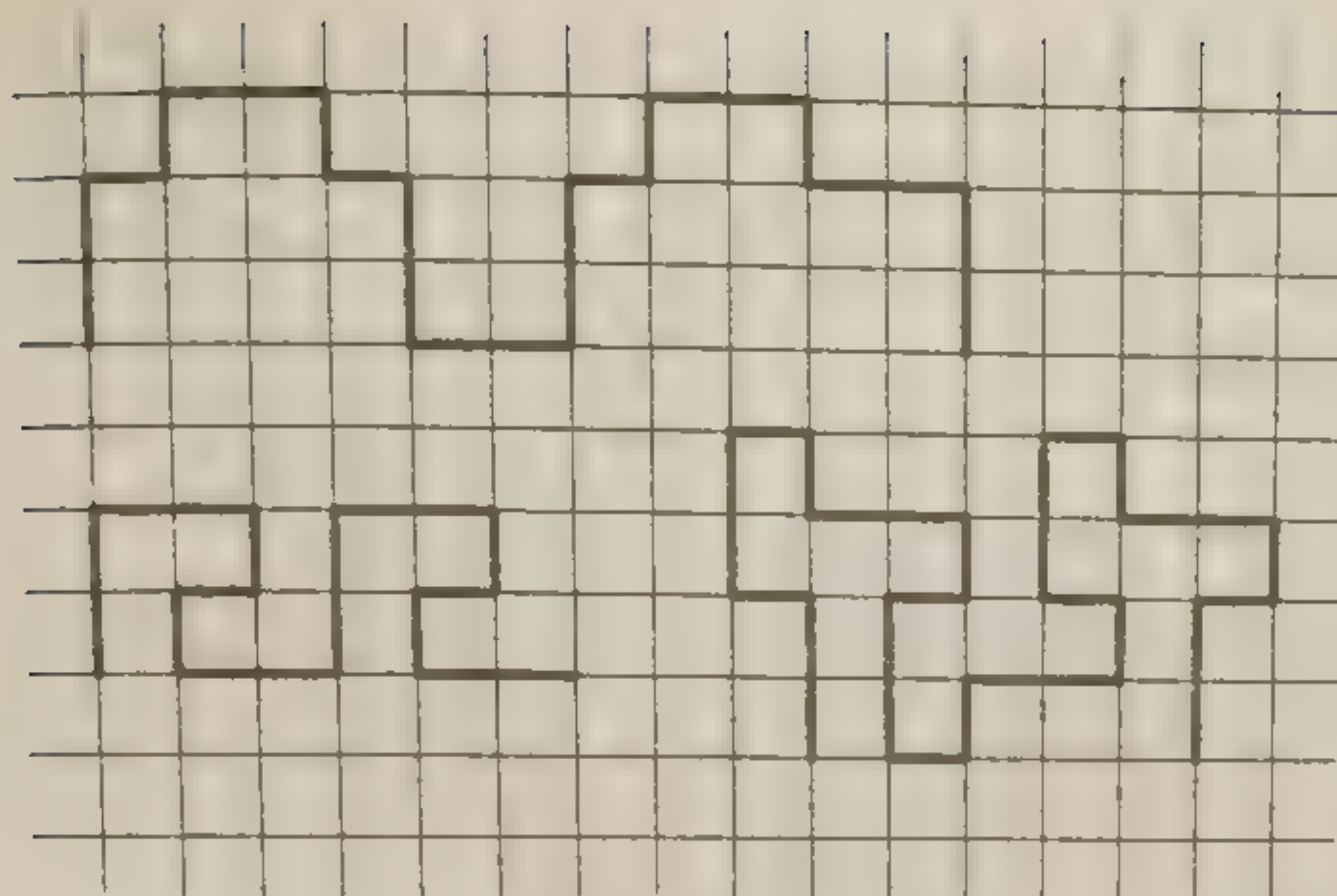

Рис. 103 (а)

Теперь оценим уровень выполнения каждого узора. Выполнение узора под диктовку и его самостоятельное продолжение оцениваются порознь. Самый высокий уровень — это, разумеется, безошибочное воспроизведение узора. Его оценивают в 4 балла. Если имеются одна-две ошибки, ставится 3 балла. За большее число ошибок — 2 балла. Если ошибок становится больше, чем правильно воспроизведенных участков узора, то ставится 1 балл (рис. 103, б). И наконец, если правильных участков узора нет вовсе, то ставится 0 баллов.

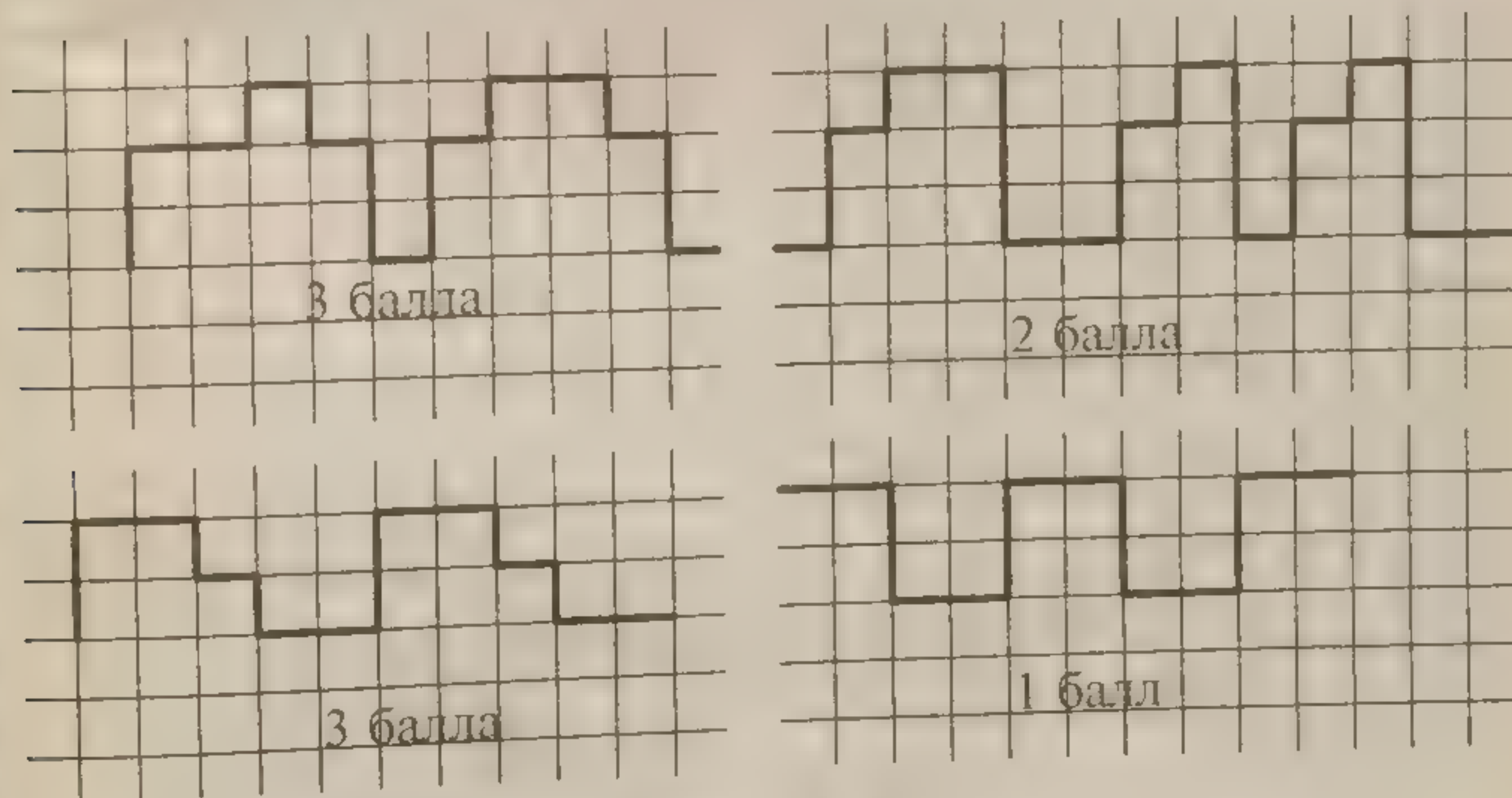

Рис. 103 (б)

Теперь сложите все баллы, полученные ребенком за выполнение узоров под диктовку (сумма может составить от 0 баллов, если все выполнено совершенно не-

верно, до 12 баллов, если все три основных узора воспроизведены безошибочно). К концу седьмого года жизни о хорошем уровне ориентации на указания взрослого свидетельствует балл не ниже 7. Если же ребенку только недавно исполнилось шесть лет, то вполне достаточно и 5 баллов.

Оценки самостоятельного продолжения узоров обычно бывают несколько ниже. В качестве ориентировочной нормы можно указать 5 баллов для конца седьмого года жизни и 4 балла — для его начала.

Важное значение для успешного обучения в школе имеет уровень развития памяти. Для начала давайте проверим так называемую механическую память — когда для запоминания предлагается бессмысленный набор слов. Проверку надо проводить в спокойной обстановке, когда ребенок не возбужден. Очень важно, чтобы во время проверки не было никаких отвлекающих внимание предметов, звуков и т. п. Обязательно убедитесь в том, что ребенок действительно старается запомнить слова, а не думает в это время о чем-нибудь другом.

Вы говорите: «Сейчас мы посмотрим, какая у тебя память. Я прочту тебе слова, а ты повторишь все слова, которые запомнишь. Мы посчитаем, сколько ты повторил слов, и увидим, много ты запомнил или мало. Слушай слова внимательно. Начинай повторять, как только я кончу читать. Готов? Читаю».

Дав эту инструкцию, вы зачитываете десять слов, не связанных между собой по смыслу. Большинство из них должны быть односложными, но два-три слова могут быть и двухсложными. Вот один из возможных наборов слов: *год, слон, мяч, мыло, соль, шум, рука, пол, весна, сын*.

Слова надо читать четко, ровным голосом, не торопясь (чтение всего списка должно занимать не менее 20 секунд). Нужно потренироваться в таком чтении заранее (без ребенка). Прочтя все слова, надо кивнуть ребенку, чтобы он понял, что пора их повторять. Если он

...ит. мож
ну. повтор
Дм фикс
... в котору
примосит
тик. Затем по

Год	+
Слон	+
Мяч	
Мыло	
Соль	-
Шум	
Рука	
Пол	
Весна	
Сын	

По ходу
не допусти
его, ни с в
«А больше
нишь еще х
шается вос
говорить эт
этом, ответ
Какое слово
Но вот
удалось зап
рукцию:

молчит, можно негромко спокойным тоном сказать: «Ну, повтори».

Для фиксации ответов ребенка используйте таблицу, в которую вписаны все десять слов. Когда ребенок произносит одно из слов, напротив него ставится крестик. Затем подсчитывается общее число крестиков.

	I	II	III	IV	Отсроченное
Год	+				
Слон	+				
Мяч					
Мыло					
Соль	+				
Шум					
Рука					
Пол	+				
Весна	+				
Сын	+				

По ходу припоминания ребенком слов старайтесь не допустить никаких посторонних разговоров — ни с его, ни с вашей стороны. Когда он кончит, спросите: «А больше ничего не помнишь? Может быть, вспомнишь еще хоть одно словечко?» Учтите, что слова разрешается воспроизводить в любом порядке. Специально говорить этого ребенку не надо, но если он спросит об этом, ответьте: «Говори так, как будет вспоминаться. Какое слово вспомнилось, то и говори».

Но вот ребенок воспроизвел все слова, которые ему удалось запомнить. Теперь пора дать следующую инструкцию:

— Молодец, ты много запомнил. Но все-таки еще не все слова. Давай я прочту их снова, а ты снова повторишь. Постарайся повторить их все. Те, которые ты в этот раз уже говорил, ты все равно скажешь снова. Хорошо?

После этого вы снова читаете все десять слов (так же ровно и медленно, как в первый раз, не выделяя интонацией слова, которые ребенок забыл). Результаты второго воспроизведения вы заносите во второй столбик таблицы.

Как правило, ребенку и со второго чтения не удастся запомнить все слова. Тогда вы читаете их в третий раз и, если надо, в четвертый. Процедура остается той же, что раньше. Больше четырех раз читать слова не нужно. Пятый столбик в таблице оставлен для другого — для проверки отсроченного воспроизведения. Она проводится через час после заучивания, заранее предупредить о ней не нужно.

Вы вдруг вспоминаете:

— Таня, помнишь, мы с тобой сегодня учили слова? Интересно, ты еще какие-нибудь из них помнишь или нет? А ну-ка, скажи все слова, которые помнишь.

В результате подобной проверки вы получаете набор из нескольких цифр — это показатели того, сколько слов вспомнил ребенок после каждого прочтения, а также после отсрочки в 1 час. Цепочка цифр может быть такой: 5—8—10/8 (после косой черты ставится количество слов, воспроизведенных через час). В данном случае ребенок выучил все слова за три раза, поэтому четвертое чтение слов отсутствовало. Эта последовательность характеризует хорошую механическую память. О хорошей памяти говорят следующие показатели:

- 1) с первого раза ребенок вспомнил не менее 5 слов;
- 2) в итоге (после трех-четырех чтений) выучено 9—10 слов;
- 3) за час ребенок забыл не более двух слов из тех, которые он выучил;
- 4) по ходу выучивания не было провалов, когда после одного из чтений ребенок вспоминает меньше слов,

чем после предыдущего (вот пример последовательности с провалом: 7—8—6—9/9).

Если выполнены все эти четыре пункта, то беспокоиться не о чем. Если какой-нибудь из них не выполнен, то это может свидетельствовать о плохой памяти, но может быть и следствием чисто случайных причин (ребенок не сразу включился в задание, отвлекался, не был заинтересован заданием). Поэтому в таком случае проверку стоит повторить через пару дней. Конечно, для этого придется придумать новый набор слов.

В большинстве случаев наличие провалов — признак нервного переутомления. Это проявление так называемого защитного торможения: чтобы предохранить себя от полного истощения, нервная система периодически отключается, как отключаются электрические пробки при перегрузке.

Механическая память работает у человека довольно редко — когда надо запомнить какой-либо материал, лишенный внутренней логики (скажем, при запоминании номеров телефонов и т. п.). В школе она потребует-ся для заучивания таблицы умножения, некоторых не очень понятных ребенку формулировок, но не для усвоения основного учебного материала. Поэтому более значим другой вид памяти — опосредованная, логическая память. Логическая — это значит связанная с осмыслением запоминаемого материала.

Опосредованная — т. е. основанная на использовании определенных психологических средств. Мы применяем такие средства постоянно, сами того не замечая (я не говорю о сознательных мнемонических приемах, когда, скажем, запоминая число 232, я отмечаю: «Крайние цифры одинаковы, средняя на единицу больше»). Самое распространенное средство — это неосознанное использование различных ассоциаций.

Я учу пушкинские строки:

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,

Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела.

Перед глазами у меня возникает и образ растущей девушки, и образ цветка (неявное сравнение, использованное поэтом). Когда потом я буду вспоминать эти стихи, то первое, что вспомнится, — это зрительные образы. Потом уже всплывут сами пушкинские слова. Те, что однозначно соответствуют зрительному образу («царевна молодая», «расцветая», «росла», «поднялась», «расцвела»), наверняка вспомнятся точно. А вот «тихо-молком», «между тем» — тут возможны сложности.

У взрослого человека с развитой опосредованной памятью нужные ассоциации возникают как бы сами собой. Другое дело шестилетний ребенок. У него способность к использованию психологических средств еще только начинает формироваться. В психологии разработана методика, которая позволяет проверить, насколько развита эта способность.

Дайте ребенку бумагу и карандаш и объясните, что вы хотите посмотреть, как он умеет помогать себе запоминать слова.

— Я тебе буду говорить слова, а ты к каждому из них сделаешь какой-нибудь рисунок, который потом напомним тебе это слово. Постарайся делать рисунки побыстрее, иначе мы не успеем, потому что слов у нас много. Не нужно, чтобы рисунки были хорошими. Надо только, чтобы они напомним тебе те слова, которые я буду говорить.

Для запоминания предлагается 10—12 слов и словосочетаний, например, такие: *грузовик; умная кошка; темный лес; день; веселая игра; мороз; капризный ребенок; хорошая погода; сильный человек; наказание; интересная сказка.*

Если первый же рисунок (к слову «грузовик») ребенок делает очень подробным, большим, то напомним ему:

— Не надо делать настоящий рисунок. Надо только, чтобы он напомнил тебе слово. У нас будет еще много других слов, к ним ко всем нужны будут рисунки, оставь для них место.

Если все же весь лист окажется занят одним-двумя рисунками, дайте ребенку еще бумаги.

Каждое следующее слово (словосочетание) говорите только после того, как сделан рисунок к предыдущему. Если ребенок долго не может оторваться от какого-либо рисунка, спросите:

— Ну, как, он тебе уже напомнил слово? Может быть, для этого слова больше ничего не надо рисовать?

Если ребенок все же хочет дорисовать, дайте ему такую возможность.

Часто дети говорят: «А я не знаю, как это нарисовать» или: «А я не умею это рисовать» и т. п.

Ответ должен быть примерно таким:

— Ты не знаешь, как нарисовать наказание? Так ведь тебе и не надо его рисовать. Тебе нужно нарисовать какую-нибудь картинку, которая напомнит про это слово, вот и все.

После того как сделаны рисунки ко всем словам, они забираются у ребенка, и ему дают какое-нибудь другое занятие. На вопрос о том, когда же он будет вспоминать слова, отвечают:

— Позже. Сейчас ты их еще не успел забыть. А вот когда немного подзабудешь, я тебе снова покажу твои рисунки, и ты их вспомнишь.

Воспроизводить слова следует через час-полтора. Показывая на каждый из сделанных ребенком рисунков по очереди, вы спрашиваете:

— Этот рисунок ты делал для какого слова? А этот?

Не поправляйте ребенка, если он вспомнил какое-либо слово неверно, а побудите его самого вспомнить точнее:

— Нет, тут было не «дети играют», а как?

— Игра!

— Правильно, игра. А какая игра?

Описанная методика позволяет проверить не только уровень развития опосредованной памяти, но и общий уровень умственного развития, степень владения обобщающими понятиями, умение планировать свои действия. В психологии эта методика получила название «пиктограмма». Ее разработал один из крупнейших советских психологов А. Р. Лурия.

Первый вопрос, который встает при оценке результатов, это вопрос о том, принял ли ребенок задачу, т. е. понял ли он, что рисунки должны стать средством, помогающим запоминать слова. Для ребенка, не принимающего задачу, само слово становится лишь поводом для создания рисунка. Он уже в самом процессе рисования забывает заданное слово (если оно не прямо отражено в рисунке, как, например, слово «грузовик»). Тем более он не в состоянии вспомнить слова позднее, при проверке. Обычно в таких случаях рисунки бывают весьма подробными, крупными (каждый рисунок занимает целый лист), с большим количеством деталей, не относящихся к заданным словам. Например, к словам «хорошая погода» рисуется лес, небо, солнце, дети, собирающие грибы, а затем — дом, в котором эти дети живут, и т. п. Предупреждение о том, что рисунок должен только напомнить слова, не воспринимается ребенком. Он все равно хочет во что бы то ни стало его закончить.

Когда деятельность ребенка выглядит так, как только что описано, нет необходимости давать весь набор слов. Вполне можно ограничиться первыми двумя-тремя словами (но не одним: бывает, что ребенок принимает задачу не сразу, а начиная со второго слова).

Этот уровень выполнения задания свидетельствует о том, что опосредованная память и вообще способность к использованию психологических средств развиты у ребенка недостаточно.

В шестилетнем возрасте нередко встречается частичное принятие задачи. Пока ребенок рисует, он вроде

бы понимает, что рисунки должны служить средством для запоминания слов. Они не так подробны, не так крупны (для всех десяти слов и словосочетаний хватает одного-двух листов бумаги). По ходу рисования ребенок не забывает заданного слова. Однако потом, когда эти слова требуется воспроизвести час-полтора спустя, он не может их вспомнить, а конкретно описывает сделанные рисунки. Например, если для запоминания слов «капризный ребенок» он нарисовал плачущего мальчика, то теперь он так и говорит: «Мальчик плачет». Так же воспроизводится и подавляющее большинство остальных слов.

Это значительно более высокий уровень выполнения задания. Ребенок уже понимает, что рисунок может служить средством запоминания. Однако устанавливаемые им ассоциации еще очень непрочны. Поэтому реально средство не срабатывает. Опосредованная память еще не сформирована. Такой уровень вполне приемлем, если до поступления в школу остается полгода или больше (это время следует использовать для занятий, которые повысят степень владения психологическими средствами). Если же ребенок уже ходит в школу или до начала учебы остается всего один-два месяца, то можно опасаться, что при обучении встретятся трудности, связанные с запоминанием учебного материала. Надо будет с первых же дней следить за тем, насколько хорошо ребенок запоминает объяснения учителя, сразу же повторять объяснение, если оно забыто. И конечно, в этом случае особенно важно вести с ребенком работу, направленную на развитие опосредованной памяти.

Важнейшие показатели общего уровня умственного развития — это адекватность рисунков и степень их лаконичности. Адекватность определяется тем, насколько соответствует рисунок запоминаемому слову. Скажем, если к слову «грузовик» ребенок рисует легковую машину, объясняя, что рисовать грузовик он не умеет, то это неадекватный рисунок. Неадекватным бу-

дет и изображение драки к слову «наказание». Однако не спешите с выводами. К слову «мороз» Петя нарисовал человечка с сумкой в руках.

— Как это напомним тебе слово? — спрашивает мама.

— Напомнит, — уверенно отвечает Петя.

— Я понимаю, что напомним, но мне интересно, как это получится. Ты мне расскажешь?

— Это же Дед Мороз. Видишь, у него мешок. Там подарки.

Оказывается, рисунок совершенно адекватный. Другой пример. К слову «наказание» Оля нарисовала игрушечного мишку. На вопрос о том, как это напомним нужное слово, она ответила:

— Девочка разбросала игрушки, и ее наказали. Вот мишка валяется.

Иногда кажется, что рисунки совершенно не соответствуют словам, тогда как на самом деле ребенок опирается на свой индивидуальный опыт. Скажем, к словосочетанию «капризный ребенок» он рисует машину и объясняет:

— Помнишь, я однажды капризничал, просил, чтобы мне купили такую машину.

Но, с другой стороны, подробные объяснения ребенка еще не гарантия подлинной адекватности рисунка. Бывает, что объяснение выглядит очень убедительным, но само оно не соответствует рисунку. Рисунки Игоря ко всем словам почти одинаковы: на каждом рисунке изображен человечек, иногда два человечка. Рисуя, Игорь объясняет:

— Вот это день. Мальчик гуляет. А это наказание. Его за что-нибудь наказали. А это хорошая погода, он радуется.

Никаких различий между тремя рисунками нет. Воспроизводя слова, Игорь и сам не находит никакой разницы между «днем», «наказанием» и «хорошей

погодой». Во всех трех случаях он говорит: «Мальчик гуляет».

Наличие совсем неадекватных рисунков в шестилетнем возрасте является показателем заметного отставания в умственном развитии. Но некоторое однообразие рисунков (как это было у Игоря) допустимо, особенно если оно проявляется при столкновении с такими сравнительно обобщенными понятиями, как «наказание», «день», «капризный ребенок». Однако и в этом случае будет полезно интенсифицировать работу по умственному воспитанию.

Известно, что мышление дошкольников конкретно (во всяком случае, когда не проводится специальная работа по формированию обобщенных представлений). Однако степень этой конкретности бывает разной. При хорошем уровне умственного развития у ребенка, который уже учится в школе или начнет учиться через два-три месяца, не должно вызывать особых затруднений ни одно из приведенных слов. Если же при столкновении с относительно обобщенными понятиями, названными выше, возникают серьезные трудности (рисунки становятся неадекватны или ребенок вовсе отказывается что-либо рисовать), то это свидетельствует о повышенной конкретности мышления. В начале седьмого года жизни этот уровень вполне нормален.

Еще один показатель умственного развития — это «экономность» рисунков, степень их условности. Вот примеры чрезвычайно «экономных» рисунков, совершенно не содержащих лишних деталей. Такие рисунки встречаются у шестилетних детей редко (рис. 104).

Рис. 104

А вот рисунки более типичные, свидетельствующие о среднем (нормальном для шестилетнего возраста) уровне умственного развития (рис. 105).

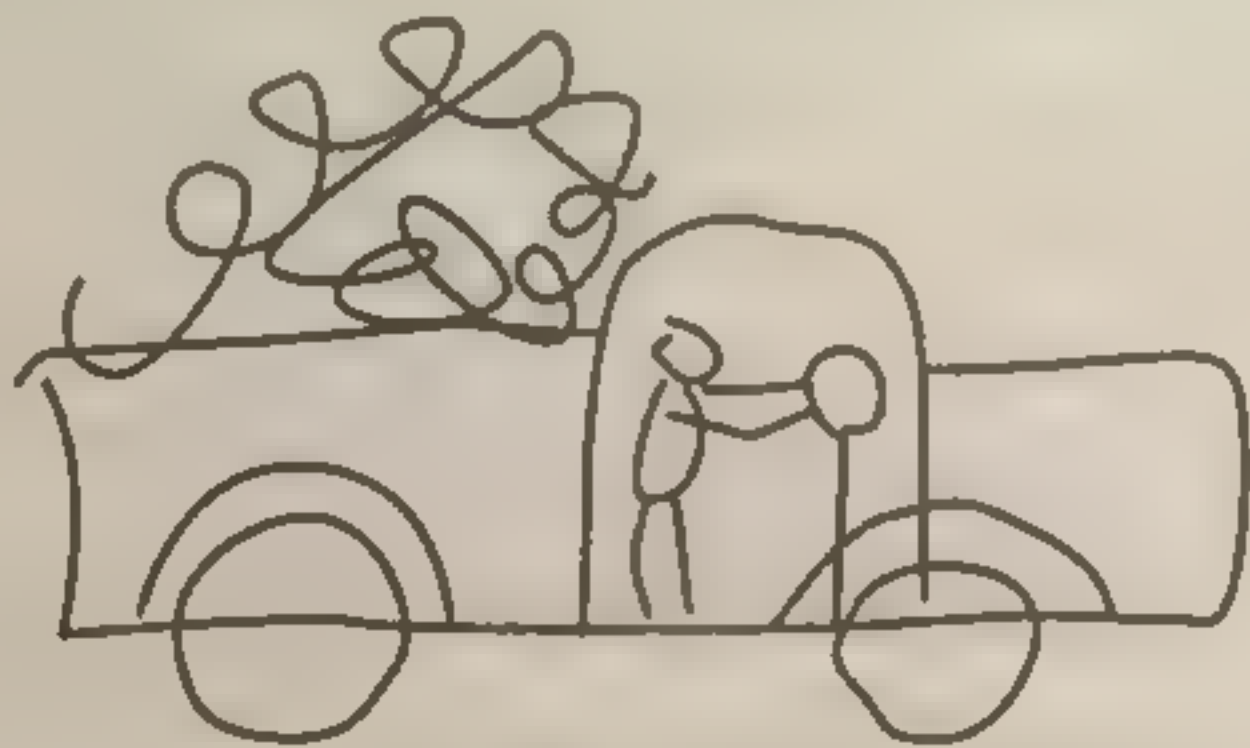

Рис. 105

Если рисунки еще более детализированы, то это говорит о недостаточной обобщенности мышления.

Но и в этом случае есть свои тонкости. Оказывается, чрезмерная детализированность не всегда связана с чрезмерной конкретностью мышления. Если детали разнообразны и служат для завершенности композиции, то они свидетельствуют о своеобразном отношении ребенка к заданию и не снижают оценки уровня умственного развития. Проявляющееся в них отношение можно назвать художественным: даже если это не требуется по условиям задачи, ребенок все равно относится к своему рисунку как к художественному произведению. А раз так, то он должен быть композиционно завершен. Как же отличить «художественный» подход к заданию от повышенной конкретности мышления? Прежде всего, посмотреть, справляется ли ребенок со сравнительно обобщенными словами. При художественном типе эти слова не представляют для детей трудности. Нужно учесть степень разнообразия рисунков и отдельных деталей каждого рисунка. При художественном типе разнообразие весьма велико, при повышенной конкретности — снижено.

Вот примеры рисунков, выполненных ребенком с художественным складом мышления (рис. 106).

Теперь да
рисунки с зада
или условны,
ся? Размещени
личие или от
Анализ этих
немало сведен

Вот лист,
ратно: первый
рой — под ним
же столбик (в
конец, третий
зу видно, что
планировать
куратна. Тако
ния, при кото
или «строчка
рактен для
ков он довол

Вот тип
расположен
кончается о
мальный у
(рис. 107).

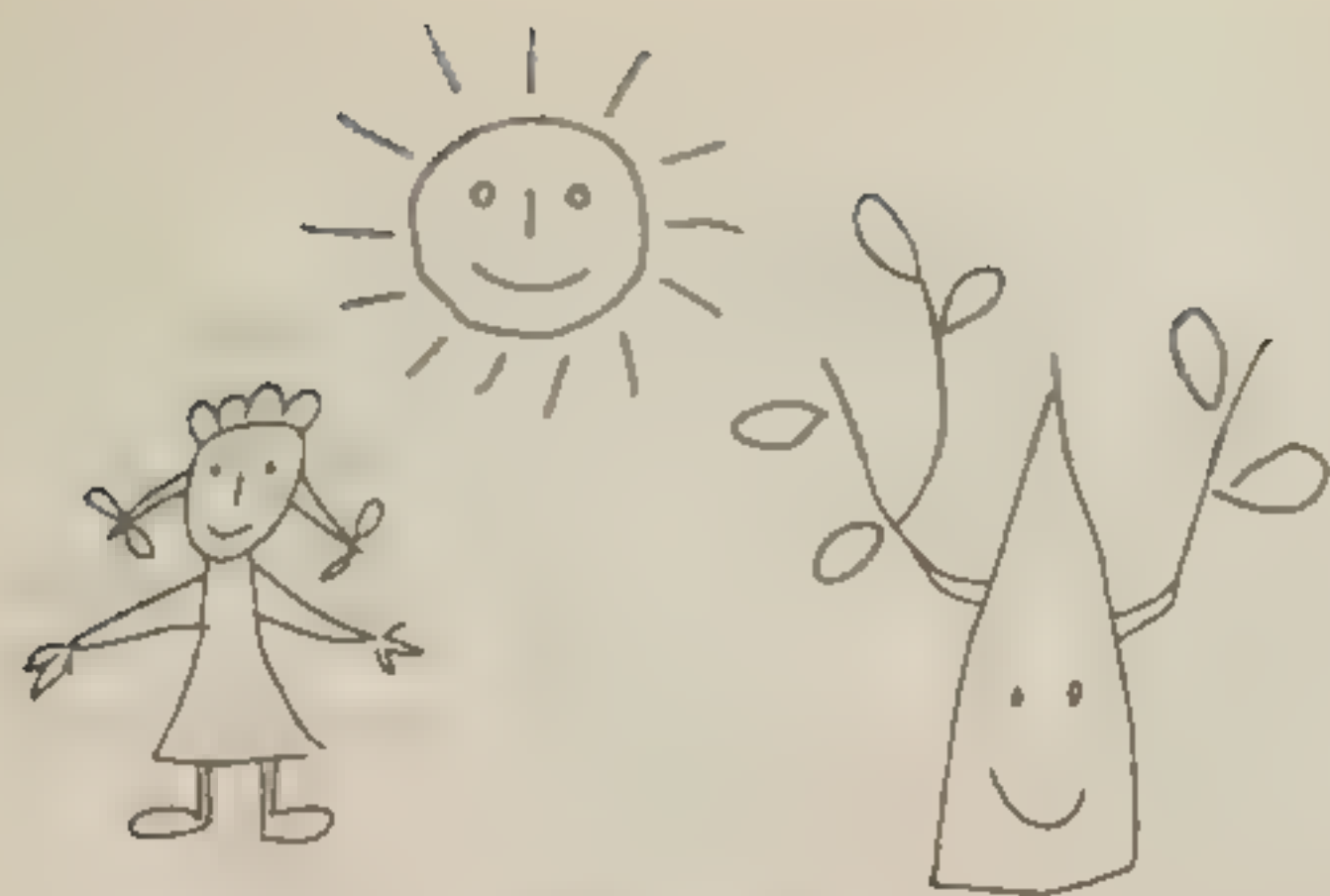

Рис. 106

Теперь давайте отвлечемся от того, как соотносятся рисунки с заданными словами, от того, подробны они или условны, — т. е. от их содержания. Что же останется? Размещение рисунков на листе, характер линии, наличие или отсутствие помарок, зачеркиваний и т. п. Анализ этих особенностей рисунков тоже может дать немало сведений о психических особенностях ребенка.

Вот лист, на котором рисунки расположены аккуратно: первый рисунок — в левом верхнем углу, второй — под ним, третий — еще ниже. Рядом второй такой же столбик (в нем поместилось четыре рисунка). И наконец, третий столбик (тоже из четырех рисунков). Сразу видно, что девочка, сделавшая эти рисунки, умеет планировать свои действия, что она организована, аккуратна. Такой уровень организованности, планирования, при котором рисунки располагаются «столбиками» или «строчками» (слева направо или справа налево), характерен для детей школьного возраста. У дошкольников он довольно редок.

Вот типичные рисунки шестилетнего ребенка. Они расположены на листе в беспорядке, но сразу видно, где кончается один из них и начинается другой. Это нормальный уровень планирования, организованности (рис. 107).

Рис. 107

А вот рисунки, налезавшие один на другой, перечеркнутые, сделанные срывающейся, как бы не подчиняющейся ребенку линией. Это свидетельство несформированности планирования, нарушений организации деятельности (рис. 108).

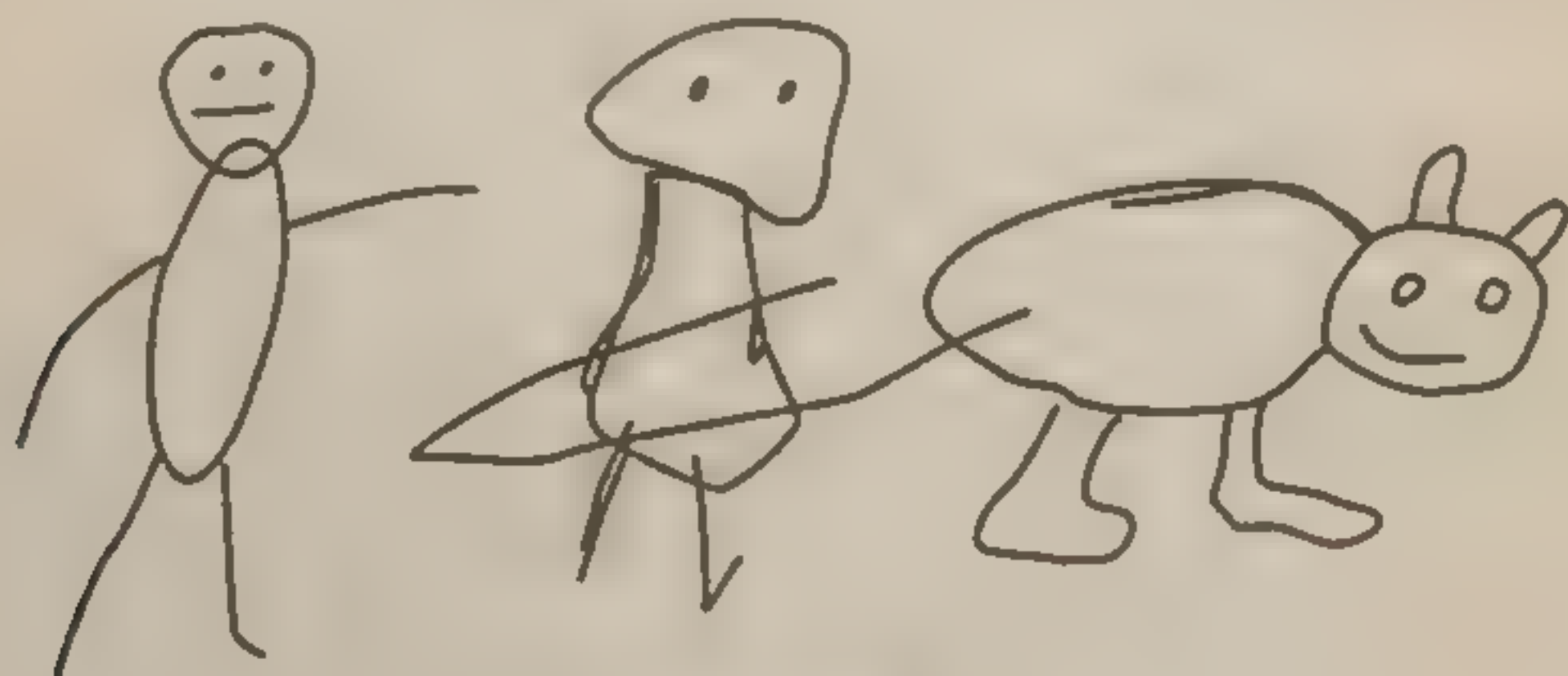

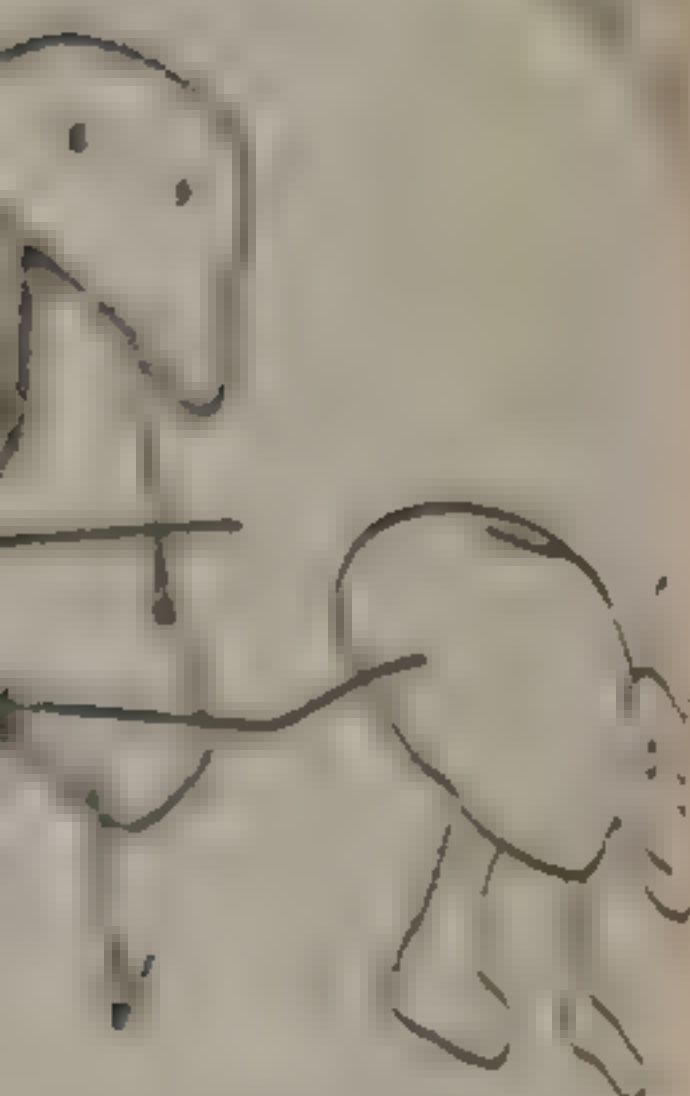
Рис. 108

Рисунки могут приобретать такой характер и в том случае, когда ребенок нормально развит, но в момент проверки чем-то сильно взволнован, возбужден. Поэтому, увидев у своего сына или дочери чрезвычайно небрежные, налезавшие друг на друга рисунки, не спешите делать вывод о несформированности планирования. Попробуйте повторить задание (с другими словами) через несколько дней.

Наряду с показателями развития определенных психических процессов (памяти, мышления) для успешного обучения в школе имеют большое значение и более частные показатели, характеризующие отношение ребенка к слову, владение арифметическими операциями.

Для того чтобы узнать, отличает ли ребенок слово от обозначаемого этим словом предмета, можно воспользоваться чрезвычайно простой методикой, разработанной Е. А. Бутрименко. Ребенку говорят:

— Сейчас мы с тобой будем сравнивать слова. Я буду говорить тебе два слова, а ты будешь решать, какое из них длиннее, а какое короче. Только помни, что сравнивать надо сами слова, а не те вещи, которые называются

этими словами. Ты ведь знаешь, что слово — это не вещь. Вот, например, слово «стол». Его можно написать, можно сказать. А есть за ним нельзя — это ведь только слово. А за настоящим столом можно есть, но нельзя его писать или читать. Вот мы с тобой и будем сравнивать слова, а не вещи. Ну-ка скажи, какое слово длиннее — карандаш или карандашик.

После того как ребенок назвал слово, которое, по его мнению, длиннее, спросите:

— А почему оно длиннее?

Вот пары слов, которые можно предложить ребенку для сравнения:

карандаш — карандашик; червячок — змея; усики — усы; кот — котенок; хвост — хвостик.

После каждого ответа надо просить обоснование (спрашивать, почему ребенок считает выбранное им слово более длинным). Объяснение различий между словом и обозначаемой им вещью не повторяется. Оно дается только один раз в самом начале задания.

Если ребенок не различает слово и предмет (утверждает, что «слово «карандаш» длиннее, чем «карандашик», потому что карандашик — это когда он стал совсем коротенький» и т. п.), то впоследствии ему будет трудно овладевать грамматическими правилами. Ведь грамматические правила относятся к словам, а не к предметам — и ребенок не понимает, что изменится, если он будет писать «леса» вместо «лиса». Лиса-то остается той же самой!

Умение отличить слово от обозначаемого им предмета проявляется в том, что ребенок дает правильный ответ на вопрос «Какое слово длиннее?» и обосновывает этот ответ указанием на то, что «в этом слове больше букв» или «в этом слове есть все те звуки, что в том, а в конце еще один звук» (конкретное количество названных ребенком букв или звуков может быть и неверным — дело не в этом). Менее высокий, но вполне до-

статочный для ребенка, поступающего в школу, уровень представлений о строении слов сказывается в указании на число слогов или в отсутствии аргументации при правильных ответах.

Следует помнить, что без специальной работы по звуковому анализу слов шестилетние дети, как правило, не научаются различать слово и предмет. Выдающийся советский психолог Л. С. Выготский говорил, что слово для ребенка «прозрачно»; он «не видит» его, а «видит» стоящий за ним предмет. Такое отношение часто сохраняется и у детей, умеющих читать и даже писать. Поэтому низкий уровень выполнения задания «сравнение слов» вовсе не говорит о том, что ребенок вообще плохо развит, недостаточно умен, способен и т. п. Выполнение этого задания характеризует лишь одну — весьма частную, но значимую для последующего школьного обучения — сторону умственного развития.

Несколько простых заданий позволяют проверить, насколько ребенок владеет арифметическими операциями. Прежде всего проверьте, умеет ли он пересчитывать предметы в пределах десятка.

Разложите на столе счетные палочки (их можно заменить карандашами, спичками и т. п.). Возьмите две палочки и предложите ребенку:

— Возьми столько же палочек, сколько у меня.

Изменяйте количество своих палочек и каждый раз предлагайте ребенку брать столько же. Не должны идти подряд количества, различающиеся на единицу. Так, после двух палочек возьмите четыре, затем — три, шесть, восемь, пять, десять, семь, девять.

Если ребенок не пересчитывает палочки, а берет на глазок, скажите:

— Посчитай, одинаково у нас или нет.

К концу дошкольного возраста ребенок должен свободно пересчитывать предметы в пределах десяти.

Следующее задание поможет выяснить, насколько хорошо ребенок владеет операциями сложения и вычитания.

Возьмите коробок спичек и скажите ребенку:

— Здесь лежат три спички.

Покажите ему две спички, спросите, сколько их. Получив ответ «две», у него на глазах положите спички в коробок и спросите:

— Сколько теперь спичек в коробочке?

Прodelайте эту процедуру с разными количествами. Затем скажите:

— В коробочке шесть спичек.

На глазах у ребенка выньте две спички и спросите, сколько их осталось.

К моменту поступления в школу ребенок должен давать правильные ответы, прибавляя 1, 2 и 3 к любому числу от 1 до 4 и вычитая 1, 2 и 3 из любого числа от 4 до 7. Если счетные операции сформированы только в пределах 5-6, то это тоже не страшно. Хуже, если ребенок вообще не способен проводить эти операции, не видя одного из слагаемых, — если ему обязательно нужно самому пересчитать спички, лежащие в коробке. Дело тут не в том, что он не верит взрослому на слово. Просто он не может представить себе указанное количество, не произведя пересчета. В этом случае для него окажется очень сложным решение текстовых задач — особенно косвенных (такие задачи описаны в главе «Больше, меньше, поровну»).

В школе ребенок будет учиться писать. Возможно, он учится этому уже сейчас. Очень важно, чтобы рука была достаточно к этому подготовлена. Иначе, обучаясь письму, ребенок слишком сильно сжимает карандаш (ручку), от этого очень устают пальцы, а иногда возникают и серьезные физиологические нарушения.

Чтобы проверить, насколько рука ребенка готова к овладению письмом, предложите ему нарисовать несколько простых узоров. Вот образцы таких узоров. На-

часть узор (она выделена на рисунке жирной линией) нарисуйте сами, а ребенку предложите продолжить узор до конца страницы. Для этого задания используется нелинованная бумага (рис. 109).

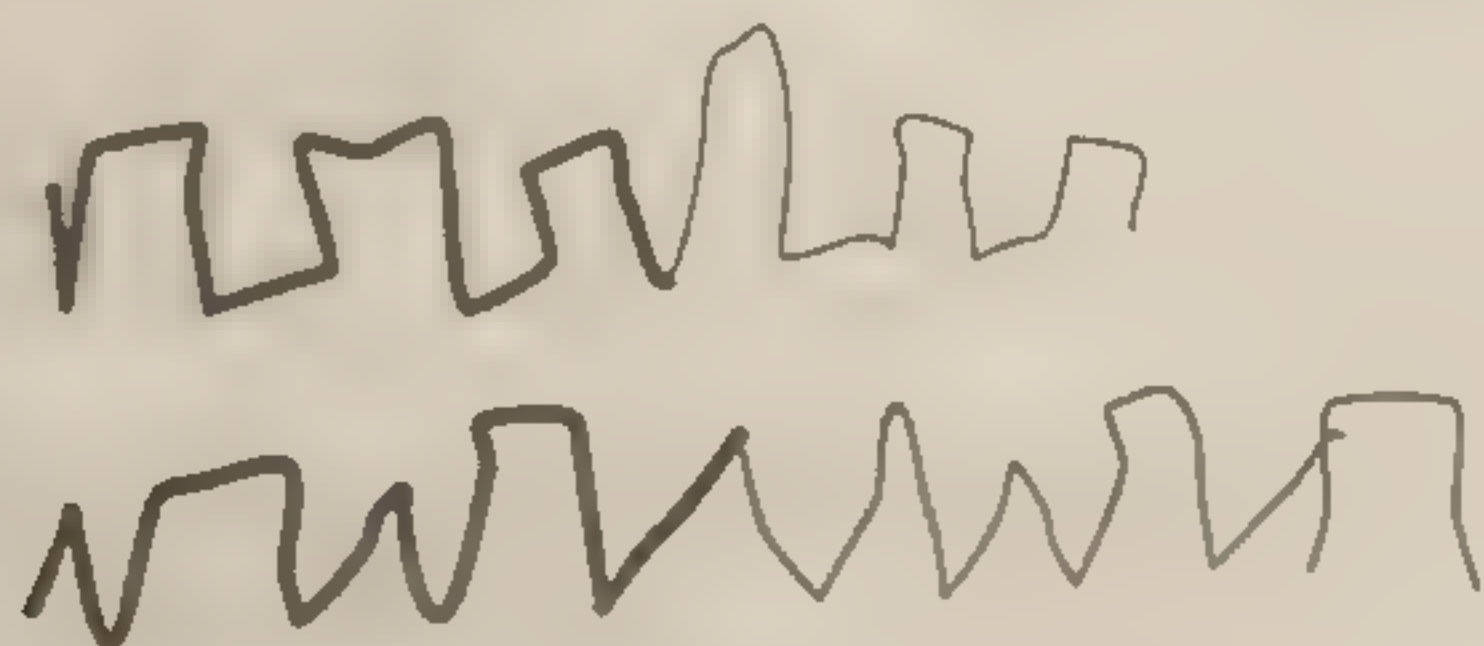

Рис. 109

На этом рисунке показано, как выполняет задание ребенок, готовый к обучению письму. А вот как выглядят узоры, нарисованные ребенком, который недостаточно хорошо умеет управлять движениями своей руки, пальцев (рис. 110).

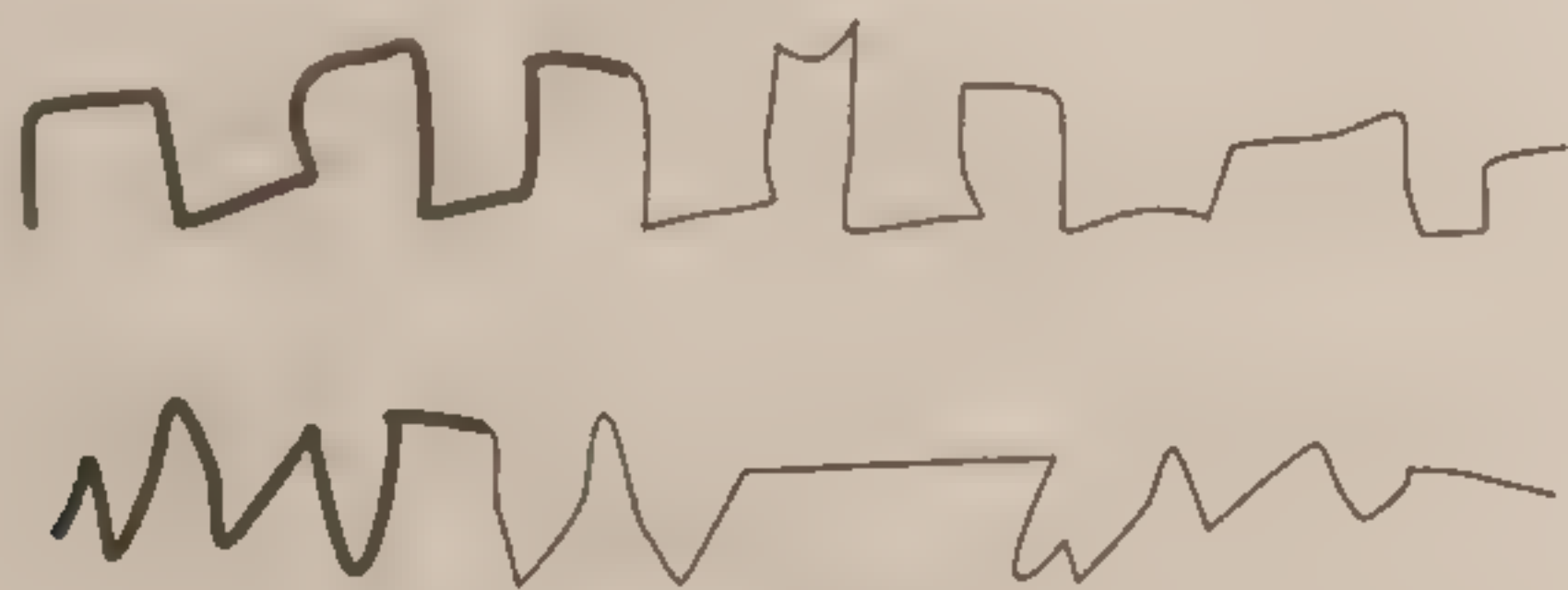

Рис. 110

Все предлагаемые нами задания могут проводиться неоднократно. Но проводить их слишком часто не следует. Это приведет к тому, что ребенок натренируется в их выполнении, и результаты перестанут отражать истинный уровень развития. Правильные результаты получаются только в том случае, если задания остаются для ребенка сравнительно мало знакомыми. Поэтому давать их надо не чаще чем раз в три-четыре месяца, за исключением специально оговоренных нами случаев, когда задание рекомендуется повторить с интервалом в несколько дней (но и в этих случаях давать задание следует дважды, а не трижды или более).

После проверки

Что делать, если по какому-либо из заданий, описанных в предыдущем разделе, получены низкие результаты? Значит ли это, что у ребенка что-то не в порядке, что он неспособный и т. п.? Конечно, нет. Это означает, что в предшествующем воспитании что-то упущено и упущенное надо срочно наверстывать. Мы предлагаем специальные учебные задания, которые помогут выправить положение. Конечно, у отдельных детей действительно имеются серьезные отклонения в психическом развитии, но это совершенно особый разговор, который произойдет позже.

Здесь же мы описываем только организацию занятий, даем самые общие советы, в каких случаях какую деятельность следует предпочесть.

Давайте пойдем в той же последовательности, в которой мы описывали проверочные задания. Следовательно, начнем с графического диктанта. Итак, за работу под диктовку получен весьма низкий балл. Прежде всего пронаблюдайте, как ребенок выполняет инструкции в других видах деятельности — в изготовлении поделок из природных материалов, в конструировании из кубиков, создании аппликаций и т. п. Если такого рода инструкции выполняются достаточно точно и добросовестно, то, возможно, низкий результат по «графическому диктанту» — чистая случайность. Если же и в других видах деятельности обнаружатся частые отвлечения, нарушения инструкции, сложности в принятии задачи, то необходимо не откладывая начинать коррекционную работу.

Может быть, кто-то из читателей удивится: «Зачем же было приводить специальную методику, если окончательные выводы делаются не на ее основе, а в результате повседневных наблюдений?» «Нужны ли вообще проверочные задания?» — спросит другой читатель. Нам эти задания представляются полезными, во-пер-

вых, потому что они помогают сосредоточить наблюдение именно на тех психических проявлениях, которые «попали под подозрение». Во-вторых, данные повседневных наблюдений обычно очень расплывчаты. Между «совсем хорошим» и «совсем плохим» выполнением инструкций в различных видах деятельности лежит большая область неуверенных оценок: «вроде бы неплохо, но и не особенно хорошо», «то так, то эдак», «иногда отвлекается, но вообще-то вроде бы выполняет прилично». В этих случаях и окажет серьезную помощь методика, позволяющая оценить степень соблюдения инструкции более объективно.

Для обучения выполнению инструкций можно использовать самые разные виды деятельности. Важно одно: приучать ребенка действовать строго по заданию. Тут подойдет дидактическая игра со своими четкими правилами. Конструирование из кубиков, когда вы либо в словесной форме, либо с помощью схем ставите конкретное задание и указываете последовательность действий. Создание рисунков или аппликаций с предварительной разработкой плана, композиции. Последовательный пересказ сказок по схематическому плану.

Не следует ограничивать занятия каким-либо одним из названных видов деятельности. Чем более разнообразны по используемому материалу будут занятия, тем больший эффект они дадут.

Во всех занятиях, направленных на формирование умения действовать по инструкции, надо добиваться полного и точного выполнения ребенком вашего задания. Как только ребенок начинает уклоняться в сторону, придумывать что-то свое, противоречащее поставленной задаче, нужно возвращать его к исходному замыслу. Если это не удастся, занятие нужно прекратить. Если занятие интересно для ребенка (а никаких других занятий в это время вообще не должно быть), то его прерывание послужит достаточно серьезным наказани-

ем. В следующий раз ребенок будет стараться более полно выполнять ваши указания. Конечно, для того чтобы эта метода «сработала», прерывание занятия не должно компенсироваться какими-либо развлечениями.

Обучать выполнять указания взрослого удобнее всего во время занятий, а не игры. Привлекательность занятий может быть обеспечена как использованием любимых ребенком видов деятельности, так и новым интересным материалом (разнообразный красивый строительный материал, большой набор цветных фломастеров, привлекательные игрушки и т. п.). Этот материал не нужно давать ребенку ни в каких других ситуациях, чтобы он не стал для него обыденным, безынтересным. Еще один способ повышения ценности занятий в глазах ребенка — привлечение внимания окружающих к получаемым результатам. Покажите другим членам семьи и своим гостям построенное из кубиков сооружение, повесьте на стену сделанную ребенком аппликацию. Когда будете показывать ее знакомым, не забудьте лишний раз похвастаться:

— Юра сделал все точно так, как я ему сказал.

Занятия такого рода будут полезны и в том случае, если по результатам выполнения пиктограммы можно сделать вывод о недостаточной организованности ребенка, несформированности планирования. В большинстве случаев эти отклонения сочетаются с неумением выполнять инструкции взрослого. Но подобные формы работы с ребенком нужны и в том случае, когда эти отклонения проявляются «в чистом виде».

Занятия должны быть непродолжительными — в зависимости от усидчивости ребенка они могут продолжаться от 5 до 15 минут, но не более. Параллельно с ними нужно проводить занятия другого рода, направленные на развитие самостоятельности, воображения. Иначе, сформировав умение выполнять указания взрослого, вы одновременно разрушите способность к само-

стоятельному творческому поиску. Работа по развитию самостоятельности и воображения должна вестись в совершенно иной форме — в форме свободных игр. Для нее следует использовать другой материал и другие задания (чем меньше они будут похожи на задания, используемые в занятиях-упражнениях, тем лучше).

Наряду с жестко организованными занятиями для развития ориентации по указаниям взрослого следует использовать и игру, но совсем особую: игру «в школу».

Вы — «учитель». Игрушечные мишка, зайчик и лисенок — ваши «ученики». Ими управляет ребенок.

— Ну-ка, мишка, подними правую лапу, — командуете вы. — Нет, это у тебя левая лапа. Вот теперь правильно. Теперь подними вторую лапу, а голову поверни направо. Молодец, мишка! Теперь опусти левую лапу и поверни голову налево.

Конечно, не следует ограничиваться одними уроками физкультуры. Сценарии могут быть самыми разнообразными. Важно давать однозначные инструкции, которые должны быть выполнены вашими «учениками». Роль учителя следует выполнять по очереди с ребенком. Выступая в этой роли, он сможет контролировать выполнение своих требований «учениками». В дальнейшем это породит контроль за собственными действиями, за их соответствием инструкции. Естественно, что «ученики» (которыми на этот раз управляете вы) должны время от времени ошибаться. Если ребенок-«учитель» не заметил ошибки, подскажите ему от лица другого ученика:

— Мишка, ты делаешь не так, как нужно. Попроси учителя, чтобы он напомнил тебе, как нужно делать.

И сразу же скажите за мишку:

— Покажите мне, пожалуйста, как делать.

Такие игры надо проводить не слишком часто, чтобы они не надоели ребенку. Скажем, можно устраивать их раз в неделю. Занятия же должны быть более часты-

ми. Хорошо, если есть возможность проводить их каждый день.

Второй показатель, получаемый на основе графического диктанта, — это оценка умения самостоятельно продолжить узор. Ее нужно сопоставить с результатами наблюдений за тем, насколько хорошо ребенок воспроизводит образцы в конструировании, лепке, аппликации и других видах деятельности. Посмотрите также, насколько правильно воспроизводятся узоры, приведенные в конце предыдущей главы.

Если низки и оценка за самостоятельное продолжение узора в графическом диктанте, и результаты воспроизведения образцов в других видах деятельности, то нужно уделить особое внимание всем видам работы по образцу.

Наиболее подходящими являются занятия конструированием по расчлененному и нерасчлененному чертежу и аппликацией по образцам разного рода.

Строя занятие, надо специально учить ребенка анализировать образец, соотносить его элементы с тем, что уже сделано ребенком, находить и исправлять ошибки.

Специальное задание, приучающее анализировать образец, — «Где ошибся Буратино».

— Мальвина хотела научить Буратино рисовать красивые узоры. Она нарисовала узор и сказала ему: «Нарисуй точно так же», — говорят вы. А Буратино все время отвлекался, и у него получалось то правильно, то неправильно. Ну-ка найди, где у Буратино ошибки, и помоги ему их исправить.

Такие же задания можно давать и на другом материале. Например, в другой раз Мальвина может поручить Буратино сделать постройку из кубиков, или собрать модель из конструктора, или разложить картинки в определенном порядке.

Все описанные выше занятия стоит проводить и в том случае, когда оценки по графическому диктанту не-

сколько выше нижних границ, указанных в предыдущем разделе, но все же не особенно высоки. Разумеется, тогда эти занятия не столь необходимы, но и бесполезны.

Перейдем к следующей методике — «запоминание 10 слов». Один из неблагоприятных вариантов ее выполнения — это «скачущие» результаты, когда ребенок вспоминает то большее, то меньшее количество слов. Как уже говорилось, такой результат наиболее част при нервном переутомлении. Понаблюдайте за тем, не скаывается ли оно в других видах деятельности. Весьма вероятно, что при выполнении самых разных заданий ребенок быстро утомляется. Начинает что-то делать хорошо, а потом вдруг будто глупеет на глазах. То понимает все с полуслова, то становится непонятливым и как будто вовсе не слышит объяснений.

При нервном переутомлении обычно очень велика разница между результатами работы в первую половину дня и во вторую (в первую они значительно выше). Часто к вечеру появляется повышенная возбудимость, нередко — сонливость, вялость (иногда, наоборот, сонливость более сильна утром). Как правило, ребенок становится плаксив, легко расстраивается по пустякам.

Основные причины нервного переутомления — перенесенные заболевания, недостаток витаминов (самое неблагоприятное в этом отношении время года — весна), интеллектуальные перегрузки. При подозрении на переутомление нужно посоветоваться с невропатологом — возможно, потребуется поддержать нервную систему витаминами, глюкозой или еще какими-либо средствами. В любом случае нужно обеспечить ребенку достаточно продолжительный — несколько превышающий обычную возрастную норму — сон, полноценное питание с достаточным количеством овощей и фруктов, возможность длительного пребывания на свежем воздухе. Занятия нужно свести до минимума, чередуя короткие периоды умственной деятельности (не более

10—15 минут) с паузами, заполненными двигательной активностью (игра в мяч, гимнастика, прыжки через скакалку и т. п.). Активные движения ускоряют протекание восстановительных процессов в мозгу.

Нельзя пытаться преодолеть отключения, периодически возникающие у ребенка в ходе деятельности. С помощью таких отключений нервная система защищается от окончательного истощения. Преодолевая их, мы ухудшаем общее состояние.

Если недостатки механической памяти связаны с переутомлением, то они пройдут, как только улучшится общее состояние нервной системы. Никакая специальная работа по развитию памяти в этом случае не нужна. Другое дело, если результаты запоминания не «скачущие», а равномерно сниженные. Тут уже понадобится специальная работа.

Не пытайтесь тренировать механическую память. Психологические исследования показывают, что она от тренировки практически не улучшается. Иногда возникает обманчивое впечатление улучшения. Оно объясняется тем, что в процессе тренировки ребенок выработал какие-либо приемы запоминания и, следовательно, на самом деле повышение результатов достигнуто благодаря подключению опосредованной памяти. Скажем, запоминая набор слов, предложенный нами для проверки механической памяти, ребенок может объединить их в группы и образно представить себе соответствующие картины: слон играет в мяч; сын бьет рукой по полу — получается шум и т. п. Такие приемы очень полезны, но для обучения им существуют гораздо более эффективные способы, чем простая тренировка. Об этих способах мы расскажем позже.

Итак, механическую память практически нельзя натренировать. Но что делать, когда ребенку нужно что-то запоминать дословно — например, учить стихи, последовательность чисел (один, два, три и т. д.), алфавит?

Во-первых, и в этих случаях некоторую помощь может оказать опосредованная память. Во-вторых, даже механическое заучивание может дать значительно больший эффект, чем обычно, при правильной организации самого процесса запоминания.

Вы с ребенком учили 10 слов и, конечно, заметили, что «прирост» материала, запоминаемого от раза к разу, значительно меньше, чем то количество слов, которое ребенок запомнил с первого же чтения. Скажем, с первого чтения он запомнил 4 слова, после второго воспроизвел 5. «Прирост» — всего 1 слово. А ведь если бы он со второго прочтения запомнил 4 слова, как и с первого, то всего было бы 8. Низкий «прирост» связан с тем, что вы каждый раз читаете ребенку все 10 слов и он как бы заново запоминает то, что уже выучил с первого чтения, вместо того, чтобы теперь переключиться на запоминание нового материала. Плохо работают «фильтры», отделяющие новое, подлежащее запоминанию, от старого, уже известного. То же самое происходит в том случае, когда вы раз за разом читаете ребенку длинное стихотворение, надеясь, что постепенно он его запомнит.

Чтобы не возникала «перегрузка фильтров», нужно стараться вводить материал, подлежащий запоминанию, как можно более мелкими порциями. Скажем, выучивать стихотворение не целиком, а сначала одну первую строфу, через некоторое время (через полчаса или на следующий день) вторую и т. д. Может быть, придется дробить его на еще меньшие части: например, учить по одной строке. Оптимальная величина порции и длительность перерывов зависят от индивидуальных особенностей памяти. Их надо подбирать путем проб. Если перерывы между заучиванием отдельных порций малы, они обязательно должны быть заполнены двигательной активностью.

Выучивание
должно предшес
если речь идет
нужно обсудить
чем зафиксиро
сков, чтобы
стихотворения

Если не п
впоследствии
бой. Ребенок
случайной пос
анализ позволя
ванную память
ность запомин

При выучи
ют рифмы. На
ребенка, учит
продолжений
складно (в ри

А теперь
Как вы помн
грамма. Сам
дики проявл
ет поставлен
нарисовать
слово. Если
выполнения
при обучени

К разви
ния, напра
схем и моде
пересказом
ческого кон

Когда по
чи (ребенок
не умеет исп

Выучиванию материала отдельными порциями должно предшествовать осмысление его в целом. Так, если речь идет о стихотворении, то предварительно нужно обсудить его содержание, с помощью условных схем зафиксировать последовательность отдельных кусков, чтобы ребенок мог пересказать общий смысл стихотворения.

Если не провести анализ материала в целом, то впоследствии выученные куски не свяжутся между собой. Ребенок будет вспоминать отдельные строчки в случайной последовательности. Кроме того, смысловой анализ позволяет подключить к выучиванию опосредованную память, что заметно повышает скорость и прочность запоминания.

При выучивании стихов большую помощь оказывают рифмы. Надо специально обращать на них внимание ребенка, учить его выбирать из нескольких возможных продолжений стихотворения такое, которое звучит складно (в рифму).

А теперь специально об опосредованной памяти. Как вы помните, для ее изучения используется пиктограмма. Самый низкий уровень выполнения этой методики проявляется в том, что ребенок вовсе не принимает поставленную задачу. Он не понимает, что это значит: нарисовать рисунок, который потом напомним заданное слово. Если ребенку скоро в школу, то такой результат выполнения методики настораживает: не возникнут ли при обучении серьезные трудности?

К развитию опосредованной памяти ведут все задания, направленные на обучение детей использованию схем и моделей. Особенно это относится к работе над пересказом сказок и стихов с использованием схематического конспекта, плана.

Когда появляется хотя бы частичное принятие задачи (ребенок может сделать требуемый рисунок, но еще не умеет использовать его при припоминании заданных

слов), можно начинать использовать для обучения саму методику «пиктограмма». В этом случае ее надо несколько изменить по сравнению с тем вариантом, который мы предложили для проверки. При обучении нужно давать для запоминания не отдельные слова и простейшие словосочетания, а относительно завершенные высказывания. Например, такие: «Коля и Маша играли во дворе»; «Волк выбежал из леса»; «Сегодня светит солнце». Вы сами сможете без труда придумать достаточное количество таких фраз.

Каждую фразу надо обсуждать с ребенком, вместе решать, что должно быть нарисовано. При создании рисунка настаивать на том, чтобы он был как можно лаконичнее, не содержал ничего лишнего. Скажем, для фразы «Коля и Маша играли во дворе» подойдет изображение фигурок мальчика и девочки (как можно более схематическое) с какой-либо игрушкой. Можно нарисовать сверху небо, чтобы не забыть слова «во дворе». Для фразы «Волк выбежал из леса» потребуется предельно условное изображение леса — две схематические елки и чуть поодаль — волка (рис. 111).

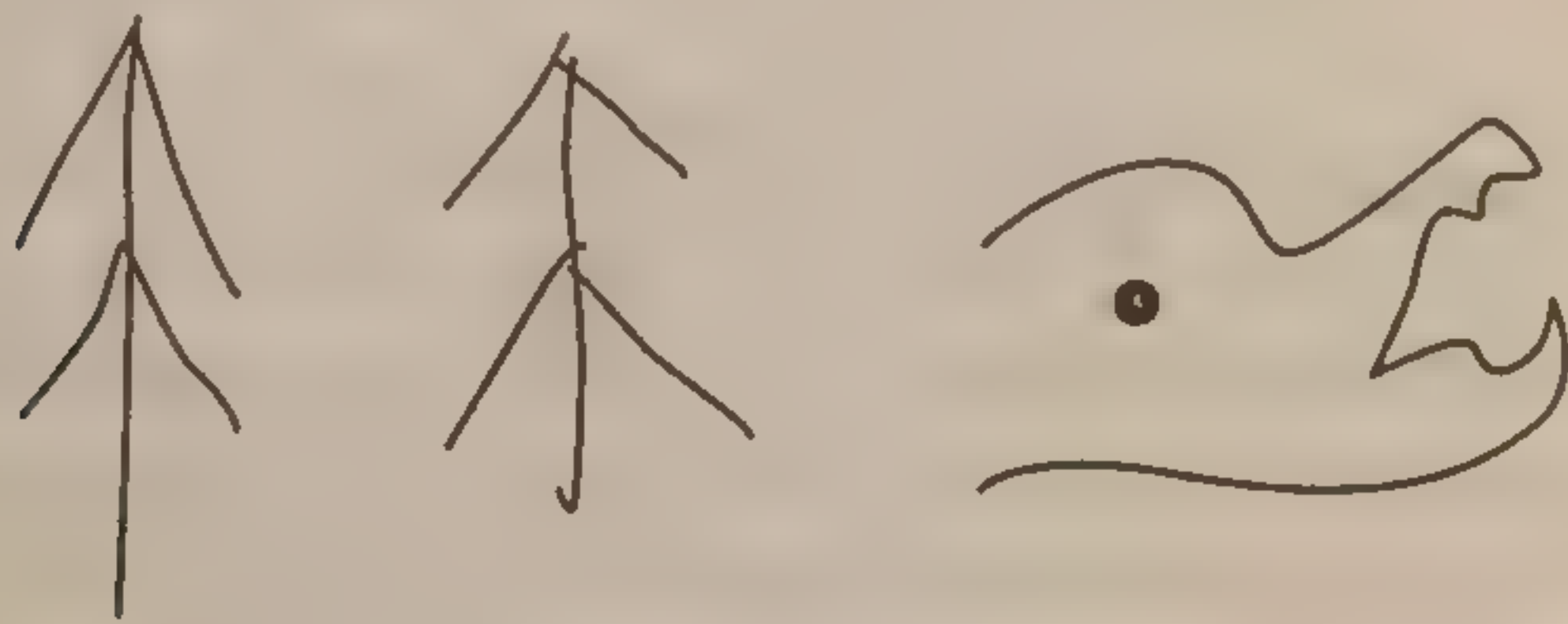

Рис. 111

В одно занятие следует давать не более двух-трех фраз. Вспоминать их можно в тот же день через несколько часов или на следующий день. При этом снова потребуется помощь взрослого.

— Мальчик и девочка играют с мячиком, — вспоминает ребенок.

— А для чего мы нарисовали небо? Что мы хотели запомнить?

Другой пример. Ребенок вспоминает фразу про волка:

— Деревья и волк.

— Когда много деревьев растет вместе, как это называется? Правильно, лес. Посмотри, у нас волк в лесу или нет?

— Волк вышел из леса.

— Молодец! Это мы и запоминали: волк выбежал из леса.

Надо, чтобы постепенно ребенок учился самостоятельно подбирать рисунок, а затем, глядя на него, проводить дешифровку: анализировать изображение, выявляя зашифрованную им фразу.

Теперь некоторые советы по подготовке руки к овладению письмом. Для начала напомним уже знакомые вам упражнения: «Езда по дорожкам», «Охотник и волк», «Самолеты за облаками».

«Езда по дорожкам». Ребенок должен соединить линией машину с домиком, «не съезжая с дорожки». Дорожки следует делать более разнообразными, чем рекомендовалось раньше (рис. 112).

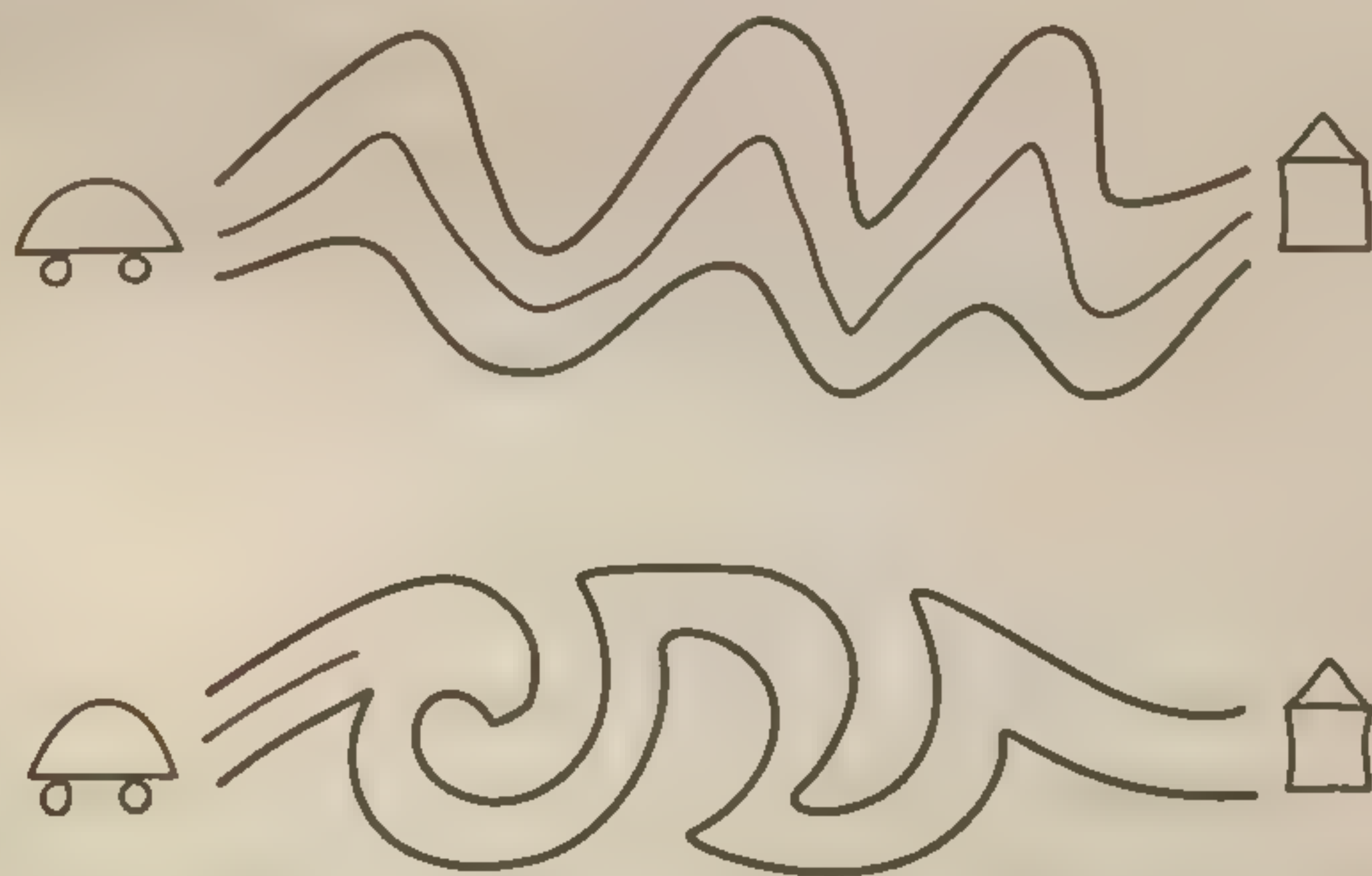

Рис. 112

«Охотник и волк». Нужно «выстрелить из ружья» и «попасть в волка» (или в мишень). Линия, изображающая полет пули, обязательно должна быть прямой (рис. 113).

Рис. 113

«Самолеты за облаками». Ребенок должен закрасить карандашом нарисованные взрослым облака. Одно облако должно стать совсем темным, чтобы сквозь него не было видно нарисованного в нем самолета. Другое облако должно быть менее темным — так, чтобы самолет был чуть-чуть виден. И наконец, третье облако должно быть совсем светлым, чтобы самолет был виден «почти так же хорошо, как если бы облака совсем не было». Этот вариант несколько сложнее предлагавшегося нами раньше: тогда требовалось закрашивать с разным нажимом всего два облака (рис. 114).

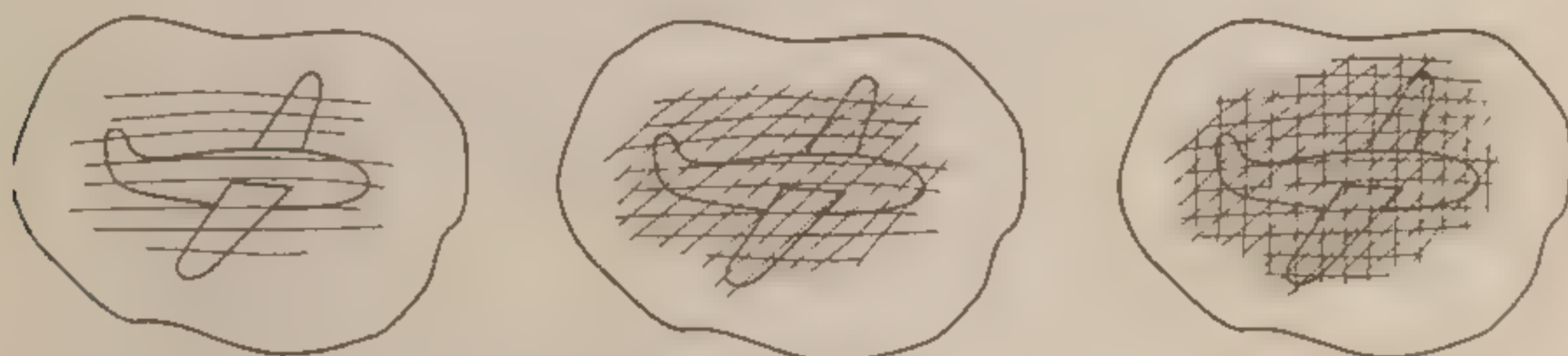

Рис. 114

А вот несколько новых упражнений. Рисование по точкам и по штриховой линии. (рис. 115)

Рис. 115

Для этого задания могут использоваться как орнаменты, так и сюжетные рисунки, для которых взрослый заранее рисует точечный или штриховой контур.

Рисование
(рис. 116).

Точки ста
правление.

«Нарисуй
ручкой, оста
(рис. 117).

Аналогич
суй мышкам
рики, потом

Эти и п
образцу, а м
Оба этих спс

Иногда
живаются о
ребенка. В

алистам: в м
чу-психоне

ной: непра
результат. Н

ны для опас
специалисто

ные меры и т
Опишем
рушений по к

Рисование по образцу с опорой на значимые точки (рис. 116).

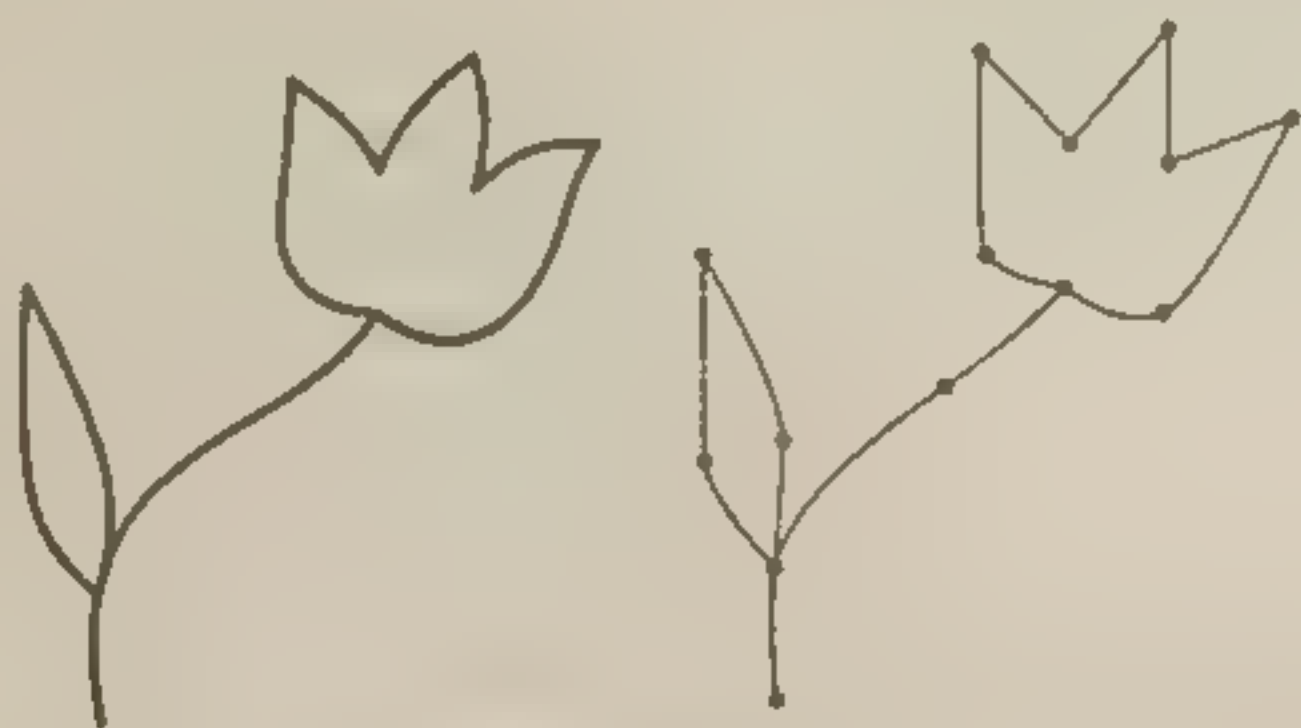

Рис. 116

Точки ставятся в тех местах, где линия изменяет направление.

«Нарисуй ручки для зонтиков». Зонтики — первый с ручкой, остальные без ручки — рисует взрослый (рис. 117).

Рис. 117

Аналогичные упражнения «Дорисуй забор», «Нарисуй мышкам хвосты», «Нарисуй красивые ровные шарики, потом раскрась их».

Эти и подобные задания можно давать только по образцу, а можно — с использованием опорных точек. Оба этих способа нужно чередовать.

Иногда при проверке готовности к школе обнаруживаются особо серьезные отклонения в деятельности ребенка. В этих случаях следует обратиться к специалистам: в медико-педагогическую комиссию или к врачу-психоневрологу. Может быть, тревога окажется ложной: неправильно проведена методика, неверно оценен результат. Но, возможно, есть вполне реальные причины для опасений. Тогда чем скорее они будут выявлены специалистом, тем раньше можно будет принять нужные меры и тем они окажутся эффективнее.

Опишем наиболее типичные проявления грубых нарушений по каждой из предложенных нами методик.

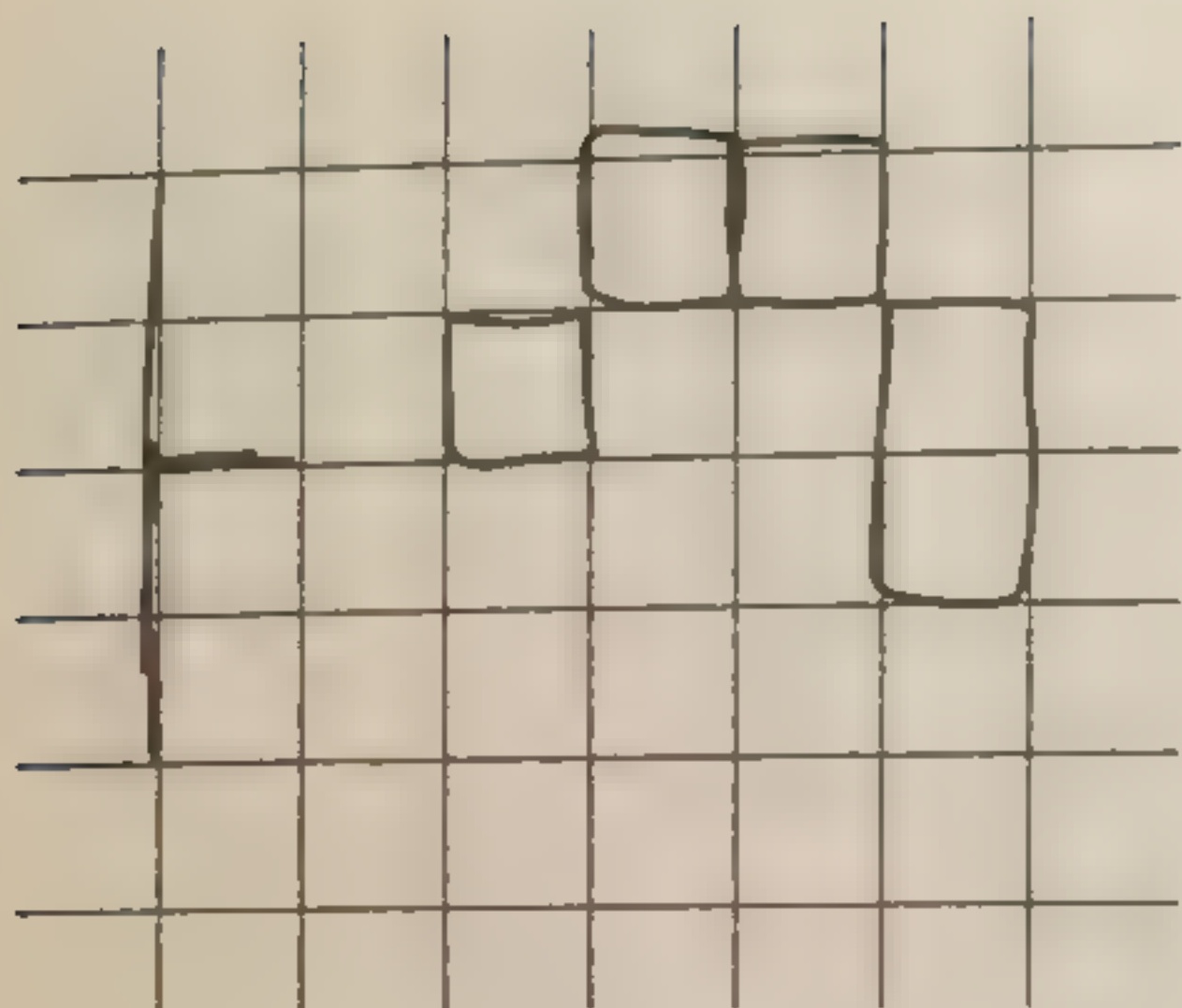

Рис. 118

что диктует взрослый, это не является признаком грубых нарушений (рис. 118). Вот примеры выполнения задания, которые должны насторожить родителей.

В методике «запоминание 10 слов» вызывают беспокойство случаи, когда после четырех заучиваний ребенок может вспомнить не более 6—7 слов. При наличии сильных «провалов» (на 2 и более) стоит проконсультироваться с невропатологом.

В пиктограмме опасения возникают в тех случаях, когда ребенок вовсе не принимает задачу.

Следует обратиться к врачу и в том случае, когда при рисовании узоров, приведенных на с. 348 выявляются особо сильные нарушения движений.

Если отсутствовало специальное обучение, то несформированность арифметических операций и неверное выполнение методики «сравнение слов» не являются показателями патологии. Если же положение не улучшается и после специальных занятий, то это служит неблагоприятным признаком.

Вообще, раньше чем обращаться к врачу, следует попробовать позаниматься с ребенком по описываемой нами системе. Возможно, имеющиеся отклонения удастся быстро компенсировать — а это значит, что поводов для беспокойства нет. Если же занятия остаются безрезультатными, то это самый значимый признак наличия каких-то нарушений.

При выполнении графического диктанта такие нарушения проявляются в том, что даже после тренировки ребенок так и не принимает задачу: изобразить узор, не отрывая карандаша от бумаги. Если он принимает эту задачу, но вовсе не обращает внимания на то,

«ТРУД
ранее были на
ного школьник
их еще несколь
как не назове
ны. В основу
дований, пров
нормальный у
начала обучен
трудностями.

Нашу «пор
Мы уже упом
первый взгля
свой возраст
в обучении у
подумывают,
класс. Но вот
ляются совер
они вызваны
внимательнее
ностях мним

Володе ш
его очень раз
тает, легко с
У него очень
рают его, и
жающими. С
ночью, пом
удовольстви
выслушать.
Правда, тут
что невесом
когда что-ни
весит», а пер
какая-нибуд
желой». Но з

«Трудные» дети

Ранее были нарисованы обобщенные портреты идеального школьника и типичного дошкольника. Дополним их еще несколькими портретами, но идеальными их никак не назовешь. К сожалению, они вполне реалистичны. В основу положены данные психологических исследований, проведенных с детьми, которые, несмотря на нормальный уровень умственного развития, с самого начала обучения в школе столкнулись с серьезными трудностями.

Нашу «портретную галерею» открывает вундеркинд. Мы уже упоминали об этом варианте развития, когда на первый взгляд кажется, что ребенок сильно обогнал свой возраст и что, следовательно, никаких трудностей в обучении у него быть не может. Иногда родители даже подумывают, не отдать ли ребенка сразу во второй класс. Но вот начинается учеба — и вместе с ней появляются совершенно непредвиденные проблемы. Чем же они вызваны? Чтобы ответить на этот вопрос, надо повнимательнее разобраться в психологических особенностях мнимого вундеркинда.

Володе шесть лет. Родители и все их друзья считают его очень развитым мальчиком. Он уже давно бегло читает, легко складывает и вычитает двузначные числа. У него очень велик запас знаний. Они буквально распирают его, и он спешит поделиться ими со всеми окружающими. Он может объяснить, почему день сменяется ночью, помнит расстояние от Земли до Солнца, с удовольствием рассказывает каждому, кто согласен его выслушать, о космических перегрузках и невесомости. Правда, тут он иногда путается и начинает утверждать, что невесомость возникает при взлете — «потому что когда что-нибудь летит, то это значит, что оно ничего не весит», а перегрузка — при посадке — «потому что когда какая-нибудь вещь падает, то она становится очень тяжелой». Но это — считают родители — не беда. Нельзя

же требовать от шестилетнего ребенка, чтобы он разбирался во всех физических тонкостях. В них и сами родители не очень-то разбираются.

Речь у Володи быстрая, захлебывающаяся: ведь ему нужно успеть так много сказать! Если его спрашивают о чем-то, то в ответ он может прочесть целую лекцию (хотя не всегда на ту тему, на которую задан вопрос). Если люди, пришедшие в гости к Володиным родителям, долго не обращают на него внимания, он не находит себе места, старается влезть во взрослый разговор со своими комментариями. В итоге его усилия почти всегда достигают цели: внимание переключается на него.

Со сверстниками Володя скучает так же, как и они с ним. Детям не интересны его рассказы, а ему — их игры. Он никогда не любил «детских» занятий. Почти не играл, лишь изредка брался за кубики, причем его постройки (он называл их фантастическими городами) обычно представляли собой беспорядочное нагромождение строительных деталей. Примерно так же выглядят и его рисунки. Чаще всего это небрежные изображения каких-то безруких и безногих существ — обитателей морского дна.

«У Володи очень богатая фантазия», — говорят родители. Действительно, он умеет выдумывать бесконечные истории об изобретенных им чудищах. Правда, эти истории довольно однообразны.

Подведем некоторые итоги. Итак, главные Володины достижения относятся к речевому развитию. У него большой словарный запас, он умеет строить сложные фразы. Весьма велик объем знаний, относящихся к разным областям действительности. Володя хорошо владеет арифметическими операциями.

Совсем иначе обстоит дело с детскими видами деятельности. Володя не умеет играть: брать на себя роль, развивать сюжет. Не развиты изобразительная и конструктивная деятельность.

Володя привык к постоянной высокой оценке своих способностей, поэтому естественно, что и сам он оценивает их очень высоко. Ему необходимы постоянное внимание взрослых, похвала. Он привык добиваться этого путем демонстрации своих знаний.

Общение со сверстниками, которое в этом возрасте основывается не на разговорах, а на совместной деятельности, нарушено. Ведь соответствующей деятельностью он не владеет.

Давайте представим себе, как сложится Володина жизнь после поступления в школу.

Вероятно, он по-прежнему будет пытаться высказываться по каждому поводу, когда его спрашивают и когда не спрашивают. И наверное, для него окажутся очень неприятной неожиданностью связанные с этим замечания учительницы. Он-то, наоборот, надеялся, что его похвалят. А хвалят его теперь так редко! Учительница вызывает детей по очереди — и он никак не может дожидаться, когда же дойдет очередь до него. Но вот, наконец, доходит. Он вскакивает, начинает говорить...

— Все, Володя, достаточно, садись, — говорит учительница.

А он еще так много хотел рассказать! Но теперь уже снова спрашивают других.

Хвалят теперь редко, зато ругают часто. За грязь в тетрадках, за плохие рисунки, за выкрики с места, за торопливую речь, за то, что вертится на уроке.

Друзей в классе у Володи нет, с ним никто не хочет общаться. Он чувствует себя одиноким, заброшенным, непонятым. На переменах он одиноко стоит у стены или вдруг начинает носиться по коридору, сбивая с ног окружающих. За это его снова ругают. И так изо дня в день.

Не правда ли, печальная картина? К сожалению, она наблюдается нередко. Ребят, похожих на Володю, довольно много. А что, если в классе несколько таких вундеркиндов? Уж они-то найдут между собой общий

язык? Как правило, этого не случается. Каждый из них — «специалист» в своей области. Один знает географию, другой — историю, третий — астрономию. Общей темы для разговора не находится. Да если и найдется, то вряд ли получится содержательный разговор, когда каждый из собеседников слушает только себя. В этом главная беда таких детей: общение ценно для них не само по себе, а только как способ привлечь к себе внимание.

Так что же делать? Как не допустить, чтобы Володя и подобные ему дети с первых же дней обучения оказались в изоляции? Единственный возможный путь — заранее начать формировать у ребенка интерес не к говорению, а к деятельности. Научить его играть, рисовать, лепить, строить из кубиков. Если он отвлекается от занятия, пытаясь рассказать вам что-то, не относящееся к делу, не идите у него на поводу. Скажите:

— Ты мне потом это расскажешь. А сейчас давай закончим то, что мы начали делать.

Вообще надо стараться как можно больше общаться с ребенком в процессе какой-либо содержательной деятельности и как можно меньше — в форме беседы. Конечно, это потребует у родителей значительно большего времени. Заниматься рисованием или лепкой, на минуту оторвавшись от чтения газеты или от приготовления обеда, не удастся.

У детей с описанным типом развития обычно большие трудности в овладении двигательными навыками (это следствие все того же недоразвития деятельности). Поэтому очень важно заниматься с ребенком спортом: делать зарядку по утрам, играть с ним в подвижные игры, записать в какую-либо спортивную секцию.

Короче говоря, если ребенок растет слишком взрослым, то необходимо, чтобы он хотя бы последний год перед школой прожил как можно более детской жизнью, чтобы он стал настоящим дошкольником. Это главное направление подготовки его к школе.

Другой неблагоприятный вариант развития во многом противоположен только что описанному — это вариант, когда ребенок, еще не начав учиться в школе, становится неуспевающим.

Весь период от рождения до семи лет — это период подготовки к школьному обучению (как и вообще к взрослой жизни). Однако всерьез задумываться о предстоящем поступлении в школу и сам ребенок, и его родители, и воспитатели детского сада обычно начинают примерно за год до первого звонка, который позовет малыша на первый в его жизни урок. Раньше основное внимание уделялось тому, послушен ли ребенок, хорошо ли он ест, не слишком ли часто капризничает. Теперь главным предметом забот окружающих становятся успехи ребенка в выполнении заданий, которые даются на занятиях в детском саду, его достижения в овладении умениями и навыками, которые понадобятся в школе. Что получается, если эти успехи недостаточны и достижения невелики? Реакция окружающих оказывается примерно такой же, какой она будет через год-другой, когда ребенок начнет приносить из школы двойки.

Возникает ситуация постоянного неуспеха. Что бы ребенок ни делал, все выходит не так, как хотелось бы родителям, воспитателю. Не получился рисунок. Не удалось правильно сосчитать чашки на картинке. Не смог отгадать простенькую загадку. Стал пересказывать сказку — говорят, непонятно. Не выходит, не получается, не удается.

Приступая к выполнению любого задания, ребенок уже заранее ожидает неудачи. И конечно, оказывается прав. Ведь если ты думаешь не о том, как выполнять задание, а о том, как тебя будут ругать за допущенные ошибки, то добиться высоких результатов почти невозможно. Ожидание неудачи становится постоянным. А из-за него и достигаемые результаты становятся все более низкими. Значит, еще более понижаются оценки, давае-

мые ребенку окружающими («глупый», «неспособный» и т. п.). Ну а отсюда — дальнейший рост неуверенности в себе... Порочный круг замкнулся.

В такой ситуации родители нередко предпринимают титанические усилия, чтобы преодолеть мнимую неспособность ребенка. С ним непрерывно занимаются чтением, письмом, счетом. По несколько раз повторяют дома каждое задание, выполнявшееся в детском саду. Ребенку некогда играть, некогда гулять. Он целыми днями занят подготовкой к школе.

Чрезмерное количество занятий дополнительно ухудшает положение. Во-первых, занятия настолько надоедают ребенку, что ему перестает хотеться стать школьником, у него заранее формируется отрицательное отношение к урокам. Во-вторых, повышенные нагрузки приводят к нервному переутомлению, проявления которого мы описали. И следовательно, еще ниже становятся его результаты.

Что послужило исходной причиной, породившей хроническую неуспешность? Может быть, действительно низкий исходный уровень умственного развития. Может быть, чрезмерные претензии родителей, которых не устраивали вполне средние достижения их ребенка. А может быть, он сменил детский сад и надо было просто подождать, пока он привыкнет к новой обстановке. Как бы то ни было, возник первичный неуспех, породивший цепную реакцию.

Я провожу психологическое обследование шестилетнего Коли. Его реакция на все задания, которые я даю, одинакова — он тут же отвечает:

— Я не умею. У меня это не получится.

Ему нужно сложить разрезную картинку. Я прекрасно знаю, что он сможет справиться с этим заданием. Объясняю это ему. Наконец, после долгих уговоров он берется за работу. Но смотрит он не на картинку, а мне в глаза.

— Так надо делать? Правильно я делаю?

Он делает неправильно: ведь он не видит картинки. Если я скажу ему: «Ты делаешь плохо», то он, скорее всего, тут же бросит работу, окончательно убедившись в своей неспособности справиться с ней. Я говорю:

— Наверное, у тебя получится правильно. Ну-ка, посмотри внимательно, что еще тебе осталось сделать.

Осталось начать и кончить. Коля, ободренный сомнительной похвалой, наконец взглядывает на картинку и начинает действовать разумно.

— Да нет, все равно у него ничего не выйдет, — печально вздыхает Колина мама.

И Коля тут же подхватывает:

— У меня не получится.

Наверное, нет необходимости долго доказывать, что ребенок, ставший неуспевающим еще до школы, будет таковым и в школе. Лучше поговорим о том, как помочь такому ребенку.

Первое, что необходимо, — это обеспечить ему успех. Нередко все неудачи объясняются только тем, что родители или воспитательница применяют методы обучения, несоответствующие индивидуальным особенностям ребенка. Бывает достаточно изменить методику (например, снизить темп подачи материала), чтобы неуспешность исчезла.

Но даже если прогресс в выполнении заданий, связанный с изменением методики обучения, слишком мал, то почти всегда можно найти такую область деятельности, в которой ребенок сумеет себя проявить. Может быть, у него хорошие данные для занятий плаванием? Или он умеет строить красивые замки из песка? Быть может, он увлекается вырезанием бумажных салфеток и достиг в этом немалых успехов?

Если нет никаких реальных достижений, их придется создавать искусственно. Например, можно научить ребенка собирать гербарий, аккуратно высушивать лис-

тики и цветы. Можно дать ему краски и поощрять создание беспредметных композиций — красивых картинок, которые потом будут вывешиваться на стене для украшения комнаты.

Главное — не сам по себе успех, а реакция на него окружающих. Они должны быть убеждены в том, что занятие, в котором ребенок достиг хорошего результата, — самое важное на свете (или по крайней мере одно из самых важных). Что его успешное выполнение — гарантия того, что в ближайшее время ребенок будет столь же хорошо выполнять и любые другие задания. Вообще все успехи постоянны, а все неудачи временны, и поэтому не следует обращать на них внимания.

«Не обращать внимания на неудачи? — слышу я голос строгого папы. — А если ребенок просто ленится, что тогда?» И тогда то же самое. Конечно, в определенном смысле ребенок с хроническим неуспехом ленится. У него нет надежды на успех — единственного настоящего стимула к работе. И все равно замечание можно делать только в такой форме:

— Ты молодец. У тебя получается очень хорошо. Но пока еще получилось не до конца. В следующий раз ты, наверняка, сделаешь еще лучше, чем сейчас.

«А если он не умывается, не убирает за собой игрушки — тогда тоже говорить, что он все делает хорошо?»

Разумеется, нет. Все сказанное относится только к заданиям учебного типа. К рисованию, конструированию, пересказу сказок, чтению стихов, решению арифметических задач, изучению букв и т. п. Это не относится к поведению в целом, к соблюдению ребенком требований взрослых, правил поведения. Если он капризничает, не выполняет своих обязанностей в семье, его можно и поругать, и наказать. Это не подорвет его веры в свои силы, потому что замечание сделано за плохое поведение, а не за то, что у него что-то не вышло.

Еще одно обязательное требование: соблюдать меру в занятиях. У ребенка должно оставаться время поиг-

рать, погулять, пообщаться со сверстниками. Да и общение с родителями нельзя сводить к одним только занятиям. Надо давать ребенку возможность высказаться, поделиться своими переживаниями.

Когда даешь родителям такие советы, нередко слышишь возражение: «Школьная учительница сказала, что если мы его не научим считать, то он не сможет учиться».

На это можно ответить только одно: ребенок тем более не сможет учиться, если умение считать будет куплено той ценой, о которой мы пишем. Ценой падения уверенности в себе, отказа от нормальной детской жизни, замкнутости на учебе и на своих неудачах. Любой хороший учитель это понимает.

Еще один вариант развития, который впоследствии часто приводит к трудностям в учебе, — это «уход от деятельности». Этот вариант складывается у детей с повышенной потребностью во внимании к себе, в успехе, в положительной оценке со стороны взрослых. Так же, как и предыдущий, он связан с неуспехом в деятельности, но неуспех этот скорее относительный, чем абсолютный. На этот раз дело не в том, что взрослые постоянно ругают ребенка, а в том, что хвалят меньше, чем ему требуется.

Потребность в постоянном успехе, внимании к себе закладывается очень рано (во всяком случае, к трем годам она уже обычно вполне сформирована). Причины ее возникновения точно неизвестны. А вот проявления изучены достаточно хорошо. Ребенок с повышенной потребностью в успехе (это качество называют демонстративностью) ведет себя несколько нарочито, манерно. Его эмоциональные проявления подчеркнуты, театрализованы. Он любит принимать эффектные позы, часто кокетничает сам с собой, стоя перед зеркалом. Иногда — особенно при посторонних — он играет роль самого примерного ребенка на свете. Трудно поверить, что, оставшись наедине с мамой, он может превратиться в упрямое и непослушное существо.

Все описанные формы поведения служат одной цели: привлечению к себе внимания окружающих. Это же важно для него и в различных заданиях. Он выполняет их не из интереса к самой деятельности, а чтобы получить похвалу, поощрение. Если результаты, достигаемые им, действительно весьма высоки, то похвала обычно не заставляет себя ждать. И ребенок начинает еще больше стараться, еще лучше работать. В дальнейшем, поступив в школу, он становится круглым отличником и приобретает признание если не сверстников, то, во всяком случае, учителя.

Этот вариант тоже чреват своими сложностями, но они придут позже — скорее всего в подростковом возрасте — и принимать профилактические меры по их предупреждению нужно в период обучения в первых классах школы, а не в дошкольном возрасте. А вот недостаток успеха приводит к трудностям уже сейчас.

Обычно события развиваются так. Увидев, какое внимание уделяют взрослые подготовке к школе, ребенок рьяно принимается за занятия. Однако вскоре он обнаруживает, что его результаты не особенно высоки — не выше, чем у других детей. Его хвалят не чаще, чем других. А раз так, то ради чего стараться? Первоначальное рвение постепенно сменяется пассивностью. Ребенок находит другой путь получить всеобщее признание: он получает его в мечтах, фантазиях.

Воспитательница сказала маме, что Маша не выполнила ни одного из тех заданий, которые сегодня давались детям.

— Что же ты делала на занятиях? — спрашивает мама.

— Летала на самолете в Африку, — отвечает Маша.

Она подробно рассказывает о необыкновенных животных, которых она видела, о своих приключениях.

Обычная жизнь недостаточно насыщена впечатлениями. Она кажется Маше скучной, монотонной.

И фантазия предоставляет ей выход из этой обыденности. В мечтах можно слетать в Африку, пережить необычайные приключения, вызвать всеобщее восхищение.

Со временем мечты почти полностью вытесняют реальность. Иногда даже создается такое впечатление, что ребенок путает фантазию и действительность. Случаются смешные, а подчас и печальные казусы. Ребенок рассказывает о каких-либо вымышленных событиях, не столь необычных, как полет в Африку, а вплетенных в будничную жизнь, — и родители принимают его рассказы за чистую монету. Они верят, что заведующая детским садом вызывала их дочку к себе в кабинет и поручила ей следить за тем, как ведут себя другие дети. Верят, что во время прогулки дочь убежала с территории детского сада и полдня гуляла по улицам, а вернулась только к вечеру. Начинаются объяснения с заведующей, с воспитательницей. Затем дочке учиняется допрос с пристрастием, на котором она наотрез отказывается признаться, что все выдумала. У родителей начинаются сомнения: а правду ли им сказала воспитательница? Но тут новые красочные подробности, которые дочь приводит в доказательство того, что она действительно пережила все описываемые ею приключения, окончательно убеждают слушателей в том, что все от начала и до конца ею выдумано. Заключительный акт трагикомедии — порка или визит к психиатру (в зависимости от педагогических установок родителей).

Такая законченная картина — явление редкое. Но ее отдельные элементы встречаются у довольно значительной части детей.

Что же делать? Неумеренно хвалить ребенка, возторгаться каждым ерундовым достижением? Это приведет к неадекватной самооценке, еще больше усилит и без того повышенную ориентацию на похвалу. Запретить мечтать? Все время понукать, требуя, чтобы ребенок занимался делом, а не витал в облаках? Но древняя

восточная мудрость гласит: «И один человек легко может привести лошадь к водопою, но даже десять человек не заставят ее пить».

Выход в том, чтобы дать ребенку самореализоваться, раскрыть свои возможности и таким образом обеспечить себе реальный, а не иллюзорный успех у окружающих. Все поведение ребенка несколько театрально, эмоции подчеркнуты? Значит, он будет иметь успех на сцене. Для демонстративного ребенка внимание зрителей станет тем клапаном, который позволит снизить внутреннюю напряженность, предохранит от ухода в болезненное фантазирование. Вероятно, детсадовских и школьных утренников окажется недостаточно. Значит, надо устраивать домашние спектакли или поискать студию художественной самодеятельности, в которую принимают шестилетних детей.

Большие возможности для самовыражения предоставляют и другие виды художественной деятельности, например изобразительная. Если Машина картина будет висеть на выставке среди других работ учащихся детской художественной студии, то Маше не нужно будет в поисках признания отправляться «в Африку». Нет подходящей студии? Что ж, рисованием можно с успехом заниматься дома, а место выставочного стенда займут стены квартиры.

Если у ребенка очень развито фантазирование, то оно само может стать источником содержательной художественной деятельности. Попробуйте предложить ему выдумывать не просто так, а так, чтобы получались интересные сказки. Конечно, записывать эти сказки придется вам. Потом их можно будет в присутствии ребенка читать знакомым (только не слишком часто! Это должно быть редкой и высокой наградой, а не повседневным явлением). Может возникнуть опасение: а не разовьется ли от этого еще больше страсть к фантазированию? Если и разовьется, то это будут уже не те

расплывчатые и по сути бессодержательные мечты, которые легко путаются с действительностью или подменяют ее собой, а направленное творческое фантазирование, служащее основой литературного творчества. Пусть ребенок привыкает работать над создаваемыми им произведениями.

Ну и последнее. А как же быть с непосредственной подготовкой к школе, а в дальнейшем — со школьными уроками? Ведь успех приходит к ребенку в посторонней деятельности, значит, эта деятельность и станет для него ценной. А учеба окажется на втором плане. Не беспокойтесь. Пока достаточно того, что повысится общая активность, исчезнет уход в мечты. Действительно, учеба не станет для ребенка важнейшим в жизни занятием. Но по крайней мере во время урока он не будет витать в облаках — а значит, будет нормально усваивать учебный материал. Со временем можно рассчитывать и на более серьезный эффект: скорее всего, ребенок поймет, что общее образование — необходимая база для любой конкретной деятельности, которую он изберет. Таким образом, учеба в школе станет мотивированной. И наконец, чем бы ребенок ни занялся — художественной самодеятельностью, рисованием, сочинением сказок или музыкой, — он научится учиться, а значит, принимать учебную задачу, контролировать и планировать свои действия, самостоятельно оценивать достигаемые результаты. Появится внимание к способу решения задачи, сознательное отношение к учению. А все это не может не сказаться положительно и на школьных успехах.

Последний из неблагоприятных вариантов развития, на котором мы остановимся, — это негативное самопредъявление. Этот вариант складывается у весьма активных детей с повышенной потребностью во внимании к себе. Отчаявшись добиться внимания с помощью обычных средств, ребенок прибегает к «сильнодействующим» средствам. Это кривлянье, намеренное и подчеркнутое нарушение правил поведения.

— Он ведет себя так, как будто хочет, чтобы его непрерывно ругали. Как будто нарочно вызывает раздражение, — жалуются родители.

Слова «как будто» здесь неуместны. Все так и есть. Ребенок действительно стремится вызвать раздражение взрослых. Он действует по принципу: «Пусть меня ругают. Это лучше, чем когда не замечают». Извращенная реакция на порицание (и даже на наказание) делает ребенка «неуправляемым». Он раз за разом повторяет те проступки, за которые его наказывают. Политика «кнута и пряника» не приносит родителям успеха. Ведь «кнут» оказывается так же привлекателен, как «пряник».

При воспитании ребенка с негативным самопроявлением надо постоянно помнить, что для него является поощрением любое внимание взрослых. Следовательно, отрицательные проявления лучше всего не замечать. Убедившись в том, что они не приносят желаемого эффекта, ребенок со временем откажется от них. Если же проступок настолько серьезен, что его нельзя оставить безнаказанным, то само наказание должно быть как можно более безличным, безэмоциональным. Можно лишить ребенка ожидаемого похода в цирк (ни в коем случае не вдаваясь в подробные дискуссии о его провинностях, не читая нотаций, т. е. не делая того, на что он рассчитывал, совершая проступок). Можно запретить ему гулять, не обращая ни малейшего внимания на его вопли, стук в дверь и швырянье игрушек на пол. Потом, когда время наказания истечет, надо будет предложить ему собрать игрушки и спрятать, опять же не вдаваясь ни в какие объяснения. Наказания ни в коем случае не должны быть слишком частыми и длительными. Например, нельзя лишать ребенка прогулки на весь день. Достаточно отложить ее на полчаса.

Напротив, все положительные проявления (даже незначительные) надо сразу замечать, хвалить ребенка. Так же как и в случае ухода от деятельности, необходимо предоставить ему возможность для самореализации.

Пути и в этом случае те же самые — сцена, изобразительная деятельность и т. п. Найдя социально приемлемые способы привлечения к себе внимания окружающих, ребенок перестанет пользоваться в этих целях «негативными» формами поведения.

Сделай сам

Во многих книжках, журналах даются советы о том, как научить детей делать смешные фигурки животных, человечков, целые сценки из шишек, каштанов, желудей, веточек, ракушек, яичных скорлупок и другого материала. В них описываются приемы работы с разным материалом, приводятся многочисленные образцы поделок.

В предыдущей главе книги — для пятилеток — мы тоже упоминали о самоделках, советовали включать природные материалы в лепные изделия из пластилина, а порой и использовать их в качестве основных, знакомить детей с их свойствами. Но теперь мы ставим перед собой другую задачу — специально поговорить с родителями о том, как использовать работу по изготовлению самоделок для развития умственных способностей ребенка, его наблюдательности и воображения.

За советами по техническим вопросам и образцами поделок мы отсылаем наших читателей к книжке Э. К. Гульянц и И. Я. Базик «Что можно сделать из природного материала» или Г. Перевертня «Самоделки из разных материалов». Первая из них рассчитана специально на дошкольников и содержит большое количество образцов. Здесь скажем только, что следует выбирать по возможности мягкие материалы и пользоваться простейшими способами их соединения — скреплением пластилиновыми прослойками, склеиванием, соединением при помощи спичек, палочек.

При изготовлении поделок из природного материала можно использовать два пути. Один — это показ готовых образцов и способов работы с материалом. «Я те-

бя научу делать забавные фигурки из разных материалов. Давай соберем побольше шишек, желудей и палочек, принесем домой, и я покажу, как можно сделать уточку, Чебурашку, крокодила Гену...» Другой путь — от внешних особенностей самого материала, его сходства с тем или другим животным, персонажем сказки (или их частью). «Смотри, какие интересные крылатые семена у клена. Как ты думаешь, на что они похожи? Правильно, на крылышки стрекозы. А что, если нам попробовать сделать из них стрекозу? Давай подумаем, что еще для этого понадобится: из чего будет головка, туловище, ножки...» Примерно так мы советовали начинать работу и с пятилетками.

Наконец, третий путь — от замысла. Его мы и рекомендуем для шестилетних детей, уже достигших такого уровня умственного развития, который позволяет построить замысел заранее, изобразить его в виде схематического рисунка, а затем воплотить.

Если ребенок раньше не занимался самоделками из природного материала, начните с пробуждения интереса к ним. Для начала покажите несколько картинок с изображением самоделок и предложите придумать и сделать по этому образцу что-нибудь свое. Картинки нужно подобрать так, чтобы они демонстрировали фигурки одного типа (например, птиц или четвероногих животных), но сделанные из разного материала. Для этого подойдут фигурки птиц из плодов шиповника, павлина из шишки и желудя, из каштана и желудя, пингвинов из шишки и фисташки, имеющиеся в уже упоминавшейся книжке Э. К. Гульянц и И. Я. Базик.

Рассмотрите вместе с ребенком картинки, разберите, что есть общего у всех птиц и чем они различаются, и зафиксируйте и то, и другое в схематических рисунках.

— Давай нарисуем, что есть у всех птиц. Начнем с туловища. Какой оно формы? Правильно, овальное. Значит, нужно нарисовать овал.

— А теперь
на рисунки. Да
да? Верно, я
теперь нарисуй
— Смотри
хватает. Что
сколько их?

Схема обр
— Чего т
у всех птиц ес
если они слож
В закон
схема выгляд
так (рис. 119).

— Это м
то, что есть
теперь дава
почему не в
наковые.

Ребенок
мощи легко
птицы разли
оно имеет ф
почти кругл
длиной и ф
хвоста. По
ния по био
ных птиц
удобно ход
петуха ног
чтобы был
Шея у него
с земли уд
многих дру
хвост, крас
ка, шелков
рисовать с

— А теперь скажи, что еще есть у птицы? Посмотри на рисунки. Да, голова и клюв. Но на чем держится голова? Верно, на шее. А сама голова какой формы? Теперь нарисуй шею, голову и клюв. И глаз тоже не забудь.

— Смотри, уже похоже на птицу. Но многого еще не хватает. Что нужно нарисовать еще? Конечно, лапки, сколько их?

Схема обрастает деталями.

— Чего теперь недостает? Посмотри на картинки. У всех птиц есть хвост. И еще крылья. Их не всегда видно, если они сложены. Но что же это за птица без крыльев?

В законченном виде схема выглядит примерно так (рис. 119).

— Это мы нарисовали то, что есть у всех птиц. А теперь давай посмотрим, почему не все птицы одинаковые.

Рис. 119

Ребенок при вашей помощи легко установит, что птицы различаются между собой длиной тела (у одних оно имеет форму сильно вытянутого овала, у других — почти круглое), длиной ног и местом их расположения, длиной и формой шеи, клюва, величиной и формой хвоста. Попутно можно дать ребенку некоторые сведения по биологии. Длинные ноги, шея и клюв у болотных птиц — журавля, аиста, цапли. Это чтобы было удобно ходить по болоту и добывать в нем пищу. А вот у петуха ноги гораздо короче, но они толстые, крепкие, чтобы было удобно бегать по земле: он ведь не летает. Шея у него короткая, клюв небольшой — клевать пищу с земли удобно и так. Петух — щеголь. Он, как и самцы многих других птиц, ярко разукрашен: у него шикарный хвост, красный гребешок и борода («масляна головушка, шелкова бородушка...»). По ходу беседы полезно нарисовать схему птицы, например журавля и петуха.

А теперь настало время предложить ребенку самому задумать и сделать игрушку, изображающую какую-нибудь птицу, но не из тех, которые есть на рисунках, а новую: ведь это гораздо интереснее.

Наверняка ваш ребенок видел водоплавающих птиц — уток, гусей, лебедей. Напомните ему о них и постарайтесь вместе вспомнить и схематически изобразить их особенности (лучше, если рисовать схему будет, пусть с вашей помощью, сам ребенок).

У водоплавающих птиц тело длинное, вытянутое, оно имеет обтекаемую форму, удобно для ныряния, лапки — как маленькие весла: короткие, сильные и снабжены перепонками. Шея длинная, гибкая — можно, не ныряя, сунуть голову под воду и посмотреть, что там делается. А клюв короткий и широкий, в нем легко удержать рыбку... На теле, на голове ничего лишнего, никаких украшений — они мешали бы нырять, плавать под водой... Как должна выглядеть игрушка, изображающая такую птицу?

Возможно, что случайно на схеме получится птица, похожая больше на утку, гуся или лебедя, а может быть, на водоплавающую птицу вообще. В любом случае ей нетрудно будет придать признаки птицы определенного вида:

— Молодец, получилось очень похоже на утку. Только шея у нее покороче. Такая длинная шея бывает только у гуся и лебедя... Давай немножко исправим. Теперь все в порядке. Значит, будем делать утку. Как ты думаешь, из чего можно сделать ее тело?

Конечно, на первых порах во всем потребуются ваша помощь. Туловищем утки может послужить, например, подходящая по форме картофелина, зеленая еловая шишка. Ножками, конечно, будут палочки, но к их концам придется приклеить шляпки от желудей или бумажные ласты. Шею лучше всего согнуть из мягкой проволоки или найти изогнутую веточку, а голову сделать из плода шиповника, желудя, в крайнем случае, вылепить

из пластилина. Утиный клюв будет пластилиновым или деревянным (из уплощенной веточки). Крылья для игрушечной утки не обязательны: они обычно сложены. Не обязателен и хвост (особенно если туловище сделано из шишки, заостренной к концу). Этот конец можно расщепить.

Начало положено. Но только начало. Игрушки-самоделки хороши только тогда, когда они не просто похожи на оригинал и позволяют его узнать, но подчеркивают в нем какие-то любопытные черты, передают характерное выражение. Иными словами, в их создании должно принимать участие творческое воображение. От общего, выраженного в схеме птицы вообще, идет переход к более конкретному (схема водоплавающей птицы, потом утки, гуся и др.), а затем — к индивидуальному, характерному. Это характерное тоже может быть представлено на схематическом рисунке, а потом уже воплощено в материале.

— Утка у нас уже есть. Попробуем теперь сделать гуся. Чем гусь отличается от утки?

Это можно рассмотреть на картинке. Тело у него не такое вытянутое, шея длиннее и прямее, голова почти круглая, другой формы клюв — не такой плоский.

— Но гусь получится у нас гораздо интереснее, если он будет не просто стоять, а, например, гнаться за кем-нибудь. Ты видел когда-нибудь сердитого гуся? Он вытягивает вперед шею, раскрывает клюв и шипит. Попробуем нарисовать, как это выглядит.

— А вот когда гусь удивляется или пугается, он вытягивает шею вверх.

Не беда, если шея будет длиннее, чем на самом деле: зато хорошо видно, что гусь ее вытянул...

Конечно, это только примеры. Освоив принцип изготовления самоделок, изображающих птицу, ребенок сможет задумывать и создавать игрушки, изображающие самых разных птиц, в том числе фантастических, придавать им самое различное выражение. Как, напри-

мер, может выглядеть танцующая Жар-птица? Из чего ее можно изготовить?

Тот же принцип обучения сохранится и при изготовлении игрушек-самоделок, мотивами которых служат четвероногие.

Исходный пункт — схема четвероногого животного вообще: овальное туловище, четыре ноги, шея, голова, хвост (рис. 120).

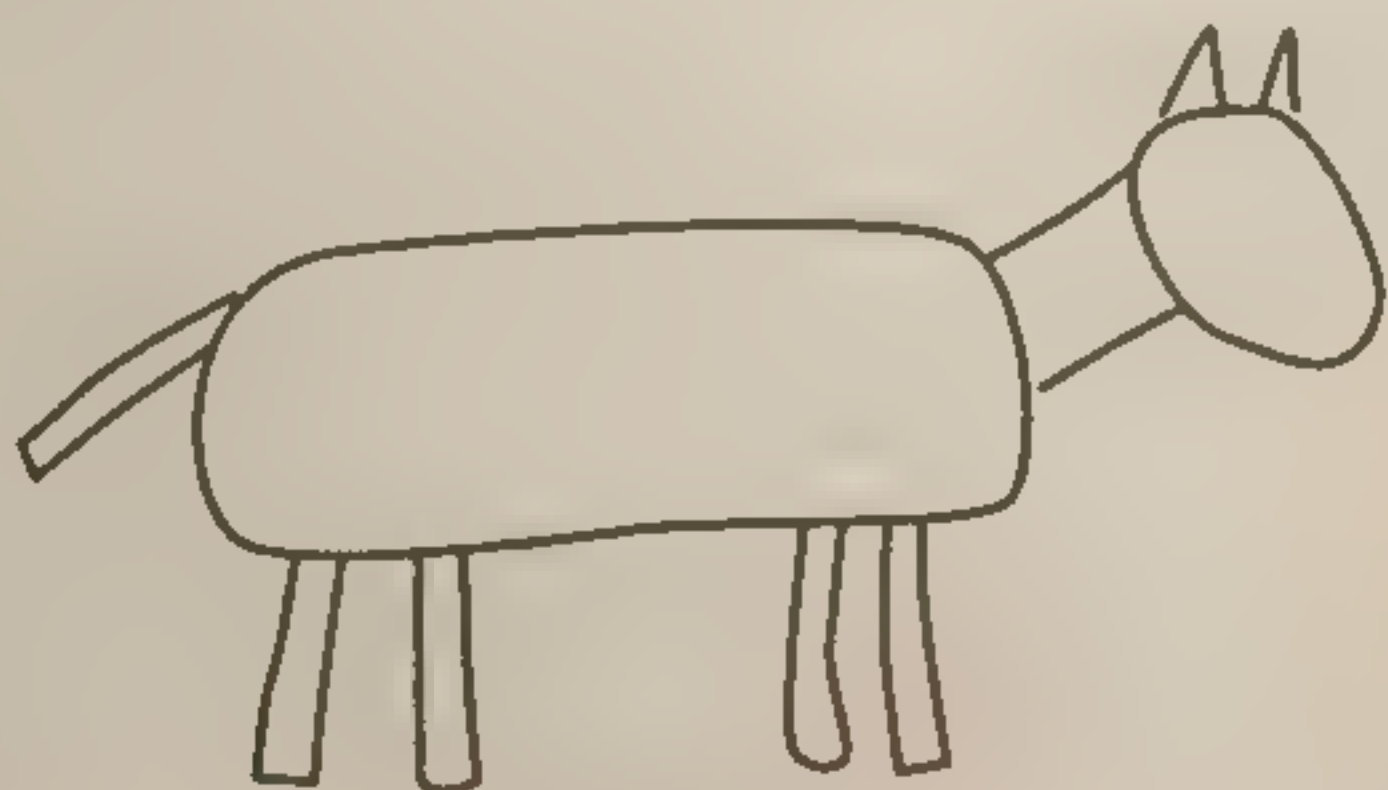

Рис. 120

Дальше — переход к отдельным видам животных. Их много, и различаются они между собой многими признаками, иногда достаточно явными, иногда трудно уловимыми. Проще всего передать бросающиеся в глаза детали, характерные для того или иного вида: рога у коровы, хобот у слона, длинные уши у зайчика. Куда труднее выделить и воспроизвести особенности строения тела. Недаром на детских рисунках лошадь часто не отличишь от собаки. Впрочем, нет особой необходимости вдаваться в тонкие подробности при задумывании и изготовлении самоделок. Здесь важнее передать общее выражение, чем копировать натуру.

У травоядных животных — лошади, коровы, козлик, барашка длинные прямые ноги (им приходится много ходить, бегать), вытянутая вверх шея (чтобы издали увидеть опасность), удлинённая голова.

У хищников (лисы, собаки, волка) тело гибче, длиннее, лапы более округлые, изогнутые, позволяющие ползти, подкрадываться к добыче, шея направлена вперед. У них бывает большой пушистый хвост.

Другие жи
ры можно то
знь из схеме.
ма — только н
подумать не то
кое у него туло
оно делает (бе
прислушивается
ным, добрым,
решить из че
делки, как их
— Попро
ется к мышке
прижалась к
нула шею... Д

А теперь
можно бы и
маловат. По
ивовой серо
чашечки от
лучше — зе
ляных орех
лать усы и
нарисуем.

Темы
черпаемы.
Жираф рас
Интер
ных чело
схемы жив

Другие животные имеют свои особенности, которые можно тоже разобрать с ребенком, вместе изобразить на схеме. Но так же, как в случае с птицами, схема — только начало. Строя замысел самоделки, следует подумать не только о том, как выглядит животное (какое у него туловище, ноги, шея, голова, хвост), но и что оно делает (бежит, подкрадывается к добыче, сидит и прислушивается и т. п.) и каким его надо показать (глупым, добрым, жадным, смелым...). А после всего этого решить из чего лучше изготовить разные части самоделки, как их соединить.

— Попробуем сделать кошку, которая подкрадывается к мышке. Она вся сжалась, стала как будто толще, прижалась к полу, так что лапок почти не видно, вытянула шею... Давай нарисуем, какой у нее вид (рис. 121).

Рис. 121

А теперь подумаем, из чего ее сделать. Для туловища можно бы шишку, но она слишком шершавая. Желудь маловат. Пожалуй, подойдет каштан. Хвост сделаем из ивовой сережки (или просто из ваты), ножками будут чашечки от желудей или скорлупки от орешков, а еще лучше — земляные орехи. Шея и голова — тоже из земляных орехов. И все это склеим. А теперь осталось сделать усы из щетинок и бумажные ушки. Глаза просто нарисуем.

Темы для изготовления фигурок животных неисчерпаемы. Зайка спрятался от волка. Слон купается. Жираф рассматривает букашку.

Интересно поучиться делать и забавных игрушечных человечков. Общая схема человечка даже проще схемы животного.

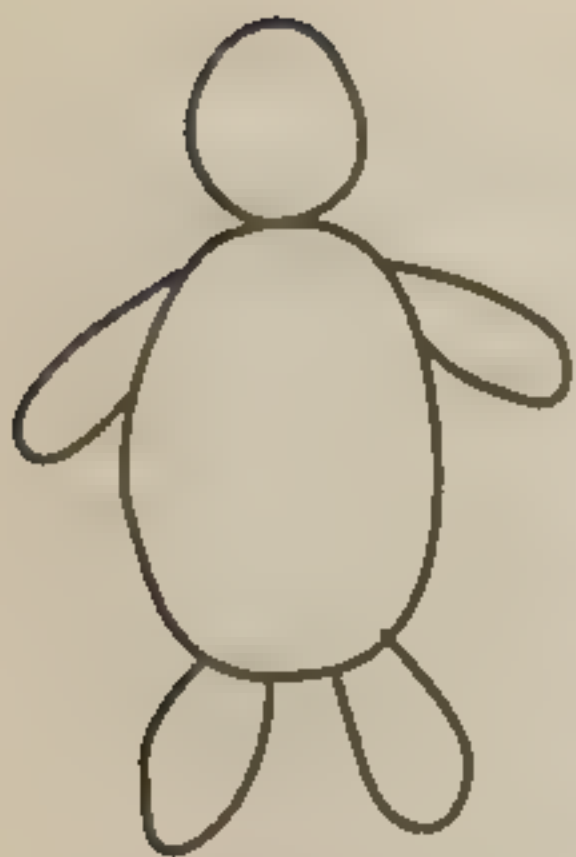

Рис. 122

Человечки (рис. 122) могут стоять, сидеть, танцевать, прыгать через скакалочку. А главное — их можно делать разными и по-разному одевать, превращать в героев любимых сказок. Сразу же напрашиваются Чиполлино из двух луковиц (большой и маленькой), Буратино из желудей, Карлсон из грецкого и лесного орехов с крыльями — семенами клена и др.

Особенно интересные игрушки получаются, когда позы и черты людей придаются животным. Ребенок уже знаком с этим приемом по сказкам да и по собственным игрушкам. Ведь его плюшевый мишка куда больше похож на человечка, чем на настоящего медведя.

Задумывая вместе с ребенком новую самоделку, вы, конечно, будете пользоваться соответствующими руководствами. Но ребенку картинку готового образца лучше не показывать. Куда более ценно, если он каждый раз будет проявлять изобретательность, участвовать в создании замысла. Не беда, если это приведет к потерям в красоте или забавности игрушки. Важнее выигрыш в развитии воображения. И даже после того как будут усвоены основные принципы изготовления самоделок, необходимые технические приемы, не следует забывать о схематических набросках замысла.

По мере продвижения ребенка в умении строить и воплощать замысел можно вернуться (но теперь на новой основе) к использованию рекомендованного нами еще для пятилеток метода пробуждения и поддержания интереса к работе через знакомство с особенностями различных материалов.

Учите ребенка на прогулке в лесу или в саду находить ветки, корни, плоды необычной формы, напоминающие человечка, фантастическое животное, насекомое и т. п., отталкиваясь от таких находок, строить замыслы и затем их воплощать.

Больше, меньше, поровну

Ваш ребенок уже овладел исходными представлениями о количестве. Он умеет считать, знаком с числовым рядом в пределах 10, знает цифры. Будем исходить из того, что, пользуясь нашими советами, вы познакомили его и с делением целого на равные части, показали, что целое всегда больше своих частей и если разделить целое на части, то из них снова можно собрать целое.

Теперь представление о соотношении целого и частей может быть использовано в качестве основы для обучения решению элементарных арифметических задач.

На первый взгляд задачки на сложение и вычитание в пределах первого десятка весьма просты. Если ребенок знает состав числа и умеет считать, их решение не должно представлять никаких трудностей. Но такое впечатление обманчиво. Оно сразу же рассеется, как только вы попробуете задать несколько задачек.

— На дереве сидело 4 птички. Прилетела еще 1. Сколько стало птичек?

— У тебя было 5 конфет, 2 ты съел. Сколько осталось?

— На тарелке лежали яблоки, 2 мама отдала детям. Осталось 4. Сколько было яблок?

— На дереве сидели птички. Затем прилетели еще 3 птички, и их стало 5. Сколько вначале птичек было на дереве?

Возможно, что первые две задачки ваш ребенок решит правильно. А вот третью и четвертую — вряд ли. В чем дело? Какая разница? Разница есть, и очень значительная.

Вы начинаете задавать условия первой задачи. «На дереве сидело 4 птички». Ребенок представляет себе дерево, птичек, сидящих на нем. Или (если количество для него уже достаточно отделено от самих предметов)

просто четыре фишки, косточки на счетах. Возможно, он загибает 4 пальца. Наконец, не исключено, что ему достаточно запомнить число 4 в виде цифры. «Прилетела еще 1», — продолжаете вы. Сразу же ясно, что произошло: к четырем прибавилась единица. Об этом говорит само слово «прилетела». Ее можно представить себе в виде дополнительной птички или фишки, загнуть еще один палец и пересчитать их общее количество или просто вспомнить, что в числовом ряду после четырех идет пять.

Ненамного сложнее и вторая задача. Здесь тоже само слово «съел» свидетельствует об уменьшении, исчезновении какого-то количества. И тоже все легко просчитать на пальцах или в уме. Для 5 конфет загибаются 5 пальцев, потом 2 из них разгибаются. Оставшиеся пересчитываются. Или по числовому ряду идет отсчет: «пять, четыре, три».

Совсем другое дело — третья задача. Здесь представлять себе лежащие на тарелке яблоки невозможно — ведь не сказано, сколько их. По той же причине нельзя и загибать пальцы. Первое число, появляющееся в задаче, — 2. «Отдала 2». Но «отдала» — это значит, что количество уменьшилось. Надо отнимать. А от чего отнимать? «Осталось 4». Пожалуй, самое естественное побуждение в этом случае от 4 отнять 2.

Того же рода трудности возникают перед ребенком и при решении последней задачи. Задачи, подобные первым двум, называются «прямыми», а подобные двум последним — «косвенными». Обычно их решение плохо дается даже учащимся 2—3 классов. Конечно, там вводятся большие числа. Но дело не в числах. Даже в случаях, когда младшие школьники находят правильное решение, они зачастую не могут объяснить, как его получили. Косвенные задачи — прекрасный материал для проверки того, насколько ребенок научился разби-

ратся в любых задачах, понимать их математический смысл.

Для того чтобы помочь ребенку прийти к такому пониманию, специалисты предлагают разные приемы. Наиболее удачный, на наш взгляд, тот, который разработала для дошкольников психолог Н. И. Непомнящая. Он как раз и основан на использовании представлений о соотношении целого и частей.

Что такое целое и что такое части, ребенок уже знает. Но если и не знает — не беда. Это не так сложно объяснить. Вот листок бумаги. Если его сложить и разрезать или разорвать, получится две части. А если эти части сложить и склеить, снова получится целое. Листок можно разрезать в разных местах. В зависимости от этого части будут получаться разные. Они могут быть одинаковыми (равными), а могут быть и неравными (это нужно подчеркнуть специально, если раньше вы знакомили ребенка только с делением целого на равные части). Частей может быть две, а может быть и больше, но целое получится, только если собрать вместе все части, сколько их есть.

Самое трудное для детского понимания — относительность понятий «целое» и «часть». Любая величина может быть в одном случае целым, в другом — частью.

- Вы ставите на стол три стакана. Один из них полный, два пустые.

— Смотри, Миша, в этом стакане — вода. Вся вода, какая у нас сейчас есть. Это целое или часть?

— Целое.

— Конечно. Давай положим сюда целую бумажную полоску, чтобы помнить, что это целое. А теперь разольем воду по двум стаканам. В каждом стакане будет часть воды. Как это показать на полоске?

— Разорвать ее (полоска разрывается на две части и каждая подкладывается к одному из стаканов с водой).

— Как ты думаешь, вода в этом стакане (одном из двух) может быть целым?

— Нет, ведь это часть!

Один из стаканов с водой убирается. Убирается и соответствующая ему часть полоски.

— А теперь?

— Теперь это целое, потому что больше воды нет.

— Правильно. А это целое можно разделить на части?

— Да. Нужно отлить в пустой стакан.

— Верно. Покажи это на полоске, потом отлей. Полоска, которая раньше обозначала часть, теперь разрывается на две, ее части подкладываются к двум стаканам, потом часть воды переливается в пустой стакан.

— А как снова сделать из частей целое?

— Слить воду вместе.

Такие же бумажные полоски послужат моделью отношений часть — целое и когда целым является отдельный предмет (например, нарисованная автомашина, которую можно разрезать на части и снова сложить), и когда это — совокупность предметов. Последний случай особенно важен для последующего обучения решению задач.

• На столе 8 карандашей, сложенных в кучку. Снова берется бумажная полоска.

— Эти карандаши — часть или целое?

— Целое, потому что других карандашей тут нет.

— Да, это целое. Все эти карандаши и будет обозначать полоска.

Вы делите карандаши на две группы (4 и 4 или 5 и 3).

— Что я сделал с целым?

— Разделил его на части.

— Давай покажем это на полоске (полоска разрывается на две, и каждая часть подкладывается к группе карандашей).

— А как
соединить все
Каждый
молотко. Ее
— Теперь
любую часть

Дайте е
на части и
нок, угада
лему кружо
нее вырез

— Миш
что мы хот
лого. Это бу
такой знач
ти соединя
нус) — что

Значки
и показыва

— Вот
кую кома
карточек,

Как т
но, соедин

— А как показать на полоске, что мы снова хотим соединить все карандаши, сделать из частей целое?

Каждый раз разрывать и склеивать полоску слишком хлопотно. Ее можно заменить другими обозначениями.

— Теперь мы будем обозначать целое кружком, а любую часть — половинкой кружка (рис. 123).

Рис. 123

Дайте еще несколько заданий с разделением целого на части и объединением частей. При этом пусть ребенок, угадывая, где целое, где части, прикладывает к целому кружок, к частям — половинки кружка (они заранее вырезаются из бумаги или картона).

— Миша, я покажу тебе, как можно без слов узнать, что мы хотим сделать: целое из частей или части из целого. Это будет как будто зашифрованная команда. Вот такой значок (он называется плюс) обозначает, что части соединяются, а такой значок (он называется минус) — что от целого отнимают часть.

Значки «+» и «—» рисуются на отдельных карточках и показываются ребенку в ходе объяснения.

— Вот лежат 2 кубика, а здесь еще 2. Я даю тебе такую команду (рис. 124). («Команда», выложенная из карточек, означает, что надо сложить две части.)

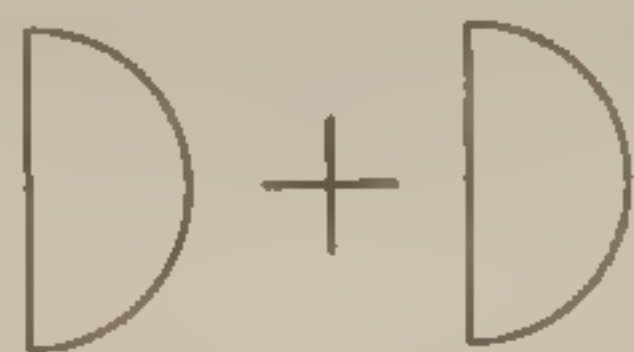

Рис. 124

Как ты думаешь, что ты должен сделать? Правильно, соединить их вместе.

А если команда будет такая? (рис. 125)
Да, от всех кубиков нужно отнять часть. Сколько хочешь.

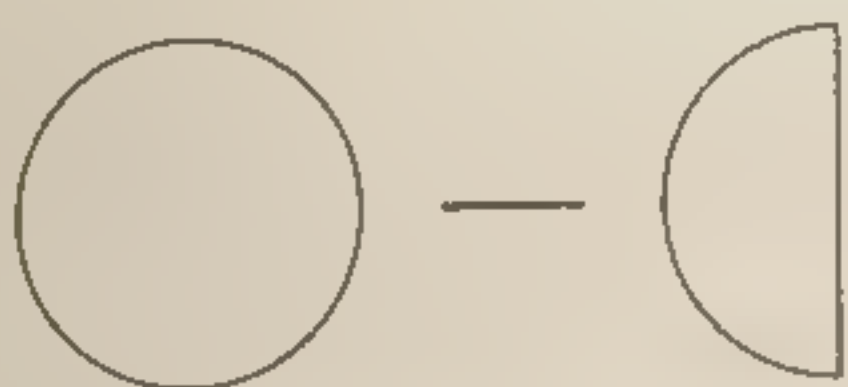

Рис. 125

А теперь ты давай мне команды и смотри, правильно ли я их выполняю.

Пора переходить к задачам.

Вы даете ребенку 3 карандаша, потом еще 2. Пусть он расскажет, что вы сделали. Добивайтесь подробного рассказа с обозначением количества. Не просто: «Ты дал мне карандаши», а «Ты дал мне сначала 3 карандаша, а потом еще 2». После этого ребенок должен догадаться, какой вопрос можно поставить. В данном случае это вопрос: «Сколько стало карандашей?» Теперь нужно записать то, что произошло. Предложите ребенку сразу выложить условия задачи из цифр и знаков (они берутся из кассы цифр).

То же самое относится и к задачам, предполагающим действие вычитания. У ребенка 6 кубиков. Вы забираете один из них и помогаете составить задачу: «У меня было 6 кубиков, 1 ты забрал. Сколько осталось кубиков?» Если ребенок затрудняется, задачу составляете вы сами: «У тебя было 6 кубиков, 1 я забрал. Сколько кубиков у тебя осталось?» Задача записывается в виде числового примера: $6 - 1 =$ и решается.

Следующий шаг — задачи, которые задаете вы сами на наглядном материале. «Я положил на стол 2 вилки, а потом еще 2. Сколько стало вилок?» Ребенок записывает задачу в виде числового примера и решает ее.

От ситуаций, возникающих на глазах у ребенка, переходите к ситуациям, в которых описываются те или иные события. На первых порах к ним можно давать на-

глядные иллюстрации. «В домике жили 5 сестричек (на стол ставится 5 матрешек), 2 из них ушли гулять (2 матрешки убираются). Сколько сестричек осталось в домике?»

А затем можно будет обходиться и без иллюстраций — задавать задачи устно.

«У девочки было 4 яблока. Ей дали еще 2. Сколько у нее стало яблок?»

«У мальчика было 7 карандашей. Он потерял 3. Сколько у него осталось карандашей?»

Такие задачи — самые легкие. Это уже знакомые вам прямые задачи. В них действия разворачиваются последовательно, а в самом тексте содержатся слова, указывающие, что произошло — увеличение или уменьшение исходного количества.

Более трудными могут оказаться для ребенка задачи, где нет слов, обозначающих действие: «В корзине было 5 подберезовиков и 3 подосиновика. Сколько грибов было в корзине?»

Но еще труднее, конечно, косвенные задачи, где последовательность описания условий не совпадает с последовательностью хода решения.

Здесь-то и понадобятся усвоенные ребенком представления о соотношении целого и частей. Любую задачу можно понять и решить, если установить, где в ней указаны части, а где целое, что осталось неизвестным.

«Мама купила 7 конфет. Коля съел несколько и оставил 3 конфеты. Сколько конфет он съел?»

Что сказано в этой задаче? Сказано, сколько всего было конфет? Да, их было 7. Это целое. Коля съел все конфеты? Нет, не все. Значит, Коля съел часть конфет, но мы не знаем, сколько. А остались все конфеты? Нет, тоже часть, и мы знаем, что в этой части было 3 конфеты. Но если мы знаем целое и одну из частей, как можно узнать другую часть?

«На столе лежали книги. Потом положили еще 3 и стало 5. Сколько книг лежало сначала?»

Где тут части, а где целое? Сначала на столе лежали все книги или нет? Нет. Лежала только часть книг, потому что потом принесли еще и книг стало больше. Значит, принесли еще часть и получилось целое. Про это целое мы знаем, что в нем было 5 книг, а про часть, которую принесли, что в ней было 3 книги. А не знаем мы, сколько книг было в той части, которая лежала на столе раньше. Как это можно узнать?

Приводя примеры подобных рассуждений, мы отнюдь не имеем в виду, что их должен повторять для ребенка взрослый. Это ничего не даст. Так в итоге должен научиться рассуждать сам ребенок, а роль взрослого состоит в том, чтобы подводить его к этому. Но если ребенок научился рассуждать подобным образом применительно к любым типам задач в одно действие — цель достигнута: он овладел пониманием математического смысла текстовых задач, за которым лежит отношение целое — часть.

Последние советы

В этой части мы сконцентрировали внимание на общих проблемах подготовки ребенка к школе, приобретающих в шестилетнем возрасте первостепенное значение. А из всех многочисленных видов занятий специальные главы посвящены только изготовлению поделок из природного материала («Сделай сам») и развитию математических представлений («Больше, меньше, поровну»).

Дело не в том, что шестилетний ребенок перерос другие виды деятельности, а в том, что для их развития вполне достаточны задания, предложенные для более младших детей (трех, четырех и пяти лет). Усложнение этих заданий, связанное с взрослением ребенка, стано-

вится чисто количественным (можно строить более сложные сооружения из кубиков, усложнять сюжеты игр и т. п.).

В этой главе мы хотим кратко напомнить некоторые виды заданий, наиболее полезных для умственного развития шестилетнего ребенка.

В сюжетно-ролевой игре ребенок практически осваивает отношения между людьми. Взяв на себя какую-либо роль, он учится вести себя в соответствии с этой ролью («учителя», «ученика», «матроса», «капитана» и т. п.).

Чтобы повысить развивающее значение игры, помогайте ребенку строить разнообразные сюжеты, приучайте его менять свою роль по ходу игры (исполняя, таким образом, две или более роли подряд). Играя с ребенком, старайтесь строить ситуации, в которых наиболее ярко проявляются взаимоотношения людей, распределение функций между ними. Замысел игры полезно наметить с ребенком заранее, но лишь в самом общем виде, чтобы вместо живой импровизации не получилось разыгрывание готового сценария.

Игры-драматизации, приближающиеся к игре актеров на сцене и разворачивающиеся по строгому сценарию (взятому из знакомой сказки или разработанному вами вдвоем с ребенком), тоже полезны старшим дошкольникам. Но все же их значение для развития воображения, самостоятельности, творческих возможностей существенно уступает значению свободной сюжетно-ролевой игры.

Напомним и о режиссерских играх, в которых ребенок «раздает роли» куклам, игрушечным зверям, оловянным солдатикам и т. п. Разумеется, «оживлять» всех этих персонажей приходится ему самому — на первых порах вместе с мамой или папой. Руководя своими «артистами», он может строить сложные оригинальные сюжеты. Значительная часть сюжета проигрывается в

уме, с игрушками совершаются лишь отдельные действия. Такие игры способствуют развитию мысленного планирования действий, формируют умение представлять себе разнообразные сложные ситуации, последствия своих поступков.

Богатейшие возможности для развития ребенка предоставляет детская литература. В предыдущих частях книги мы рекомендовали наряду с чтением ребенку сказок и стихов проводить специальную работу по обучению их разыгрыванию с заместителями, пересказу, досочинению, самостоятельному сочинению.

Для разыгрывания сказок вам понадобятся бумажные кружки или квадратики разного цвета и разной величины — они будут изображать персонажей сказки. С их помощью удобно показывать действия героев. Вот волк встретился с лисой — ребенок подносит серый кружок к оранжевому. А вот лиса убежала по своим делам — оранжевый кружок откладывается в сторону. Такое разыгрывание ребенок может производить во время чтения сказки взрослым, а может потом с его помощью показать сказку, сопровождая действия рассказом. Если зарисовать расположение заместителей, соответствующее основным эпизодам сказки (так, чтобы получилась серия рисунков), то получится ее схематический конспект, глядя на который ребенок впоследствии легко сможет вспомнить и пересказать содержание прочитанного.

Для умственного развития шестилетнего ребенка, как и для развития детей 3—5 лет, очень полезна изобразительная деятельность. Добивайтесь разнообразия сюжетов, воплощаемых в рисунках и пластилиновых скульптурах вашего ребенка. Обсуждайте с ним замысел, предлагайте новые интересные для него темы: «Нарисуй, как ты будешь учиться в школе»; «Вылепи цирковых артистов — наездницу, клоуна, гимнастов» и

т. п. При планировании рисунка полезно предварительно намечать место, отведенное для изображения каждого задуманного объекта, указывая его рукой или обводя легкой карандашной линией. Почаще обращайтесь внимание ребенка на позу изображаемого персонажа (скажем, если человек сидит, то ноги у него должны быть согнуты).

И наконец, несколько слов о работе со строительным материалом. С шестилетним ребенком нужно продолжать занятия конструированием по разным видам образцов. Особенно полезно конструирование по нерасчлененному чертежу (на котором изображена форма заданной постройки, но не изображено ее членение на строительные детали) и по чисто условному схематическому образцу, лишь приблизительно задающему тип требуемого сооружения.

Нерасчлененный чертеж изображает вид постройки с какой-либо определенной позиции. Полезно сочетать два таких образца, на одном из которых изображен вид сбоку, на другом — вид спереди или сверху.

Мы не даем советов по обучению детей грамоте, так как подавляющее большинство шестилетних детей обучается ей в школе или в детском саду. Если домашнее обучение придет в противоречие со школьным или детсадовским (по методам, темпам и т. п.), то оно может оказаться не полезным, а вредным. Нельзя вырабатывать один и тот же навык (в данном случае навык чтения) двумя разными методами одновременно.

А как же математика? Ведь ей тоже учат в детском саду и в школе! Верно. Но в этом случае речь идет не о выработке конкретного навыка, а о развитии представлений определенного рода (представлений о количественных отношениях объектов). Тут вполне можно совместить два разных подхода — математические представления от этого не пострадают, а только обогатятся.

Ваш ребенок приступает к систематическому школьному обучению. Перед ним открывается замечательный мир знаний. Ему предстоят увлекательные путешествия в страны чисел и слов, в прошлое и в будущее (насколько наука умеет его предвидеть). Он узнает, как устроены звери, птицы и растения, научится решать сложные задачи, начнет понимать книги, написанные на иностранном языке.

На этом пути неизбежно встретятся и трудности. Что-то не будет удаваться, где-то потребуется приложить очень значительные усилия. Но если относиться к этому спокойно, не терять бодрость духа, сохранять настойчивость, то любые трудности удастся преодолеть.

Венг
ние, 1983.
Издр
1999.
Мухи
Л. А. Венг
Розен
тей ранне
Фона
Чуко
Эльк
мья, 2005.
Эльк
Жит
ская азбу
Журо
М., 1978.
Сико
Тару
тических
Эльк
Амон
Гулья
природно
Дьяче
развитие д
Мир д

Венгер Л. А. Педагогика способностей. — М.: Знание, 1983.

Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 1999.

Мухина В. С. Психология дошкольника / под ред. Л. А. Венгера. — М., 1975.

Розенгардт-Пунко Г. Л. Формирование речи у детей раннего возраста. — М., 1963.

Фонарев А. М. Ребенок и среда. — М., 1974.

Чуковский К. И. От двух до пяти. — М.: КДУ, 2005.

Эльконин Д. Б. Детская психология. — М.: Академия, 2005.

Эльконин Д. Б. Психология игры. — М., 1978.

Житомирский В. Г., Шеврин Л. Н. Математическая азбука. — М.: Педагогика, 1991.

Журова Л. Е. Обучение грамоте в детском саду. — М., 1978.

Сикорук Л. Л. Физика для малышей. — М., 1983.

Тарунтаева Т. В. Развитие элементарных математических представлений у дошкольников. — М., 1980.

Эльконин Д. Б. Как учить детей читать. — М., 1995.

Амонашвили Ш. А. Здравствуй, дети. — М., 1983.

Гульянц Э. К., Базик И. Я. Что можно сделать из природного материала. — М.: Просвещение, 1984.

Дьяченко О. М., Лаврентьева Т. В. Психическое развитие дошкольников. М.: Педагогика, 1984.

Мир детства. Дошкольник. — М.: Педагогика, 1987.

Научно-популярное издание

Серия «Дошкольник. Психология»

Венгер Леонид Абрамович
Венгер Александр Леонидович
ДОМАШНЯЯ ШКОЛА МЫШЛЕНИЯ

Зав. редакцией *Л. В. Наумова*
Ответственный редактор *Т. М. Забелова*
Художественный редактор *А. В. Пряхин*
Художественное оформление *А. Л. Кашеков*
Технический редактор *А. П. Мушкетова*
Компьютерная верстка *М. М. Яровицкая*
Корректор *Р. В. Низяева*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.24.953.Д.010105.09.08 от 22.09.2008.

Подписано в печать 07.09.09. Формат 84 × 108 1/32.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1831.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Предложения и замечания по содержанию и оформлению книги
просим направлять в редакцию общего образования издательства «Дрофа»:
127018, Москва, а/я 79. Тел.: (495) 795-05-41. E-mail: chief@drofa.ru

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа»
обращаться по адресу: 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.
Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (495) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник». 109172, Москва, Малые Каменщики,
д. 6, стр. 1А. Тел.: (495) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Сеть магазинов «Переплетные птицы». Тел.: (495) 912-45-76.

Интернет-магазин: <http://www.drofa.ru>

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Для заметок

Ма

бгчя»

ич

ОВИЧ

ЕНИЯ

ва

абеюва

Пряхин

. Кашков

икетова

ровицкая

включение

2.09.2008.

84 × 108

. Печать офсетная

каз № 1831.

вский вал. 49.

и оформлении книги

ия издательства «Дрофа»

1. E-mail: chief@drofa.ru

издательства «Дрофа»

улицевский вал. 49.

(495) 795-05-52.

а. Малыг Камешки.

-15-16, 912-45-76.

Тел.: (495) 912-45-76

www.drofa.ru

и издательства

024.1 Гверь, пр-т. Калы.

он факс: (4822) 44-42.15

(E-mail) - sales@drofa.ru

Для заметок

Дошк^ольник

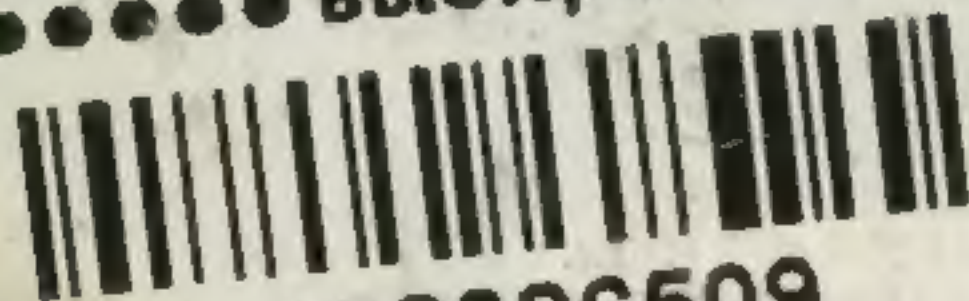
Серия «Дошкольник. Психология»

РАСКРЫВАЕТ СПЕЦИФИКУ
ДОШКОЛЬНОГО ПЕРИОДА
ДЕТСТВА,
ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДА
МАЛЕНЬКОГО РЕБЕНКА НА МИР,
ИНТЕРЕСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.
АДРЕСОВАНА
ПЕДАГОГАМ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
И РОДИТЕЛЯМ.

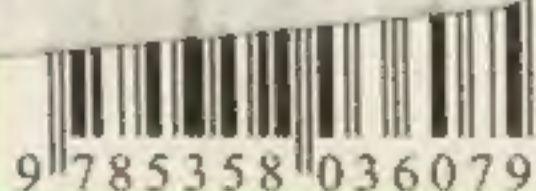
В СЕРИЮ ВКЛЮЧЕНЫ КНИГИ:

«Дошкольник. Психология и педагогика возраста»,
«Дошкольник в современном мире»,
«Понимаете ли вы своего ребенка?»,
«О «говорящих» движениях
и чудесных превращениях»,
«Домашняя школа мышления»,
«Идем в детский сад».

ozon.ru
..... выберите

1038326509

ДРОФА

Л. А. ВЕНГЕР, А. Л. ВЕНГЕР

ДОМАШНЯЯ ШКОЛА МЫШЛЕНИЯ